

Archeology
культура семантика
историографи:

лингвокультурология
национальные
языки
национальные
языки
межкультурная
коммуникация
межкультурная
коммуникация

Psychology
образовательное
пространство
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
Literature
studies
Archeology

SibScript
motivation
discourse
Linguistic
picture
of
the
world

поликультурное
пространство
Archeology
поликультурное
пространство
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное
пространство
Archeology
поликультурное
пространство
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

linguistic
picture
of
the
world
Psychology
психоллингвистика
национальная
идентичность

Psychology
tourism
Archeology
History
cognitive
linguistic
History

лингвокультурология
национальная
идентичность
толерантность
Лингвистика
Лингвистика

2949-2122 (PRINT)

2949-2092 (ONLINE)

VOL 28 No 4

2026

СИБ
СКРИПТ

ТОМ 28 № 4

2026

лингвокультурология
национальная
идентичность
толерантность
Лингвистика
Лингвистика

лингвокультурология
национальная
идентичность
толерантность
Лингвистика
Лингвистика

лингвокультурология
национальная
идентичность
толерантность
Лингвистика
Лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 4 уровень.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the fourth level.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

В номере представлены актуальные направления лингвистических и литературоведческих исследований. Язык и художественный текст рассмотрены в разнообразных контекстах, продемонстрированы комплексный и разноаспектный анализ языкового материала, представлен репертуар оригинальных методологических подходов к изучаемой проблематике.

Текущий номер журнала расширяет свою тематическую рубрику новым разделом по **аксиологической лингвистике**, что способствует популяризации современных трендовых направлений в науке. Аксиология как лингвистическое направление описывает ценности, оценочные смыслы и представления человека сквозь призму языка, фокусируется на ценностных установках и ориентирах. Так, в публикации Е. В. Евпака представлен аксиологический подход при изучении эпистолярия военнопленных, ценностная картина мира военнопленных в парадигме лингвоперсонологии. Л. В. Кушнина и А. И. Криворучко анализируют аксиологическую составляющую переводческого дискурса.

Раздел **Дискурсивная лингвистика** открывает обзорная статья А. Б. Бушева, посвященная обсуждению концепции цифровой риторики. Автор описывает неустно-неписьменный электронный дискурс, выявляя его языковую и стилевую специфику и другие особенности. В исследовании Ю. Л. Оболенской и О. В. Калиты также представлен оригинальный дискурсивный материал – рекламные тексты испанских брендов товаров для красоты. Авторы обосновывают идею необходимости изучения данного материала в контексте присущих ему языковых черт и средств воздействия на получателя. Публикация М. Г. Калашникова и И. В. Савельевой раскрывает понятие интердискурсивности как главного механизма порождения текстов кинокритиков. Авторами акцентируется роль изучения данного типа дискурса в аспекте гибридных жанров.

Раздел **История и теория языка** представлен двумя публикациями. Обзорное исследование И. Н. Новгородова и соавторов направлено на осмысление реконструкции некоторых особенностей мира прототюрков в контексте анализа якутского, чувашского, тувинского, кыргызского, пратюркского языков в диахроническом срезе. Использование сравнительно-исторического контекста позволяет обозначить некоторые закономерности в области изучаемой проблематики. Публикация С. В. Сахневича посвящена теории языка. Автор предлагает проблематику, связанную с изучением синтаксиса английского языка в аспекте когнитивной герменевтики и аналитической философии, и делает вывод, что способность / неспособность различных глаголов функционировать в форме пассивного залога связана с морально-этической психологией субъекта.

В центре внимания авторов раздела **Лингвокультурология** находятся вопросы, связанные с моделированием концептуального поля изучаемого концепта (С. С. Зыбина), а также процессы номинации и табуизации (С. А. Лунина), что акцентирует культурологический слой языковых единиц, формирующих концептуальную картину мира. Исследования перспективны в контексте освещения вопросов взаимодействия языка и культуры, трансляции ценности общества через язык.

Раздел **Междисциплинарные исследования языка** представлен рядом публикаций. Исследование О. Н. Кондратьевой и Ю. С. Игнатовой посвящено выявлению рисков, влияющих на эффективность номинаций. Актуальным видится взгляд авторов на процессы номинации в аспекте оценки их эффективности и корректности. Авторами представлен оригинальный подход к изучению проблематики декодирования интенций номинатора. В статье Т. В. Савиной и Е. А. Гомановой актуализирован оригинальный подход изучения когнитивной единицы в политическом дискурсе – от репрезентации концепта в художественных текстах до его семантической трансформации в политическом дискурсе. М. А. Самкова рассматривает моделирование пейоративного компонента семантического гештальта *мигрант*. Актуальность изучаемой проблематики обусловлена разными факторами, в том числе общесоциальным контекстом. Ю. В. Серышева и соавторы исследуют обыденное языковое сознание, что коррелирует с современными актуальными тенденциями в лингвистике.

Последние два раздела посвящены различным аспектам **анализа художественного текста**. Т. П. Карпухина представила комплексный анализ баллады У. Б. Йейтса. Ранее баллада не подвергалась специальному комплексному изучению в контексте присущих лирике У. Б. Йейтса индивидуальных черт и ее корреляций с жанром. М. В. Трунова рассматривает художественный текст в контексте изучения его лингвистических категорий – языковые средства поэтической репрезентации Сибири в творчестве Б. Н. Климычева. Научная новизна исследования заключается в разноаспектном изучении образа Сибири: от лингвокультурологического до лингвостилистического. И. В. Кузнецов и А. И. Максимова рассматривают феномен авторской рефлексии. Авторами изучены мотивы и темы, попадающие в фокус художественных рефлексий.

Dear readers and authors!

We are proud to welcome you to the pages of this new issue of SibScript, your faithful guide to the world of cutting-edge linguistics and literary studies. From everyday speech to poetry, our authors unravel the mysteries of language in a variety of contexts using comprehensive and multifaceted original methods.

We expand our range of topics with a new section on **Axiological Linguistics**, an emerging trend in the language sciences. Axiology describes the way people objectivize evaluative meanings and connotations through the lens of language. For example, E. V. Evpak presents an axiological approach to the prisoner-of-war epistolary genre within the paradigm of linguistic personology. But axiological matters are inherent not only to authentic texts: L. V. Kushnina and A. I. Krivoruchko focus on the axiological component of translation discourse.

The **Discursive Linguistics** section opens with A. B. Bushev's review of the novel concept of digital rhetoric as a non-oral and non-written electronic discourse with very specific linguistic and stylistic features. Yu. L. Obolenskaya and O. V. Kalita introduce Russian linguistics to the historical issues of Spanish advertising and its linguistic means of audience influence. M. G. Kalashnikov and I. V. Saveleva focus on another understudied sphere of language use, namely cinema blogs, and claim that interdiscursivity is the key mechanism of modern hybrid genres.

In the **History and Theory of Language**, I. N. Novgorodov et al. reconstruct some patterns of the Proto-Turkic worldview through a diachronic analysis of the Yakut, Chuvash, Tuvan, Kyrgyz, and Proto-Turkic languages. S. V. Sakhnevich offers a new perspective on English syntax in the context of cognitive hermeneutics and analytical philosophy: the ability or inability of some English verbs to function in the passive voice may be related to moral and ethical psychology.

We thank our authors for their contributions to modern linguistics and invite prospective authors to use our journal as a platform for scientific dialogue.

The authors who work in the realm of **Cultural Linguistics** emphasize the cultural stratum of linguistic units that shape the conceptual worldview, which they attempt to model (S. S. Zybyina). Studies of tabooing in nomination (S. A. Lunina) cast light upon the interaction between language and culture and the transmission of societal values through language.

The **Interdisciplinary Linguistics** section also has a lot to offer. O. N. Kondratyeva and Yu. S. Ignatova also focus on nominations but in terms of branding and marketing: brand names that reveal the nominator's intention are more effective. T. V. Savina and E. A. Gomanova follow the concept of the "white man's burden" from its original representation in fiction to its current semantic transformation in political discourse. M. A. Samkova turns to such burning social issues as the pejorative component of the semantic gestalt "migrant". Yu. V. Serysheva et al. explore everyday linguistic consciousness by studying Russian verbal prefixes through a psycholinguistic associative experiment.

The articles on **Analysis of a Literary Text** are as diverse as always. T. P. Karpukhina describes the artistic modifications to the ballad genre introduced by W. B. Yeats. M. V. Trunova examines the linguacultural and linguastylistic image of Siberia in B. N. Klimychev's poetry. Finally, I. V. Kuznetsov and A. I. Maksimova examine the concept of the creative act in the poetry of Russian modernism.

Аксиологическая лингвистика

Эпистолярный военнопленных: аксиологический аспект (на материале личных писем чешских военнопленных 1916–1918 гг.)

Евпак Е. В. 591

Аксиология переводческого дискурса: разработка системы критериев оценки качества перевода

Кушина Л. В., Криворучко А. И. 604

Дискурсивная лингвистика

Сферы, стили и жанры цифровой риторики

Бушев А. Б. 617

Функционирование категории интердискурсивности в жанре кинопоста (на материале платформы Кинориум)

Калашников М. Г., Савельева И. В. 629

Юмор как средство воздействия на адресата в испанской рекламе косметических брендов первой трети XX века

Оболенская Ю. Л., Калита О. В. 644

История и теория языка

Некоторые особенности мира прототипов (на основе реконструкции моносиллабов)

Новгородов И. Н., Саая О. М.-о., Конурбаева Р. Э., Охотникова С. В. 657

Грамматика автономии и гетеронимии: неактивные и пассивные глаголы как лингвистический фундамент моральных интуиций

Сахневич С. В. 683

Лингвокультурология

Концепт *Югра* в зеркале Национального корпуса русского языка

Зыбина С. С. 700

Эвфемизмы рождения и брака как репрезентанты лингвокультурных концептов в древнеанглийском языке

Лунина С. А. 712

Междисциплинарные исследования языка

Экспериментальные методы декодирования интенций номинатора (на материале названий адвокатских организаций Сибирского федерального округа)

Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. 725

Концепт *бремя белого человека*: от художественного текста к политическому дискурсу

Савина Т. В., Гоманова Е. А. 738

Отражение конфликтных зон межкультурного взаимодействия в языковом сознании носителей русского языка

Самкова М. А. 751

Деривационно активные вторичные глагольные префиксы в современном русском языке: психолингвистическое исследование

Серышева Ю. В., Вострова Ю. А., Охорзина Ю. О. 763

Анализ художественного текста

Баллада У. Б. Йейтса «Плащ, корабль и башмачки», ее жанровая специфика и мифопоэтическая символика

Карпухина Т. П. 776

Репрезентация перцептивного образа Сибири в поэтических текстах Б. Н. Климичева:

лингвокультурологический аспект

Трунова М. В. 792

Теория литературы

Рефлексия художественного события в русской литературе 1940–1950-х гг.

Кузнецов И. В., Максимова А. И. 804

Axiological Linguistics

- Epistolary Discourse of Prisoners of War: An Axiological Aspect of Czech POWs' Personal Letters (1916–1918)
Evpak E. V. 591
- Axiology of Translational Discourse: Criteria System of Translation Quality Assessment
Kushnina L. V., Krivoruchko A. I. 604

Discursive Linguistics

- Spheres, Styles, and Genres of Digital Rhetoric
Bushev A. B. 617
- Interdiscursivity in Film Blogging: Kinorium Platform
Kalashnikov M. G., Saveleva I. V. 629
- Humor as a Means of Audience Influence in Spanish Cosmetics Brand Advertising in the First Third of the 20th Century
Obolenskaya Yu. L., Kalita O. V. 644

History and Theory of Language

- Some Features of the Proto-Turkic World: Reconstructing Monosyllables
Novgorodov I. N., Saaya O. M.-o., Konurbaeva R. E., Okhotnikova S. V. 657
- Grammar of Autonomy and Heteronomy: Non-Passive and Passive Verbs as the Linguistic Foundation of Moral Intuitions
Sakhnevich S. V. 683

Cultural Linguistics

- Concept *Yugra* in the Russian National Corpus
Zybina S. S. 700
- Euphemisms of Birth and Marriage as Units of Linguacultural Concepts in Old English
Lunina S. A. 712

Interdisciplinary Linguistics

- Experimental Decoding of Nominator's Intention: Names of Siberian Lawyer Firms
Kondratyeva O. N., Ignatova Yu. S. 725
- The concept of *White Man's Burden*: From Fiction to Political Discourse
Savina T. V., Gomanova E. A. 738
- Conflict-Prone Zones of Intercultural Interaction: Reflection in the Naive Consciousness of Native Russian Speakers
Samkova M. A. 751
- Derivationally Active Secondary Verb Prefixes in Modern Russian: Psycholinguistic Research
Serysheva Yu. V., Vostrova Yu. A., Okhorzina Yu. O. 763

Analysis of a Literary Text

- W. B. Yeats's Ballad "The Cloak, the Boat, and the Shoes", its Genre Peculiarities and Mythopoetic Symbolism
Karpukhina T. P. 776
- Perceptual Image of Siberia in Boris Klimychev's Poetry: Cultural and Linguistic Aspects
Trunova M. V. 792

Literary Theory

- Reflection on the Artistic Event in the Russian Literature of the 1940s–1950s
Kuznetsov I. V., Maksimova A. I. 804

оригинальная статья

eLibrary EDN: BDFTRN

Эпистолярный военнопленных: аксиологический аспект (на материале личных писем чешских военнопленных 1916–1918 гг.)

Евпак Евгений Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6725-9048

<https://orcid.org/0000-0002-2366-7743>

Scopus Author ID: 57210107984

jevpak.72@mail.ru

Аннотация: Актуальность данного исследования обусловлена повышенным вниманием современного общества, в том числе научного сообщества, к гуманитарной антропологической проблематике – проблематике плена. Настоящее исследование обращается к проблематике плена в фокусе моделирования ценностной картины мира военнопленных Первой мировой войны на материале эпистолярного австро-венгерских военнопленных, чехов по национальной принадлежности, периода 1916–1918 гг. В данной работе представлены результаты научного исследования эпистолярного австро-венгерских военнопленных, носителей чешского языка, в русле аксиологической лингвистики. Цель – выявить ценностные доминанты в эпистолярном дискурсе военнопленных. В нашем исследовании эпистолярный военнопленных определяется как дискурс особого рода, характеризующийся жесткой зависимостью от экстралингвистических факторов, коммуникативного пространства субъектов коммуникации, находящихся в условиях плена. Эпистолярный дискурс военнопленных, представленный в речевой деятельности (естественной письменной речи), рассматривается как дискурсивная практика. Определяющим для нашего исследования является то, что естественная письменная речь военнопленных, несмотря на цензурные фильтры, является весомым и объективным материалом для выявления ценностных доминант в дискурсивной рефлексии чешских военнопленных представленного периода. В результате установлено, что эпистолярный дискурс чешских военнопленных детерминирован многими существенными факторами и контекстами: историко-культурным, политическим, групповым / индивидуальным, культурно-национальным, психологическим, жанроведческим и др. Аксиологический контекст эпистолярного дискурса военнопленных представлен определенным набором частотных языковых единиц с аксиологической семантикой.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, военнопленные, Первая мировая война, эпистолярный дискурс, естественная письменная речь, лингвоперсонология, чешский язык

Цитирование: Евпак Е. В. Эпистолярный военнопленных: аксиологический аспект (на материале личных писем чешских военнопленных 1916–1918 гг.). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 591–603. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-591-603>

Поступила в редакцию 13.04.2026. Принята после рецензирования 01.07.2026. Принята в печать 06.07.2026.

original article

Epistolary Discourse of Prisoners of War: An Axiological Aspect of Czech POWs' Personal Letters (1916–1918)

Evgeniy V. Evpak

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6725-9048

<https://orcid.org/0000-0002-2366-7743>

Scopus Author ID: 57210107984

jevpak.72@mail.ru

Abstract: Humanitarian anthropology includes such a relevant topic as imprisonment. This study models the axiological worldview of World War I prisoners of war (POWs) based on the correspondence written by Austro-Hungarian Czechs between 1916 and 1918. The linguistic analysis of this epistolary discourse makes it possible to identify several value dominants. POW epistolary discourse strongly depends on extralinguistic factors, including the communicative space of the communicants. Presented in speech activity as natural written speech, it constitutes a discursive practice. Despite censorship filters, the natural written speech of POWs remains a significant and objective source for identifying the value dominants within the discursive reflection of this social community. The epistolary discourse of Czech POWs is determined by historical, cultural, political, national, psychological, group, individual, and genre-related factors. The axiological context of this epistolary discourse is represented by a specific set of high-frequency linguistic units with axiological semantics.

Keywords: axiological linguistics, prisoners of war (POWs), World War I, epistolary discourse, natural written language, linguistic personology, Czech language

Citation: Evpak E. V. Epistolary Discourse of Prisoners of War: An Axiological Aspect of Czech POWs' Personal Letters (1916–1918). *SibScript*, 2026, 28(4): 591–603. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-591-603>

Received 13 Apr 2026. Accepted after peer review 1 Jul 2026. Accepted for publication 6 Jul 2026.

Введение

В новое время важным объектом внимания становится антропологическая проблематика в части изучения темы плена, в том числе в контексте событий Первой мировой войны. Проблематика плена в научном освещении имеет обширный опыт. В основном данная тематика широко представлена в работах отечественных и зарубежных историков. Так, отдельного внимания заслуживают исследования словацкого ученого-историка Г. Дудековой, которая открывает новые темы в контексте событий Первой мировой войны. Она отмечает, что «в чешской, словацкой и частично венгерской историографии после 1989 г. стали изучаться новые темы по Первой мировой войне, например, роль пропаганды во время войны, пленные – не только легионеры на чужбине, но и иностранные пленные на территории бывшей Австро-Венгрии, проблемы питания, снабжения и другие аспекты повседневной жизни во время войны» [Дудекова 2014: 28]. В свою очередь, словацкий историк Ю. Бенко

поднимает вопрос о пребывании и репатриации австро-венгерских военнопленных Первой мировой войны [Бенко 2014].

Нахождению австро-венгерских военнопленных Первой мировой войны, в основном славян, в уездных городах Казанской губернии – Царевококшайске и Козьмодемьянске, посвящены работы отечественного историка Г. В. Рокиной [Рокина 2014; 2017]. И. В. Крючков исследует нахождение в плену чехов и словаков на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг. [Крючков 2014]. Л. В. Демченко в одной из своих работ приводит довольно интересные факты о пребывании военнопленных в Омске, и пишет, что «Ежедневно 500 пленных занимались уборкой улиц, 75 отпускались на постоянные работы, 30 – на кирпичный завод, 5–10 человек служили при больнице, работали сторожами в городском театре, подсобными рабочими на электростанции, зажигали уличные фонари. Они же были задействованы на строительстве зданий в Омске. Например,

строили управление Омской железной дороги (сейчас это Академия транспорта), скульптурные и лепные работы производились пленными чехами, в частности скульпторами Владимиром Винклером и Владиславом Преносливом из Железни Брода. Чешский скульптор В. Винклер оставил в культурной жизни Омска глубокий след. Он попал в Омск в числе пленников и прожил здесь 4 года. Участвовал в художественных выставках, преподавал на художественных курсах, выполнял скульптурные работы для фасадов и интерьеров городских зданий. Он является создателем крылатой фразы Омского драматического. В 1932 г. статуя по идеологическим соображениям была снята» [Демченко 1999: 387]. Омская региональная тематика в части освещения религиозного вопроса среди военнопленных чехов отражена в статье А. В. Сушко и Д. И. Петина [Сушко, Петин 2022].

А. Ю. Ефремова и А. И. Кошелева описывают лагерную повседневность военнопленных в Пензенской губернии [Ефремова, Кошелева 2014]. Большой интерес вызывает статья отечественного историка С. И. Пудовкина об иностранных военнопленных на Урале в годы Первой мировой войны. Исследователь сообщает, что «на территории горнозаводского Урала они трудились в металлургической, горной, лесной промышленности, были заняты на строительстве и ремонте железных дорог. В Нижнетагильском городском архиве сохранился журнал с поименным списком всех десяти тысяч военнопленных, трудившихся на предприятиях Тагильского и Луньевского горных округов. По нему можно проследить профессию, воинскую часть, год рождения и место пленения каждого из них. В основном они попали в плен в 1915 году во время боев за Карпаты, Галицию, Барановичи и Тарнополь. После Февральской революции 1917 года статус военнопленных стал повышаться. Временное правительство начало формировать из них национальные соединения – такие как Югославский добровольческий корпус, Чехословацкий корпус, Польский корпус – по согласованию с эмигрантскими правительствами или национальными комитетами этих стран» [Пудовкин 2014: 164–165]. В этой связи обращают на себя внимание работы, посвященные Чехословацкому корпусу [Michl 2009]; проблематика плена затрагивается также в исследованиях Л. С. Кишкина [Кишкин 1995]. В этом же контексте

выполнена статья С. Н. Базанова, он поднимает вопрос о создании российскими властями национальных формирований из военнопленных славян германской и австро-венгерской армий [Базанов 2013].

В Кемеровском издании «Красная Горка» также содержатся важные сведения о дислокации и лагерных буднях военнопленных Первой мировой войны. Отмечается, что пленные, доставлявшиеся из концентрационных лагерей Новониколаевска (ныне Новосибирск) и Томска, работали на предприятиях Копикуза. Как отмечено в источнике, «На Кольчугинском руднике в 1916 году было занято 1262 военнопленных, в 1917 году их число постоянно колебалось, вероятно, максимально было 904 человека. На постройке Кольчугинской железной дороги было занято на 1 июля 1915 года 500 человек. На Кемеровском руднике в 1916 году были построены бараки, рассчитанные на 300 военнопленных. Для работы на Салаирском руднике 11 октября 1915 года прибыло 100 военнопленных. Работали военнопленные и на постройке коксовых батарей и химического завода. Национальный состав был разнообразен. Это были чехи и словаки, поляки, венгры, немцы, румыны»¹.

Д. И. Исповедников и Г. С. Стародубцев рассматривают проблематику плена в контексте международного права [Исповедников, Стародубцев 2021]. В этом же гуманитарном векторе выполнены исследования А. И. Остроухова. Историк изучает положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны по материалам российских и пражских архивов, проводит сравнительный аналитический анализ [Остроухов 2009; 2010]. В свете исторической парадигмы изучения плена обращает на себя внимание исследование немецкого историка Р. Нахтигаль [Нахтигаль 2014]. В контексте рассмотрения вопроса политики чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и репатриантов представлена статья известного отечественного историка-слависта Е. П. Серапионовой [Серапионова 2014].

Проблематика плена находит свой отклик в исследованиях других ученых. Так, Б. К. Дулатов отмечает, что «Немаловажное значение приобретают такие аспекты нахождения в плену, как характеристика образа мышления военнопленных, их внутренние психологические переживания, процесс

¹ У истоков. Красная Горка: литературно-художественное издание. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 8. С. 11–21.

ментальной адаптации и принятие своего положения как реального явления» [Дулатов 2020: 99] (также см. [Дулатов 2018]). Э. Е. Абдрашитов, например, подчеркивает значимость эпистолярия в вопросе изучения феномена плена: «на наш взгляд, эпистолярное наследие военнопленных носит весьма информативный характер и является незаменимым источником при исследовании военного плена» [Абдрашитов 2012: 30]. Эпистолярный военнопленных как важный источник по изучению плена рассматривает белорусский ученый А. Л. Самович. Он отмечает: «В целом частная переписка иностранных военнопленных периода Первой мировой войны, несмотря на своеобразный информативный характер и кажущуюся простоту, представляет значительный интерес для современных исследователей. Являясь носителем особой информации, значимой для анализа психологии военного времени, она позволяет выявить стратегии коммуникации иностранных военнопленных и определить особенности поведенческих практик в условиях русского плена» [Самович 2013: 162]. Работа С. Б. Ткаченко посвящена анализу формуляров почтовых карточек, на которых писали военнопленные [Ткаченко 2018]. В контексте событий Первой мировой войны обращают на себя внимание исследования [Борисёнок, Дронов 2023; Бочарова, Голубева 2025; Кузнецов 2024; Мелентьев 2025; Мельников 2022].

На современном этапе значительный подъем в освещении проблематики плена в рамках событий Первой мировой войны связан, по словам Председателя Правления Российского исторического общества Р. Г. Гагкуева, «с централизованным сбором наблюдений участников как мировой войны, так и разных зарубежных военных миссий» [Гагкуев 2023: 21]. За последнее время значительно увеличилась источниковая база по изучению Первой мировой войны. Так, 22 мая 2025 г. в Кемеровском государственном университете состоялось открытие выставки «Горизонты памяти», организованной в рамках проекта Кемеровского государственного университета и Российского Красного Креста «Живая история: письма из прошлого». Экспозиция выставки была основана на материалах уникальной коллекции почтовых карточек, держателем которой является Кемеровское региональное отделение Российского Красного Креста. На выставке были представлены фрагменты переписки военнопленных периода Первой мировой войны, содержащихся как на территории Российской

империи (в Мариинске, Томске, Ново-Николаевске, Красноярске, Иркутске, Никольске-Уссурийском, Челябинске, Саратове, Ташкенте, в населенных пунктах Московской, Астраханской, Екатеринославской, Самарской, Тульской губернии и Забайкальской области), так и в странах Западной Европы – Италии, Франции. Их адресаты – члены их семей, коллеги по гражданской профессии, знакомые, проживающие на территории современных Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии, Сербии, Боснии и Герцеговины. Коллекция включает в себя 64 карточки – рукописные послания военнопленных своим родственникам и знакомым на немецком, чешском, итальянском и других языках, датируемые 1915–1919 гг.

Данное исследование выполнено в русле аксиологической лингвистики. В исследовании анализируется речевая деятельность (естественная письменная речь) австро-венгерских военнопленных, носителей чешского языка, в части обнаружения ценностных ориентиров у данной группы социума. Цель – выявить ценностные доминанты в эпистолярном дискурсе военнопленных. Задачи: определить сущностные дискурсивные характеристики эпистолярия военнопленных; реконструировать ценностную картину мира чешских военнопленных (общие закономерности и индивидуальные особенности).

Данная проблематика обсуждалась в докладах и тезисах на научных конференциях [Евпак 2025; 2026]. В данном исследовании тема плена в аксиологическом освещении получила свое дальнейшее развитие.

Методы и материалы

Фактологическая база исследования представлена личными письмами военнопленных, а также письмами членов их семей (всего 10 писем периода 1916–1918 гг.). Держателем эпистолярия является Кемеровское региональное отделение Российского Красного Креста.

В работе используется дискурс-анализ, включающий в себя комплексное изучение экстралингвистических, социально-коммуникативных, прагматических характеристик эпистолярного дискурса военнопленных, методика лингвосемиотического моделирования [Карасик 2012]. Определение доминант осуществляется с опорой на выявление ключевого элемента текста письма. Как отмечают Н. Б. Лебедева и Т. Г. Рабенко, ключевые слова наиболее значимы и существенны для понимания содержания текста [Лебедева, Рабенко 2020; Рабенко 2020].

Результаты

В ходе анализа материала исследования были выявлены доминанты ценностной картины мира австро-венгерских военнопленных, чехов по национальной принадлежности. Как отмечает С. Г. Суляк, «в многонациональной Австро-Венгерской Империи насчитывалось более 25 наций и народностей. Национальность в Австро-Венгрии определялась в то время по обиходному языку» [Суляк 2016: 76]. По словам Т. Г. Рабенко, «ценностные доминанты, актуализированные в дневниковом дискурсе, реализуются в информативно-фатическом компоненте в виде избираемого для привнесения в текст письма субъективно значимого события, номинирующего» [Рабенко 2020: 304] «процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положения дел» [Арутюнова 1999: 407].

Краткая переписка семьи Олдржиха Кадлеца уникальна тем, что содержит как послания из Чехии (г. Пльзень) в Россию, так и ответные послания от самого Кадлеца из России (Черный Яр, Астраханская губерния, указанные даты: 13 декабря (30 ноября) 1917 г.; Саратов, лагерный барак 58, 19 декабря 1918 г.). В первом письме из Черного Яра, адресованном матери, М. Кадлецовой (чеш. *M. Kadlecová*)², военнопленный пишет, что их группе из пяти земляков, включая обоих братьев, удастся держаться вместе: *Naše parta si kolleží z plz. okr. stále se drží pohromadě: my 2 bratři... Oba jsme zdraví a dost spokojeni*³ (Наше сообщество из 5-ти товарищей из Пльзеньской области постоянно держится вместе: мы два брата... Оба мы здоровы и находимся в удовлетворительном состоянии). Отметим, что намеренная вербализация адресантом речевого фрагмента *stále se drží pohromadě* (удается держаться вместе) выступает маркером вербальной оценки коллективного сознания земляков, находящихся в данной ситуации в условиях плена. Особую значимость в ситуации плена для них приобретает сплоченность, коллективизм. Б. К. Дулатов, исследуя эпистолярный дискурс австро-венгерских военнопленных в социально-историческом контексте, тоже обращает внимание на объединение

военнопленных в группы по национальному признаку для разрешения социальных вопросов. Он пишет, что «Находившиеся в плену офицеры и солдаты старались самоорганизовываться в устойчивые коллективы для разрешения повседневных проблем» [Дулатов 2020: 106]. Согласно В. И. Карасику, «суть ценности в определении предпочтения личностью или обществом определенного типа поведения в противоположность другому типу поведения можно рассматривать как ориентационный вектор ценностей» [Карасик 2019: 22–23].

Аксиологическую семантику несет представленная в этом же письме этикетная рамочная конструкция письма (обращение): *Drahá matinko!* (Дорогая матушка!), см. чеш. *matinko*, *zdrob. expr.*, рус. уменьшит., экспр. *мамочка, матушка*⁴. Эта речевая формула на чешском языке передается средствами национального языка – прилагательным в сочетании с особой формой звательного падежа (чеш. *vokativ*). В этом же контексте вызывает интерес обращение *Milovaná moje ženuško!* (Любимая моя женушка) (из письма военнопленного Купки (чеш. *Kupká*) к супруге А. Купковой (чеш. *A. Kupková*), Ташкент, 20 февраля 1918 г.). Следует отметить, что подобные обращения часто встречаются в эпистолярном дискурсе военнопленных, а их аксиологическая семантика обусловлена, согласно мнению исследователей, «коммуникативно-прагматическими условиями реализации текста, включающего обращение» [Рабенко и др. 2024: 152]. Чешское обращение *Milá Paní professorová!* (Милая пани профессорша!) маркируется как социально-ролевое (фрагмент из письма военнопленного кадета Милоша Милостны к пани Обшиловой, письмо датируется 11 августа 1916 г., Тульская губерния). Как отметил М. Л. Макаров, «Обращение в классификации Б. Фрейзера рассматривается как вокативный прагматический маркер дискурса. Обращение не просто (вос)создает, конструирует отношение между говорящим, адресатом и всеми остальными, оно служит важнейшим символом в человеческом общении, универсальным ключом

² «В отличие от русского языка в чешском языке более последовательная родовая дифференциация (в соответствии с естественным полом) характеризует также существительные, обозначающие мужские и женские фамилии. Ср. Marek – Marková, Hrdlička – Hrdličková. Мужские и женские фамилии адъективного происхождения (на долгий гласный) имеют окончания соответствующих прилагательных *Veselý – Veselá*» [Широкова и др. 1990: 73].

³ Выдержки из писем приводятся в соответствии с оригиналом. Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Чешско-русский словарь, ред. Л. В. Копецкий, Й. Филипп и О. Лешка. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Прага: Гос. пед. изд-во, 1976. Т. 1: А–О. С. 376.

контекстуализации. Обращение служит одним из центральных элементов социального дейксиса» [Макаров 2003: 238].

И. В. Крючков, исследуя эпистолярный военнопленных, пишет, что «Практически все военнопленные переносили тяжело разрыв с семьей, родиной. Это выражалось в постоянных разговорах о членах семьи, родных местах, показе фотографий и т.д.» [Крючков 2014: 96]. В этой связи обратимся к эпистолярному О. Кадлеца: *Čekáme už 7 týdnů v saratovském lágru na odpravu domů, ale pořád jen slibují a žádné zkusky* (Уже как 7 недель мы ждем в саратовском лагере отправки домой, но все только обещают и никаких подвижек); *Jsme jba, já i Jarda dosud zdrávi a stále vzpomínáme na domov, do kterého bychom rádi co nejdříve dostali* (Мы оба, я и Ярда, здоровы и постоянно вспоминаем дом, до которого хотим добраться как можно скорее) (фрагмент из письма Олдржиха Кадлеца к жене, Саратов, письмо датируется 19 декабря 1918 г.). Как видно из фрагмента письма, адресантом эксплицируется лексема *дом* (чеш. *domů*, рус. *домой*; чеш. *domov*, рус. *дом*). Данная единица выступает маркером ценностной картины Олдржиха Кадлеца как военнопленного, находящегося вне естественной среды, в ситуации несвободы. Вызывает интерес письмо пани Кадлецовы (чеш. *Kadlecová*) к своему мужу, в Черный Яр. Она пишет, что *Jsme všichni díky Bohu zdrávi a doufám, že i Ty a Jarda jste zdraví. Doufám pevně, že Bůh Ti popřeje šťastného návratu* (Мы все благодаря Богу здоровы, и думаю, что и ты, и Ярда тоже здоровы. Я надеюсь, что и Бог пожелает тебе счастливого возвращения). Как отмечает Н. О. Лосский, обращенность к Богу есть «переживание, входящее в состав ценности, всегда содержит в себе момент, данный в развитом сознании... Значение и смысл есть идеальный аспект ценности. <...> Бог есть само Добро во всеобъемлющем значении этого слова: Он есть сама Истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т.д.» [Лосский 2000: 62–69].

Эпистолярный включает несколько писем военнопленных, содержавшихся в лагерях стран Западной Европы (Италии и Франции). По всей вероятности, они попали в плен в ходе боевых действий на итальянском фронте Первой мировой войны. В этой связи стоит обратить внимание на исследование чешского историка Яна Михла в части освещения вопроса о становлении Чехословацкого корпуса из числа военнопленных, находившихся в странах Западной Европы. Вот что он пишет в своей книге «Легионеры и Чехословакия»: «Итальянские

легионеры, с точки зрения военной, политической и социальной, были гражданскими, если хотите, самой серой массой. Речь идет о военнопленных, представителях средних и низших средних сословий, жителях деревень и малых населенных пунктов, которые были вырваны из своей обычной гражданской жизни в Чехии, одеты в австро-венгерскую униформу и отправлены на итальянский фронт» [Michl 2009: 20].

Обратимся к эпистолярному чешского военнопленного Шимека. Пехотинец Ян Шимек в начале весны 1916 г. пишет с острова Изола дель Асинара (Италия) своей супруге Франтишке с просьбой прислать ему денежные средства, «которые нужны безотлагательно». Уже в следующем письме от 12 ноября 1916 г. из Лё-Крезо (Франция) Ян Шимек сообщает, что деньги получены. В этом же письменном сообщении содержится просьба о посылке с теплыми вещами, которые он не может приобрести сам. В последнем письме из имеющихся в коллекции приводится перечень выданных предметов одежды, которых, как пишет военнопленный Шимек, должно хватить до отправки на родину. В представленном фрагменте обращает на себя внимание материальная (бытовая) сторона лагерной повседневности. Забота о своем материальном благополучии становится жизненно важным фактором в условиях плена, а потому может рассматриваться в качестве ценностного ориентира. Кроме того, ценностным ориентиром для Шимека в системе его ценностных предпочтений в условиях плена становится его активная диалогизация (по Н. И. Белуновой) [Белунова 2004: 10]. На это указывают речевые конструкции побудительной модальности, например *Pište hodně často!* (Пишите почаще!)

Ниже представлен фрагмент из письма военнопленного Яна Шимека к своей семье:

Creusot 20/1 1918. Mila ženo a děti!

Přijměte ode mě srdečný pozdráv za vzpomínku. [неразборчиво] ...že jsem zdravý i myslím že i Vy stále zdrávi že těšitě. Ti napiš co pořád děláš že tak malo pišeš. Poslední kartu jsem od Tebe obdzel 3/12 a od té období nic. Jestli pak ještě všeckým pozdrávi: co pak dělají děti jedla pak nemáte hlad? Vzpominam na Vas každou chvíli jak asi žijete při tom nedostatku. Ja se také dobře nemám ale jsem [неразборчиво] ...a říkam jen kdyby to vydržela tak až do konce. Zmenu pradla jsme taký dostali dvoje kalhoty třeba triko a dva pary punčoch tak jsem zaopatřený a doufame že snad... [неразборчиво] Jí neroztrham vždyt

už budu odtud prýč. Co pak piše Věra a Vimek? Kdosi pak ještě zdrávi? Co dělají doma A i rodiče mě nic nepišou? Pozdravuj ode mne Všecky přátele. Srdečně vas všecky zdravim čekejte na mně slíbam. Pozdrav.

(Ле-Крěзо, 20.01.1918 Милая жена и дети! Передаю Вам от меня сердечный привет. Хорошо, что не забываете. ...я здоров, и надеюсь, что и Вы здоровы и скучаете по мне. Напиши мне, что делаешь, почему так редко пишешь. Последнюю открытку от тебя получил 03.12., а с тех пор уже ничего не было. Есть ли еще от кого приветы? Что делают дети, сыта ли ты, не голодаете ли вы? Я вспоминаю Вас каждую минуту, как Вы живете в такой нужде? У меня тоже особо ничего хорошего... но ты должна вынести все тяготы до конца. Получили смену белья: две пары брюк, майку, две пары чулок, полный пансион, думаю, что не прохулятся, в конце концов настанет время, когда меня здесь уже не будет. Что пишут Вера и... (имя неразборчиво). Кто еще передает приветы? Как дома? Родители мне ничего не пишут? Передавай привет всем друзьям. Передаю Вам сердечные приветы, обещаю вернуться, с приветом).

Заметным сигналом эпистолярного дискурса военнопленных, в том числе ценностной доминантой, выступает авторская маркировка количества полученных писем, например: *7 lístek* (7-е письмо) (фрагмент из письма Олдржиха Кадлеца к матери, Черный Яр, Астраханская губерния, указанные даты: 13 декабря (30 ноября) 1917 г.).

В процессе лингвосомиотического моделирования мы обратили внимание на специфическую комбинаторику ценностей у данной группы социума, чешских военнопленных, которая включает в свой репертуар национальные топонимы [Карасик 2012: 43]. Так, в одном письме адресант делится с адресатом общими воспоминаниями о прогулках в Жижкове (Жижков – населенный пункт (ныне исторический район), назван в честь национального чешского героя гуситских войн Яна Жижки из Троцнова (1360–1424 гг.)) [Степанова 2003: 8]. Рассмотрим пример: *Milý pané kollego! ...ve vzpomínkách... na naši drahe na Žižkově* (Милый пан коллега! ...вспоминаю наши прогулки в Жижкове) (фрагмент из письма неустановленного отправителя из Франции к пану учителю Фр. Мюллеру, Прага-Жижков, 28 июля 1918 г.).

Обсуждение

В данной работе в русле аксиологической лингвистики развивается теория ценностей в части выявления ценностных доминант в эпистолярных чешских военнопленных. Согласно В. И. Карасику, «в структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события» [Карасик 2024: 184]. Ценностные ориентации – «важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного. Ценностные ориентации образуют своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности»⁵. Н. О. Лосский, известный русский философ, создавший оригинальное учение о ценностях, в своем известном труде «Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей» пишет, что «ценность всегда связана не только с субъектом, но и именно с жизнью субъекта» [Лосский 2000: 63]. В аксиологической плоскости нашего исследования лежит анализ смысложизненных позиций, ориентаций, мотиваций человеческой деятельности вне естественных условий.

С. М. Толстая пишет, что «систематизация и классификация ценностей возможна по разным основаниям: в аксиологической литературе предложено множество разных классификаций. Например, ценности могут делиться на онтологические, или природные (мир, земля, воздух, огонь, свет, тепло; плод, хлеб), антропологические, или витальные (жизнь, смерть, здоровье, боль, опасность, сила, ум, рост / развитие, счастье / радость, труд, успех, польза), социальные (мир, война, дружба, любовь, родство, богатство, помощь, родина), идеологические (патриотизм, равенство, свобода, вера), моральные (честь, правда, слава, святость, Бог, грех, вина) и эстетические (красота, гармония, порядок).

⁵ Ценностные ориентации. *Философский энциклопедический словарь*. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 732.

Когда говорят о ценностях, обычно имеют в виду общепризнанные оценки, суждения и правила, которыми руководствуется большая часть социума, т.е. субъектом оценок в этом случае выступает весь социум, а оценки закреплены в традиции» [Толстая 2015: 14].

Кроме того, в нашем исследовании эпистолярный военнопленных рассматривается как дискурс особого рода, характеризующийся жесткой зависимостью от экстралингвистических факторов, коммуникативного пространства субъектов коммуникации, находящихся в состоянии плена. Мы принимаем во внимание тезис Е. С. Кубряковой, что «за термином "дискурс" сегодня стоит такая разветвленная структура знания, неизменными компонентами которой уже являются знания о речи и речевой деятельности, о том, что ее источником могут являться и одно лицо, и два, и еще гораздо большее количество участников, что она может и должна рассматриваться со всех социо-, культурно- и личностно-обусловленных прагматических условиях ее порождения, по ходу ее протекания, проявляя зависимость от указанных факторов, а также, что по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта, а также отражающая и порождающая другой мир (ментальное образование), могущим быть репрезентированным в виде текста» [Кубрякова 2005: 31–32].

Мы также разделяем мнение А. В. Курьянович, что «освещение переписки автора с различными корреспондентами должно осуществляться с обязательным учетом широкого исторического (политического, социально-экономического, культурного контекста) и пресуппозиционного фона (событий частной жизни коммуникантов в рамках определенного временного среза» [Курьянович 2014: 17].

В рамках нашей исследовательской концепции важное место занимают исследования М. Л. Макарова, представленные в монографии «Основы теории дискурса». Некоторые тезисы ученого заслуживают особого внимания. Так, он отмечает, что «человек представляет собой чрезвычайно сложное явление, предполагающее учет огромного количества переменных, внешних и внутренних факторов, порой очень динамичных, вследствие чего анализ

его поведения и деятельности, в том числе коммуникативной, неизбежно требует особого подхода, особого стиля и способа интерпретации» [Макаров 2003: 21]. В ходе аналитического обозрения теории дискурса ученый подчеркивает, что «дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры, а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуальных единиц употребления языка» [Там же: 86]. Согласно мнению М. Л. Макарова, «Дискурс-анализ как метод воплотил общую направленность исследования на многостороннее, комплексное изучение сложного многомерного феномена языкового общения» [Там же: 14].

В нашей работе исследуется речевая деятельность субъекта (естественная письменная речь в терминологии Н. Б. Лебедевой), захваченного противником и лишенного свободы (см. определение плена в словаре С. И. Ожегова⁶). Для нас значимо мнение Н. Б. Лебедевой и Е. А. Корюкиной, что «естественная письменная речь характеризуется следующими признаками: письменная форма, отличающая его от устных вариантов речи (диалектной, просторечной и литературной устной речи), неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ осуществления письменно-речевой деятельности (кратчайшая временная дистанция между замыслом и осуществлением), непрофессиональность как способ и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций ("фильтров") между отправителем и реципиентом текста. Все эти признаки естественной письменной речи могут быть выражены в различной степени. Вплоть до нулевой. Кроме того, важно подчеркнуть, что, разумеется, нет непроходимых границ между естественной письменной речью и той, которую мы называем "искусственной письменной речью", то есть подготовленной, профессиональной, и – главное – прошедшей через различные фильтры редакторов, корректоров, цензоров, оформителей, всей полиграфической системы» [Лебедева, Корюкина 2014: 293]. Таким образом, естественная письменная речь военнопленных, несмотря на цензурные фильтры, может быть весомым и объективным материалом для выявления ценностных доминант в дискурсивной рефлексии чешских военнопленных представленного периода.

⁶ Плен. In: Ожегов С. И. *Словарь русского языка*: Ок. 53000 слов. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2004. С. 513.

Кроме того, в нашем исследовании в части моделирования коллективной / индивидуальной ценностной картины чешских военнопленных затрагивается лингвоперсонологическое направление в лингвистической парадигме (лингвоперсонологическая гипотеза по Н. Д. Голеву), представленное в работах Н. Д. Голева [Голев 2014].

Полученные данные показывают, что в системе ценностей австро-венгерских военнопленных, чехов, представлен определенный репертуар языковых знаков с аксиологической семантикой. К ним относятся: обращения, многочисленные приветствия и пожелания родным, знакомым, коллегам; перечисление наименований родственных отношений, имен близких и дальних родственников, в том числе друзей, соседей, коллег, преподавателей, высокочастотное словоупотребление лексем *дом*, *Родина*, личных местоимений, национальных топонимов: *Drahá matinko!* (Дорогая матушка!); *Milá žena a děti!* (Милая жена и дети!); *Se srdečným pozdrávem. Vaš táťínek* (С сердечным приветом. Ваш папа (папочка)); *Srdečne vas všechny zdravím* (Приветствую Вас от всего сердца, ждите меня); *Drahá ženuško!* (Дорогая женушка!); *Milovaná moje ženuško!* (Любимая моя женушка!); *Tvůj vždy věrný* (Всегда твой верный); *Milá švagrová!* (Милая невестка!); *Pozdrav známým!* (Привет знакомым!); *Pozdravuj ode mne Všecky přátele* (Передай от меня привет всем друзьям); *čekáme toužebně na zprávy z domova* (С нетерпением ждем новостей из дома); *Přijměte ode mě srdečný pozdrav za vzpomínku*

(Примите от меня сердечный привет за воспоминания); *na Žižkově* (в Жижкове).

Заключение

Эпистолярный чешских военнопленных представляет собой уникальный материал по изучению плена периода Первой мировой войны (1916–1918 гг.) в части географии лагерей для военнопленных на территории России и зарубежья, условий содержания, психологического состояния военнопленных, социально-статусного портрета, в том числе речевого. По речевой дискурсивной деятельности чешских военнопленных можно установить особенности их ценностной картины мира, выделить характерные для их персонального и коллективного сознания ценностные доминанты. Обращает на себя внимание гуманитарная составляющая русского плена: несмотря на все тяготы плена, чешские военнопленные ощущают, что находятся в родственной славянской среде, они имеют возможность вести переписку на родном языке, получать посылки от родственников, у них есть надежда на возвращение на родину.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абдрашитов Э. Е. Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 3. С. 30–35. [Abdrashitov E. E. Letters from prisoners of war of World War I as a channel of communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2012, (3): 30–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pesvpb>
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: ЯПК, 1999. 896 с. [Arutunova N. D. *Language and human world*. 2nd ed. Moscow: IARK, 1999, 896. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylawar>
- Базанов С. Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны. *Труды Института российской истории*. 2013. № 11. С. 171–184. [Bazanov S. N. Slavic prisoners of war in Russia during the World War I. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*, 2013, (11): 171–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdziol>
- Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем). СПб.: СПбГУ, 2004. 140 с. [Belunova N. I. *Friendly letters from the creative intelligentsia of the late 19th – early 20th centuries (genre and text of the letter)*. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttjfr>
- Бенко Ю. Репатриация военнопленных из России в Габсбургскую монархию в контексте проявлений социального радикализма в последний год Первой мировой войны. *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память*, отв. ред. Е. П. Серапионова. М.-СПб.: Нестор-Историк, 2014. С. 75–91. [Benko J. Repatriation of prisoners of war from Russia to the Habsburg Monarchy in the context of manifestations

- of social radicalism in the last year of the First World War. *Social consequences of the wars and conflicts of the 20th century: Historical memory*, ed. Serepionova E. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 75–91. (In Russ.)]
- Борисёнок Ю. А., Доронов М. Ю. Славянская взаимность Скопинского уезда: военнопленные и переселенцы Первой мировой войны в российской глубинке. *Славянский альманах*. 2023. № 1-2. С. 69–79. [Borisyonok Yu. A., Doronov M. Yu. Slavic reciprocity of the Skopinsky District: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback. *Slavic Almanac*, 2023, (1-2): 69–79. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04>
- Бочарова З. С., Голубева М. И. Положение русских комбатантов во Франции после Первой мировой войны (по материалам солдатских писем). *Новейшая история России*. 2025. Т. 15. № 4. С. 792–807. [Bocharova Z. S., Golubeva M. I. The situation of Russian combatants in France after the First World War (based on materials from soldiers letters). *Modern History of Russia*, 2025, 15(4): 792–807. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aobrpu>
- Гаркуев Р. Г. Генерал М. Жанен и его дневники и воспоминания о России. In: Жанен М. *С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи*. М.: Кучково поле Музеон; Воевода, 2023. С. 9–62. [Gagkuev R. G. General M. Janin and his diaries and memoirs about Russia. In: Janen M. *With a mission and a warring Russia. 1916–1917. My mission is in Siberia. 1918–1920. Memoirs, diaries, articles*. Moscow: Kuchkovo Pole Museum; Voevoda, 2023, 9–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xevhie>
- Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языковой системности. *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания*, отв. ред. У. М. Трофимова. Бийск: АлтГАО им. В. М. Шукшина, 2014. Вып. 3. С. 6–12. [Golev N. D. Linguistic-personological hypothesis of linguistic consistency. *General theoretical and typological problems of linguistics*, ed. Trofimova U. M. Biysk: V. M. Shukshin AltSAE, 2014, iss. 3, 6–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tciwdp>
- Демченко Л. В. Военнопленные 1 мировой войны в Омске. *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 1999. № 7. С. 386–388. [Demchenko L. V. Prisoners of World War I in Omsk. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, 1999, (7): 386–388. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ybmndn>
- Дудекова Г. Социальные последствия Первой мировой войны – импульсы и результаты новейших исследований. *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память*, отв. ред. Е. П. Серапионова. М.-СПб.: Нестор-Историк, 2014. С. 19–32. [Dudekova G. Social consequences of World War I: Impulses and results of the latest research. *Social consequences of the wars and conflicts of the 20th century: Historical memory*, ed. Serepionova E. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 19–32. (In Russ.)]
- Дулатов Б. К. Военнопленные-славяне Первой мировой войны в Симбирской губернии (по материалам Государственного архива Ульяновской области). *Славяноведение*. 2018. № 4. С. 81–90. [Dulatov B. K. World War One prisoners of war of Slavic origin in Simbirsk governorate (on the materials of the State Archive of Ulyanovsk oblast). *Slavyanovedenie*, 2018, (4): 81–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869544X0000468-7>
- Дулатов Б. К. Почтовая корреспонденция австро-венгерских и германских военнопленных Омского военного округа как источник по изучению условий их содержания в плену. *Русин*. 2020. № 60. С. 97–119. [Dulatov B. K. Postal correspondence of Austro-Hungarian and German prisoners of war of the Omsk military district as a source for studying the conditions of their detention in captivity. *Rusin*, 2020, (60): 97–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/60/6>
- Евпак Е. В. Письма чешских военнопленных (1916–1918): ценностные доминанты. *Славянские языки в условиях современных вызовов: тезисы XI Междунар. науч. конф. (Томск, 13–14 мая 2025 г.)* Томск: ТГУ, 2025. С. 17. [Evpak E. V. Letters of Czech prisoners of war (1916–1918): Value dominants. *Slavic languages in the context of modern challenges: Theses of XI Intern. Sci. Conf., Tomsk, 13–14 May 2025. Program*. Tomsk: TSU, 2025, 17. (In Russ.)]
- Евпак Е. В. Ценностные доминанты эпистолярия военнопленных (на материале личных писем чешских (1916–1918 гг.) и сербских военнопленных (1941 г.)). *Славянские языки в условиях современных вызовов: тезисы XII Междунар. науч. конф. (Томск, 16–17 марта 2026 г.)* Томск: ТГУ, 2026. С. 26. [Evpak E. V. The value dominants of the epistolary of prisoners of war: Personal letters from Czech (1916–1918) and Serbian prisoners of war (1941). *Slavic languages in the context of modern challenges: Theses of XII Intern. Sci. Conf., Tomsk, 16–17 Mar 2026*. Tomsk: TSU, 2026, 26. (In Russ.)]

- Ефремова А. Ю., Кошелева А. И. Военнопленные на территории Пензенской губернии в период Первой мировой войны. *Человек и общество в условиях войн и революций*: Всерос. науч. конф. (Самара, 11 декабря 2014 г.) Самара: СамГТУ, 2014. Вып. 1. С. 108–112. [Efremova A. Yu., Kosheleva A. I. Prisoners of war in the Penza province during the First World War. *Man and society in conditions of wars and revolutions*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Samara, 11 Dec 2014. Samara: SamSTU, 2014, iss. 1, 108–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkzeth>
- Исповедников Д. Ю., Стародубцев Г. С. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири и Дальнего Востока России в фокусе международного гуманитарного права. *Социально-политические науки*. 2021. Т. 11. № 3. С. 103–111. [Ispovednikov D. Yu., Starodubtsev G. S. Prisoners of the World War I in Siberia and Russian Far East in the focus of international humanitarian law. *Socio-Political Sciences*, 2021, 11(3): 103–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-3-103-111>
- Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей. *Политическая лингвистика*, 2012. № 1. С. 43–50. [Karasik V. I. Linguistic semiotic modeling of values. *Political Linguistics*, 2012, (1): 43–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owuzrl>
- Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения. *Гуманитарные технологии в современном мире*: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 30 мая – 1 июня 2019 г.) Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2019. С. 22–25. [Karasik V. I. Values as culturally significant guidelines for behavior. *Humanitarian technologies in the modern world*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 30 May – 1 Jun 2019. Kaliningrad: Western Branch of RANEPa, 2019, 22–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/upnvym>
- Карасик В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики. *Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке*: Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 9–10 октября 2024 г.) Казань: АН РТ, 2024. С. 183–188. [Karasik V. I. Worldview as an object of axiological linguistics. *Languages, literatures and cultures of the peoples of Russia in modern academic science*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 9–10 Oct 2024. Kazan: AS RT, 2024, 183–188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qorxeq>
- Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы). *Славяноведение*. 1995. № 4. С. 17–26. [Kishkin L. N. According to the opinion of the Russian emigration in Prague: Cultural life (1920–1930s). *Slavyanovedenie*, 1995, (4): 17–26. (In Russ.)]
- Крючков И. В. Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг. *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память*, отв. ред. Е. П. Серапионова. М.-СПб.: Нестор-Историк, 2014. С. 91–102. [Kryuchkov I. V. Czech and Slovak prisoners of war in the Central Caucasus in 1914–1917. *Social consequences of the wars and conflicts of the 20th century: Historical memory*, ed. Serepionova E. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 91–102. (In Russ.)]
- Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания. *Язык. Личность. Текст*, отв. ред. В. Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005. С. 23–33. [Kubryakova E. S. Discourse and the structure of knowledge behind it. *Language. Personalities. Text*, ed. Toporov V. N. Moscow: IaSK, 2005, 23–33. (In Russ.)]
- Кузнецов С. И. Военнопленные Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.). *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2024. № 2. С. 41–46. [Kuznetsov S. I. World War I prisoners of War in Japan, 1914–1918. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN*, 2024, (2): 41–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2024-54-41-46>
- Курьянович А. В. Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. № 2. С. 16–20. [Kurjanovich A. V. Epistolary picture of the world: To question the notion of defining the specifics. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, (2): 16–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwtyod>
- Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Жанровая письменно-речевая личность: типология и портретирование. In: Голев Н. Д., Мельник Н. В., Ким Л. Г. и др. *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология*. М.: ЛЕНАНД, 2014. Ч. 1. С. 291–308. [Lebedeva N. B., Koryukina E. A. Genre writing and speech personality: Typology and portraiture. In: Golev N. D., Melnik N. V., Kim L. G. et al. *Linguistic personality: Modeling, typology, and portraiture. Siberian linguistic personology*. Moscow: LENAND, 2014, pt. 1, 291–308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmwhpz>
- Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Тексты естественной письменной речи как проявление ценностных доминант рядового носителя языка (на материале родительских писем). *Культура и текст*. 2020. № 3. С. 112–125.

- [Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Texts of natural written speech as a manifestation of the value dominants of an ordinary native speaker (based on the material of parent's letters). *Kul'tura i tekst*, 2020, (3): 112–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2020-3-112-125>
- Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с. [Lossky N. O. *Value and Being: God and the Kingdom of God as the basis of values*. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2000, 864. (In Russ.)]
- Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны. *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156. [Nachtigall R. Prisoners of war in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*, 2014, (1): 142–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/seyxmx>
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с. [Makarov M. L. *Fundamentals of discourse theory*. Moscow: Gnosis, 2003, 280. (In Russ.)]
- Мелентьев А. В. Лагерь военнопленных на кыштымской земле. *Архив в социуме – социум в архиве*: 8 Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 19 сентября 2025 г.) Челябинск, 2025. С. 207–212. [Melentyev A. V. Prisoners of war camps on the Kyshtym Land. *Archives in Society and Society in Archives*: Proc. 8 All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, 19 Sep 2025. Chelyabinsk, 2025, 207–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncqqvk>
- Мельников А. В. Россия глазами чешских военнопленных. *Научный лидер*. 2022. № 52. С. 17–19. [Melnikov A. V. Russia through the eyes of Czech prisoners of war. *Nauchnyi lider*, 2022, (52): 17–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mxkmyc>
- Остроухов А. И. Положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны (по материалам пражских архивов). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2009. № 1. С. 85–92. [Ostroukhov A. I. The position of Czechs and Slovaks in Russian captivity in the period of the First World War (on materials of the Prague archives). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki*, 2009, (1): 85–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puznmt>
- Остроухов А. И. Положение чехов и словаков в российском плену в период первой мировой войны (по материалам российских архивов). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2010. № 4-5. С. 58–63. [Ostroukhov A. I. The position of Czechs and Slovaks in Russian captivity in the period of the First World War (on the materials of the Russian archives). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki*, 2010, (4-5): 58–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncwglk>
- Пудовкин С. И. Иностранные военнопленные на Урале в годы Первой мировой войны. *Гороховские чтения*: пятая регион. музейная конф. (Челябинск, 7 ноября 2014 г.) Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. 2014. С. 164–168. [Pudovkin S. I. Foreign prisoners of war in the Urals during the First World War. *Gorokhov Readings*: Proc. fifth Regional Museum Conf., Chelyabinsk, 7 Nov 2014. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local Lore, 2014, 164–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlhbnd>
- Рабенко Т. Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников). *Сибирский филологический журнал*. 2020. № 2. С. 302–313. [Rabenko T. G. Axiological dominants of the diary genre (based on the material of personal diaries). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2020, (2): 302–313. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/71/25>
- Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д. Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов). *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 9. С. 149–168. [Rabenko T. G., Denisova E. S., Chardyntseva A. D. Communicative-pragmatic properties of addressing in virtual pedagogical discourse: Insights from school chats. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(9): 149–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168>
- Рокина Г. В. Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае. *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память*, отв. ред. Е. П. Серапионова. М.-СПб.: Нестор-Историк, 2014. С. 102–113. [Rokina G. V. Austro-Hungarian prisoners of war in World War Mari Territory. *Social consequences of the wars and conflicts of the 20th century: Historical memory*, ed. Serepionova E. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 102–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sboxdf>

- Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2017. Т. 3. № 1. С. 12–22. [Rokina G. V. Austro-Hungarian prisoners in the First World War in the district towns of Kazan Province (Gubernia). *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2017, 3(1): 12–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymzgjn>
- Самович А. Л. Содержание писем из русского плена в годы Первой мировой войны. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4-2. С. 160–163. [Samovich A. L. Content of letters from the Russian captivity during World War I. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskiye nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, (4-2): 160–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwgfvf>
- Серापionoва Е. П. Политика чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и реэмигрантов. *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память*, отв. ред. Е. П. Серапionoва. М.–СПб.: Нестор-Историк, 2014. С. 113–128. [Serapionova E. P. The policy of the Czechoslovak authorities in relation to legionnaires, prisoners of war, and emigrants who returned from Russia. *Social consequences of the wars and conflicts of the 20th century: Historical memory*, ed. Serepionova E. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 113–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/actqxm>
- Степанова Л. И. Очерки по истории чешской фразеологии. СПб.: СПбГУ, 2003. 206 с. [Stepanova L. I. *Essays on Czech phraseology history*. St. Petersburg: SPbSU, 2003, 206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrdcyh>
- Суляк С. Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны. *Русин*. 2016. № 2. С. 73–92. [Sulyak S. G. Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*, 2016, (2): 73–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/44/6>
- Сушко А. В., Петин Д. И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт. 1916–1919 гг. *Вестник архивиста*. 2022. № 2. С. 597–610. [Sushko A. V., Petin D. I. Conversion of the Czechs to orthodoxy in Omsk: Spirituality, ideology, everyday life. 1916–19. *Herald of an Archivist*, 2022, (2): 597–610. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-2-597-610>
- Ткаченко С. Б. Формуляры почтовых карточек для переписки военнопленных Первой мировой войны (1914–1918). *Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: IX науч.-практ. семинар*. (Санкт-Петербург, 9 октября 2018 г.) СПб., 2018. С. 320–328. [Tkachenko S. B. Forms of postcards for correspondence of prisoners of World War I (1914–1918). *Postage stamp and postcard: Creators, publishers, and collectors: Proc. IX Sci.-Prac. seminar*, St. Petersburg, 9 Oct 2018. St. Petersburg, 2018, 320–328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uryfzp>
- Толстая С. М. Категория оценки в языке и тексте. *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре*, ред. О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015. С. 11–32. [Tolstaya S. M. Evaluation category in language and text. *Evaluation category and value system in language and culture*, eds. Belova O. V., Gura A. V. Moscow: Indrik, 2015, 11–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdarqz>
- Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М.: МГУ, 1990. 342 с. [Shirokova A. G., Vasilyeva V. F., Jedlicka A. *Czech language*. Moscow: MSU, 1990, 342. (In Russ.)]
- Michl Jan. *Legionáři a Československo*. Praha: Naše vojsko, 2009, 332.

оригинальная статья

eLibrary EDN: HZLYFQ

Аксиология переводческого дискурса: разработка системы критериев оценки качества перевода

Кушнина Людмила Вениаминовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 5273-8845

<https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Scopus Author ID: 57188668542

lkushnina@yandex.ru

Криворучко Анна Игоревна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 7798-1167

<https://orcid.org/0000-0003-4093-3641>

Scopus Author ID: 57193132855

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы эпистемологического освещения процесса порождения текста / дискурса, ориентированные на изучение онтологического, методологического, аксиологического аспектов. В центре исследования – переводческий дискурс, который рассматривается с позиций эпистемы перевода применительно к авторской концепции переводческого пространства. В контексте переводческого пространства эпистема перевода представлена когницией (онтология), синергией (методология), гармонией (аксиология). Цель статьи – исследовать аксиологическую составляющую переводческого дискурса, показать ее системный характер, обосновать необходимость расширения диапазона критериев оценки качества перевода. Материалом для анализа послужили фрагменты сказки Л. Кэрлла «Алиса в стране чудес» в оригинале и переводах на русский и французский языки, выполненных разными переводчиками в разные исторические эпохи: от современников писателя до наших современников. При оценке качества перевода исследуемых фрагментов авторы статьи опирались на аксиологическую составляющую переводческого дискурса, включающую как традиционные критерии: адекватность и эквивалентность, так и авторские: гармоничность и дисгармоничность, экологичность и неэкологичность. Суть вводимых понятий состоит в том, что они отражают оценку качества перевода со стороны субъектов коммуникации: гармоничность / дисгармоничность служит для оценки перевода со стороны переводчика: экологичность / неэкологичность используется для оценки качества перевода со стороны иноязычного и инокультурного реципиента. В результате исследования установлено, что каждый перевод отвечает требованиям того или иного критерия оценки качества перевода, что подтверждает значимость их дифференциации и систематизации, расширяя исследовательское поле аксиологии переводческого дискурса.

Ключевые слова: эпистема перевода, аксиологический компонент, оценка качества перевода, адекватность, эквивалентность, гармоничность, дисгармоничность, экологичность

Цитирование: Кушнина Л. В., Криворучко А. И. Аксиология переводческого дискурса: разработка системы критериев оценки качества перевода. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 604–616. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-604-616>

Поступила в редакцию 19.02.2026. Принята после рецензирования 01.06.2026. Принята в печать 08.06.2026.

original article

Axiology of Translational Discourse: Criteria System of Translation Quality Assessment

Liydmila V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 5273-8845

<https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Scopus Author ID: 57188668542

lkushnina@yandex.ru

Anna I. Krivoruchko

Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 7798-1167

<https://orcid.org/0000-0003-4093-3641>

Scopus Author ID: 57193132855

Abstract: The paper explores the epistemological aspects of text/discourse generation, focusing on ontological, methodological, and axiological dimensions. Translation discourse is examined from the perspective of the translation episteme and the translation environment. The translation episteme is represented by cognition (ontology), synergy (methodology), and harmony (axiology). The axiological component of translation discourse has a systemic nature, which requires a wider range of quality assessment criteria. The theoretical framework is illustrated by excerpts from Lewis Carroll's *Alice in Wonderland* and their Russian and French translations produced in different historical periods, from Carroll's contemporaries to the modern day. To estimate translation quality, the authors employ both traditional axiological criteria, such as adequacy and equivalence, and their own proposed criteria, such as harmony/disharmony and ecological / unecological. They represent a translation quality assessment framework centered on communication participants. The harmony / disharmony criterion evaluates the translation from the perspective of the translator, while the ecological / unecological criterion assesses it from the standpoint of the recipient belonging to a foreign language and culture. Each translation version satisfies specific criteria, which signifies the importance of their differentiation and systematization in expanding the research field of translation axiology.

Keywords: translation episteme, axiological component, translation quality assessment, adequacy, equivalence, harmony, disharmony, ecology

Citation: Kushnina L. V., Krivoruchko A. I. Axiology of Translational Discourse: Criteria System of Translation Quality Assessment. *SibScript*, 2026, 28(4): 604–616. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-604-616>

Received 19 Feb 2026. Accepted after peer review 1 Jun 2026. Accepted for publication 8 Jun 2026.

Введение

Современный переводческий ландшафт характеризуется разнообразием исследуемых научных парадигм, подходов, стратегий перевода, где перекликаются и сосуществуют классические и новейшие модели и технологии, где антропологический (человеческий, ручной) перевод не конкурирует с автоматическим (нейромашинным, машинным, переводом с помощью ИИ-ассистента), а взаимодействует с ним, где отечественные и зарубежные концепции дополняют друг друга, что расширяет наши представления об этом не до конца разгаданном феномене.

Перевод уже давно не воспринимается просто как лингвистическая операция. Он рассматривается как интеллектуальная деятельность языковой личности переводчика во всей совокупности ее психических процессов (познавательных, аффективных,

волевых), образующих «психический облик личности» (термин С.Л. Рубинштейна), ее когнитивных способностей (мышление, речь, внимание, память, воображение, эмоции и др.), которые находят выражение в «когнитивном багаже переводчика» – *le bagage cognitif du traducteur* (термин М. Lederer), его природного психотипа (экстраверт / интроверт) и других личностных, профессиональных, компетентностных, коммуникативных, дискурсивных факторов, влияющих на качество текста перевода как продукта деятельности [Рубинштейн 2009; Lederer 1994].

Проблема качества перевода не нова, но всегда актуальна. Корень проблемы нам видится в том, что до сих пор не существует стройной системы оценки качества перевода. Есть лишь два неоспоримых критерия, которые определяют всю палитру

взаимоотношений авторского текста и переводческого текста. Это адекватность и эквивалентность. Многие ученые, как классики, так и современники, принимают эти критерии, несмотря на явную путаницу в их трактовке, особенно когда один критерий трактуется через другой критерий, при этом разница между ними размыта и неощутима, поэтому каждый исследователь выбирает свою позицию их условного разграничения.

В этой двусмысленности не возникает противоречия, но оценка качества перевода остается иллюзорной, не претендующей на объективность и тем более системность.

Проблема систематизации оценки качества перевода поднимается в работах Н. К. Гарбовского, Е. А. Княжевой, В. В. Сдобникова и др. [Гарбовский 2004; Княжева 2023; 2024; Сдобников 2015]. Е. А. Княжева приходит к выводу о том, что классические термины эквивалентности и адекватности требуют уточнения концептуального содержания, и предлагает модель структуры оценки качества перевода, включающую следующие компоненты: субъект оценки, объект оценки, цель оценки, метод оценки качества перевода. Особое значение автор придает дифференциации оценки качества перевода относительно процесса и относительно результата [Княжева 2024].

В рамках данной статьи мы намерены обобщить результаты наших предыдущих исследований, в которых обращаемся к проблеме систематизации критериев оценки качества перевода, а также предложить собственную дифференциацию критериев в свете авторской концепции переводческого пространства.

Идея системности перевода, которая первоначально нашла воплощение в концепции переводческого пространства, в настоящее время рассматривается нами с позиций эпистемы перевода как общенаучной категории. В рамках эпистемы перевода мы разграничиваем онтологическую, методологическую, аксиологическую составляющие. Цель данной статьи – исследовать аксиологическую составляющую переводческого дискурса, показать ее системный характер, обосновать необходимость расширения диапазона критериев оценки качества перевода. В качестве важнейшей исследовательской задачи мы видим дифференциацию критериев оценки качества перевода. Наряду с гармоничностью мы исследуем экологичность как естественное восприятие текста реципиентом.

Это означает, что высший уровень качества перевода предполагает, что текст удовлетворяет и критериям гармоничности, и критериям экологичности.

Напомним, что при разработке синергетической концепции переводческого пространства мы выдвинули гармоничность в качестве аксиологической доминанты перевода, т.е. высшего критерия его качества. Гармоничный перевод означает соразмерность и соотносимость смыслов текстов исходного языка и языка перевода, их культуросообразность. В ситуации переводческой ошибки или переводческого несоответствия мы констатируем наличие дисгармонии [Аликина и др. 2020; 2023].

Систематизация процесса перевода привела нас к идее систематизации критериев оценки качества переведенного текста. Так мы обратились к экокогнитивному подходу к переводу.

В начале 2000-х гг. появились работы отечественных лингвистов, посвященные эколингвистике и экологии языка, которые нашли отражение в цикле научных сборников «Экология языка на перекрестке наук», опубликованных представителями Тюменской научной школы Н. Н. Белозеровой, Н. В. Дрожащих и др., и в которых был сформулирован базовый тезис эколингвистики как закон экосистемы: «существование языка зависит от социума и наоборот» [Дрожащих 2011: 29].

Среди современных исследований в русле экологического подхода к языку выполнены работы ученых Челябинской научной школы под руководством Т. Н. Хомутовой. Авторы анализируют язык в связи с человеком, его сознанием и мышлением, что позволило им сконструировать базовую интегральную модель моральных ценностей как фрагмента социального пространства [Хомутова и др. 2023]. Нас интересуют не только экологические аспекты анализа языка, текста, дискурса, но главным образом их взаимодействие в процессе перевода.

Опираясь на идею экологизации лингвистических исследований, мы приступили к разработке экологии перевода совместно с Е. М. Пылаевой (Плюсниной), в результате чего наши представления о гармоничности расширились, и мы признали не только культуросообразность, но и природосообразность фактором гармоничного перевода [Кушнина, Плюснина 2016].

Далее в процессе совместной деятельности с Е. А. Фоменко мы изучили современные воззрения китайских ученых на экотранслатологию и вычленили критерий экологичности, т.е. понятности текста

иноязычным реципиентом [Кушникова, Фоменко 2024; Фоменко 2025]. С введением данного критерия появилась возможность дифференциации критериев оценки качества перевода: гармоничность подразумевает высокий уровень качества порождения текста переводчиком, экологичность – высокий уровень понимания текста реципиентом. В случае, если текст перевода не понятен иноязычному реципиенту, мы относим его к неэкологичному переводу.

Объединение исследовательских позиций российского и китайского переводоведения позволило сформулировать ключевые положения экокогнитивного подхода к переводу, представленные в работах Е. В. Чистовой и др. [Прошина 2016; Чистова 2025; Chistova 2022].

В настоящее время происходит интенсивное развитие экокогнитивной парадигмы перевода. Именно с введением данного подхода в исследовательскую практику появилась возможность расширить систему критериев оценки качества перевода. Таким образом, наряду с традиционными критериями адекватности и эквивалентности мы изучаем гармоничность, экологичность, дисгармоничность, неэкологичность.

Методы и материалы

Исследование переводческого дискурса мы проводим в рамках авторской концепции переводческого пространства, разработанной Л. В. Кушниковой в начале 2000-х гг. и послужившей импульсом для создания научной школы перевода при Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Ключевая идея нашей школы может быть сформулирована так: гармонизация языков и культур как миссия современного переводчика.

Переводческий дискурс воплощается в идее переводческого пространства как синергетической системы транспонирования множества гетерогенных смыслов, как эксплицитных, так и имплицитных, из одной лингвокультуры в другую. В основе построения переводческого пространства лежит принцип поля, согласно которому вокруг содержания текста как его ядра формируются смысловые поля текста и субъектов переводческой коммуникации. В каждом поле формируется свой компонент интегрального смысла текста, доминирующим фактором которого является синергетическое приращение новых смыслов,

приемлемых в целевой культуре. Напомним эти поля и соответствующие им смыслы: в содержательном поле формируется фактуальный смысл; в поле автора – интенциональный смысл; в поле переводчика – индивидуально-образный смысл; в поле реципиента – рефлексивный смысл; в энергетическом поле текста – эмотивный смысл; в фатическом поле текста – культурологический смысл. Интегральный смысл текста перевода не является суммой смыслов, извлекаемых переводчиком, а их синергией, т. е. характеризуется приращением новых смыслов.

Это означает, что в каждой лингвокультуре происходит уникальное приращение смыслов, что приводит к порождению гармоничного перевода. Гармония выступает в переводческом пространстве проявлением высшего уровня качества. На нижележащих уровнях констатируем проявление эквивалентности или адекватности. Некачественный перевод мы обозначаем как дисгармоничный.

Таким образом, перевод в нашей трактовке – это система. Речь идет о системе смыслов, системе взаимодействия текстов, культур, личностей.

В рамках данной статьи нас интересует система критериев оценки качества перевода. Решение данной проблемы видится нам с общенаучных эпистемологических позиций. Мы обращаемся к идее эпистемы переводческого дискурса, в рамках которой анализируются три ведущих компонента: онтологический, методологический, аксиологический (оценочный). Именно аксиологический компонент стал предметом нашего рассмотрения.

Приступая к аксиологическим аспектам изучения переводческого дискурса, мы исходим из того, что аксиология выступает неотъемлемым компонентом смыслового триединства наряду с онтологией и методологией.

Начнем с общепhilosophического понимания терминов *эпистемология* и *эпистема*. Согласно Новейшему философскому словарю, термин *эпистемология* восходит к греческим словам *episteme* (знание) и *logos* (учение) и трактуется как методологическая дисциплина, изучающая знание как таковое, в то время как *эпистема* понимается как «структура, существенно обуславливающая возможность определенных взглядов, концепций, научных теорий и собственных наук в тот или иной исторический период»¹.

¹ Эпистема. *Новейший философский словарь*, сост. А. А. Грицанов. Мн., 2003. С. 1230.

В нашем исследовании мы опирались на понятие *эпистемическая ситуация*, введенное в научный оборот М. П. Котюровой для обозначения смысловой структуры научного текста [Котюрова и др. 2024]. Согласно автору данного термина, именно комплекс экстралингвистических факторов формирует смысловую структуру научного текста. Сущность эпистемической ситуации состоит в триединстве ее компонентов: онтологического, методологического, аксиологического. Дальнейшее развитие данного понятия принадлежит Е. А. Баженовой, которая добавила два компонента: рефлексивный и коммуникативно-прагматический, и в дальнейшем, в совместной работе с М. П. Котюровой, сформулировала следующее пояснение: «лишь целый текст обладает системной организацией смысла. Смысловая структура текста не сводится к совокупности составляющих его единиц, а рассматривается в зависимости от экстралингвистического контекста, включающего различные параметры познавательной деятельности» [Котюрова, Баженова 2007: 48].

Признавая не только общенаучную значимость, но и универсальность понятия *эпистемическая ситуация*, мы пришли к выводу о возможности его использования для системного описания процесса перевода. Мы опирались на три первоначальных составляющих, что позволило нам сформулировать принципы эпистемы перевода применительно к авторской концепции переводческого пространства. В качестве онтологии перевода мы рассматриваем когницию, методологией выступает синергия, аксиология представлена гармонией. В настоящее время нам удалось дифференцировать аксиологическую составляющую перевода, в котором, наряду с гармоничностью, мы выделяем экологичность.

Таким образом, методология нашего исследования базируется на синергии как процессе взаимодействия и приращения смыслов в переводческом пространстве, а синергетический эффект означает, что смыслы текстов оригинала и перевода соразмерны, соотносимы, что приводит не только к порождению гармоничного перевода, но и к его экологичному восприятию. Вместе с тем, как показали наши предыдущие исследования, проводимые совместно с Е. А. Фоменко, не существует однозначной связи между гармоничностью и экологичностью. Иными словами, если переводчик создает гармоничный текст, то его восприятие потенциальным реципиентом должно быть экологичным. В реальной переводческой ситуации такого соотношения может

не быть [Кушникова, Фоменко 2024]. Эта проблема требует проведения дальнейших лингвопереводческих экспериментов.

В центре нашего исследования – обсуждение критериев качественного перевода.

Большинство ученых придерживаются критериев, сформулированных на заре развития переводоведения: адекватности и эквивалентности. Вызывает удивление тот факт, что в новейших исследованиях по теории перевода данные понятия не просто активно используются, но заменяют друг друга, т.е. не дифференцированы. Такова позиция С. А. Песиной в работе «Теория перевода», опубликованной в 2023 г. Так, в глоссарии ключевых терминов автор предлагает следующую дефиницию адекватного перевода: «перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для *достижения этой цели уровне эквивалентности*, не допуская нарушений норм узуса ЯП [языка перевода], соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода» [Песина 2023: 286]. Более приемлемым мы считаем дефиницию эквивалентности, поясняющей, что эквивалентным является «перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности» [Там же: 298].

Особый интерес на фоне единообразия трактовок вызывает дефиниция, которую предложил Э. Пим. Ученый обращается к термину *эквивалентность*, различая при этом естественную эквивалентность и направленную эквивалентность, что вносит определенную ясность в характеристику критериев качества перевода [Пим 2018].

Оценивая современное состояние проблемы, Э. Пим придает определенную теоретическую силу парадигме эквивалентности в свете структурной лингвистики, объясняя значение данного термина тем, что «исходный и переводной тексты объединены некоторой общей ценностью (ср. эквивалентность означает равноценность), и это условное подобие является тем свойством, которое отличает переводной текст от других видов текста» [Пим 2018: 24]. Э. Пим критикует позицию М. Снелл-Хорнби, которая рассматривает эквивалентность как своего рода иллюзию симметрии между языками [Snell-Hornby 1988].

Согласно рассуждениям Э. Пима, в случае естественной эквивалентности речь идет о том, что переводной текст имеет одинаковую значимость

с соответствующим исходным текстом. Например, эквивалентность культурной функции того или иного фрагмента текста создает приблизительное подобие текстов исходной и целевой культур, т.е. искомую эквивалентность.

В случае направленной эквивалентности речь идет об асимметричном соотношении текстов, при котором «создание эквивалентного исходному текста в прямом переводе не означает, что эта же эквивалентность воссоздается в обратном переводе» [Пим 2018: 48].

Согласно разрабатываемой нами концепции, критерии оценки качества перевода строго иерархизированы и имеют системный характер. Это означает, что на низшей ступени находится критерий дисгармоничного перевода, высшая ступень принадлежит гармоничному переводу. За дисгармоничностью следует адекватность как словарное соответствие между единицами контактирующих языков, за адекватностью следует эквивалентность как отражение межъязыковых соответствий. Это означает, что гармоничность охватывает межкультурные соответствия, устанавливаемые переводчиком в результате синергии смыслов контактирующих лингвокультур. Тот результат перевода, который мы определяем как гармоничность, соотносим с термином У. Эко – *верность перевода* – или с термином Э. Пима – *естественная эквивалентность*. Приведенный им пример полностью соответствует нашему представлению о гармонии как смысловой соразмерности между текстами оригинала и перевода. Мы признали бы гармоничным следующее соотношение понятий: английское выражение *пятница 13-е* и испанское выражение *вторник 13-е*, т.к. символом несчастливого дня недели в Англии является пятница, а в Испании – вторник. В данном примере словарное соответствие заменено *приблизительным подобием* (термин Э. Пима) ввиду их общей культурной функции в разных культурах. В наших предыдущих исследованиях также приводятся примеры гармоничных переводов. Так, русское выражение *два часа ночи* переведено на французский язык как *deux heures du matin* (букв. *два часа утра*). Разумеется, во французском языке существует лексема *ночь* – *nuît*, но функциональным эквивалентом, или гармоничным вариантом перевода, в данном контексте будет другая лексема как отражение понятия переводческого времени и темпоральных смыслов, не совпадающих в исходной и целевой культурах.

Таким образом, мы рассматриваем четыре критерия оценки качества перевода, что до недавнего времени казалось нам достаточным. В настоящее время мы приступили к дифференциации критериев, характеризующих высокое качество перевода. Основанием послужило обращение к трудам современного китайского исследователя Ху Гэншэня, автора экотранслатологической концепции перевода [Hu 2020]. Мы изучили его работы в совместных исследованиях с Е. А. Фоменко и пришли к выводу о необходимости введения критериев *экологичность* и *неэкологичность*, которые характеризуют текст перевода с позиций его понятности / непонятности иноязычным и инокультурным реципиентом, т.е. предметом рассмотрения стало шесть критериев [Кушникова, Фоменко 2024].

Идея экологичности в настоящее время проходит апробацию в исследованиях теоретиков перевода, и на данный момент она не приобрела однозначного толкования и поддержки. Между тем мы считаем данную идею продуктивной и перспективной. Мы солидарны с позицией Е. В. Чистовой, которая предлагает свое определение экокognитивного переводоведения – «это научное направление, при котором переводчик и все причастные к производственному процессу переводческой деятельности в естественных условиях воспринимаются как единая когнитивная система распределенного характера» [Чистова 2025: 189]. Нас интересуют составляющие экологичности, которые являются предметом рассмотрения экопереводоведения. Если ведущим основанием экологичности мы считаем понятность текста реципиентам как представителям иной языковой и культурной среды, то в качестве дополнительного параметра может быть предложена типологическая принадлежность текста. Иными словами, удовлетворение критерию экологичности при переводе научного или художественного текстов не может быть одинаковым.

В этом можно убедиться, обратившись к работе Л. М. Алексеевой и Н. В. Шутековой «Типология перевода», где в центре внимания авторов два типа перевода – научный и поэтический [Алексеева, Шутекова 2012]. Нас интересует позиция авторов, где они обосновывают значимость типа текста для выбора переводческой стратегии: «типологические свойства исходного текста оказываются чрезвычайно важными для переводчика, который стремится создать в переводе образ себя самого как исследователя» [Там же: 36]. Это означает,

что качественный перевод научного текста может выполнить переводчик, который ассоциирует себя с ученым, т. е. в процессе перевода он превращает себя в исследователя, который доказывает истинность научного предположения, конструируя тем самым смысл переводческого дискурса. Авторы приходят к выводу о том, что «переводчик – не просто транслятор информации, он является создателем этой информации» [Там же: 80].

С позиций изучаемых нами критериев гармоничности / дисгармоничности, экологичности / неэкологичности это может означать, что создание переводчиком научного текста способствует порождению гармоничного перевода, выступающего предпосылкой его экологичного восприятия потребителем перевода, который сам также является исследователем.

В нашей работе мы изучаем процесс перевода художественного текста, где переводчик транслирует и интерпретирует текст высокой эстетической ценности, обеспечивая гармоничность его порождения. В связи с этим можно предположить, что экологичность его восприятия читателем будет зависеть от степени передачи в нем эстетической ценности оригинала.

Таким образом, и гармоничность, и экологичность выступают ведущими критериями оценки качества перевода. Исходя из предположения о системности критериев, мы включаем в систему также эквивалентность, адекватность, дисгармоничность. Мы осознаем, что весь текст не может быть переведен гармонично. Гармонизация смыслов необходима в сложных переводческих ситуациях, при которых словарные соответствия противоречат выражаемым смыслам, а переводческие приемы не приводят к гибким, успешным переводческим решениям. Гармонизацию смыслов при переводе мы соотносим с креативностью переводчика, со свободой переводящей личности, ее воображением, эмпатией, проявлениями эмоционального интеллекта и другими свойствами. При этом в каждом тексте можно обнаружить и элементы эквивалентности, и элементы адекватности. Что касается экологичности, ее проявления в большей степени зависят от самого реципиента, его индивидуальной когнитивной базы, его читательской активности и читательской компетентности. В случае низкой читательской культуры даже при качественном переводе текст перевода может оказаться неэкологичным для конкретного реципиента. Нельзя упускать из виду и проявления

дисгармоничности, что мы соотносим с переводческими ошибками, несоответствиями, погрешностями, неточностями. Дисгармония чаще всего бывает неосознанной, обусловленной недостаточным владением переводчиком соответствующими компетенциями.

В рамках данной статьи мы намерены проанализировать тексты переводов с позиций проявления тех или иных критериев оценки качества.

В качестве материала для анализа мы использовали фрагменты сказки Л. Кэролла «Алиса в стране чудес» в оригинале и переводе на русский и французский языки. В нашем распоряжении оказалось несколько вариантов перевода, выполненных переводчиками разных исторических эпох: начиная с современников автора и заканчивая нашими современниками. Первый перевод был опубликован в 1869 г, т. е. через четыре года после создания произведения, последний перевод – в 2002 г. Кроме того, были проанализированы переводы на русский язык, выполненные В. Набоковым, Н. Демуровой, Б. Заходером и др., что позволило глубже понять лингвопереводческий ландшафт выдающегося произведения мировой литературы. Уточним, что изучаемые нами фрагменты на французском языке представлены в научном журнале для переводчиков *TransLittérature* (2003–2004, № 26).

Результаты

Произведение Л. Кэролла, созданное гениальным английским ученым, математиком, писателем в конце XIX в. (1865 г.), продолжает волновать читателей XXI в. ввиду его необычного содержания, которое исследователи определяют как интеллектуальное иронично-пародийное, как шедевр описания детского подсознания [Скрябина 2018].

Мировое признание произведение получило еще при жизни автора благодаря многочисленным переводам на многие иностранные языки. Поток переводов не иссякает до сих пор. Переводы «Алисы» столь же неповторимы, как и сам оригинал, т. к. каждый читатель-переводчик желает выразить свое отношение к тексту оригинала. По мнению А. Ю. Аристов, одна из трудностей перевода состоит в интертекстуальности содержания, прецедентности образов персонажей, наличии культурно маркированных аллюзий, узнаваемых носителями англоязычной культуры определенной эпохи, но совершенно непонятных для носителей других лингвокультур [Аристов 2008]. В настоящее время

происходит художественное переосмысление текста оригинала, но просветительские идеи, заложенные автором, не теряют своей актуальности для юных читателей. В центре нашего внимания – качество перевода выдающегося произведения английского неоромантизма, которое мы будем оценивать с позиций заявленных выше критериев.

В рамках данной статьи будут проанализированы фрагменты переводов с английского языка на русский и французский языки.

Начнем с лингвопереводческого анализа следующего высказывания, раскрывающего мораль истории Алисы:

- *Take care of the sense, and the sounds will take care of themselves.*

Ниже приведены варианты переводов на французский язык с указанием автора перевода и года публикации, а также дан комментарий с точки зрения обозначенных выше критериев качества перевода.

1. *Un chien vaut bien deux rats* (Henri Bue, 1869) [цит. по: Sandron 2003–2004]. Первый опубликованный вариант отражает идею автора оригинала о том, что высказывание содержит мораль рассказанной им истории, которую переводчик передает в метафорической форме (букв. *одна собака гораздо лучше, чем две крысы*). Признавая, что речь идет о переводе, назовем его дисгармоничным, т.к. смыслы оригинала не нашли отражения в переводе.

2. *Prenez soins du sens et les sons prendront soin d'eux-mêmes* (Guy Tredez, 1949) [цит. по: Ibid.]. Перевод признаем адекватным, т.к. он содержит словарные соответствия. Перевод близок оригиналу, что можно отнести к стратегии форенизации.

3. *Occupez-vous du sens et les sons s'occuperont d'eux-mêmes* (Marie-Madeleine Fayet, 1930) [цит. по: Ibid.]. Перевод признаем эквивалентным, т.к. он содержит незначительные межъязыковые трансформации, которые не зафиксированы в словаре, но подобраны переводчиком. Данная стратегия также близка форенизации.

4. *Occupons-nous du sens et laissons les sons s'occuper d'eux-mêmes* (Jacques Paru, 1961) [цит. по: Ibid.]. Перевод признаем эквивалентным, т.к. он содержит незначительные межъязыковые трансформации, которые не зафиксированы в словаре, но подобраны переводчиком. Данная стратегия также близка форенизации.

5. *Prenez soin du sens, et les sons prendront soin d'eux-mêmes* (André Bay, 1980) [цит. по: Ibid.]. Перевод признаем адекватным, т.к. он содержит словарные соответствия. Перевод близок оригиналу, что можно отнести к стратегии форенизации.

6. *L'essence c'est le sens; laissons les sons* (Guy Leclercq, 2000) [цит. по: Ibid.]. Наиболее удачным мы считаем данный вариант, где в процесс творческого переосмысления оригинала переводчик включил игру слов, т.е. произошло синергетическое приращение новых смыслов со стороны переводчика. При этом игра слов опирается на явление фоносемантики благодаря рифме, которая легко читается и воспринимается реципиентом. Иными словами, приращение новых смыслов происходит и в сознании реципиента, что дает нам возможность признать данный вариант гармоничным, и экологичным. Что касается выбора переводческой стратегии, гармоничность соотносится с доместикацией, т.к. нацелена на адаптацию к целевой лингвокультуре, экологичность также обусловлена стратегией доместикации, т.к. отражает адаптацию к целевой лингвокультуре.

7. *Il ne faut pas vouloir le son et le sens du son* (Henri Herbauts, 2002) [цит. по: Ibid.]. Данный вариант можно назвать гармоничным переводом, т.к. он содержит переосмысление исходных смыслов переводчиком, создающим новую комбинацию выражаемых идей, т.е. имеет место приращение или синергия смыслов. Вместе с тем мы считаем, что переводчик вложил в высказывание более глубокий, философский смысл, который может оказаться труднодоступным и непонятным реципиенту, особенно ребенку, для которого предназначен этот текст. Это означает, что перевод является неэкологичным.

Дальнейшим предметом анализа стал другой фрагмент из того же текста и три варианта его перевода на французский язык.

Представим фрагмент оригинала.

- *Down, down down. There was nothing else to do, so Alice began talking again. Dinah il me very much to-night. I should think (Dinah was the cat)... I hope they'll remember her saucer of milk at tea-time. Dinah! My dear! I wish y were down here with me! There are no mice in the air, I'm afraid, but you might catch a bat, and that's very like a mouse, you know. But do cats eat bats, I wonder?*

Ниже приведены соответствующие варианты перевода:

1. *Cependant elle tombait, tombait, tombait. Il n'y avait rien d'autre à faire; aussi Alice bientôt se remit-elle à parler: "Je vais beaucoup manquer à Dinah, ce soir, c'est certain! (Dinah était sa chatte). J'espère que l'on oubliera pas de lui donner à quatre heures, sa soucoupe de lait. Dinah, ma chérie, comme je voudrais t'avoir ici avec moi! Il n'y a pas de souris dans les airs, je le crains, mais tu pourrais toujours attraper une chauve-souris, et cela ressemble fort, vois-tu, à une souris. Au fait, les chats mangent-ils les chauves-souris? Et parfois: les chauves-souris mangent-elles les chats?"* (Henri Parisot, 1976) [цит. по: Ibid.].
2. *Elle chutait. Elle chutait toujours. Il n'y avait rien d'autre à faire, alors Alice se remit à parler: "Dinah va beaucoup regretter mon absence, ce soir, j'en suis sûre! (Dinah, c'était la chatte). J'espère qu'ils penseront à sa soucoupe de lait, à l'heure du goûter. Dinah, ma chérie! Si seulement tu pouvais être ici avec moi! Il n'y a pas de souris dans les airs, j'en ai bien peur, mais tu pourrais attraper une chauve-souris, ça ressemble beaucoup à une souris, tu sais. Mais les raminagrobis mangent-ils les chauves-souris, je me demande"* (Magali Merle, 1990) [цит. по: Ibid.].
3. *Plus bas, plus bas, toujours plus bas. Comme il n'y rien d'autre à faire, bien vite. Alice recommence à parler: "Je pense que je vais beaucoup manquer à Dinah ce soir! (Dinah est la chatte). «J'espère qu'ils ne vont pas oublier sa soucoupe de lait pour l'heure du thé. Ma chère Dinah! je regrette tant que tu ne sois pas avec moi! Seulement, j'ai bien peur qu'il n'y ait pas de souris dans ce trou, tu pourrais peut-être attraper une chauve-souris, c'est très semblable à une souris, tu sais. Mais je me demande, les chats mangent-ils les chauves-souris?"* (Anne et Isabelle Herbauts 2002) [цит. по: Ibid.].

Проанализируем представленные выше переводы. Мы признаем их эквивалентными, т. к. каждый переводчик выполнил определенные межъязыковые трансформации. В каждом тексте можно также обнаружить элементы адекватного перевода, когда речь идет о точных словарных соответствиях, зафиксированных в словаре.

В качестве примера эквивалентности приведем первые строчки каждого фрагмента: *Cependant elle tombait, tombait, tombait; Elle chutait. Elle chutait toujours; Plus bas, plus bas, toujours plus bas*. Как видим, выбранные переводчиками языковые средства не совпадают, но передан общий смысл: *Алиса падает, падает, все ниже и ниже*.

Приведем еще один пример эквивалентных соответствий: *à quatre heures; à l'heure du goûter; pour l'heure du thé*. Данные словосочетания также передают одну идею: *не забудут ли кошке Дине дать блюдце молока (а) в четыре часа; (б) на полдник; (в) во время чаепития*.

Мы не считаем, что переводы являются гармоничными. Вместе с тем третий вариант мы признаем экологичным, т. е. наиболее понятным реципиенту, изложенным ясным языком, с использованием доступной лексики и несложной грамматики.

На следующем этапе анализа представим пять вариантов перевода, выполненных разными отечественными переводчиками в различное время. Цель анализа – выявление качества перевода на основе описанных выше критериев.

1. Перевод А. П. Оленича-Гнененко (1940):

Вниз, вниз, вниз... Так как там больше нечем было заняться, то Алиса вновь принялась разговаривать сама с собой:

*– Могу себе представить, как сильно Дина будет скучать без меня вечером (Дина была кошка.) Надеюсь, вспомнят о блюдце молока для нее, когда сядут пить чай. Дина, моя дорогая, я хотела бы, чтобы ты была тут, внизу, со мной! Жаль, здесь нет мышей, но ты могла бы поймать в воздухе летучую мышь (она очень похожа на обыкновенную мышь, ты знаешь) или на стене – сороконожку. Но интересно: есть ли кошка сороконожку?*²

2. Перевод Н. М. Демуровой (1967):

*Она все падала и падала. Делать нечего – и помолчав, Алиса снова заговорила. – Дина будет меня сегодня весь вечер искать. Ей без меня так скучно! Диной звали их кошку. Надеюсь, они не забудут в полдень налить ей молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя со мной нет. Правда, мышек в воздухе нет, но зато мошек хоть отбавляй! Интересно, кошки едят мошек?*³

² Кэрл Л. Алиса в Стране чудес, пер. с англ. А. П. Оленича-Гнененко. 1940. URL: <https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Кэрл Л. Алиса в стране чудес, пер. с англ. Н. Демуровой. Стихи в переводах С. Маршака и Д. Орловской. 1967. URL: <https://stihi.ru/2018/04/08/208?ysclid=mkY3epescx577428535> (дата обращения: 15.01.2026).

3. Перевод А. Рождественской (2016):

Время шло, а Алиса всё продолжала падать. Делать ей было совершенно нечего, и она снова стала рассуждать вслух: – Дина будет очень скучать без меня сегодня вечером (Диной звали Алисину кошку). Надеюсь, ей не забудут налить вечером в блюдечко молока... Дина, моя милая, как бы мне хотелось, чтобы ты была сейчас здесь, со мной! Правда, мышей здесь не видно, но ты могла бы поймать летучую мышь, а она очень похожа на обыкновенную. – Тут Алисе вдруг захотелось спать, и совсем сонным голосом она проговорила: – Едят ли кошки летучих мышек?⁴

4. Перевод В. В. Набокова (1991):

Вниз, вниз, вниз От нечего делать, Аня вскоре опять заговорила: «Сегодня вечером Дина, верно, будет скучать без меня?» (Дина была кошка). «Надеюсь, что во время чая не забудут налить ей молока в блюдце. Дина, милая, ах, если бы ты была здесь, со мной! Мышей в воздухе, пожалуй, нет, но зато ты могла быть поймать летучую мышь! Да вот едят ли кошки летучих мышей?»⁵

5. Перевод Б. Заходера (1972):

Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

– Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку). Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!... Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают ли кошки летучих мышей или нет?⁶

Обсуждение

Прежде чем перейти к нашей оценке переводов, напомним мнение профессиональных переводчиков о цитированных выше переводах. По воспоминаниям Н. М. Демуровой, она высоко ценит переводы В. В. Набокова, А. Рождественской и др., отмечая при этом, что они исходили из принципа русификации, поэтому в тексте появлялся сибирский кот и другие русифицированные персонажи.

Были среди них и неудачные, буквалистские переводы, которые неоднократно переиздавались в нашей стране, к их числу относятся переводы А. П. Оленича-Гнененко.

Наибольшую популярность в нашей стране приобрел перевод Н. М. Демуровой. В переводческом интервью Е. Калашниковой ей был задан вопрос о том, не является ли перевод «Алисы» самым трудным. Н. М. Демурова ответила: «Все произведения я переводила с удовольствием. А «Алису» – с таким увлечением, что даже не задумывалась, трудна она или нет. Ведь эта сказка как бы игра, в которую Кэрролл играет с читателем, а значит, и с переводчиком» [цит. по: Калашникова 2008: 201]. В этом высказывании заложена важная, на наш взгляд, идея: играя с читателем, автор невольно играет с переводчиком, и переводчик безотказно принимает правила игры, иначе текст будет ему неподвластен.

Переходим к нашей оценке переводов. С нашей точки зрения, представленный выше фрагмент перевода А. П. Оленича-Гнененко является адекватным, т.к. текст содержит все словарные соответствия, передает авторскую идею, показывает рассуждения Алисы, ее разговор самой с собой, ее воспоминания о доме и о любимой кошке Дине.

Перевод А. Рождественской мы рассматриваем как эквивалентный. Автор перевода создает связный текст, который воссоздает атмосферу оригинала, передает настроение Алисы, ее воспоминания и ее желания. Этот перевод представляется нам лучше предыдущего.

Что касается перевода Б. Заходера, мы также относим его к эквивалентному.

Перевод В. В. Набокова близок гармоничному: он читается легко и естественно, как будто изначально текст был написан по-русски, но замена имени *Алиса* на имя *Аня* не представляется необходимой.

Наиболее удачным, с нашей точки зрения, и единственным гармоничным переводом мы признаем текст, предложенный Н. М. Демуровой. Ссылаясь на мнение переводчика о том, что она выполняла

⁴ Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье (сборник), пер. А. Рождественской, перевод стихов А. Френкеля, П. Соловьевой. 2016. URL: <https://mybook.ru/author/lyuis-kerroll/alisa-v-strane-chudes-alisa-v-zazerkale-sbornik/read/?ysclid=mky3cancwh821548216> (дата обращения: 15.01.2026).

⁵ Кэрролл Л. Аня в Стране чудес, пер. с англ. В. Набокова. М.: Сов. композитор, 1991. URL: <https://lib.ru/CARROLL/anya.txt> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес, пересказ с англ. Б. Заходера. 1972. URL: https://lib.ru/CARROLL/alisa_zah.txt (дата обращения: 15.01.2026).

этот перевод с удовольствием, можно сказать, что мы читаем его с таким же удовольствием. Текст не только гармонично переведен, он экологичен по восприятию. Переводчик создает образ текста, который вызывает ассоциации, понятные русскоязычному читателю. Она выбирает языковые средства, которые воспринимаются естественно, так, как будто это не перевод, а первозданный текст. Действительно, переводчик играет с автором английского текста, включая в эту игру русскоязычного читателя. Значимым критерием экологичности мы считаем сохранение в переводе высокой эстетической ценности оригинала. Подчеркнем, что этот вывод можно сделать, лишь обратившись к тексту в целом. Но даже читая фрагмент, убеждаемся в его цельности, ясности, понятности.

Таким образом, в статье мы проанализировали несколько вариантов перевода с английского языка на русский и французский языки, выполненные в разные исторические периоды, что отражает идею переводческого времени, объективно существующего в рамках переводческого пространства. Моделирование переводческого пространства и переводческого времени, которые в совокупности можно рассматривать как переводческий хронотоп, позволяет выстроить систему критериев оценки качества перевода, т.е. приступить к изучению аксиологии переводческого дискурса.

Подчеркнем, что в ходе лингвопереводческого анализа мы не обнаружили ни дисгармоничных, ни неэкологических переводов. Но это не значит, что данные критерии не востребованы. Их изучением занимается эрратология. Кроме того, как показывают результаты анализа переводов, выполненных с привлечением ИИ, существует проблема переводческих ошибок и несоответствий, а вместе с ней и проблема дисгармоничности / неэкологичности.

Заключение

В рамках данной статьи был проанализирован аксиологический аспект эпистемы перевода, рассмотренный нами в свете концепции переводческого пространства. Нам важно было показать более

широкий спектр критериев оценки качества перевода, который не может ограничиваться двумя общепринятыми критериями: адекватностью и эквивалентностью. Если ранее мы выдвинули гармонию и дисгармонию как два противоположных критерия, которые дополняют ранее известные, то с введением в научный оборот идей экотранслатологии и экологии перевода появляется критерий экологичности. Основопологающим, но не единственным параметром экологичности является понятность текста актуальным или потенциальным иноязычным реципиентам. Представляется необходимым поиск других параметров экологичности, которые определяются типом текста, подлежащего переводу. Так, при переводе художественного текста, который мы анализировали в данной статье, экологичность определяется сохранением в тексте перевода высокой эстетической ценности оригинала. Можно предположить, что при переводе научного текста возникнут другие параметры, например логичность, что существенно расширит систему критериев оценки качества перевода, которая должна быть апробирована и верифицирована в ходе дальнейших исследований, что внесет существенный вклад в аксиологическое освещение проблем переводческого дискурса.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. В. Кушнина – разработка концепции, методологии, анализ, написание текста. А. И. Криворучко – сбор данных, написание текста (редактирование).

Contribution: L. V. Kushnina developed the research concept and methodology, performed the analysis, and wrote the manuscript. A. I. Krivoruchko collected the data and proofread the manuscript.

Литература / References

- Алексеева Л. М., Шутемова Н. В. Типология перевода. Пермь: ПГНИУ, 2012. 198 с. [Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Typology of translation*. Perm: PSNRU, 2012, 198. (In Russ.)]
- Аликина Е. В., Георгиева Н. Ю., Енбаева Л. В. и др. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология. М.: Флинта, 2020. 336 с. [Alikina E. V.,

- Georgieva N. Yu., Enbaeva L. V. et al. *Translation theory in the classical and modern research paradigm: Ontology, methodology, and axiology*. Moscow: Flinta, 2020, 336. (In Russ.)]
- Аликина Е. В., Кушникова Л. В., Мощанская Е. Ю., Швецова Ю. О., Алексеева Л. М., Мамонова Е. Ю., Пластинина Н. А. Теоретические и методические основы профессиональной подготовки переводчиков. М.: Флинта, 2023. 140 с. [Alikina E. V., Kushnina L. V., Moshchanskaya E. Yu., Shvetsova Yu. O., Alekseeva L. M., Mamonova E. Yu., Platinina N. A. *Theoretical foundations of the methodology of teaching translation*. Moscow: Flinta, 2023, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lxvfbt>
- Аристов А. Ю. Прецедентные феномены сказки Ч. Доджсона (Л. Кэрролла) «Алиса в стране чудес». *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 70-1. С. 44–49. [Aristov A. Yu. Precedent phenomenon of the fairy tale by C. Dodgson (L. Carroll) "Alice in Wonderland". *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (70-1): 44–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuvqgb>
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с. [Garbovsky N. K. *Theory of translation*. Moscow: MSU, 2004, 544. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqvian>
- Дрожащих Н. В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла. *Экология языка на перекрестке наук*: Междунар. науч. конф. (Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2011. Ч. 1. С. 29–34. [Drozhaschikh N. V. Ecology of language and culture: Recurrence of meaning. *The Ecology of Language at the Crossroads of Sciences*: Intern. Sci. Conf., Tyumen, 11–13 Nov 2010. Tyumen: TyumSU, 2011, pt. 1, 29–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtqzbv>
- Калашникова Е. По-русски с любовью. Беседы с переводчиками. М.: НЛО, 2008. 608 с. [Kalashnikova E. *In Russian with love. Interviews with translators*. Moscow: NLO, 2008, 608. (In Russ.)]
- Князева Е. А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2024. Т. 17. № 1. С. 98–118. [Knyazheva E. A. Aspects of translation quality problem. *Lomonosov Translation Studies Journal*, 2024, 17(1): 98–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-98-118>
- Князева Е. А. Оценка качества перевода. История, теория, практика. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2023. 348 с. [Knyazheva E. A. *Translation quality assessment: History, theory, and practice*. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2023, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldiwl1>
- Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи. Текст и его редактирование. 2-е изд., перераб. и доп. Пермь: ЗУИЭИ, 2007. 281 с. [Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Culture of scientific speech: Text and its editing*. 2nd ed. Perm: ZUIER, 2007, 281. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdgryn>
- Котюрова М. П., Баженова Е. А., Кушникова Л. В., Соловьева Н. В., Тихомирова Л. С. Дискурсивные основания рече-ведения: научный текст – новое знание – перевод. М.: Флинта, 2024. 300 с. [Kotyurova M. P., Bazhenova E. A., Kushnina L. V., Solovyova N. V., Tikhomirova L. S. *Discursive foundations of speech production: Scientific text – new knowledge – translation*. Moscow: Flinta, 2024, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqfgpp>
- Кушникова Л. В., Плюснина Е. М. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития. Пермь: ПГНИУ, 2016. 156 с. [Kushnina L. V., Plyusnina E. M. *Ecology of translation: Prerequisites for its origin and paths of development*. Perm: PSNRU, 2016. (In Russ.)]
- Кушникова Л. В., Фоменко Е. А. Аксиологические факторы перевода: гармоничность vs экологичность. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 8. С. 183–191. [Kushnina L. V., Fomenko E. A. Axiology factors: Translation harmony vs ecotranslation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2024, (8): 183–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-490-8-183-191>
- Песина С. А. Теория перевода. М.: Флинта, 2023. 300 с. [Pesina S. A. *Translation studies in theory*. Moscow: Flinta, 2023, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bpkypu>
- Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: СПбГУ, 2018. 255 с. [Pym E. *Exploring translation theories*. St. Petersburg: SPbSU, 2018, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohlyhf>
- Прошина З. Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности. *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. № 4. С. 100–109. [Proshina Z. G. Ecotranslatology as a model of translation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2016, (4): 100–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.408>

- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009. 713 с. [Rubinstein S. L. *The principles of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2009, 713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxemdww>
- Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: Флинта, Наука, 2015. 464 с. [Sdobnikov V. V. *Translation and communicative situation*. Moscow: Flinta, Nauka, 2015, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdxtbl>
- Скрябина А. М. Идеи английского просвещения в сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2018. № 6. С. 118–123. [Skryabina A. M. Ideas of the English Enlightenment in the Lewis Carroll's fairy tale "Alice in Wonderland". *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2018, (6): 118–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysqlgp>
- Фоменко Е. А. Особенности восприятия текста иноязычным реципиентом: моделирование экологичной рецепции перевода. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2025. № 9. С. 173–180. [Fomenko E. A. Features of text perception by a foreign recipient: Modeling ecological reception of translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2025, (9): 173–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-503-9-173-180>
- Хомутова Т. Н., Орехова Е. В., Силкина О. М. и др. Интегральная лингвистика. Челябинск: ЮУрГУ, 2023. 267 с. [Khomutova T. N., Orekhova E. V., Silkina O. M. et al. *Integral Linguistics*. Chelyabinsk: SUSU, 2023, 267. (In Russ.)]
- Чистова Е. В. Экокогнитивный подход к методологии и дидактике перевода (на примере управленческого кейса). *Перевод, переводоведение и дидактика перевода. Восток и Северо-Восток России*, ред. Н. Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2025. С. 186–209. [Chistova E. V. Ecocognitive approach to the methodology and didactics of translation: A management case. *Translation, Translation Studies, and Translation Didactics: The East and Northeast of Russia*, ed. Gavrilenko N. N. Moscow: Flinta, 2025, 186–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dhapnn>
- Chistova E. V. Eco-cognitive model of translation activity: Methodological boundaries and perspectives. *Synergy of Languages & Cultures 2021: Interdisciplinary Studies*. St. Petersburg: SPbSU, 2022, 116–128. <https://elibrary.ru/iddjbu>
- Hu G. *Eco-Translatology. Towards an eco-paradigm springer of translation studies*. Singapor, 2020, 312. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-2260-4>
- Lederer M. *La traduction d'aujourd'hui: le modèle interprétatif*. Paris: Hachette, 1994, 224.
- Sandron E. Alice et les merveilles françaises. *TransLittérature*, 2003–2004, (26): 12–17.
- Snell-Hornby M. *Translation studies. An integrated approach*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 1988, 172.

обзорная статья

eLibrary EDN: IETWMW

Сферы, стили и жанры цифровой риторики

Бушев Александр Борисович

Тверской государственный университет, Россия, Тверь

eLibrary Author SPIN: 8107-2579

<https://orcid.org/0000-0002-8730-0078>

Bushev.AB@tversu.ru

Аннотация: В работе обсуждаются сферы, стили и жанры цифровой неориторки. Цель – предложить концепцию цифровой риторики на фоне панорамного обсуждения имеющихся в научной литературе подходов. В настоящее время наблюдается рост популярности новой фактуры речи – электронной. Объект исследования – неустно-неписменный электронный дискурс, характеризующийся особенностями графики, пунктуации, лексики и синтаксиса. С лексической точки зрения показателен сниженный характер лексики: используются городское просторечье, общий жаргон, обцензизмы. Такое общение является гиперэмоциональным, гипероценочным. На риторическом уровне такому дискурсу свойственны явления интертекстуальности, коллективного авторства, иронии, вербальной агрессии. Традиционные стилевые концепции к данному дискурсу неприменимы, так как собственно языковая специфика нехарактерна для различных сфер общения. В статье представлена классификация неустно-неписменного электронного дискурса в зависимости от цели общения (неориторическая концепция). Специфика типологии такого дискурса строится на экстралингвистических основаниях. В работе выделяются жанры электронного дискурса в художественном творчестве, в сфере медиа, в сфере бытового повседневного общения. Среди обсуждаемых жанров есть как собственно новые, так и традиционные жанры, подвергшиеся трансформации в электронной фактуре речи. С социолингвистической точки зрения понятна иная стратификация в виртуальном общении, иные признаки организации группового общения. Нарушение конвенций вежливости может приводить к запрету на общение. Установлено, что этикет такого общения отличается от офлайн-этикета. С психологической точки зрения понятен лично-публичный характер коммуникации. Этот формат встречается довольно часто, он оказывает влияние на другие сферы жизни (медиакоммуникация).

Ключевые слова: стилистика, жанры, электронный дискурс, коммуникация в новых медиа, цифровая неориторика, нормативность в речи

Цитирование: Бушев А. Б. Сферы, стили и жанры цифровой риторики. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 617–628. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-617-628>

Поступила в редакцию 04.01.2026. Принята после рецензирования 23.04.2026. Принята в печать 27.04.2026.

review article

Spheres, Styles, and Genres of Digital Rhetoric

Alexander B. Bushev

Tver State University, Russia, Tver

eLibrary Author SPIN: 8107-2579

<https://orcid.org/0000-0002-8730-0078>

Bushev.AB@tversu.ru

Abstract: The report discusses the spheres, styles, and genres of digital neorhetoric against the background of various approaches to digital rhetoric in contemporary literary studies. E-speech is a spontaneous form of e-discourse that follows neither the rules of oral nor of written speech, involves graphics, and demonstrates a specific punctuation, vocabulary, and syntax. The vocabulary consists of substandard urban vernacular with elements of general jargon and frequent obscenities, which makes communication hyperemotional and evaluative. At the rhetorical level,

such discourse is intertextual (collective authorship), ironic, and aggressive. Traditional stylistic concepts are inapplicable since this discourse is at the intersection of various spheres of communication. The article introduces a neorhetoric classification of e-discourse as non-oral and non-written, depending on the communicative purpose or sphere, which means that the typology relies on extralinguistic grounds: verbal art, media, everyday communication, etc. Some of the genres discussed are totally new, while others are digitally modified traditional genres. From a sociolinguistic perspective, virtual communication has a different stratification and principles of group communication. Netiquette is different from offline etiquette, but a violation of e-politeness may lead to a ban on communication. From a psychological perspective, e-communication is both personal and public, which affects media socialization.

Keywords: stylistics, genres, electronic discourse, communication in new media, digital neorhetoric, speech norms

Citation: Bushev A. B. Spheres, Styles, and Genres of Digital Rhetoric. *SibScript*, 2026, 28(4): 617–628. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-617-628>

Received 4 Jan 2026. Accepted after peer review 23 Apr 2026. Accepted for publication 27 Apr 2026.

Введение

В настоящее время наблюдается рост популярности новой фактуры речи – электронной. Вместе с этим меняется и репертуар медиапотребления. Возникла трансграничная, мультимедийная, гипертекстовая, интерактивная среда общения, средства массовой информации (СМИ) преобразовались в средства массовой коммуникации (СМК), отражая процессы виртуализации, медиатизации и цифровизации коммуникации [Мечковская 2009]. Мы являемся свидетелями и участниками изменившегося понимания медиа, иного медиапроизводства и иного медиапотребления. Электронный дискурс прочно закрепился в нашей жизни, нами строятся дисплейные тексты. Все это обуславливает актуальность теоретической разработки данной темы. Настоящая работа посвящена особенностям спонтанного неинституционального (так называемого неустно-неписменного) электронного дискурса.

Цель исследования – предложить концепцию цифровой риторики на фоне панорамного обсуждения имеющихся в научной литературе подходов. Задачи:

- 1) охарактеризовать языковую «ткань» цифровой риторики, ее стилевую и жанровую специфику;
- 2) дать классификацию цифрового дискурса в зависимости от цели коммуникации.

Работа базируется на многолетних наблюдениях над спецификой вербального поведения в Сети, отраженных в том числе в многочисленных исследованиях автора.

Сегодня наблюдаются иные принципы построения дисплейного текста и электронной коммуникации. Объект исследования – спонтанный неинституциональный неустно-неписменный электронный

дискурс, характеризующийся особенностями графики (сокращения, капслок, скобки, эмодзи, особенности пунктуации), синтаксиса, лексики (своя аббревиация, акронимия, иконичность, сленг) [Асмус 2007; Бушев 2024; Галичкина 2012; Казнова 2009; Калашникова 2014; Трофимова 2004; Crystal 2006; Ranger 2007]. Подчеркнем, что «пренебрежение» нормами выражает тенденцию к экономии средств общения, к моде, к криптографии (что, собственно, свойственно любой системе аргументации) [Евтушенко 2022; Космарская 2022]. При оценке новой фактуры речи в ней видится тенденция к усложнению языков в сочетании со стилистической демократизацией общения.

В результате для изучения неустно-неписменного электронного дискурса нами были выделены уровень исследования языка новой фактуры общения, уровень риторики (коммуникации) сообщения и уровень массовой лично-публичной коммуникации [Бушев 2021].

С лексической точки зрения в спонтанном сетевом неустно-неписменном дискурсе показателен сниженный характер лексики: используются городское просторечье, общий жаргон, обцензизмы. Сетевое общение характеризуется как эмоциональное, гипероценочное. На риторическом уровне такому дискурсу свойственны явления интертекстуальности, коллективного авторства, иронии, вербальной агрессии.

Ученые рассуждают о том, насколько этот дискурс характеризуют такие признаки, как иллюзорность, виртуальность, а также насколько онлайн-общение отличается от офлайн-общения [Иванов

2002; Носов 2001; Силаева 2008]. Теория виртуализации говорит о порожденности, автономности, коммуникативных особенностях виртуального дискурса [Bühl 2000; Kroker, Weinstein 1994; Lafrance 2013; Rheingold 1993]. Последние проявляются в гипероценочности, агрессивности, аддикции, игровых возможностях, социальном солипсизме. Признаками лично-публичной коммуникации являются анонимность, безнаказанность, карнавализация, бесчисленные легкие возможности самопрезентации [Дубовая 2023].

Вербальное оскорбление и агрессия обсуждаются в составе кибербуллинга – сложного психологического феномена, проявляющегося во флейминге, харассменте, гриферстве, троллинге, клевете, раскрытии секретов, мошенничестве, исключении, киберсталкинге, домогательстве, очернении, присвоении себе ника, преследовании, угрозах [Вербальный буллинг... 2018]. Кроме этого, появились новые феномены: e-mail-фишинг, смишинг, вишинг, spear fishing. Агрессия проявляется в виде оскорблений, угроз, крика, иронии, необоснованных замечаний.

На сегодняшний день в Интернете формируется агональный дискурс (дискурс противоборства). Инвективность выступает наиболее показательной чертой агонального дискурса. Но возникает вопрос: являет ли она собой часть агрессии или стратегию бесконфликтного поведения? Несомненно, в агональном дискурсе присутствуют и агрессия (так называемый хейт), и ирония, и игра. Негативная оценка объекта сменяется в дискуссии взаимными негативными оценками сторон, агрессией, инвективами и буллингом [Бушев, Золотова 2024; Щербинина 2008]. Выделим косвенные стратегии негативной оценки: она может быть выражена прямо и метафорически, сниженно и иронически, риторически через стратегии обобщения, стереотипизации, умаления, гиперболизации, необоснованных замечаний и т.д.

Подчеркнем, что для того, чтобы количественно оценить инвективность и вербальную агрессию, необходимо изучать мнения-оценки носителей языка и экспертов опросными методами и статистику правоприменения – хулиганство в виде публичного сквернословия, заведомо ложные доносы, фейки,

экстремизм, решения об удалении информации провайдерами, разжигание ненависти различного рода, нарушение презумпции частной жизни, клевета, диффамация, оскорбления, нанесение ущерба чести, достоинству и деловой репутации и т.д. [Понятие чести... 1997; Рассолов 2021].

С социолингвистической точки зрения понятна иная стратификация в виртуальном общении, а также иные признаки организации группового общения [Дедова 2023; Сидорова 2006; Социальные сети... 2013; Фадеева, Торохова 2022; Doueihi 2013].

Нарушение конвенций вежливости может приводить к запрету на общение, этикет такого общения отличается от офлайн-этикета. Возникает вопрос, насколько эти явления свойственны собственно самой лингвокультуре? Ключевые характеристики этикетного общения – уместность, точность, краткость и правильность – находят свое преломление в новой фактуре речи. Это отдельный вид этикета – сетевой¹ [Лукинова 2020; Shea 1994]. Рассмотрим, как проявляются четыре ключевые правила – вежливость, тактичность, естественность, достоинство – в сетевом этикете, каковы собственно языковые, коммуникативные, риторические, феноменологические правила поведения в данной среде (по сравнению с офлайн-коррелятами). Примечательно, что этикет миллениалов связан с телефоном: невежливо листать картинки, невежливо громко разговаривать и т.д. Помимо этого, моветоном считаются игнорирование, флейм, флуд, оффтоп, хотлинкинг и овервокинг.

На массовое обсуждение в силу открытости коммуникации выносятся межперсональное общение. Особенности общения в данной среде – равный статус, виртуальность, специальная этика, сжатость, эмоциональность, толерантное отношение к нормативности речи, сниженность речи, коллективное авторство. С психологической точки зрения показателен лично-публичный характер коммуникации. Публичные персоны могут быть предметом публичного обсуждения незнакомыми людьми. Этот формат широко распространен, он оказывает влияние на другие сферы жизни (медиасоциализация).

В таком общении показательной является новизна медиаметрии. В современных исследованиях социология общественного мнения в виде традиционных

¹ Иевлев П. 31 правило поведения в Интернете: сетевой этикет 2023. Понимание сетевого этикета: неписанные правила общения в сети Интернет. *Цифровой океан* РФ. 22.07.2023. URL: <https://digitalocean.ru/n/pravila-bezopasnogo-povedeniya-v-internete> (дата обращения: 30.09.2025).

соцопросов и фокус-групп тесно связана с анализом социальных сетей, цифровой пропаганды, семиотики визуального, изучением сетевой формы распространения информации (social listening), мобилизации, сетевой агитации, политического маркетинга, цифровой политики.

В то же время компьютерные специалисты предлагают статистический анализ и метрики кликабельности, определения тона сообщений, подсчет лайков, репостов и комментариев (анализ вовлеченности). Автоматизированный анализ данных и машинное обучение становятся ключевыми инструментами для обработки больших массивов цифровой информации. Охваты, вовлеченность, просмотры и клики – базовые индикаторы успешности коммуникационных стратегий в цифровой среде. Исследования продвижения в социальных сетях активно используют метрики вовлеченности (лайки, репосты, комментарии) как показатели резонанса контента с аудиторией. Так, в цифровую политическую коммуникативистику проникают такие методы исследования цифровых коммуникаций, как анализ социальных сетей, работа с большими данными (Big Data), мониторинг трендов, парсинг сообщений, машинное обучение для анализа тона и эмоциональных реакций. Они применяются для изучения онлайн-кампаний, ботов, мемов, цифровой пропаганды. Данные методы стали ответом на стремительный рост объема и скорости генерации политического контента.

Анализ больших данных (Big Data Analysis) из социальных сетей исследует динамику распространения информации, выявление ключевых инфлюенсеров и «расширителей» повестки, картографирование политически активных сообществ. Например, принцип работы метода LDA (Latent Dirichlet Allocation) – одного из наиболее популярных методов тематического моделирования (Topic Modeling) – состоит в алгоритмическом выявлении скрытых тематических структур в больших текстовых массивах. При этом рассматриваются основные кластеры повестки (например, автоматически выделить темы *пенсионная реформа*, *внешняя политика*, *коррупция* в миллионах твитов), их динамика и взаимосвязи. Анализ сетей (Network Analysis) исследует структуру политического поля в социальных сетях: кто на кого подписан, кто кого ретвитит, как формируются «пузыри» и «эхо-камеры», как информация проникает из одного сообщества в другое. Анализ тональности (Sentiment Analysis)

и эмоций представляет собой автоматическое определение отношения к политическому субъекту или событию. Такой анализ направлен на изучение динамики поддержки / негатива в отношении темы, корреляции между медиасобытиями и всплесками определенных эмоций (гнев, радость, страх) в публичном поле. Необходимо, однако, учитывать тот факт, что предлагаемые в новейших работах методы политического маркетинга нуждаются в оценке их валидности, и эта оценка крайне затруднительна.

Исследуемая коммуникация позволяет выявить языковые универсалии и риторические особенности общения. Мы задаемся вопросом, какую функцию вообще выполняет неформальная ИТ-коммуникация? Важными представляются не только ее языковые, но и социальные, психологические особенности. Так, при изучении интерактивности блогеров нами рассматривается специфика комментариев к текстам видеоблогера. Нами выделены «стратегии презентирования комментаторами собственных воспоминаний, стратегии оценочности, комментирование с установкой посмеяться, комментирование с установкой конструктивной критики, стратегия комментирования с установкой на конфликт» [Бушев 2025: 330]. Такие стратегии комментирования раскрывают механизмы понимания текста, техники его интерпретации, специфику оценки, целевую установку цифрового дискурса.

Психологический смысл неформального электронного общения для самой личности коммуниканта представляется понятным: при разработке этого аспекта мы концентрируемся на проблемах психологии коммуникации – развитии процессов памяти, рефлексии, критического мышления, самопрезентации (солипсизма), межличностного взаимодействия.

Институциональное общение в Интернете представляется общением по законам офлайна. А вот неформальное общение существует по законам неустно-неписьменного дискурса электронной фактуры.

При этом типичные стилистические стратификации оказываются к электронному дискурсу неприменимыми. Ведь и деловое, и бытовое, и научное, и публицистическое общение отличается указанными особенностями, если оно неофициальное. Необходимой представляется иная, новая классификация. Возникают вопросы: зачем люди ведут блоги, зачем вступают в такое общение? Как проявляют себя в электронном дискурсе коммуникационная

функция, фатическая, самопрезентации, функция развлечения, удержания социальных связей, мемуаров, контактов с самими собой? [Волохонский 2006]. Можно выделить такие существенные сферы электронного общения, как экономическая активность² [Ганеев 2016; Кожушко и др. 2015], политическая мобилизация [Лебедева, Минаева 2023; Eyries 2021], общение с государственными органами, образование [Буданцев 2020; Новые компетенции... 2023; Уваров и др. 2019; Baran, AlZoubi 2020a; 2020b; Camilleri, Camilleri 2022; Clinton-Lisell 2021], медиум культуры и потребления культуры [Hobbs 2010], контент для хобби, социологические исследования [Докторов 2013], творчество [Бушев 2022], память [Павловский 2023].

Привлекает внимание жанровость такого общения. Жанр известен как смысловой комплекс, несущий память традиции. Жанроопределение – часть герменевтической техники экспектации, антиципации. Тематика, стиль, техника исполнения, риторика лежат в основе жанров. Например, литература понимается как система жанров. Также разработана система жанров СМИ. По мнению В. Т. Третьякова, медиажанры являют собой «болванки», смысловые модели, стандартные детали на стандартном заводе [Третьяков 2013]. Кроме того, отметим, что существует система жанров устной речи.

Результаты

В течение длительного времени в фокусе нашего исследовательского внимания находились языковые и риторические особенности коммуникации в блогосфере; описаны языковые особенности такой коммуникации, а ее риторика продолжает обсуждаться.

В электронной среде показательна как трансформация существующих жанров, так и возникновение совершенно новых жанров публичного и частного общения: SMS-сообщение, электронное письмо, электронная рассылка, реплика в чате, пост, лендинг, баннер, статья в Википедии, видеоролик, анимация, сторис, квиз, интерактивные жанры (подкаст, мем, стрим). В художественном творчестве в электронной среде возникают такие жанры, как мультимедиаарт, видеоинсталляция, нет-арт, видеопоззия³ [Биксултанова, Белькова 2025].

Внимание привлекают рамка креолизированной коммуникации, креолизация дискурса в социальных сетях и особенности его фактуры в свете стратегий визуальности [Разлогов 2010; Сальникова 2012]. На рисунке приведен пример из политического цифрового блогерского предвыборного дискурса.

По сути, из литературных текстов сетевыми можно назвать лишь те тексты, которые строятся по принципам интернет-коммуникации в мировой паутине

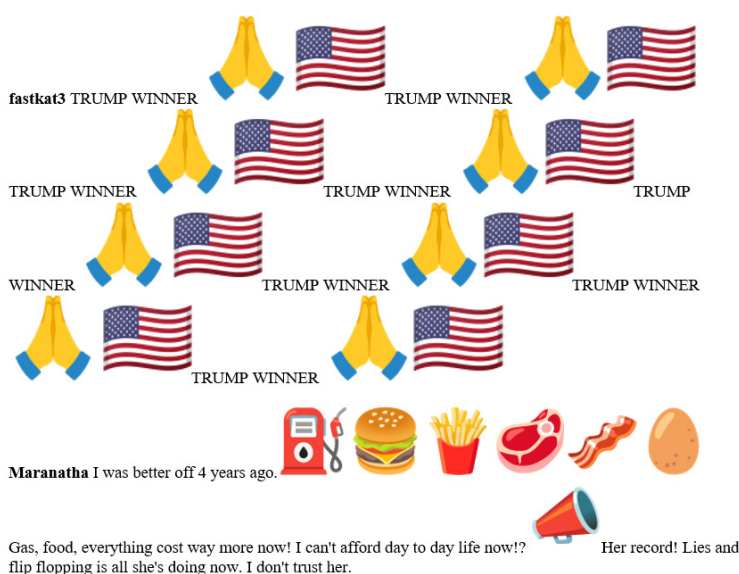

Рис. Пример креолизированной коммуникации из политического цифрового блогерского предвыборного дискурса
Fig. Creolized communication in e-discourse (from a political blog)

² Швецова Т. Гид по основным видам контента. *Unisender*. 16.11.2022. URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/vidy-i-tipy-kontenta-v-socialnyh-setyah-i-rassylkah/#anchor-1> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Фестиваль видеопоззии «Видеостихия». *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/if_videostihiya (дата обращения: 30.07.2025).

и могут полноценно функционировать только в ней. Активно экспериментальные произведения создаются в конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «Стихня» В. Кламма, «оконная поэзия» Г. Жердева, инсталляции О. Лялиной, флеш-поэма «Свалка» Е. Коцюбы, гипертексты «Роман» Г. Лейбова, «Иннокентий Марпл», «Межлокальная Контрабанда» [Шуников 2021].

В медийной практике также происходят определенные изменения. Например, появляются лонгриды, инфотейнмент, VR и AR, подкасты, онлайн-трансляции, стримы, мемы [Авдониная, Богатырёва 2020; Newman 2020; Vyrovtsseva 2018]. Медиа в Интернете приобретают нетрадиционную форму: сайты, мобильные приложения, блоги, каналы в мессенджерах, подкасты, каналы, аккаунты, группы в социальных сетях, рассылки.

В результате нами представлены следующие сферы цифровой риторики: медиа, политика, экономика, культура, образование, взаимодействие с государственными органами, творчество, память, межперсональное и интрапсихическое общение.

В настоящее время появляются принципиально новые способы творения, распространения, потребления литературы [Беррефас 2024; Маринова 2022; Русский язык и русская литература... 2022; Тошович 2024; O'Sullivan 2019]. Так, возникает гипертекст литературы, интерактивная литература, вебкомиксы, автоматическая ее генерация. Такую литературу характеризует ряд новых черт – архивирование, анонимность, криптография, краудфандинг, цифровая креативность, монетизация. Основными признаками цифровой литературы выступают использование гипертекста, мультимедиа, интерактивности и возможностей искусственного интеллекта.

На сегодняшний день в цифровой литературе пока отсутствуют произведения, которые можно было бы назвать эталонными. Стоит обозначить, что цифровая литература отличается от дигитализированной. Сетература, фанфики, фандомы, «стишки-пирожки» – все это относится к цифровой литературе. Например, фанфик – жаргонизм, обозначающий любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства, комиксов, а также компьютерных игр и т.д. Авторами подобных сочинений – фикрайтерами – как правило, становятся поклонники оригинальных произведений.

Блог-литература может писаться как в полном соответствии с форматом дневника (особенности дневниковых записей, даты, стиль, обращения и т. п.), так и просто набором записей – постов и комментариев, коллективным творчеством (например, сообщества).

Феномен Wreadership представляет собой переход между написанием и чтением, открытостью и незаконченностью.

Ставится ряд вопросов: Каковы же жанры новых медиа или новые жанры медиа? Или это не жанры, а форматы? Отличается ли онлайн-интервью от интервью? Должен ли и может ли блог восприниматься как очерк? В результате возникает новая риторика создания текста в новостной журналистике [Амзин 2021].

В электронной фактуре представлено значительное количество дискурсов с разной степенью их формальности, институциональности. Некоторые тематические дискурсы стали публичными впервые.

Жанры электронного повседневного общения характеризуются размытием границ между устной и письменной речью, демократизацией общения (в неполном списке его признаков отметим просторечье, жаргон, говоры и диалекты, социолекты). Возникает особый интернет-фольклор – интерлор. В интернет-пространстве бытуют и собираются новые фольклорные названия. Например, такие названия широко представлены на форуме общественного транспорта⁴. Также обретают новую почву в Интернете меморатный рассказ, легенда.

Характерно особое представление о конвенциях и коммуникативных особенностях нелитературной речи. В настоящее время происходит становление норм электронной речи. Эти нормы варьируют в зависимости от жанра. Даются технические, административные, психологические рекомендации-требования для пользователей. Но возникает вопрос, насколько этот новый нарождающийся цифровой этикет специфичен для культур и лингвокультур? Можно с уверенностью утверждать, что отсутствие межличностного контакта в таком общении компенсируется его гиперэмоциональностью. Показателен феномен цифровой репутации, где ритор сам является строителем своего имиджа. Пользовательский контент также может привлекать внимание в этой среде.

⁴ Московский фольклор. Форум общественного транспорта. 24.09.2008. URL: <https://forumot.ru/topic/22897-московский-фольклор/> (дата обращения: 30.07.2025).

Наблюдаются иные принципы построения дисплейного текста. Таковы, например, иные принципы построения обучающего текста с учетом базовых принципов визуального восприятия: короткие вертикальные видео (рилс), интегрирующие элементы мемов, челленджей и сторителлинга. Кроме того, происходит учет базовых принципов восприятия – принципа контраста, принципа иерархии, принципа баланса, а также характерен учет интерактивного пользовательского контента⁵ [Hoof Graafland 2018; Lambert 2013; Ohler 2013].

Доказательность стилистики в какой-то мере подтверждается метриками (измерением поведения читателей). В маркетинговых коммуникациях визуальный контент трансформируется в инструмент эмоционального воздействия и конверсии [Аракелян 2016; Бабкина 2023].

Показательной является интеграция актуальных трендов в электронный дискурс. Минимализм, микроконтент, персонализация – главные дидактические требования представления информации [Luzon, Cubillas 2022; Lymperi 2021; Robin 2016; Van Laar et al. 2020; Xie 2016; Yang 2012].

Итак, актуальным остается вопрос о креолизации дискурса (поликодовость, текст плюс картинка) и о нелинейности контента. Стоит отметить, что в контент могут входить такие «инфомолекулы», как фотолента, фотогалерея, слайд-шоу, карикатура с анимацией, интерактивная видеоклонка, мультискрипты, инфографика, таймлайн, карта, лонгрид, боты, виртуальная и дополнительная реальность⁶. Все это тесно связано с изучением интермедийности литературы, т. е. ее взаимодействия с новыми информационными технологиями.

Заключение

Сетевое общение стремительно развивается. В настоящее время устанавливаются иные принципы построения дисплейного текста (креолизованный интерактивный гипертекст). Эти устанавливаемые ex tempore нормы варьируются в зависимости от жанра коммуникации. В цифровой коммуникации отсутствует межличностный контакт, становится значима цифровая репутация, ставится вопрос о том, насколько цифровой этикет специфичен для культур и лингвокультур в эпоху глобализации.

Исследуемый дискурс охватывает многие сферы. Новые дискурсивные практики цифровой дипломатии, цифрового маркетинга, дискурс памяти, цифровая журналистика, политическая сетевая мобилизация и цифровая политика, цифровое сетевое обучение, социологический анализ в Интернете, цифровая литература, сетевое искусство – основные виды дискурса, классифицируемые в зависимости от цели деятельности.

Для электронного дискурса характерны следующие явления: новые представления об авторе, специфика гипертекста, коллективная идентичность, коллективное авторство. В современных условиях происходят модификации жанров, возникают совершенно новые жанры (фанфикшн, видеопозия, лонгрид). Помимо этого, появляются новые стратегии авторства, происходит фиксация субкультур в интернет-дискурсе и возникает особый сетевой фольклор – интерлор.

Отметим, что формат new media возникает благодаря новым качествам медиа – интерактивности, мультимедийности, конвергентности, гиперактивности. В качестве особенностей новых медиа стоит выделить следующие: лонгрид, интерактивная инфографика, журналистика данных, геймификация, иное понимание сюжета (взаимодействие с прежними, другими сообщениями), новые «инфомолекулы» (слайд-шоу, инфографика). Кроме того, характерно иное понимание производства информации. Форматы визуального контента представлены баннерами, инфографикой, статичными и динамичными фотографиями, видеороликами, анимацией, сторис, а также интерактивными инструментами (квизы, AR-фильтры, интерактивные карты). Автор дискурса как модератор пользовательского контента стремится к интеракции. Для современного медиа характерны рассылка, сайт, работа с медиа, с аудиторией.

Таким образом, связь филологии и новых сетевых технологий носит двойственный характер. С одной стороны, она проявляется в описании: язык в Интернете, литература в Интернете, фольклор в Интернете, искусство в Интернете. С другой стороны, видна помощь интернет-технологий в теории: языковедение (лингвистика), литературоведение, фольклористика, искусствоведение.

⁵ Core Principles of media literacy education. *NAMLE*. URL: <https://namle.net/resources/core-principles/> (accessed 30 Jul 2025).

⁶ Beckett C. New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence. *LSE Blogs*. 18 Nov 2019. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/polis/2019/11/18/new-powers-new-responsibilities/> (accessed 30 Jul 2025).

Эпоха цифровизации существенно повлияла и на науку. Появляется не только новый материал (изменения в стилистике, трансформация языковой нормы, новые жанры в новой фактуре речи на уровне дискурса – агрессивность, ирония, креолизация и интерактивность), но и новые методы получения материала (например, статистика корпусов). Полевые исследования также проводятся в дистанционном формате (например, исследования арденского региолекта французского языка путем опроса носителей и изучения их письменных источников, доказательная социолингвистика, опросы, наблюдение за речевым узусом). Помимо этого,

показательным является синтез языковой социолингвистической нормы программами искусственного интеллекта. Анализ языка и стиля проводится при помощи компьютерных программ (например, анализируется такое явление, как ритм).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Авдонина Н. С., Богатырёва В. Н. Актуальные тенденции цифровой журналистики и новых медиа. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. 2020. № 2. С. 9–18. [Avdonina N. S., Bogatyreva V. N. Current trends of digital journalism and new media. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Sholom-Aleichema*, 2020, (2): 9–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ayfpdf>
- Амзин А. А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. М.: АСТ, 2021. 400 с. [Amzin A. A. *Internet journalism. How to write good texts, attract audience, and make money from it*. Moscow: AST, 2021, 400. (In Russ.)]
- Аракелян А. А. Продвижение бренда "CHANEL" в социальной сети «ВКонтакте». *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2016. № 40-1. С. 42–45. [Arakelyan A. A. Promotion of the CHANEL brand in the VKontakte social network. *Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*, 2016, (40-1): 42–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvyazx>
- Асмус Н. Г. Интернет-коммуникация в аспекте научного знания. *Языки профессиональной коммуникации: 3-я Междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–25 октября 2007 г.)* Челябинск: Энциклопедия, 2007. Т. 1. С. 252–257. [Asmus N. G. Internet communication in the aspect of scientific knowledge. *Languages of professional communication: Proc. 3rd Intern. Sci. Conf., Chelyabinsk, 23–25 Oct 2007*. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2007, vol. 1, 252–257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdinql>
- Бабкина К. А. Как и зачем развивать персональный бренд. *Бизнес и дизайн ревью*. 2023. № 2. С. 1–9. [Babkina K. A. How and why to develop your personal brand. *Business and Design Review*, 2023, (2): 1–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuisar>
- Беррефас М. Феномен е-литературы в России. *Langues & Cultures*. 2024. Т. 5. № 2. С. 500–506. [Berrefas M. The phenomenon of e-literature in Russia. *Langues & Cultures*, 2024, 5(2): 500–506. (In Russ.)] <https://doi.org/10.62339/jlc.v5i02.322>
- Биксултанова К. Э., Белькова А. Е. Формы и приемы визуализации, эффектность и эффективность: идеальный ролик видеопоззии. *Libri magistri*. 2025. № 1. С. 50–59. [Biksultanova K. E., Belkova A. E. Forms and techniques of visualization, effectiveness and efficiency: The ideal video image. *Libri magistri*, 2025, (1): 50–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bcwbod>
- Буданцев Д. В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций. *Молодой ученый*. 2020. № 27. С. 120–127. [Budantsev D. V. Digitalization in education: A review of Russian scientific publications. *Molodoi uchenyi*, 2020, (27): 120–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vuham>
- Бушев А. Б. Сетевая коммуникация как предмет изучения нескольких феноменов. *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. С. 10–29. [Bushev A. B. Network communication as a subject of study of several phenomena. *Social networks: A comprehensive linguistic analysis*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemsU, 2021, vol. 1, 10–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fqynea>

- Бушев А. Б. Стратегии комментирования в блоге маркетингово-развлекательного характера. *Динамика медиа-систем*. 2025. Т. 5. № 2. С. 330–344. [Bushev A. B. Commenting strategies in marketing and entertainment blogs. *Dynamics of Media Systems*, 2025, 5(2): 330–344. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2949-3390-2025-5-2-330-344>
- Бушев А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2022. № 2. С. 86–102. [Bushev A. B. The purpose of the social net discourse as the foundation for its classification. *Human being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 2022, (2): 86–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mmldph>
- Бушев А. Б. Языковые и риторические особенности электронной речи. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 6. С. 18–24. [Bushev A. B. Linguistic and rhetoric characteristics of electronic speech. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, (6): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onwrtk>
- Бушев А. Б., Золотова Н. О. Конфликтология цифровой среды: проблемы и решения. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2024. № 1. С. 89–96. [Bushev A. B., Zolotova N. O. Conflicts in the digital sphere: Problems and solutions. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2024, (1): 89–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.1.089>
- Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе, отв. ред. О. В. Кравец. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2018. 263 с. [*Verbal bullying in social networks and foreign language media discourse*, ed. Kravets O. V. Rostov-on-Don: RSUE, 2018, 263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yllzpv>
- Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов. *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность*, ред. В. Л. Волохонский, Ю. Е. Зайцева, М. М. Соколов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 118–131. [Volokhonskiy V. L. Psychological mechanisms and bases of blog classification. *Personality and interpersonal interaction on the Internet. Blogs: A new reality*, eds. Volokhonskiy V. L., Zaitseva Yu. E., Sokolova M. M. St. Petersburg: SPbSU, 2006, 118–131. (In Russ.)]
- Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса. In: Агагюлова С. И., Галичкина Е. Н., Горошко Е. И. и др. *Интернет-коммуникация как новая речевая формация*. М.: Флинта, 2012. С. 53–72. [Galichkina E. N. General characteristics of computer-mediated discourse. In: Agagyulova S. I., Galichkina E. N., Goroshko E. I. et al. *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Flinta, 2012, 53–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnlmcd>
- Ганеев Р. А. Классификация методов продвижения «ВКонтакте». *Economics*. 2016. № 5. С. 53–57. [Ganeev R. A. Classification of VKontakte promotion methods. *Economics*, 2016, (5): 53–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbdgll>
- Дедова О. В. Актуальные направления современной интернет-лингвистики: «язык в Интернете» vs «Интернет в языке». In: Ананьева Н. Е., Галинская Е. А., Дедова О. В., Сидорова М. Ю., Чернейко Л. О. *Русское языковое пространство в синхронии и диахронии*. М.: МГУ, 2023. С. 4–19. [Dedova O. V. Current trends in Internet linguistics: Language on the Internet vs Internet in language. In: Ananyeva N. E., Galinska E. A., Dedova O. V., Sidorova M. Yu., Cherneyko L. O. *Russian language space in synchrony and diachrony*. Moscow: MSU, 2023, 4–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aorqpq>
- Докторов Б. З. От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М.: Директ-медиа, 2013. 72 с. [Doctorov B. Z. *From straw polls to post-Collapse polling methods*. Moscow: Direct-Media, 2013, 72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suluyl>
- Дубовая К. А. Стратегия развития личного бренда через онлайн-платформы и социальные медиа. *Практический маркетинг*. 2023. № 9. С. 48–53. [Dubovaya K. A. Strategies for developing a personal brand through online platforms and social media. *Practical Marketing*, 2023, (9): 48–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2023-9315-48-53>
- Евтушенко О. В. Детские болезни цифрового роста в языке, коммуникации и когнитии. *Русский язык и русская литература в цифровую эпоху*, ред. И. А. Краева, О. К. Иришанова, И. В. Космарская, Д. А. Беляков, И. В. Иванова. Казань: Бук, 2022. С. 24–35. [Evtushenko O. V. Childhood diseases of digital growth in language, communication and cognition. *Russian language and Russian literature in the digital age*, eds. Kraeva I. A., Irishanova O. K., Kosmarskaya I. V., Belyakov D. A., Ivanova I. V. Kazan: Buk, 2022, 24–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/efiwow>

- Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с. [Ivanov D. V. *Virtualization of society. Version 2.0*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2002, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqmxub>
- Казнова Н. Н. Особенности конструирования французского сетевого дневника (к вопросу о выборе речевой маски блоггера). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 39. С. 65–71. [Kaznova N. N. Design features of the French online diary: Choosing a blogger's speech mask. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, (39): 65–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ladpeb>
- Калашникова А. А. К вопросу о феномене языковой личности в современной антропологической лингвистике. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 5. С. 240–243. [Kalashnikova A. A. On the phenomenon of linguistic personality in modern anthropological linguistics. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2014, (5): 240–243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syafx>
- Кожушко О. А., Чуркин И. В., Агеев А. Ю. и др. Интернет-маркетинг и Digital-стратегии. Принципы эффективного использования. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 327 с. [Kozhushko O. A., Churkin I. V., Ageev A. Yu. et al. *Internet marketing and digital strategies. Principles of effective use*. Novosibirsk: RIC NSU, 2015, 327. (In Russ.)]
- Космарская И. В. Новейшие технологии и русский язык: перспективы исследований. *Русский язык и русская литература в цифровую эпоху*, ред. И. А. Краева, О. К. Ирисханова, И. В. Космарская, Д. А. Беляков, И. В. Иванова. Казань: Бук, 2022. С. 8–15. [Kosmarskaya I. V. The latest technologies and the Russian language: Research prospects. *Russian language and Russian literature in the digital age*, eds. Kraeva I. A., Irishanova O. K., Kosmarskaya I. V., Belyakov D. A., Ivanova I. V. Kazan: Buk, 2022, 8–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyfwuq>
- Лебедева Т. Ю., Минаева Л. В. Теория и практика цифровой политической культуры: взгляд французской школы коммуникативистики. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2023. Т. 15. № 1. С. 188–208. [Lebedeva T. Yu., Minaeva L. V. Theory and practice of digital political culture: The views of the French school of communicativistics. *Lomonosov World Politics Journal*, 2023, 15(1): 188–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208>
- Лукинова О. В. Цифровой этикет: как не бесить друг друга в интернете. М.: Эксмо; Бомбора, 2020. 229 с. [Lukina O. V. *Digital etiquette: How not to piss each other off on the Internet*. Moscow: Eksmo; Bombora, 2020, 229. (In Russ.)]
- Маринова Е. В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами: от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: Ленанд, 2022. 304 с. [Marinova E. V. *The language of the Runet on the Web and beyond: From the verbalization of key ideas of the Internet space to the renewal of artistic discourse*. Moscow: Lenand, 2022, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vozzxj>
- Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта, 2009. 582 с. [Mechkovskaya N. B. *The history of language and the history of communication: From cuneiform to the Internet*. Moscow: Flinta, 2009, 582. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtzxtx>
- Новые компетенции цифровой реальности: теория и практика их развития у обучающихся, гл. ред. А. В. Щипцова. Чебоксары: ЧГУ, 2023. 410 с. [New competencies of digital reality: Theory and practice of their development among students, ed. Shchiptsova A. V. Cheboksary: CSU, 2023, 410. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypfigu>
- Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. 17 с. [Nosov N. A. *The virtualistics manifesto*. Moscow: Path, 2001, 17. (In Russ.)]
- Павловский А. Ф. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies*, ред. А. Ф. Павловский, А. И. Миллер. СПб.: ЕУСПб, 2023. С. 7–50. [Pavlovsky A. F. The digital framework of collective memory: Where does the digital turn in memory studies lead? *Memory on the Web: A digital turn in memory studies*, eds. Pavlovsky A. F., Miller A. I. St. Petersburg: EUSP, 2023, 7–50. (In Russ.)]
- Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации, сост. А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. А. Сорокин. М.: Фонд защиты гласности, 1997. 128 с. [The concept of honor and dignity, insults and profanity in the texts of law and mass media, comps. Leontiev A. A., Bazylev V. N., Belchikov Yu. A., Sorokin Yu. A. Moscow: Fond zashchity glasnosti, 1997, 128. (In Russ.)]

- Разлогов К. Э. Искусство экрана. М.: РОССПЭН, 2010. 287 с. [Razlogov T. E. *The art of the screen*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrypnt>
- Рассолов И. М. Право и Интернет. Теория кибернетического права. М.: Норма, 2021. 275 с. [Rassolov I. M. *Law and the Internet. The theory of cybernetic law*. Moscow: Norma, 2021, 275. (In Russ.)]
- Русский язык и русская литература в цифровую эпоху, ред. И. А. Краева, О. К. Ирисханова, И. В. Космарская, Д. А. Беляков, И. В. Иванова. Казань: Бук, 2022. 268 с. [Russian language and Russian literature in the digital age, eds. Kraeva I. A., Irishanova O. K., Kosmarskaya I. V., Belyakov D. A., Ivanova I. V. Kazan: Buk, 2022, 268. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hudndn>
- Сальникова Е. В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 576 с. [Salnikova E. V. *The phenomenon of the visual. From ancient origins to the beginning of the 21st century*. Moscow: Progress-Tradition, 2012, 576. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdtgmb>
- Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М.: 1989.py, 2006. 190 с. [Sidorova M. Yu. *Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication*. Moscow: 1989.py, 2006, 190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qstrnl>
- Силаева В. Л. Интернет как социальный феномен. *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 101–107. [Silaeva V. L. Internet as a social phenomenon. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2008, (11): 101–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtaxad>
- Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества, отв. ред. Л. Н. Верченнов, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М.: ИНИОН РАН, 2013. 360 с. [Social networks and virtual network communities, eds. Verchenov L. N., Efremenko D. V., Tishchenko V. I. Moscow: ISSS RAS, 2013, 360. (In Russ.)]
- Тошович Б. Г. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М.: Флинта, 2024. 520 с. [Tosovich B. G. *Linguistics, stylistics and poetics of virtuality*. Moscow: Flinta, 2024, 520. (In Russ.)]
- Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. М.: Директ-медиа, 2013. 891 с. [Tretyakov V. T. *How to become a famous journalist. A course of lectures on the theory and practice of modern Russian journalism*. Moscow: Direct-Media, 2013, 891. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sullpt>
- Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: РУДН, 2004. 380 с. [Trofimova G. N. *The linguistic taste of the Internet age in Russia: The functioning of the Russian language on the Internet: Conceptual and essential dominants*. Moscow: RUDN, 2004, 380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrijsv>
- Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В., Заславский И. М., Карлов И. А., Мерцалова Т. А., Сергоманов П. А., Фруммин И. Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М.: ИД ВШЭ, 2019. 344 с. [Uvarov A. Yu., Gable E., Dvoretckaya I. V., Zaslavsky I. M., Karlov I. A., Mertsalova T. A., Sergomanov P. A., Frumin I. D. *Difficulties and prospects of digital transformation of education*. Moscow: HSE, 2019, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/anygho>
- Фадеева Н. В., Торохова Е. Д. Алгоритм создания и оформления бизнес-сообщества во «ВКонтакте». *Материалы Афанасьевских чтений*. 2022. № 4. С. 53–55. [Fadeeva N. V., Torokhova E. D. The algorithm of creation and registration of a business community in VKontakte. *Materialy Afanas'evskih chtenij*, 2022, (4): 53–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htnqcp>
- Шуников В. Л. Русская литература в цифровую эпоху. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2021. № 3. С. 102–114. [Shunikov V. L. Russian literature in the digital age. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*, 2021, (3): 102–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqaajx>
- Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 360 с. [Shcherbinina Yu. V. *Verbal aggression*. 2nd ed. Moscow: LKI, 2008, 360. (In Russ.)]
- Baran E., AlZoubi D. Affordances, challenges, and impact of open pedagogy: Examining students' voices. *Distance Education*, 2020a, 41(2): 230–244. <https://doi.org/10.1080/01587919.2020.1757409>
- Baran E., AlZoubi D. Human-centered design as a frame for transition to remote teaching during the COVID-19 pandemic. *Journal of Technology and Teacher Education*, 2020b, 28(2): 365–372. <https://doi.org/10.70725/576491fhmekh>
- Bühl A. *Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000, 541.

- Camilleri M. A., Camilleri A. C. Remote learning via video conferencing technologies: Implications for research and practice. *Technology in Society*, 2022, 68. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101881>
- Clinton-Lisell V. Open pedagogy: A systematic review of empirical findings. *Journal of Learning for Development*, 2021, 8(2): 255–268. <https://doi.org/10.56059/jl4d.v8i2.511>
- Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2006, 304.
- Doueïhi M. *Qu'est-ce que le numérique?* Paris: Presses Universitaires de France, 2013, 64.
- Eyries A. *La communication politique 3.0? La politique à l'épreuve du numérique*. Dijon: Éditions Universitaires de Dijon, 2021, 144.
- Hobbs R. *Digital and media literacy: A plan of action*. Washington, D.C.: The Aspen Institute, 2010, 67.
- Hooft Graafland J. H. *New technologies and 21st century children: Recent trends and outcomes*. OECD Education Working Papers No. 179. Paris: OECD Publishing, 2018, 61. <https://doi.org/10.1787/e071a505-en>
- Kroker A., Weinstein M. *Data trash: The theory of virtual class*. Montreal: New World Perspectives, 1994, 165.
- Lafrance J.-P. *La civilisation du Clic. La vie moderne sous l'emprise des nouveaux médias*. Paris: L'Harmattan, 2013, 244.
- Lambert J. *Digital storytelling: Capturing lives, creating community*. 4th ed. New York-London: Routledge, 2013, 206.
- Luzon B. M., Cubillas T. E. Technological, pedagogical, and content knowledge of intermediate grade teachers in public schools: Influence on work and academic performance. *International Journal of Scientific and Research Publications*, 2022, 12(1): 293–299. <http://doi.org/10.29322/IJSRP.12.01.2022.p12138>
- Lymperi L. *Deep language learning at a distance: Investigating the efficacy of a low-cost blended intervention in the small rural primary schools of Greece*. Dr. Diss. Newcastle upon Tyne, 2021. URL: <http://theses.ncl.ac.uk/jspui/handle/10443/5543> (accessed 30 Nov 2025).
- Newman N. *Journalism, media, and technology trends and predictions 2020*. Oxford: University of Oxford, 2020, 40.
- Ohler J. B. *Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity*. Thousand Oaks: Corwin Press, 2013, 304. <https://doi.org/10.4135/9781452277479>
- O'Sullivan J. *Towards a digital poetics: Electronic literature & literary games*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019, XVIII, 146. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-11310-0>
- Ranger G. *David Crystal, language and the Internet*. Cambridge University Press, 2007, 318. <https://doi.org/10.4000/lexis.1831>
- Rheingold H. *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1993, 325.
- Robin B. R. The power of digital storytelling to support teaching and learning. *Digital Education Review*, 2016, 30(30): 17–29.
- Shea V. Core rules of netiquette. In: Shea V. *Netiquette*. San Francisco: Albion Books, 1994, 32–45.
- Van Laar E., Van Deursen A. J. A. M., Van Dijk J. A. G. M., de Haan J. Determinants of 21st-century skills and 21st-century digital skills for workers: A systematic literature review. *SAGE Open*, 2020, 10(1): 1–14. <https://doi.org/10.1177/2158244019900176>
- Vyrovtsseva E. V. The theory of genres of journalism in the conditions of transformation of a media system. *Information Age*, 2018, 2(4): 22–29. <https://elibrary.ru/yvispb>
- Xie J. Digital storytelling to promote EFL students' motivation and efficiency in content-based classroom. *Education Journal*, 2016, 5(6): 166–173. <https://doi.org/10.11648/j.edu.20160506.17>
- Yang Y. Multimodal composing in digital storytelling. *Computers and Composition*, 2012, 29(3): 221–238. <https://doi.org/10.1016/j.COMPCOM.2012.07.001>

оригинальная статья

eLibrary EDN: IZSTHX

Функционирование категории интердискурсивности в жанре киновлога (на материале платформы Кинориум)

Калашников Михаил Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
mikha.00029@mail.ru

Савельева Ирина Викторовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5642-0447

<https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Scopus Author ID: 57197718513

Аннотация: Статья посвящена исследованию интердискурсивности как ключевого механизма порождения текстов киновлогов. Актуальность работы определяется необходимостью изучения интердискурсивности в новых гибридных жанрах, в частности в любительской кинокритике. Этот жанр, находясь на пересечении личностного дискурса и профессиональной экспертизы, требует лингвопрагматического анализа дискурсивных стратегий, с помощью которых блогеры конструируют доверие и вовлекают аудиторию. Новизна исследования заключается в системном описании лингвистических средств и прагматических функций интердискурсивности в специфическом контексте жанра киновлога. Цель – выявить функционально-прагматические средства реализации интердискурсивности, способствующие достижению коммуникативных целей авторов – субъектов персонального дискурса. Методология включает методы дискурс-анализа, а также лингвопрагматического и лингвостилистического анализа, выполненного на материале текстов, представленных на платформе Кинориум. Комплекс методов позволяет установить способы взаимодействия персонального и профессионального дискурсов, которые выявляются через систему разноразрядных средств и обусловлены реализуемыми автором прагматическими стратегиями. В результате исследования установлено, что интердискурсивность в киновлогах проявляется через системное взаимодействие персонального, профессионального, медийного и интернет-дискурсов. К основным лингвистическим маркерам отнесены: сочетание эмоционально-оценочной лексики со специализированными терминами, использование стилистических фигур, апелляция к личному опыту и привлечение средств интернет-коммуникации. В работе также показано, что с прагматической точки зрения интердискурсивность служит стратегическим инструментом для легитимации субъективной оценки, сокращения дистанции с аудиторией и конструирования убедительного текста, адаптированного к условиям цифровой среды. Это обеспечивает создание многомерного продукта, одновременно интеллектуально насыщенного и эмоционально вовлекающего, который способен оказывать наиболее значительное воздействие на адресата. Изучение реагирования адресата на интердискурсивные вариации, характерные для жанра киновлога, составляет перспективу исследования.

Ключевые слова: интердискурсивность, интернет-коммуникация, прагматические функции, персональный дискурс, профессиональный дискурс, кинодискурс, гибридные жанры, киновлог, кинорецензия

Цитирование: Калашников М. Г., Савельева И. В. Функционирование категории интердискурсивности в жанре киновлога (на материале платформы Кинориум). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 629–643. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-629-643>

Поступила в редакцию 12.12.2025. Принята после рецензирования 30.03.2026. Принята в печать 06.04.2026.

original article

Interdiscursivity in Film Blogging: Kinorium Platform

Mikhail G. Kalashnikov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
mikha.00029@mail.ru

Irina V. Saveleva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 5642-0447
<https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>
Scopus Author ID: 57197718513

Abstract: Interdiscursivity remains largely understudied in new hybrid genres, e.g., in amateur film criticism. However, interdiscursivity is undoubtedly a key mechanism of film blog texts. Amateur film criticism is at the intersection of personal discourse and professional expertise. Bloggers use a diverse range of discursive strategies to build trust and engage the audience, i.e., to achieve their communicative goal. These linguistic tools and pragmatic interdiscursive functions were subjected to a linguistic and pragmatic analysis in the specific context of film blogging. The methods of discursive, pragmatic, and stylistic analyses were applied to texts retrieved from the Kinorium platform to establish ways of interaction between personal and professional discourses, which manifests itself as a system of multi-level tools and depends on the specific pragmatics. Interdiscursivity manifests itself in film blogs through the systemic interaction of personal, professional, media, and internet discourses. The main linguistic markers include a combination of emotionally evaluative vocabulary with specialized terms, stylistic devices, appeals to personal experience, and internet communication tools. From a pragmatic point of view, interdiscursivity proves to serve as a strategic tool for legitimizing subjective assessment, reducing distance from the reader, and digital adaptation. This resulting multidimensional product is both sophisticated and emotional, which makes it especially engaging and influential. Future research will include audience response to the interdiscursive variations in film blogging.

Keywords: interdiscursivity, internet communication, pragmatic functions, personal discourse, professional discourse, film discourse, hybrid genres, film blog, film review

Citation: Kalashnikov M. G., Saveleva I. V. Interdiscursivity in Film Blogging: Kinorium Platform. *SibScript*, 2026, 28(4): 629–643. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-629-643>

Received 12 Dec 2025. Accepted after peer review 30 Mar 2026. Accepted for publication 6 Apr 2026.

Введение

Данное исследование посвящено изучению феномена интердискурсивности в персональном интернет-дискурсе в аспекте реализации интенций авторами кинокритиков и кинорецензий. Актуальность работы определяется несколькими факторами:

1. Наибольший интерес дискурс-аналитиков в настоящее время вызывают новые, гибридные жанры цифровой среды, которые массово распространяются и успешно функционируют в интернет-пространстве.

2. Интерактивный характер, прагматический эффект и вовлекающий потенциал таких жанров заставляют более глубоко исследовать лингвистические механизмы опосредованного общения, учитывать не только прагматические установки субъекта дискурса, но и целевой аудитории [Дзюба, Рябова 2022; Карасик 2000а; 2000б; Савельева, Мельник 2024; Степанова 2018; Чернявская 2007].

3. Исследование лингвопрагматических аспектов дискурсивных образований, формирующихся на пересечении разных коммуникативных формаций, ставит на первый план вопросы универсальных и специфических свойств производства и функционирования профессиональных и непрофессиональных дискурсов в глобальном коммуникативном пространстве.

Если феномен интердискурсивности уже описан в лингвистике, то его реализация в рамках любительской кинокритики – жанра, находящегося на пересечении личностного самовыражения и претензии на профессиональную экспертизу, – остается малоизученной. В одном тексте могут сосуществовать личностно-ориентированный и институциональный типы дискурса, наряду с образцами языка профессионального сообщества привлекаются языковые средства и речевые

стратегии, типичные для медиатекстов, а интернет-платформа детерминирует полимодальный характер текстов [Карпухина 2013; Садовская 2008; Agha 2005; Fairclough 2003]. В условиях возрастающей интенсивности порождения жанров персонального дискурса, таких как личный дневник, личная страница, интернет-комментарий и т.д. [Митягина, Сидорова 2016], возникает потребность понять, как именно любители кинематографа, не являющиеся профессиональными критиками, конструируют образ эксперта и вовлекают аудиторию в обсуждение своих материалов. Впервые действие механизма интердискурсивности рассматривается в контексте киноплога – жанра, сочетающего признаки личного дневника и кинокритики, очевидным образом возникающего на пересечении дискурсов. Лингвопрагматический подход позволяет раскрыть реализуемые авторами-любителями коммуникативно-прагматические стратегии.

Проблема исследования обусловлена противоречием между традиционным восприятием дискурсов как гомогенных систем, сопровождающих тот или иной вид социальной деятельности человека, и реальной практикой их функционирования, в частности в интернет-среде. Оно заключается в неопределенности того, каким образом языковые средства, речевые приемы и дискурсивные формулы, традиционно используемые в одном типе дискурса, будучи перенесенными в другой, не только сосуществуют с его маркерами, но и становятся действенным инструментом реализации авторских интенций, что требует комплексного анализа их адаптации и прагматического потенциала. Соответственно, гипотезой исследования является идея о том, что интердискурсивность в жанре киноплога функционирует как механизм, способствующий реализации автором текста коммуникативных целей.

Объект исследования – интердискурсивность, рассматриваемая как механизм диалогического взаимодействия разнородных дискурсов в пределах одного текста, в ситуации, когда «предметы или проблематика, жанры, инструменты одного дискурса становятся достоянием другого» [Стеблецова, Стернин 2019: 796]. Предмет – дискурсивные средства, маркирующие реализацию интердискурсивности в текстах, формирующих жанр киноплога.

Цель работы – выявить функционально-прагматические средства реализации интердискурсивности, способствующие достижению коммуникативных целей авторов – субъектов персонального дискурса.

Задачи:

1) идентифицировать типы дискурсов, представленных в текстах блогеров, сопоставив их дискурсообразующие признаки и средства реализации;

2) определить системные языковые маркеры интердискурсивности;

3) проанализировать случаи их взаимодействия с учетом ролей участников дискурса, их профессиональной принадлежности и условий виртуальной среды.

Теоретической базой исследования послужили работы [Арутюнова 1992; Дзюба, Рябова 2022; Карасик 2000a; 2000b; 2019; Карпухина 2013; Мишанкина 2013; Савельева, Мельник 2024; Серио 1999; Степанова 2018; Чернявская 2004; 2007; 2009; Agha 2005; Dijk 2008; Fairclough 2003], посвященные дискурсу как особой социокоммуникативной практике современности. Теоретическая значимость исследования может быть осмыслена в связи с установлением новых типов взаимодействия дискурсивных ресурсов в пределах тематически ограниченных форматов гибридных текстов интернет-коммуникации.

Дискурс представляет собой понятие, затрагивающее множество аспектов человеческой жизни, в которых используется язык с различными целями. В зависимости от области, в которой человек применяет язык и речь, выделяют разные типы дискурса [Карасик 2000a]. Несмотря на то что существует множество трактовок термина *дискурс*, исследователи сходятся во мнении, что это речевой продукт, рассматриваемый как социально детерминированное коммуникативное событие, осуществляемое с определенными интенциями и характеризующееся типологически обусловленным коммуникативным пространством [Арутюнова 1992; Карасик 2000a; 2000b; 2019; Красных 2001; Степанова 2018; Dijk 2008].

С позиции социолингвистики дискурс понимают как общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации [Карасик 2019; Мишанкина 2013; Серио 1999; Dijk 2008; Tantucci 2021]. Так, В. И. Карасик делит все дискурсы на два типа: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс, согласно

мнению ученого, проявляется в тех ситуациях, когда для общения не важны институциональные рамки, т. е. когда в диалоге играют роль личности, не скрытые под маской социального статуса, корпоративного положения и т. п. Таким образом, для персонального дискурса важно сокращать дистанцию между говорящими, а также код их сообщения, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего [Карасик 2000b]. По этой причине речевая деятельность автора-блогера соотносится с персональным типом дискурса.

Однако в гибридном пространстве блогинга и в контексте обсуждения кинематографа персональный дискурс неизбежно проявляет признаки профессионального, представляющего особую форму общения, характерную для определенной профессиональной сферы, а также обладающего своими специфическими языковыми и коммуникативными особенностями [Назмутдинова 2007].

По мнению С. В. Ковальской, к маркерам кинодискурса относятся: 1) специализированный лексикон (термины, профессиональные жаргонизмы, аббревиатуры и акронимы); 2) специфические морфологические конструкции (пассивные конструкции, безличные формы, сложные синтаксические структуры); 3) логическая организация текста (четкая структура анализа сюжета, режиссуры, актерской игры, операторской работы, а также последовательное изложение материала от общего к частному); 4) прагматические особенности (специфические правила вежливости, профессиональный этикет, стратегии убеждения); 5) функциональные особенности (информативная функция, оценочная, методическая, коммуникативная) [Ковальская 2024].

М. А. Мясникова и А. В. Трухина считают, что профессиональные кинокритики представляют более полноценную аргументацию, а блогеры-любители замещают аргументы «личными эмоциями, попытками привлечь к просмотру свою аудиторию и подтолкнуть к сиюминутному отклику» [Мясникова, Трухина 2025: 532]. Кроме того, исследователи полагают, что сегодня «цивилизованный блогинг» является дискурсивным пространством, в котором происходит «сближение» экспертов и любителей, осознающих «необходимость изучения теории и истории киноискусства» [Там же: 533].

Очевидно, что жанр киновлога функционирует на пересечении персонального дискурса и кинодискурса. Однако стоит учитывать, что сегодня

эти дискурсивные образования преимущественно локализуются на глобальной площадке Интернета. Поэтому, кроме сравнения параметров персонального и профессионального дискурсов, важно затронуть основные признаки интернет-дискурса в контексте исследуемой проблемы. По мнению Е. Н. Галичкиной, к конститутивным признакам интернет-дискурса относятся:

- бимодальность: блогер пишет пост (асинхронное общение), но может также проводить прямые эфиры (синхронное общение), что создает эффект «живого» диалога;
- презентационность: блогер формирует образ эксперта, лидера мнений или «друга» для аудитории, чтобы привлечь подписчиков и монетизировать контент;
- поликодовость: посты в блогах часто включают текст, фото, видео, инфографику, мемы, ссылки на другие ресурсы;
- лингвокреативность: использование слов-неологизмов (*лайкать*, *репостить*, *хайпнуть*), а также создание мемов, шуток и т. д.;
- интерактивность: функции комментариев, опросы, голосования, прямые эфиры, реакции на сообщения подписчиков;
- ювенилизация: использование молодежного сленга, мемов, челленджей, игровых форматов взаимодействия;
- жанровая специфика (персональный эпистолярный жанр): личные дневники, истории успеха, откровенные рассказы о жизни, советы, рефлексия [Галичкина 2021].

Исследуемая в данной работе категория интердискурсивности функционирует как пересечение и сосуществование дискурсов, т. е. социально и культурно обусловленных способов говорения и мышления. Каждый вид дискурса неизбежно вступает в отношения с другими дискурсами, вбирая в себя их элементы, следы, фрагменты или целые блоки [Габец 2021].

Многие авторы сходятся в понимании интердискурсивности как фундаментального свойства дискурса, находящегося на стыке когнитивных и коммуникативных процессов. По мнению Е. Г. Малышевой и И. А. Крамаря, «феномен интердискурсивности обнаруживает диффузность современных специальных дискурсов» [Малышева, Крамарь 2017: 108]. Основные различия между ними лежат не в сути явления, а в ракурсе исследования: первый фокус – на теоретическом соотношении понятий

и общих механизмах [Марченко 2020; Чернявская 2004; 2007; 2009], второй – на лингвопрагматике и воздействии в медийной среде [Стеблецова, Стернин 2019], третий – на анализе гибридизации в художественно-документальном пространстве [Дзюба, Рябова 2022], четвертый – на способах репрезентации знания в научных текстах [Степанова 2018]. Это демонстрирует разнообразие исследовательских точек зрения и эвристический потенциал категории интердискурсивности, применяемой в целях анализа и моделирования современных коммуникативных практик.

Интердискурсивность представляет собой метаязык по отношению к интертекстуальности. Если интертекстуальность – это диалог текстов, то интердискурсивность – это диалог самих систем мышления и говорения, социально обусловленных способов видения мира. Она описывает не просто сосуществование, а процесс гибридизации дискурсов, в ходе которого «чужой» дискурс (например, научный) трансформируется, интегрируясь в «свой» (например, публицистический), и порождает принципиально новое смысловое образование [Георгинова 2014; Гордиевский 2006; Захаров 2023; Иерусалимская 2016; Карпухина 2013; Садовская 2008; Стеблецова, Стернин 2019]. Широта исследовательских ракурсов лишь подтверждает, что интердискурсивность является не частным приемом, а фундаментальным свойством современного дискурса, находящимся на стыке когнитивных и коммуникативных процессов.

В данном исследовании мы понимаем интердискурсивность не просто как цитирование или отсылку, а как сложный процесс трансформации и интеграции «чужого» дискурса в «свой», в результате которого формируется новый, гибридный дискурсивный продукт.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили тексты любительских кинокритик, опубликованные на интернет-платформе Кинориум. Выбор платформы обусловлен ее специализацией: сегодня Кинориум является одним из крупнейших русскоязычных агрегаторов информации о фильмах с функционалом для публикации пользовательских обзоров, что обеспечивает репрезентативность материала для изучения жанра интернет-кинокритики.

Эмпирическую базу составили 12 кинокритик, отобранных методом сплошной выборки за период

с сентября по октябрь 2025 г. Критериями отбора текстов выступили: 1) принадлежность автора к категории непрофессиональных блогеров (отсутствие регулярных публикаций в профильных СМИ); 2) соответствие жанру развернутой рецензии (объем текста от 3000 до 10000 знаков); 3) тематическая привязка к новинкам кинопроката. Общий объем проанализированного корпуса составил 35901 знак (без пробелов). Указанный объем выборки обусловлен пилотным характером исследования и прежде всего ориентирован на выявление качественных показателей функционирования разных дискурсов в пространстве жанра кинокритики.

Процедура анализа включала три этапа. На первом этапе были проанализированы тексты кинокритик блогеров, репрезентирующие различные типы дискурса: персональный, профессиональный, медийный, интернет-дискурс. На втором этапе проводился лингвопрагматический анализ выявленных маркеров: определялись их функции и роль в реализации коммуникативных интенций автора, таких как самопрезентация, убеждение, установление контакта, вовлечение читателей, популяризация блога. На третьем этапе осуществлялась интерпретация полученных данных и их систематизация с целью описания интердискурсивности как механизма, определяющего сосуществование разных социокоммуникативных формаций в одном тексте.

Результаты

Опредмечиваясь в жанре кинокритики, персональный дискурс становится принимающим семиотическим полем для вплетения других дискурсов. Иными словами, он выполняет функцию дискурса-субстрата. Первым дискурсом, тематически объединяющим тексты в один жанр, выступает кинокритик, который является разновидностью профессионального общения. Согласно конститутивным признакам жанра интернет-блога, кинокритик не является дискурсом субъекта, имеющего профессиональную квалификацию в данной области знаний. Дискурсивные формулы профессионального кинокритика «присваиваются» автором блога, встраиваются им в текст кинокритики.

Проведенный анализ кинокритика, представленного в жанре блога о кинофильмах, показывает, что в текстах кинокритик сосуществуют формальные, содержательные и прагматические признаки, которые вносят вклад в реализацию целей субъекта. Выбор тематики (сфера искусства,

а именно кинематографа) вынуждает блогеров овладевать профессиональными дискурсивными формулами из области кинокритики, чтобы наиболее компетентно презентовать свою точку зрения, привлечь внимание более широкой аудитории к своей личности и своему продукту. Поэтому такой жанр персонального дискурса, как интернет-блог, становится более тематизированным и, как следствие, более узконаправленным. Персональный тип дискурса все эксплицитнее тяготеет к более специфическому – кинодискурсу.

Киноблог как пересечение персонального и кинодискурсов

Жанровая специфика киноблога как жанра персонального дискурса связана с регулярным включением Я-дискурса (ракурс рассмотрения неизменно от первого лица – зрителя / кинокритика). Публикуя рецензию на фильм, автор начинает свое повествование в привычной для кинокритики форме монолога, но его рассуждения носят личностно-ориентированный характер: он обращается к читателю, внося элементы диалогической речи и тем самым вовлекая реципиента в процесс совместного анализа фильма. В результате диалогические реплики переплетаются с претендующими на профессиональный стиль суждениями:

- «Битва за битвой» – это очень **вольная экранизация** «Винляндии» Томаса Пинчона, чьи романы практически **невозможно перевести на киноязык. Судите сами.** «Винляндия» – **постмодернистский роман**¹ (прим. – здесь и далее выделено авторами статьи).

В этом отрывке дискурсивные формулы (типичные для кинокритики): **вольная экранизация, невозможно перевести на киноязык, постмодернистский роман** – неожиданным образом сменяются эллиптическим высказыванием-обращением: **Судите сами**. Краткость этой реплики диалогического характера имеет эффект неожиданности и приглашает читателя обсудить фильм совместно с автором блога,

выступающим то в качестве зрителя, то в качестве критика.

Для персонального дискурса характерными являются: повествование от первого лица с эксплицитным Я, а также эмоциональные, субъективные высказывания, раскрывающие личный опыт автора. Например:

- **Написал слово «Америка» и подумал, что это неправильно. Конечно, речь тут о портрете современного мира. Поляризованного, расколотого и истекающего кровью...**²

Литературные выражения придают тексту автора образность и указывают на его богатый лексический запас, умение подобрать нужные эпитеты для красочного изображения ситуации. Однако литературный язык странным образом соседствует с просторечными выражениями персонального дискурса, такими как **речь тут**. Кроме того, Я-дискурс демонстрирует склонность автора к языковой рефлексии. Это отражает его внутренние чувства, которые он достаточно эксплицитно описывает, что роднит жанр киноблога с жанром личного дневника. Как пишет С. А. Панкратова, подобная лексика «выполняет роль эмоционального усиления-триггера, гипертрофированно преувеличивая масштаб события» [Панкратова 2023: 69]. Приведем пример:

- **До сих пор помню то прекрасное чувство радости, которое на меня произвел фильм Пола Верховена «Вспомнить все» в далеком детстве**³.

Автор включает в текст кинокритики факты своей биографии, используя обороты, типичные для жанра личного дневника. Он вводит в дискурс воспоминания не только о событиях, но и привлекает фрагменты рефлексии, которые случались в его прошлом опыте, связанном с просмотром кинолент. Таким образом, дискурсивная формула **До сих пор помню то прекрасное чувство радости**, характерная для персонального дискурса в жанре личного

¹ Александр Роднянский о фильме «Битва за битвой». *Кинориум*. 30.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8086-aleksandr-rodnianskiy-o-filme-bitva-za-bitvoy> (дата обращения: 20.10.2025). Здесь и далее в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

² Там же.

³ Ради вас мы можем вспомнить все. *Кинориум*. 20.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8054-radi-vas-my-mozhem-vspomnit-vse> (дата обращения: 20.10.2025).

дневника, вплетается автором в дискурс, претендующий на профессиональный.

Персональному дискурсу противопоставлен институциональный дискурс, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [Карасик 2000b]. В контексте кинодискурса институциональный дискурс приобретает оттенок профессионального и используется авторами, которые глубоко погружены в кинопроцесс и апеллируют к частному знанию, которое одновременно отличает и объединяет представителей сферы киноискусства. К примеру:

- Несмотря на всю **важность** политического звучания, **сердце фильма** – отношения отца и дочери. **Борьба** с режимом – дело, конечно, **хорошее**, но **настоящий** герой фильма – отец, отчаянно **борющийся** за свою дочь. А какой здесь Бенисио Дель Торо в роли Серхио Карлоса с приставкой «St.», то есть «святой»... И да – он не просто тренер по карате, а **настоящий** «сенсей» и **спаситель**⁴.

Стремление продемонстрировать свое знание в области киноискусства порождает некое нагромождение как профессионализмов, так и особых графических единиц в цитируемом тексте. В текстовом фрагменте, состоящем из четырех предложений, автор использует четыре знака тире. Это создает впечатление преобладания в тексте номинаций и практически полного отсутствия предикаций. Другими словами, чрезмерное использование профессиональной лексики как показатель институциональных форм общения не полностью соответствует способам изложения критических суждений, характерных для официальных рецензий. Графический план текста указывает на эклектичность и дробность как текста, так и авторских мыслей.

Сосуществование персонального и профессионального дискурсов создает вариации, которые

используются для достижения конкретной цели автора (например, создавать эффекты неожиданности и тем самым привлекать интерес читателей, расширять аудиторию). Рассмотрим отрывок из статьи «Драматичный Итан Хант» блогера Aleks-Predator:

- *Картина насыщена экшен-сценами... Особенно хочется отметить прекрасную **цену** на мосту... До сих пор поражаюсь, как однажды увидел, как снимали один из таких **эпизодов**. И там **Том сам** выполнял трюк... Круз уже давно получил славу продолжателя Джеки Чана <...> Наблюдать за результатами – одно **удовольствие**. Но фильм **мне понравился**, в первую очередь, не красотой картинки и **масштабностью сцен**. Этот фильм – поистине **триумф актерской игры**⁵.*

Итак, персональный дискурс задает рамки и форму повествования от первого лица. Однако личное мнение субъекта невозможно без демонстрации его профессионального знания. Поэтому эксплицитные маркеры кинодискурса, лексические единицы (*картина, эпизод, трюк, экшен-сцены, масштабность сцен*) и особые словосочетания (*хочется отметить, картина насыщена*) чередуются с Я-высказываниями, эксплицитно демонстрирующими эмоциональное состояние автора (*До сих пор поражаюсь, как однажды увидел*). Помимо пропозиций с семантикой диспозитивности (выражения своего состояния), автором неизменно используются формальные элементы, которые маркируют персональный дискурс как неформальный диалог субъектов (обращение к актеру то по фамилии, то по имени). Обратим внимание на предложение *И там Том сам*. Эта синтаксически упрощенная конструкция, демонстрирующая некое неблагозвучие и спонтанный выбор слов, также характерна для устной речи бытового характера. Переход от неофициальных форм общения к профессиональным указывает на сосуществование в тексте киновлога двух разных видов дискурса и используется для аргументации автором своей точки зрения, для открытого выражения мыслей и эмоций. Он эксплицитно субъективен, объективное и безличное изложение

⁴ Александр Роднянский о фильме «Битва за битвой»...

⁵ Драматичный Итан Хант. *Кинориум*. 28.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8077-dramatichnyy-itan-hant> (дата обращения: 20.10.2025).

критического осмысления фильма не является его целью. Автор киноклуба транслирует фрагмент своего мировидения сквозь призму кинокритики, и поэтому мы видим диффузию семантики профессионального кинодискурса с синтактикой и прагматикой дискурса персонального. Характерными свойствами диффузного пространства киноклуба являются искренность субъекта, обыденнизирование искусства кино, спонтанность и нерегулярность вербальной формы. Все это направлено на привлечение читателя как к своей личности, так и к дискурсивному продукту.

Кроме того, в приведенном отрывке пересечение происходит не только на уровне дискурсов, но и на уровне коммуникативных ролей, которые выполняет субъект: автор-профессионал и автор-зритель. Их сочетание помогает субъекту кинодискурса легитимизировать свою оценку, установить эмоциональный контакт и продемонстрировать собственную позицию – и как эксперта, и как живого человека. Блог – это заявление автора: «Моя концепция отличается от официального мнения, я искренен, оригинален и слежу за последними новинками. Я объясняю сложный мир искусства простым и доступным языком. Я – посредник между создателями кино и вами. Читайте мои тексты».

Следующим примером интердискурсивности, реализующейся в варианте пересечения личного и профессионального дискурсов, служит авторская рецензия на фильм «Логан» (2017 г.). Приведем фрагменты из текста, в которых автор выбрал радикальную, откровенно негативную позицию по отношению к кинопродукту:

- **Сама концепция** произведения уже с самого старта **погружает зрителя в апатию и уныние**. <...> **Результат не впечатляет**, а холодный поначалу к девочке Росамаха в течение фильма чуть ли не превращается ей в отца. Посыл понятен, и много где после фильма **я слышал и видел** именно «Отец», но в фильме **я этого не почувствовал нисколько**. <...> Все попытки выглядят **блекло и поверхностно**. Кажется, что **смотришь авторский низкобюджетный проект**... <...> Что же в итоге? По моему мнению, проект **вышел откровенно слабым**. Экшена в картине мало, он **достаточно**

однообразный. <...> Почему-то у меня **напрашивается сравнение** с третьей частью Нолана про Бэтмена, где герой тоже вроде бы пребывал в тяжелой моральной ситуации, но то прощание выглядело куда драматичнее. **И я не беру в сравнение** бюджеты картин и постановку в целом⁶.

В представленном тексте блогер Aleks-Predator занимает исключительно одностороннюю позицию и подвергает просмотренную киноленту резкой критике. Он не стремится каким-то образом нейтрализовать негативный модус, напротив, с каждым его суждением отрицательное отношение становится более интенсивным. С одной стороны, формат Я-дискурса является в данном тексте жанрообразующим (как и в предыдущих примерах) и сигнализирует об исходной рамке персонального дискурса. Опыт субъекта транслируется в повествовании от первого лица (*я слышал и видел, я этого не почувствовал нисколько, у меня напрашивается сравнение, я не беру в сравнение*). Такой нарративный стиль изложения, сравнимый с историями из жизни, способствует открытому выражению интенции, которая заключается в легитимации себя и своей точки зрения.

С другой стороны, формат Я-дискурса и личностного нарратива в избытке наполнен профессиональными дискурсивными формулами, типичными для кинокритики: *погружает зрителя, посыл понятен, проект вышел откровенно слабым, экшена в картине мало, прощание выглядело драматичнее*. Семантическую сеть кинодискурса образуют специфические лексические единицы: *произведение, старт, концепция, картина, бюджеты, герой* и др. Эти единицы фактически соотносят тексты блогера как с кинодискурсом, так и с художественным дискурсом. Модальность текста сигнализирует о гиперболизированном негативном восприятии фильма автором. Семантика прилагательных и наречий способствует передаче личных впечатлений о полном фиаско проекта: *холодный, низкобюджетный, однообразный, тяжелый, блекло, поверхностно*. В результате подобной гибридизации палитра отрицательных эмоций захватывает реципиентов дискурса, влияя на их эстетическую картину мира.

⁶ Удручающий старик и компания. Кинориум. 22.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8060-udruchayuschiy-starik-i-kompaniya> (дата обращения: 20.10.2025).

Интердискурсивность в цитируемом тексте киновлога пользователя Aleks-Predator выполняет ключевую прагматическую функцию: она обеспечивает легитимацию любительской критики киноискусства, встроенную в обыденный ритм повседневности. В данном примере автор использует формулы профессионального кинодискурса для придания своему высказыванию веса и структуры, в то время как персональный дискурс с выраженной эмоционально-оценочной тональностью является жанрообразующим и служит аттрактивным и вовлекающим целям автора, желающего оказать наиболее сильное воздействие на пользователей. Повторяющийся прием сравнения с более успешными кинематографическими аналогами необходим не только и не столько для дискредитации кинопродукта и его создателей, сколько для репрезентации себя как эксперта и компетентного участника сообщества кинозрителей.

Диффузия вербальных и иконических элементов в киновлоге

Поскольку субстратом для публикации текстов выступает интернет-платформа, автор вынужден подчиняться конвенциям интернет-дискурса, а именно:

- включать мультимодальные элементы, являющиеся облигаторными для современной цифровой коммуникации [Большакова 2008; Гончаренко 2011];
- использовать визуально-графические образы, которые востребованы в интернет-сообществе, склонном читать авторские блоги о кино;

- включать те слагаемые вербального кода, которые будут указывать сообществу, что блогер владеет современным цифровым инструментарием.

Представленный ниже пример кинокритики в блоге Кинориум иллюстрирует вышеизложенные параметры (рис. 1⁷). На рисунке 1 мы видим оформление кинокритики согласно ключевым признакам интернет-дискурса. Справа от текста находится обязательный блок: внедрены изображения с заставкой из фильма, название на двух языках – языке оригинала и перевода, комментарий с данными о киноленте (жанр, длительность, возрастные ограничения, страна выпуска). Кроме того, присутствуют интерактивные элементы: возможность обратной связи, рейтинги фильма, кнопки разных действий. Невербальные вставки выполняют не только функцию интерактивности и визуализации, они имеют вовлекающий потенциал. Чем больше внедренных интерактивных компонентов, тем больше времени проведет читатель блога на сайте, не только читая информацию, представленную в блоге, и переходя по гиперссылкам на другие кванты текста, но и участвуя в различных невербальных видах деятельности: рейтингование, просмотр трейлера и т.д.

Продemonстрируем еще один пример оформления текстов киновлога на сайте Кинориум (рис. 2⁸). В данном примере автор действует в соответствии с шаблонным оформлением, которое принято на платформе Кинориум, используя предложенный цветовой баланс и внедряя креолизованные элементы: фотографии актеров, заставку фильма, рейтинг и т.д. Это выполнено с целью воздействия

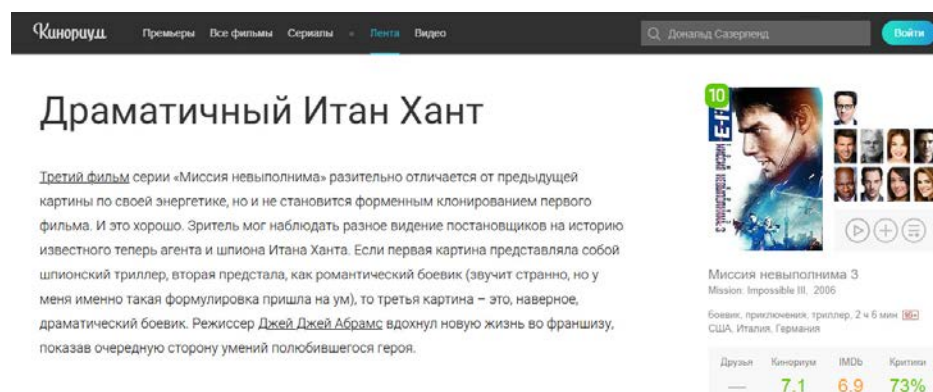

Рис. 1. Кинокритика на фильм «Миссия невыполнима 3» в блоге Кинориум
Fig. 1. Film review of Mission Impossible III on Kinorium

⁷ Драматичный Итан Хант...

⁸ Удручающий старик и компания...

на адресата: при рецепции у читателя будет задействовано как восприятие вербальных символов, так и иконических. Использование разных семиотических систем позволяет более эффективно представить кинопродукт и способствует вовлечению большего числа читателей киноголога.

Проиллюстрируем вариант пересечения профессиональной и виртуальной дискурсивных формаций с использованием вербального кода (рис. 3⁹). Одними из первых наблюдаемых признаков выступают включение в название кинокритики разговорно-сниженной лексики (*капец, приперся*), отсылки к вселенной DC как к общему для сообщества фанатов культурному коду (данная вселенная комиксов противопоставляется вселенной Marvel, к которой принадлежит обозреваемый фильм, и характеризуется атмосферой особой мрачности, готичности и апелляцией к псевдореализму) – все это демонстрирует функционирование сетевого

сленга и языка кино в одном дискурсивном «теле». Интердискурсивность здесь является необходимым средством, используемым в качестве пропуска в мир цифрового контента, функционируя как механизм, с помощью которого блогер присоединяется к субкультуре представителей молодого поколения интернет-пользователей, в частности потребителей современного зарубежного кино.

Интернет-среда в данном примере выполняет роль коммуникативной платформы, внутри которой происходит синтез профессионального и интернет-дискурсов. Автор не ограничивается трансляцией аналитической информации или выражением субъективной оценки, а активно участвует в формировании своего виртуального сообщества, что соответствует прагматическим задачам блоггового формата и способствует формированию и консолидации вокруг текстов блога читательского комьюнити.

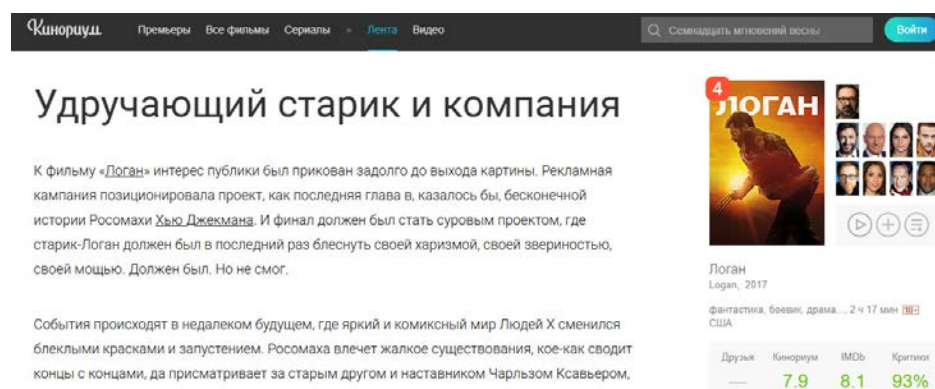

Рис. 2. Кинокритика на фильм «Логан» в блоге Кинориум
Fig. 2. Film review of Logan on Kinorium

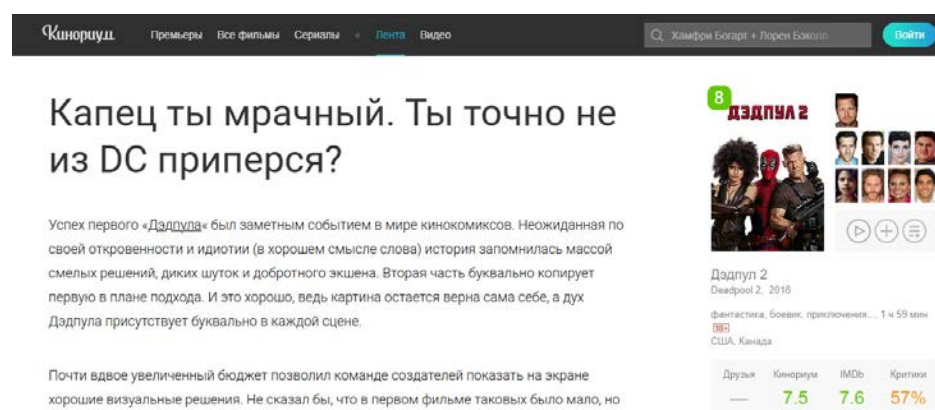

Рис. 3. Кинокритика на фильм «Дэдпул 2» в блоге Кинориум
Fig. 3. Film review of Deadpool II on Kinorium

⁹ Капец ты мрачный. Ты точно не из DC приперся? Кинориум. 30.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8084-kapec-ty-mrachnyy-ty-tochno-ne-iz-dc-pripersya/> (дата обращения: 20.10.2025).

Жанр киновлога на пересечении персонального и медийного дискурсов

Полидискурсивная природа киновлога наглядно иллюстрируется на примере статьи Бориса Хохлова «Сомния: Обитель кошмаров», где происходит интенсивное взаимодействие всех трех указанных типов дискурса. Статья начинается с краткого обзора сюжета фильма, которому посвящен текст:

- *Джемма приехала в Лос-Анджелес из небольшого городка в Джорджии, надеясь стать актрисой <...> Однако в этой клинике происходит и нечто жуткое, о чем не сообщается в рекламных брошюрах, и Джемма скоро выяснит это на собственном опыте*¹⁰.

Нарративное начало характерно для профессиональных кинокритических рецензий, поскольку такие тексты типично открываются подобными вступлениями для того, чтобы ввести массового читателя в курс дела и настроить его на чтение кинокритической рецензии [Прокофьев 2013]. В этом фрагменте автор выступает в роли журналиста, который прописывает вступление и аргументирует дальнейшее повествование приведенной краткой версией сюжета фильма.

Далее автор переходит к основной части, где описывает фильм и рассуждает над его сюжетом, сменяя роль журналиста на роль киновлога, самовыражающегося через текст:

- *Историй успеха много и все они звучат так, как будто повторить их может любой, было бы желание. Главное верить в себя, заниматься тем что любишь, постоянно совершенствоваться и никогда не оглядываться – эти прописные истины как мантру повторяют разнообразные лайф-коучи, обещающие помочь вам изменить жизнь к лучшему раз и навсегда. Все, у кого получилось схватить птицу удачи за хвост, поступали именно так, какие еще доказательства вам нужны? Или все это – просто раздутая и размноженная ошибка выжившего?*¹¹

В приведенном фрагменте идентифицируются элементы публицистического стиля, используемого журналистами в аналитических жанрах,

где размышление о проблеме социального характера – смысловой каркас текста. Ключевая коммуникативная задача автора лежит не в плоскости простого информирования, а в области ценностного ориентирования и самопрезентации. Аксиологический ракурс идентифицируется в формулах: *верить в себя; заниматься тем, что любишь; постоянно совершенствоваться; никогда не оглядываться; прописные истины*. Модальность текста имеет характер философско-нравственных размышлений и используется блогером как оригинальная подводка к сюжету рецензируемого кинопродукта. Автор текста не пересказывает сюжет, а указывает читателю на нужный угол зрения. Используя метафору *схватить птицу удачи за хвост*, термины из смежных областей (*лайф-коучи, поп-психология*), он реализует интенцию «перекодировки» фильма с языка развлечения на язык социально значимой проблемы, связанной с иллюзорностью успеха.

Выбирая для анализа топик *ошибка выжившего*, автор позиционирует себя как «своего среди чужих»: он эрудит, но говорит на языке масс. На это указывают эмфатические конструкции (*было бы желание; главное верить в себя, заниматься тем что любишь*), а также риторические вопросы (*какие еще доказательства вам нужны? Или все это – ...ошибка выжившего?*). Диалогический формат текста с элементами разговорной речи служит не только для вовлечения, но и для скрытого управления мнением читателя. Автор подводит его к заранее запрограммированному выводу, маскируя манипуляцию под совместную рефлексию с целью убедить читателя в своей правоте, сохранив иллюзию его интеллектуальной свободы.

Включение медийного дискурса в жанр киновлога, с одной стороны, необходимо для создания доступного и привлекательного для широкой читательской аудитории контента, с другой стороны, автор вносит элементы из понятийной базы для авторитетного самовыражения. Открывая статью в публицистическом стиле, автор создает основу для дальнейшего «обсуждения» сюжета, подготавливает почву для массового читателя, который мог не смотреть данный фильм и случайно попал на страницу с этой статьей. Далее, периодически вставляя кадры

¹⁰ Страшное кино: «Сомния: Обитель кошмаров». Кинориум. 28.09.2025. URL: <https://ru.kinorium.com/text/8078-strashnoe-kino-somniya-obitel-koshmarov> (дата обращения: 20.10.2025).

¹¹ Там же.

из фильма, автор только укрепляет базу, на которой основывается его повествование.

Обобщая, можно сделать вывод, что вплетение медиадискурса в персональный дискурс служит автору мощным инструментом для усиления собственного мнения и управления мыслями читателя. Выражается не просто субъективное негативное мнение (*фильм плохой*), а выстраивается сложная риторическая стратегия: на первом этапе автор использует безличный, фактологический язык медиа, чтобы установить себя в поле «объективной» реальности и разделить с читателем общий контекст высоких ожиданий; затем он переключается на резко субъективный, эмоционально окрашенный персональный дискурс, чтобы продемонстрировать, как фильм эти ожидания не оправдал. Это переключение кодов создает эффект обманутого ожидания не только у автора, но и у всех участников медийного поля, которые подвергли фильм серьезной критике. Таким образом, персональная оценка отдельного автора предстает не как частное мнение, а как обоснованный и закономерный вывод, вытекающий из противоречия между официальным посылом и настоящим содержанием фильма. Интердискурсивность позволяет автору выразить себя не просто как блогера, публикующего результаты своего осмысления просмотренного кинофильма, а как проницательного критика, умеющего провести глубокий анализ и деконструировать медийный нарратив.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о природе и функциях интердискурсивности в текстах интернет-кинокритики.

Киноблог – это совокупность поликодовых текстов, включающих вербальный и визуальный коды, обладающих большей эффективностью воздействия на адресата и способствующих усилению интереса со стороны читательской аудитории к сфере киноискусства. Тексты блогеров порождаются на пересечении дискурсов, где персональный дискурс выступает в качестве рамки и принимающего семиотического поля, а также детерминирует модальность. Интердискурсивный характер исследуемого жанра способствует реализации коммуникативных целей автора, поэтому каждый из взаимодействующих дискурсов выполняет специфическую функцию:

1. Персональный дискурс выполняет функции субъективизации и интимизации повествования. Он служит инструментом самопрезентации автора, позволяя ему транслировать не просто информацию о фильме, а свое уникальное эмоциональное состояние, вкусы и биографический опыт. За счет использования эмоционально-оценочной лексики, просторечий и отсылок к личным воспоминаниям персональный дискурс сокращает дистанцию с аудиторией, трансформируя монолог эксперта в доверительный разговор «своего среди своих». Именно в его рамках формируется итоговая субъективная оценка, ради выражения которой и создается текст.

2. Профессиональный дискурс (кинодискурс) порождается потребностью автора в легитимации собственного мнения и конструировании образа компетентного критика, эксперта, обладающего необходимыми знаниями в области киноискусства. Его элементы не являются следствием формальной принадлежности блогера к профессиональному цеху кинокритиков-журналистов, а представляют собой осознанное стратегическое заимствование. Включая в текст термины, апеллируя к авторитетным культурным кодам или используя логику профессионального анализа, автор присваивает себе образ эксперта. Это позволяет ему перевести личное впечатление из разряда «любительского мнения» в ранг аргументированного вердикта, заслуживающего доверия читателя.

3. Интернет-дискурс включается по причине необходимости интеграции в цифровую среду и реализации интерактивного потенциала коммуникации. Полимодальность текстов любительских кинокритик – необходимость в условиях виртуального общения. Автор использует код интернет-коммуникации для сокращения социальной дистанции, установления солидарности с сообществом и удержания внимания в условиях клипового восприятия информации. Именно интернет-дискурс способствует максимальному вовлечению читателей, создавая иллюзию присутствия и взаимного размышления, что является залогом успешности блогерского формата коммуникации.

4. Медиадискурс необходим для выполнения адаптивной и фатической функций. Его структурные элементы (нарративное вступление, краткий пересказ сюжета, имитация новостного стиля) используются автором для «настройки» контакта с массовым

читателем. С одной стороны, нейтральный язык медиа создает понятную точку входа для тех, кто не знаком с фильмом. С другой стороны, имитация журналистского стиля в начале статьи задает рамку «серьезного разговора» и готовит читателя к восприятию последующей, более субъективной критики, обеспечивая плавный переход от объективированного факта к личностному смыслу.

Таким образом, интердискурсивность в киноклоге является стратегическим механизмом, позволяющим автору гибко переключаться между разными языковыми кодами для достижения комплексной прагматической цели – создания многомерного, интеллектуально насыщенного и эмоционально вовлекающего продукта, адаптированного к условиям цифровой среды.

Перспектива исследования видится в изучении реагирования адресата на интердискурсивные вариации, характерные для жанра киноклога.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. Г. Калашников – обработка и интерпретация эмпирического материала, выполнение практического анализа, проработка отдельных аспектов работы. И. В. Савельева – разработка общей концепции работы и критериев для классификаций, представленных в тексте.

Contribution: M. G. Kalashnikov processed the empirical material, interpreted the results, and conducted the practical analysis. I. V. Saveleva developed the research concept and classification criteria.

Литература / References

- Арутюнова Н. Д. Жанры общения. In: Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А., Красухина К. Г., Крылов С. А., Падучева Е. В., Радзиевская Т. В., Шмелев А. Д. *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. М.: Наука, 1992. С. 52–53. [Arutiunova N. D. Communication genres. In: Arutiunova N. D., Bulygina T. V., Kibrik A. A., Krasukhina K. G., Krylov S. A., Paducheva E. V., Radzievskaya T. V., Shmelev A. D. *The human factor in language: Communication, modality, and deixis*. Moscow: Nauka, 1992, 52–53. (In Russ.)]
- Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст». *Вестник Новгородского государственного университета*. 2008. № 49. С. 48–51. [Bolshakova L. S. The concept of polycode texts. *Vestnik of Novgorod State University*, 2008, (49): 48–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mudbgh>
- Габец А. А. Интердискурсивность как ингерентное свойство институционального дискурса (на примере образовательного дискурса). *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27. № 4. С. 107–113. [Gabets A. A. Interdiscourse as inherent characteristic of institutional discourse (on the example of educational discourse). *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2021, 27(4): 107–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-107-113>
- Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021. № 7. С. 94–101. [Galichkina E. N. Internet discourse: The basic research areas and the tendencies of development. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, (7): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhvbdf>
- Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 1. № 1. С. 149–155. [Georginova N. Yu. Interdiscursivity, intertextuality, polyphony: To the correlation of terms. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, 1(1): 149–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/secesd>
- Гончаренко А. К. Вопросы теории поликодового текста. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2011. № 2. С. 233–240. [Goncharenko A. K. Peculiarities of polycode texts. *Vestnik TVGU. Series: Philology*, 2011, (2): 233–240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxbrvx>
- Гордиевский А. А. Интертекстуальность и интердискурсивность – к вопросу о разграничении понятий. *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 4. С. 228–233. [Gordievskiy A. A. Intertextuality and interdiscursivity: Differentiation. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (4): 228–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htncwl>

- Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 2. С. 433–454. [Dziuba E. V., Ryabova I. Y. Formal and semantic organization of hybrid literary-legal discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, 13(2): 433–454. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>
- Захаров Р. И. Вариативность интерпретации поликодового текста: лингвосемиотический ракурс. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2023. № 2. С. 231–238. [Zakharov R. I. Variability of interpretation of polycode text: Linguosemiotic perspective. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2023, (2): 231–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwklgc>
- Иерусалимская А. О. Интертекстуальность vs Интердискурсивность как сложившийся дискурс. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 2. С. 104–111. [Ierusalimskaya A. O. Intertextuality vs interdiscursivity as a formed discourse. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2016, (2): 104–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.2.104>
- Карасик В. И. О типах дискурса. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*, ред. В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2000а. С. 5–20. [Karasik V. I. Types of discourse. *Linguistic personality: Institutional and personal discourse*, eds. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Volgograd: Izd-vo VSPU "Peremena", 2000a, 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwhliz>
- Карасик В. И. Структура институционального дискурса. *Проблемы речевой коммуникации*, отв. ред. О. Б. Сиротина. Саратов: СГУ, 2000b. С. 25–33. [Karasik V. I. The structure of institutional discourse. *Problems of speech communication*, ed. Sirotinina O. B. Saratov: SSU, 2000b, 25–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrpbvz>
- Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. 524 с. [Karasik V. I. *Language bridges of understanding*. Moscow: Diskurs, 2019, 524. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywrrpnb>
- Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры. Барнаул: АлтГУ, 2013. 232 с. [Karpukhina V. N. *Constructing linguistic reality when changing the semiotic code of culture*. Barnaul: ASU, 2013, 232. (In Russ.)]
- Ковальская С. В. Профессиональный дискурс: лингвистический и методический аспекты. *Технопарк универсальных педагогических компетенций: II Всерос. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 12 ноября 2024 г.) Чебоксары: Среда, 2024. С. 119–122. [Kovalskaya S. V. Professional discourse: Linguistic and methodological aspects. *Technopark of universal pedagogical competencies: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 12 Nov 2024. Cheboksary: Sreda, 2024, 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fbjoxl>
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 269 с. [Krasnykh V. V. *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory*. Moscow: Gnosis, 2001, 269. (In Russ.)]
- Малышева Е. Г., Крамарь И. А. Интердискурсивная природа концепта «толерантность», объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх. *Политическая лингвистика*. 2017. № 2. С. 105–109. [Malysheva E. G., Kramar I. A. Interdiscursive nature of the concept "tolerance", objectified in the journalistic internet discourse on computer games. *Political Linguistics*, 2017, (2): 105–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yndhnt>
- Марченко Т. В. Интермедиальность, интертекстуальность, интердискурсивность: коррелятивность понятий в аспекте исследований дискурса массмедиа. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 196–201. [Marchenko T. V. Intermediality, intertextuality, interdiscursivity: Correlation of notions in the light of massmedia discourse studies. *Humanities and Law Research*, 2020, (2): 196–201. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.27>
- Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности. *Жанры речи*. 2016. № 2. С. 105–115. [Mityagina V. A., Sidorova I. G. The genres of the personal internet discourse: Communicative explications of a person. *Speech genres*, 2016, (2): 105–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuvjix>
- Мишанкина Н. А. Социальные нормы в интернет-коммуникации: социолингвистический аспект. *Гуманитарная информатика*. 2013. № 7. С. 72–78. [Mishankina N. A. Social norms in the internet-communication: Sociolinguistic aspect. *Humanitarian Informatics*, 2013, (7): 72–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qckpfb>

- Мясникова М. А., Трухина А. В. Любители и профессионалы в сфере кинокритики: методика сравнительного анализа. *Динамика медиасистем*. 2025. Т. 5. № 1. С. 529–536. [Myasnikova M. A., Trukhina A. V. Amateurs and professionals in the sphere of film criticism: A methodology of comparative analysis. *Dynamics of Media Systems*, 2025, 5(1): 529–536. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2949-3390-2025-5-1-529-536>
- Назмутдинова С. С. Пути достижения гармоничного перевода в кинодискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 22. С. 90–94. [Nazmutdinova S. S. Ways to achieve harmonious translation in film discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, (22): 90–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbvput>
- Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 66–74. [Pankratova S. Invective lexicon in the foreign film discourse of the last decade. *SibScript*, 2023, 25(1): 66–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74>
- Прокофьев Г. В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 5. С. 77–79. [Prokofyev G. V. The category of interdiscourse as a means of organizing media discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, (5): 77–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbjlfh>
- Савельева И. В., Мельник Н. В. Рецептивно-продуктивная деятельность субъектов непрофессионального интернет-дискурса. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2024. Т. 10. № 3. С. 42–69. [Savelyeva I. V., Meln'nik N. V. Receptive and productive activity of non-professional internet discourse participants. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2024, 10(3): 42–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-3>
- Садовская Е. В. Интердискурс. Интертекстуальность. Метадискурс. К проблеме формирования высказываний «другого» в дискурсе. *Вестник Самарского государственного университета*. 2008. № 1. С. 167–175. [Sadovskaya E. V. Interdiscourse. Intertextuality. Metadiscourse. Incorporating the "Other's" discourse. *Vestnik of Samara University*, 2008, (1): 167–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iukest>
- Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с. [Serio P. *The quadrature of meaning. French school of discourse analysis*. Moscow: Progress, 1999, 416. (In Russ.)]
- Стеблецова А. О., Стернин И. А. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики. *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 3. С. 794–809. [Stebletsova A. O., Sternin I. A. Interdiscourse of media texts on preventive medicine. *Communication Studies*, 2019, 6(3): 794–809. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gzocmv>
- Степанова Е. С. Актуализация категории интердискурсивности в научном медицинском дискурсе. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 7. С. 19–24. [Stepanova E. S. Actualization of the interdiscourse category in the scientific medical discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, (7): 19–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-7-19-24>
- Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 106–111. [Chernyavskaya V. E. Intertext and interdiscourse as a realisation of text semantic openness. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, (1): 106–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opvzxb>
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с. [Chernyavskaya V. E. *Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, and interdiscursivity*. Moscow: Librokom, 2009, 248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfqakn>
- Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы*, отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 22–23. [Chernyavskaya V. E. Open text and open discourse: Intertextuality – discursivity – interdiscursivity. *Text linguistics and discursive analysis: Traditions and perspectives*, ed. Chernyavskaya V. E. St. Petersburg: SPbSUEF, 2007, 22–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlbzfx>
- Agha A. Introduction: Semiosis across encounters. *The Journal of Linguistic Anthropology*, 2005, 15(1): 1–5. <https://doi.org/10.1525/jlin.2005.15.1.1>
- Dijk T. A. van. *Discourse and power*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, 308.
- Fairclough N. *Analysing discourse: Textual research for social research*. New York: Routledge, 2003, 270.
- Tantucci V. *Language and social minds: The semantics and pragmatics of intersubjectivity*. Cambridge University Press, 2021, 206. <https://doi.org/10.1017/9781108676441>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JKMPW

Юмор как средство воздействия на адресата в испанской рекламе косметических брендов первой трети XX века

Оболенская Юлия Леонардовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3567-1840

<http://orcid.org/0009-0008-8365-3758>

Калита Ольга Валерьевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9545-1998

<http://orcid.org/0009-0006-3543-8581>kalitaov.rus@mail.ru

Аннотация: Яркой чертой испанских рекламных текстов, характеризующих национально-языковую идентичность, является использование юмора как средства воздействия на адресата. Цель – выделить и проанализировать способы воздействия на адресата, применяемые в рекламе национальных косметических брендов в Испании в первой трети XX в. В статье комическое рассматривается в трех аспектах: лингвистическом, этнопсихологическом и социокультурном. Именно в этот период (1900–1930 гг.) вербальные средства коммуникации усиливаются средствами визуализации рекламного текста, которые становятся главным инструментом воздействия на сознание покупателя. Материалом исследования стали 142 креолизованных (рисунок + текст) рекламных текста каталонской фирмы *Cortés Hermanos*, опубликованные в журналах *Mundo Gráfico* и *La Esfera* в 1916–1919 гг. Применялись методы лингвистического, структурно-семантического, дескриптивного, когнитивного и концептуального анализа. Исследование, проведенное на материале рекламных текстов каталонской компании *Cortés Hermanos* для продвижения косметических продуктов марки *Peca-Cura*, позволило выделить способы воздействия на адресата, характерные для маркетинговой стратегии национальных испанских брендов, находящихся на начальном этапе своего развития. Результатом работы стало выделение следующих ключевых рекламных стратегий бренда: 1) использование комического эффекта при сообщении информации; 2) включение национально-культурных компонентов в текст рекламы; 3) использование техник, направленных на запоминание потребителями торговой марки; 4) стилизация сообщения с целью маскировки рекламной природы текста.

Ключевые слова: испанский язык, язык печатной рекламы, реклама первой трети XX века, национальное сознание, национальный юмор, комический эффект, воздействие на читателя, рифма в рекламе, речевые жанры, речевые стили, визуализация рекламного текста

Цитирование: Оболенская Ю. Л., Калита О. В. Юмор как средство воздействия на адресата в испанской рекламе косметических брендов первой трети XX века. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 644–656. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-644-656>

Поступила в редакцию 08.10.2025. Принята после рецензирования 29.12.2025. Принята в печать 30.12.2025.

original article

Humor as a Means of Audience Influence in Spanish Cosmetics Brand Advertising in the First Third of the 20th Century

Yulia L. Obolenskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3567-1840

<http://orcid.org/0009-0008-8365-3758>

Olga V. Kalita

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9545-1998

<http://orcid.org/0009-0006-3543-8581>kalitaov.rus@mail.ru

Abstract: Humor was inherent in Spanish advertising texts from 1900 to 1930 as part of national and linguistic identity. This article describes the linguistic, ethnopsychological, and sociocultural aspects of humor in Spanish advertising as a means of audience influence. In the early 20th century, Spanish advertising started using visualization to support verbal communication and enhance its effect on consumers' minds. The research featured 142 creolized ads from the Catalan company *Cortés Hermanos* to identify the methods of audience manipulation as a national marketing strategy in early Spanish advertising. The stylistic, structural-semantic, descriptive, cognitive, and conceptual analyses revealed the following advertising strategies: 1) the use of a comic effect in communicating information; 2) national and cultural components; 3) brand recall techniques; 4) stylization to disguise the advertising nature of the text.

Keywords: Spanish, language of print advertising, advertising in the 20th century, national identity, national humor, comic effect, manipulation, rhyme, speech genres, speech styles, visualization of advertising text

Citation: Obolenskaya Yu. L., Kalita O. V. Humor as a Means of Audience Influence in Spanish Cosmetics Brand Advertising in the First Third of the 20th Century. *SibScript*, 2026, 28(4): 644–656. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-644-656>

Received 8 Oct 2025. Accepted after peer review 29 Dec 2025. Accepted for publication 30 Dec 2025.

Введение

Первая треть XX в. знаменуется постепенным становлением и развитием национальных испанских брендов товаров для красоты (*Gal*, *Floralia*, *Cortés Hermanos*), что находит прямое отражение в рекламе. Конкуренция со стороны зарубежных производителей побуждает испанцев искать оригинальные способы завоевания популярности у читателей-соотечественников. В данный период авторы начинают нащупывать и раскрывать игровой потенциал рекламы, способствующий установлению более близкого контакта с целевой аудиторией.

Исследование рекламных текстов невозможно без учета особенностей менталитета и мировоззрения конкретного народа [Калита 2025; Караулов 2010; Корнилов 2003; Оболенская 2018; 2025; Топоркова 2020; Ягодкина 2017]. В этой связи целесообразно рассмотреть, что испанские исследователи выделяют в качестве доминант национального сознания своих соотечественников. Так, испанский лингвист Хесус

Санчес Лобато, рассуждая о взаимосвязи языка, культуры и общества, называет язык зеркалом, отражающим культуру и стиль жизни говорящего на нем коллектива: "La lengua es siempre espejo de la cultura y de las formas de vida de la colectividad que la habla" [Lobato 1999: 8]. Говоря об историческом развитии Испании, исследователь выделяет ряд аспектов, формирующих специфику национальной идентичности жителей этой страны и отражающихся в языке на уровне устойчивых выражений, пословиц и поговорок. Автор подчеркивает большое значение народных традиций для испанцев, таких как *fiesta nacional*, и в частности боя быков: "La tauromaquia <...> se ha enraizado plenamente en el vivir hispano: ha traspasado lo individual para instalarse en la colectividad" [Ibid.: 24] (Тавромахия <...> прочно укоренилась в жизни испанцев, пройдя стадию индивидуального, она стала частью коллективного¹). Кроме того, в сознании испанцев особое

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

место занимает христианская религия и католическая церковь, долгое время выполнявшая роль контролирующего органа их духовной и социальной жизни: "Sin duda alguna, la Iglesia ha sido la institución que mayor incidencia ha tenido en las formas de vida de la sociedad española" [Ibid.: 25] (Без сомнения, Церковь была институтом, оказавшим наибольшее влияние на жизнь испанского общества).

Не менее важным аспектом является широкая панорама диалектных различий испанского языка, как на территории Пиренейского полуострова, так и в странах испанской речи в Латинской Америке, сложившаяся вследствие миграций отдельных наций и социальных групп. Помимо культурных доминант, объединяющих всех жителей Испании, безусловно, важнейшую роль играют черты характера и особенности поведения представителей конкретной территории (жители Мадрида, Галисии, Каталонии, Арагона и т.д.). Видение представителями разных регионов друг друга закрепляется в пословицах, поговорках и фразеологизмах. Например, арагонцам традиционно приписывается жадность, скупость, прожорливость и упрямство² [Меньшакова 2020: 59–60; Ynduráin 2012]. Женщины Каталонии славятся красотой своих внешних форм [Меньшакова 2020: 63].

Одним из наиболее ярко национально-маркированных компонентов текста является юмор. Подробное описание функций смеха приводится А. А. Сычёвым [Сычёв 2003]. С эпохи Античности комическое представляет собой философскую категорию, отражающую нечто эстетически или социально значимое и оформленное в текст культуры, рассчитанный на то, чтобы вызвать смех у адресата. Это могли быть фигурки, рисунки или литературные тексты. В Испании, которая в полной мере наследует карнавально-смеховую традицию эпохи Возрождения, комическое определяет речевую коммуникацию в целом, опираясь на каламбуры³, самоиронию, подшучивания. Следует подчеркнуть, что комическое – это способ художественного выражения, цель которого – вызвать смех, улыбку у читателя или побудить его к размышлению на заданную тему. Юмор – более

узкий термин, под которым понимается игра слов, комичные ситуации или нелепые действия, вызывающие смех.

Для рекламной коммуникации особенно выгодным оказывается контактоустанавливающий потенциал смеха, ведь установление доверительных отношений с читателем – первый шаг на пути эффективного воздействия на его сознание. Смех над одним и тем же объектом невольно сближает собеседников, стирая возможные противоречия между ними. У каждого народа в ходе исторического развития складываются собственные представления о юморе, формируется уникальный набор табуированных тем. О. В. Николаева в качестве необходимого условия для формирования юмористической традиции выделяет «длительный период массовых страданий», после которого юмор становится «спасительным средством народной психотерапии» [Николаева 2018: 162].

Охарактеризуем основные приемы комического с опорой на классификацию польского философа и теоретика искусств Богдана Дземидока [Дземидок 1974]. Ученый выделяет пять групп: первую из них составляют приемы, направленные на видоизменение и деформацию явлений. К ним относятся⁴ преувеличение, пародирование («подражание оригиналу с одновременным преувеличением характерных его черт» [Там же: 68]), гротеск (преувеличение, переходящее в область фантастики), травестировка (вульгаризация достойных уважения явлений), преуменьшение. Приемы второй группы призваны породить эффект неожиданности на базе нетипичных («поразительных») сопоставлений. К этой группе относятся любой непредвиденный читателем сюжетный ход, неожиданное сопоставление взаимоисключающих друг друга явлений, сближение нелепого с повседневным, сопоставление противоположных человеческих типов, несоизмеримых явлений и т.д. Третью группу составляют приемы, подчеркивающие несоразмерность в связях между явлениями, т.е. любого рода анахронизмы (в языке, образе мыслей и т.п.). К четвертой группе относятся приемы мнимого объединения абсолютно разнородных явлений. Примерами могут являться несоответствие поведения героя

² Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1985. 1076 с.

³ «Несоответствие полученной информации пробуждает чувство юмора читателя посредством удивления» [Кузьмина 2022: 599].

⁴ В список не включен темп, не соответствующий норме, поскольку данный прием комического не применим к печатным текстам.

ситуации, контраст между иллюзией и действительностью, несоответствие формы и содержания, неестественное повторение одного и того же действия. Последнюю группу составляют явления, отклоняющиеся от логической нормы: например, выполнение бесцельной работы.

Следует подчеркнуть, что национальная специфика юмора каждого народа отражается в приемах, которые накладываются на универсальные способы произведения комического эффекта в разных видах искусства. Нами в испанских рекламных текстах были выделены следующие виды комического: формат анекдота, шутки, ирония и антиирония, оксюморон, сатира, остроумие как прием, характеризующий персонажа, а также графический юмор.

Анализируя природу комического, испаноязычные исследователи выделяют юмористическую компетенцию (*competencia humorística*) и рассматривают ее составляющие [Vivanco Torres et al. 1997]. Для интерпретации текста как смешного или остроумного читатель должен обладать следующими навыками: быть знакомым с лингвистическими уровнями конкретного языка и спецификой функционирования в речи каждого из них (микролингвистическая компетенция); обладать социолингвистической компетенцией, а именно иметь представление о социальных диалектах или территориальных различиях языка; правильно оценивать ситуацию общения и намерения собеседников (прагматическая компетенция), а также строить сообщение с использованием адекватных риторических приемов и логических связок (риторико-текстовая компетенция)⁵. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что интерпретация текста подразумевает и учитывает специфику этнокультурных особенностей социума.

Рассматривая феномен рекламы, многие испанские ученые акцентируют внимание на ее тесной связи с литературой: "Hablamos de la publicidad como arte, con los matices de la pintura y los recursos de la literatura" [Bassat 2003: 84] (Мы говорим о рекламе как искусстве с элементами живописи и литературными приемами). Как отмечает Асунсьон

Эскрибано Эрнандес, обращаясь к литературе, реклама может повышать статус предлагаемого товара ("prestigiar el objeto anunciado" [Hernández 2010: 143]), поскольку, несмотря на невысокий интерес к чтению среди испанцев, книга продолжает восприниматься как авторитетный источник на подсознательном уровне. В то же время рекламисты активно задействуют отдельные литературные приемы для продвижения товара, например стихотворную форму, способствующую лучшему запоминанию информации: "La estructura poética que <...> facilita la retención del mensaje" [Ibid.: 147]. Большой популярностью пользуется прием подмены ценностей (*la subversión de los valores*), заключающийся в переосмыслении финала (морали) известного всем литературного произведения.

Цель статьи – выделить и проанализировать способы воздействия на адресата, применяемые в рекламе национальных косметических брендов в Испании в первой трети XX в. Проведенное исследование позволяет выявить особенности формирования национальной специфики рекламных текстов.

Методы и материалы

Материалом исследования стали 142 креолизованных (рисунок + текст) рекламных текста⁶ каталонской фирмы *Cortés Hermanos*⁷, опубликованные в журналах *Mundo Gráfico* и *La Esfera* в 1916–1919 гг. Проанализированный материал позволил выявить основные рекламные стратегии, применяемые данной компанией для продвижения косметических продуктов марки *Peca-Cura*. В ходе работы применялись методы лингвостилистического, структурно-семантического, дескриптивного, когнитивного и концептуального анализа.

Результаты

Избранный для анализа испанский бренд *Peca-Cura* предлагал к покупке различные средства для поддержания гигиены и совершенствования внешних достоинств: *jabón* (мыло), *crema* (крем), *polvos* (пудра), *agua* (туалетная вода). Отраженное в рекламе стремление женщин к защите кожи от старения обусловлено тем, что подобные возрастные

⁵ Четыре упомянутые компетенции являются частями макролингвистической компетенции в классификации авторов [Vivanco Torres et al. 1997].

⁶ В статье приводится подробный анализ наиболее репрезентативных текстов из указанного корпуса, достаточный для иллюстрации основных заключений, к которым пришли авторы в ходе исследования.

⁷ Несмотря на то что фирма является каталонской, рекламные тексты публиковались на кастильском испанском и отражали особенности речи и поведения испанских жителей разных провинций.

изменения заметны со стороны, а значит, имеют социальную природу⁸.

Анализируемые рекламные тексты активно апеллируют к гендерным стереотипам в образе и поведении женщины: иллюстрации раскрывают, как женщина должна выглядеть, а вербальный компонент подчеркивает основные достоинства характера: остроумие и умение ответить на комплимент мужчине. Следует подчеркнуть, что в первой трети XX в. в Испании социальная роль женщины была крайне ограничена и сводилась к материнству, созданию и поддержанию семейного очага, выполнению обязанностей по дому: "única vía de autorrealización y justificación social era la maternidad y el cuidado del hogar" [Rubio, Martín 2012: 26]. Одним из основных достоинств женщины являлась внешняя привлекательность, а активная рекламная политика способствовала популяризации уходовой косметики как средства достижения идеала.

Результатом работы стало выделение следующих ключевых рекламных стратегий бренда: 1) использование комического эффекта при сообщении информации; 2) включение национально-культурных компонентов в текст рекламы; 3) использование техник, направленных на запоминание потребителями торговой марки. Рассмотрение рекламы как креолизованного текста⁹ позволяет выявить еще одну значимую особенность маркетинговой политики бренда, а именно (4) маскировку под нерекламный вид текста. В рекламе между текстом и иллюстрацией устанавливаются «синсемантические отношения»: «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста» [Валгина 2003: 193]. Основное внимание в ходе исследования уделяется самодостаточным паралингвистическим средствам: рисункам и карикатурам [Анисимова 2003: 7], поскольку именно они

вкупе с вербальной составляющей оказывали наибольшее воздействие на адресата.

На страницах журнала *Mundo Gráfico* в 1916 г. публиковались юмористические заметки (*notas cómicas*), внешне по иллюстрации и типу шрифта очень схожие по оформлению с рекламными текстами *Cortés Hermanos*. Данные публикации могут быть рассмотрены под более широким углом – как следование традиции *tebeos* – испанских комиксов [Raga 2024], с каждым годом набиравших популярность среди читателей. Маскировка рекламного текста под тексты других жанров – одна из популярных уловок в современном медиапространстве.

Установка на произведение комического эффекта отличает большинство рекламных текстов каталонской компании. С этой целью задействуются как комические жанры, например шутка, так и жанры, для которых комический эффект либо не является обязательным элементом (диалог, монолог), либо вовсе противопоказан (жанры сакральной коммуникации).

В рекламном тексте примера 1, представленном в виде преподавательско-ученического диалога (рис. 1¹⁰), комический эффект производит неожиданная смена ролей: в конце диалога ученик начальных классов поправляет учителя, объясняя, что женская красота – не творение Бога, а результат косметических средств «Пека-куры». С прагматической точки зрения текст, во-первых, призван повысить статус рекламируемого товара в сознании читателя (возможности «Пека-куры» сопоставляются с Божиим даром). Во-вторых, авторы утверждают мысль о земном происхождении красоты и, как следствие, возможности достичь ее каждой женщиной. Данная установка в целом является характерной особенностью рекламных текстов о товарах для красоты.

В примере 2 авторами в рекламных целях умело обыгрывается сакральный жанр исповеди (рис. 2¹¹).

⁸ «El envejecimiento de la piel "se ve" y tiene como consecuencia una importancia social, que no tiene el envejecimiento de cualquier órgano interno. Por tanto, la preocupación por el envejecimiento cutáneo es diametralmente distinta a la que genera el envejecimiento general del organismo» [González Minero, Díaz 2017: 12]. (Старение кожи заметно со стороны и как следствие имеет социальную природу, которой лишено старение любого другого внутреннего органа. По этой причине беспокойство из-за старения кожи совершенно непохоже на беспокойство, вызываемое старением организма в целом.)

⁹ «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Примерами КТ могут служить кинотексты, тексты радиовещания и телевидения, средств наглядной агитации и пропаганды, плакатов, ...рекламные тексты» [Сорокин, Тарасов 1990: 180–181].

¹⁰ Mundo Gráfico (Madrid). 15.11.1916. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=9e510668-361c-43bf-9817-181e82427095&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

¹¹ Mundo Gráfico (Madrid). 25.10.1916. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=71adfe5-9360-47c6-8fd0-093bdf0025cc&page=31> (accessed 13 Sep 2025).

En la escuela

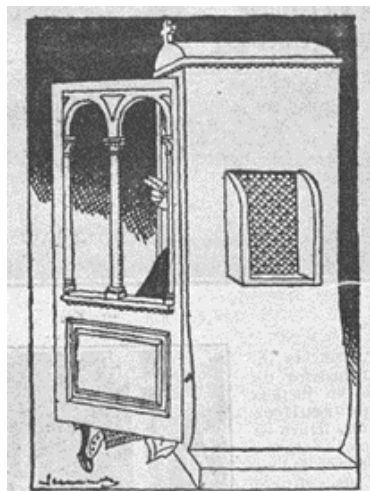
– ¿Quién creó el mundo?
– Dios Nuestro Señor.
– ¿Por qué dió á las mujeres hermosura?
– Esto no atañe a Dios; es un error:
La belleza, la da la PECA-CURA.

В школе

– Кто создал мир?
– Господь, наш Бог.
– Почему он наделил женщин красотой?
– Не верно. Бог не мог.
Красивыми стали только с «Пека-курой»¹².

Рис. 1. Пример 1. Mundo Gráfico (Madrid). 15.11.1916
Fig. 1. Example 1. Mundo Gráfico (Madrid), 15 Nov 1916

Как отмечает С. Н. Воробьева, «говорящий (творящий исповедь) выходит из сфер социального взаимодействия, потому что адресатом исповеди является Бог, представитель высших потусторонних сил» [Воробьева 2022: 144]. Рекламный текст приобретает комическое звучание из-за нарушения обманутых ожиданий читателя и одновременно стилизации устойчивых формул исповеди. К ритуальной фразе, свидетельствующей об отпущении грехов, священником добавляется комментарий о том, что устоять перед женщиной, использующей косметику «Пека-кура», действительно невозможно. В данном случае происходит нарушение «образа автора» (термин Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997]), заложенного в структуру конкретного речевого

– *De haber besado á mi novia
acúsome, señor cura.*
– ¿Cómo fué? Esto es pecado.
– De su cutis la tersura,
quise taimado probar,
porque gasta PECA-CURA.
– Siendo así... ego te absolvo;
pues comprendo tu locura.

– Каюсь в том, что поцеловал
свою невесту, отец.
– Как все произошло? Это грех.
– Нежной кожи ее, вероломный,
хотел я коснуться,
Пользуется ведь она «Пека-курой».
– Если так... Отпускаю тебе сей грех,
Понимая причину безумства.

Рис. 2. Пример 2. Mundo Gráfico (Madrid). 25.10.1916
Fig. 2. Example 2. Mundo Gráfico (Madrid), 25 Oct 1916

жанра. Воздействующая сила сообщения кроется в манипуляции подсознательным стремлением женщины нравиться мужчинам. Авторы завуалированно сообщают читательницам о том, что ни один юноша не устоит перед чарующей силой «Пека-куры». Комический элемент (снихождение священника к проступку молодого человека) гиперболизирует возможности косметического средства.

Наряду с обыгрыванием речевых жанров авторы в комических целях задействовали отдельные литературные приемы и средства художественной

¹² Мы стараемся передать стилистические особенности оригинала, однако в переводе сложно сохранить рифму, всегда используемую название бренда «Пека-кура».

выразительности. Например, каламбур, неожиданную развязку, алогизм и преувеличение.

В примере 3 (рис. 3¹³) каламбур строится на омонимии лексемы *cura*, используемой в двух значениях: священник и формы глагола *лечить*. Усиливает комический эффект от прочтения повторение слова *cura* в названии рекламируемого товара.

В рекламном тексте примера 4 неожиданной для читателя становится причина, по которой прокурор снимает обвинения с некой женщины (рис. 4¹⁴).

Комического эффекта достигает реклама в примере 5, повествующая о наивном арагонце, который пытается омолодить состарившуюся ослицу с помощью средства Пека-кура (рис. 5¹⁵). Изображение сразу нескольких вскрытых флаконов, разбросанных рядом, намекает читателю на то, что арагонец

крайне настойчив и упрям в своем решении омолодить ослицу именно этим средством.

Привлекает внимание читателя реклама (пример 6), стилизованная под шуточный рассказ о значительном улучшении отношений главного героя с тещей благодаря правильному выбору подарка для нее – мыла «Пека-кура» (рис. 6¹⁶). Выбранная авторами иллюстрация усиливает комический эффект, разрушая стереотипные представления об отношениях тещ и зятей.

Подавляющее большинство графического юмора в рекламе данного типа пронизано элементами национально-культурного сознания. Так, в текстах высмеиваются приехавшие в Испанию туристы.

*La PECA-CURA, cura y no cura,
no cura males, cura las pecas.
Ved un ejemplo: Si enferma un cura,
La PECA-CURA, no cura al cura <...>*

«Ла Пека-кура»: лечит – не лечит,
Не лечит болезней, но лечит веснушки.
Вот вам пример: Если болен богослужитель,
То Пека-кура тут не спаситель <...>

Рис. 3. Пример 3. Mundo Gráfico (Madrid). 26.09.1917
Fig. 3. Example 3. Mundo Gráfico (Madrid), 26 Sep 1917

*El fiscal, con gran dulzura,
retira la acusación,
al notar que la interfecta
usaba la PECA-CURA
y á más PETROLEO SANSON.*

Прокурор с большой охотой
Обвинения снимает,
Заметив, что подсудимая
«Пека-курой» и «Сансоном» недостатки исправляет,
Красоту преумножает.

Рис. 4. Пример 4. La Esfera (Madrid). 28.09.1918
Fig. 4. Example 4. La Esfera (Madrid), 28 Sep 1918

¹³ Mundo Gráfico (Madrid). 26.09.1917. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=9ce01729-d8aa-4597-b3d3-574b848bf5b6&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

¹⁴ La Esfera (Madrid). 28.09.1918. № 248. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=96d52e61-3058-4282-8df4-82856b51893c&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

¹⁵ La Esfera (Madrid). 18.01.1919. № 264. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=f49410d3-2d5c-423a-a172-dde79034cf19&page=31> (accessed 13 Sep 2025).

¹⁶ La Esfera (Madrid). 04.05.1918. № 227. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=d7e66edd-462b-426b-9f63-a889443f3b68&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

Авторы создают колоритный речевой портрет француза, пытающегося изъясниться на иностранном языке и сделать комплимент испанке: *Mi saber que desde que usan PECA-CURA / son más guapas las mujeres españolas*¹⁷ (Моя знать, что с тех пор, как используют «Пека-кура» / испанские женщины – самые красивые). За комической оболочкой скрывается сильный манипулятивный прием, заключающийся в апелляции к женскому тщеславию (приятно получить комплимент от иностранца) и национальному достоянию (хочется быть самой красивой нацией, опередив законодательницу мод – Францию). Так же как и в двух предыдущих случаях рисунок служит средством выявления дополнительных смыслов. Он изображает одетую в национальный костюм с мантилей и высоким гребнем красавицу-испанку.

– ¿Qué haces aquí, maño?
 – Estoy dando una mano de PECA-CURA á la borrica, que se está cayendo de vieja.
 – Y eso ¿pa qué?
 – ¡Otra qué Dios! ¿Pues no sabes que toas las mujeres con PECA-CURA rejuvenecen?

– Чем занят, друг?
 – Натираю старую ослицу «Пека-курой»,
 На ногах не держится.
 – А зачем?
 – Что за вопрос! Ты что не в курсе?
 Все дамы молодеют с «Пека-курой».

Рис. 5. Пример 5. La Esfera (Madrid). 18.01.1919
 Fig. 5. Example 5. La Esfera (Madrid), 18 Jan 1919

Большое внимание уделяется стилизации речи носителей испанского языка. Так, созданию образа наивного и простодушного деревенского жителя Арагона способствует отражение особенностей произношения на письме: *¿pa qué?, toas las mujeres*. В первом случае используется усеченная форма *pa* в значении *para*, во втором случае наблюдается характерное для разговорной речи и просторечия выпадение согласной в интервокальной позиции (*toas* в значении *todas*).

Обращают на себя внимание случаи отражения региональных фонетических особенностей испанского языка на письме. Например, в тексте примера 7, в котором молодой андалусец заставляет опомниться своего пожилого товарища, объясняя ему, что прошедшая рядом женщина – не единственная на свете красавица (рис. 7¹⁸). Замена звука, передающегося на письме буквой *s*, на звук [z] – яркая фонетическая особенность жителей Андалусии.

Hasta mi suegra me quiere
 y me abraza con locura,
 porque sabe que la obsequio
 con el jabón PECA-CURA.

Меня теща обожает,
 Всегда страстно обнимает,
 Про подарочек мой знает:
 «Пека-куру» получает.

Рис. 6. Пример 6. La Esfera (Madrid). 04.05.1918
 Fig. 6. Example 6. La Esfera (Madrid), 4 May 1918

¹⁷ Mundo Gráfico (Madrid). 28.05.1919. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=0a58c255-5def-4eb4-843d-90dfe44e6d89&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

¹⁸ Mundo Gráfico (Madrid). 31.10.1917. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=62c36c42-61d6-401e-ab13-5f431f1ce4bc&page=26> (accessed 13 Sep 2025).

Обращение к национально-культурному сознанию испанцев прослеживается в использовании прецедентной информации, например в выборе известных личностей, которые иногда становились героями рекламных текстов каталонской компании. В примере 8 девушка, пытаясь спасти во время боя известного испанского матадора родом из Севильи Хуана Бельмонте Гарсиа (1892–1962 гг.)¹⁹, слезно клянется ему использовать средства «Пека-кура» (рис. 8²⁰).

Учитывая родину матадора, для читателя первой трети XX в. включение в речь влюбленной девушки элементов андалузского диалекта (*presona, jembra*), отражающих территориальные особенности речи, выглядело органично. За комическим эффектом от прочтения, порождаемым несоответствием прозаического обещания (использовать косметику

определенного бренда) возвышенной ситуации (вопрос жизни и смерти матадора), скрывается стремление авторов породить в сознании читателя стойкую ассоциацию между известной личностью и рекламируемым товаром.

Столь же значима в рекламном тексте прецедентность имени Агустины де Арагон – героини войны за независимость (1808–1814 гг.)²¹, чей образ активно романтизировался авторами романов, пьес и фильмов. В рекламных текстах каталонской фирмы Агустине приписывается

– *Viejo verde, Viejo verde;
ezo é meterze en hondura.
– Zi é tan bella, amigo mío...
– Toa lo zon, que uzan Crema PECA-CURA.*

– Старый бесстыдник, старый бесстыдник;
Пропадешь с головой.
– Да ведь красотка, друг мой...
– Да все они такие, кто мажется «Пека-курой».

Рис. 7. Пример 7. Mundo Gráfico (Madrid). 31.10.1917
Fig. 7. Example 7. Mundo Gráfico (Madrid), 31 Oct 1917

*¡No te tires, Belmonte,
que yo te quiero!
Conserva tu presona,
que por ti muero,
y esta muy resalada
jembra te jura
usar, para agradarte,
la PECA-CURA.*

Не падай, Бельмонте,
Ведь я тебя люблю!
Не прощайся с жизнью,
Я без тебя умру,
И девушка эта
Дает слово, пуская слезу,
На радость тебе
наносить «Пека-куру».

Рис. 8. Пример 8. La Esfera (Madrid). 19.10.1918
Fig. 8. Example 8. La Esfera (Madrid), 19 Oct 1918

¹⁹ Ramón Carrión J. L. Juan Belmonte García. URL: <https://historia-hispanica.rah.es/biografias/5687-juan-belmonte-garcia> (accessed 12 Sep 2025).

²⁰ La Esfera (Madrid). 19.10.1918. № 251. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=b1c53b4d-d572-43af-a992-1a009af4453d&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

²¹ Freire López A. M. Agustina Zaragoza Doménech. URL: <https://historia-hispanica.rah.es/biografias/45924-agustina-zaragoza-domenech> (accessed 12 Sep 2025).

невероятная красота (*gran hermosura*), которой она была обязана применению мыла и крема «Пека-кура». В других примерах авторы обыгрывают фигуру Дон Хуана в старости, архетипа известного испанского ловеласа, который, как и остальные мужчины, оказывается падок на женщин, использующих косметику «Пека-кура»: *¡Qué mujeres, qué apostura!*²² (Что за женщины, что за красавицы!) – восклицает герой.

Отдельную группу составляют приемы, направленные на запоминание читателем названия товара. Техника запоминания опирается на базовые принципы повтора и структурирование текста с акцентуализацией значимой информации (использование рифмы и постпозиция названия бренда, а также визуализации текста в виде картинки). В качестве

рифмы к названию бренда «Песа-кура» авторы избирают слова с:

- положительной семантикой для повышения статуса товара в сознании потребителя: *hermosura* (красота) (пример 9, рис. 9²³), *pura* (чистая), *finura* (утонченность), *dulzura* (сладость), *frescura* (свежесть);
- отрицательной – для создания комического эффекта: *diablura* (шалости), *desventura* (неудача), *pavura* (страх), *tritura* (пытает), *tortura* (мучает) (пример 10, рис. 10²⁴).

Среди частных приемов ведущая роль отводится аллитерации. В ряде рекламных текстов намеренно повторяются согласные звуки *n* и *k*, акцентирующие название марки «Пека-кура» (пример 11, рис. 11²⁵).

– Un preciado talismán,
un prodigio de hermosura:
es... colonia PECA-CURA.

– Драгоценный талисман,
Гений красоты всех дам:
Это... одеколон «Пека-кура».

Рис. 9. Пример 9. La Esfera (Madrid). 20.04.1918
Fig. 9. Example 9. La Esfera (Madrid), 20 Apr 1918

En el Averno, Luzbel,
las viejas feas tortura
porque en la Tierra no usaron
los productos PECA-CURA.

В преисподней Люцифер
Безобразных старушек пытается,
А всё потому, что они на Земле
Не доверились «Пека-куре».

Рис. 10. Пример 10. La Esfera (Madrid). 12.10.1918
Fig. 10. Example 10. La Esfera (Madrid), 12 Oct 1918

²² Mundo Gráfico (Madrid). 04.10.1916. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=33ad33a6-c67c-40e1-b7f4-7936a8b6c043&page=31> (accessed 13 Sep 2025).

²³ La Esfera (Madrid). 20.04.1918. № 225. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=fb9f4c3b-a21e-44f0-9208-8aae88f4babc&page=31> (accessed 13 Sep 2025).

²⁴ La Esfera (Madrid). 12.10.1918. № 250. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=23d97208-3ec5-4919-ada9-5ebaca3b2188&page=2> (accessed 13 Sep 2025).

²⁵ Mundo Gráfico (Madrid). 03.04.1918. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=4646f09d-0af0-4dbf-b4f7-6cc254067419&page=30> (accessed 13 Sep 2025).

*La Paca quiere curar las pecas
sin PECA-CURA
y el público, á voz en grito, clama
que es impostura:
pues solamente cura las pecas
la PECA-CURA.*

Пака хочет вылечить веснушки
Без «Пека-куры»,
И публика, рьяно, в ответ протестует,
Что она – плутовка потому,
Что веснушки вылечить
Может лишь «Пека-кура».

Рис. 11. Пример 11. Mundo Gráfico (Madrid). 03.04.1918
Fig. 11. Example 11. Mundo Gráfico (Madrid), 3 Apr 1918

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить ключевые стратегии, используемые авторами рекламных текстов национальных брендов первой трети XX в. для воздействия на испанскую аудиторию. Одной из основных стратегий, применяемых в первый год знакомства читателя с продуктом, являлась маскировка рекламного текста под юмористическую зарисовку (*nota cómica*), что, очевидно, способствовало росту количества потенциальных ознакомлений с текстом. В то же время преимущественно юмористическое содержание рекламных текстов не нарушало ожиданий читателя, искавшего на страницах журнала шутку, сопровождавшуюся рисунком, но подспудно сообщало ему информацию рекламного характера. Презентация товара с опорой на юмор или иронию является отличительной чертой рекламы именно национальных испанских брендов. Для произведения комического эффекта авторы активно задействовали как общекомические

приемы, так и национально-маркированные элементы, позволяющие усилить воздействие на сознание и подсознание адресата. Обращает на себя внимание язык рекламных текстов: авторы создают красочный речевой портрет каждого героя, передавая на письме фонетические и лексические особенности его диалекта. Визуализация комической рекламы содержит этнокультурную информацию: благодаря узнаваемым элементам одежды читатель-соотечественник с легкостью соотносит представленную авторами комическую историю с определенной областью Испании.

Актуальность стратегий презентации бренда «Пека-кура» заключается также в выборе стихотворной формы для знакомства читателя с продуктом и в тщательном подборе рифмы для лучшего запоминания названия товара. Кроме того, изучение рекламы косметики первой трети XX в. позволяет выявить способы гендерной ориентации текста, раскрывает некоторые особенности культурного кода испанцев и способствует лучшему пониманию их национального менталитета и поведенческой реакции как потребителей.

Проведенная работа расширяет возможности методики исследования креолизованных текстов, опираясь на этнокультурную составляющую как образительного ряда, так и вербальных компонентов, и помимо рекламы может применяться при работе с публицистическими и аудиовизуальными материалами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. Л. Оболенская – научное руководство, редактирование текста, анализ лингвистического материала, перевод рекламных текстов, стилистическая правка перевода. О. В. Калита – отбор материала исследования, систематизация практического материала, перевод рекламных текстов.

Contribution: Yu. L. Obolenskaya supervised the research, analyzed the linguistic material, wrote the manuscript, and stylized the advertising texts. O. V. Kalita selected and classified the research material and translated the advertising texts.

Литература / References

- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с. [Anisimova E. E. *Text linguistics and intercultural communication in creolized texts*. Moscow: Academia, 2003, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywotpl>
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с. [Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Logos, 2003, 278. (In Russ.)]
- Воробьева С. Н. Современная исповедь как речевой жанр. *Верхневолжский филологический вестник*. 2022. № 2. С. 143–150. [Vorobyeva S. N. Modern confession as a speech genre. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2022, (2): 143–150. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-143-150>
- Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с. [Dziemidok B. *The comic*. Moscow: Progress, 1974, 223. (In Russ.)]
- Калита О. В. Структурные особенности ранней испанской печатной рекламы косметических средств (на примере продуктов фирмы *Floralia* в журнале *La Estampa* за 1928 год). *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2025. Т. 31. № 1. С. 193–201. [Kalita O. V. Some structural features of early print advertisements in Spain (analyzing the strategies of "Floralia", 1928). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*, 2025, 31(1): 193–201. (In Russ.)] <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-1-193-201>
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с. [Karaulov Yu. N. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI, 2010, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqlx>
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с. [Kornilov O. A. *Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities*. 2nd ed. Moscow: CheRo, 2003, 349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqnydr>
- Кузьмина Е. К. Особенности «игры слов» и каламбуров в рекламе на материале английского и французского языков. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 2. С. 598–602. [Kuzmina E. K. Features of "wordplay" and puns in advertising by the material of the English and French languages. *Philology. Theory & Practice*, 2022, 15(2): 598–602. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20220048>
- Меньшакова Н. Н. Репрезентация образа народов Испании в испанских пословицах. *Миграционная лингвистика*. 2020. № 2. С. 55–69. [Menshakova N. N. Representation of the image of the peoples of Spain in the Spanish proverbs. *Migration linguistics*, 2020, (2): 55–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvpmkl>
- Николаева О. В. Лингвистические и культурно-исторические предпосылки этнонационального юмора. *Этнодиалог*. 2018. № 1. С. 159–168. [Nikolaeva O. V. Linguistic, cultural and historical preconditions of ethno-national humor. *Etnodialogi*, 2018, (1): 159–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqhrql>
- Оболенская Ю. Л. Мир испанского языка и культуры: очерки, исследования, словарь суеверий и символов. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2018. 256 с. [Obolenskaya Yu. L. *The World of Spanish language and culture: Essays, research, dictionary of superstitions, and symbols*. Moscow: URSS, LENAND, 2018, 256. (In Russ.)]
- Оболенская Ю. Л. Экзистенциальное измерение философии испанского языка. *Ибероамериканские тетради*. 2025. Т. 13. № 3. С. 17–38. [Obolenskaya Yu. L. The existentialist dimension of the philosophy of the Spanish language. *Cuadernos Iberoamericanos*, 2025, 13(3): 17–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxwxzx>
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция. *Оптимизация речевого воздействия*, отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186. [Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact*, ed. Kotov R. G. Moscow: Nauka, 1990, 180–186. (In Russ.)]
- Сычёв А. А. Природа смеха, или Философия комического. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарёва, 2003. 176 с. [Sychev A. A. *The nature of laughter, or The philosophy of the comic*. Saransk: Ogarev MSU, 2003, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhdrj>
- Топоркова Ю. А. Социокультурный аспект испаноязычных рекламных текстов. *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 11. С. 106–111. [Toporkova Yu. A. Socio-cultural aspect of Spanish-language advertising texts. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*, 2020, (11): 106–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ffuuro>
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 88–98. [Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry Rechi*, 1997, (1): 88–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlxzci>

- Ягодкина М. В. Отражение национальной языковой картины мира в рекламе. *Art Logos*. 2017. № 1. С. 198–206.
[Yagodkina M. V. A reflection of the national language picture of the world in advertising. *Art Logos*, 2017, (1): 198–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zisnuf>
- Bassat L. *El libro rojo de la publicidad*. Debolsillo, 2003, 220.
- González Minero F. J., Díaz L. B. Historia y actualidad de productos para la piel, cosméticos y fragancias. Especialmente los derivados de las plantas. *Ars Pharmaceutica*, 2017, 58(1): 5–12.
- Hernández A. E. Usos de la literatura en la publicidad. *Pensar la Publicidad*, 2010, IV(2): 141–168.
- Lobato J. S. Lengua y cultura. La tradición cultural hispánica. *Carabela*, 1999, (45): 5–26.
- Raga P. Breve semblanza del tebeo en España. *Aportes. Revista De Historia Contemporánea*, 2024, 39(114): 157–189.
- Rubio O. M., Martín I. T. *100 años en femenino una historia de las mujeres en España*. Ministerio de Cultura, Acción Cultural Española (AC/E), 2012, 274.
- Vivanco Torres C., Vivanco Torres H., Zenteno Bustamante C. Una taxonomía de los actos humorísticos. *Boletín de filología (Universidad de Chile)*, 1997, 36(1): 337–375.
- Ynduráin D. *Correas y el refranero aragonés*. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2012.

обзорная статья

eLibrary EDN: LDEYSG

Некоторые особенности мира прототюрков (на основе реконструкции моносиллабов)

Новгородов Иннокентий Николаевич

Международный информационно-аналитический журнал «Crede
Experto: транспорт, общество, образование, язык», Россия, Иркутск
eLibrary Author SPIN: 4830-9960
<https://orcid.org/0000-0002-9378-0987>
Scopus Author ID: 14621907300
i.n.novgorodov@mail.ru

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-
экономических исследований при Правительстве Республики Тыва,
Россия, Кызыл
eLibrary Author SPIN: 3539-6915
<https://orcid.org/0000-0002-3775-2391>
Scopus Author ID: 57205293264

Конурбаева Роза Эсенамановна

Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Кыргызстан, Бишкек
eLibrary Author SPIN: 2165-0130
<https://orcid.org/0009-0003-6447-4037>

Охотникова Светлана Валерьевна

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Россия, Чебоксары
eLibrary Author SPIN: 9427-2916
<https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>
Scopus Author ID: 60334779900

Аннотация: Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* остается актуальной длительное время из-за противоположных идей алтайского (транс-евразийского) родства и его отрицания. Для решения проблемы необходимо использование трансдисциплинарного подхода, что предопределяет новизну исследования. Цель статьи – попытка реконструкции некоторых особенностей мира прототюрков на базе специфического моносиллабизма якутского, чувашского, тувинского, кыргызского и пратюркского языков на сравнительно-историческом фоне. Использование разнообразной методики, трансдисциплинарного подхода привело к отрицанию трансевразийского родства. Соотнесение мира пратюрков и хунну, мира прототюрков и культуры плиточных могил представляет собой исключительно авторскую концепцию, не претендующую на абсолютную истину и требующую дальнейшей верификации. Прототюркское популяционное разнообразие произошло в Монголии. Факты языкового разнообразия обнаруживаются в тюркском праязыке там же. Тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексурсов с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) последнего. Возможно, эти события отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях. Пратюркский язык распространился среди индоевропейцев и функционировал до I в. до н. э., то есть до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. Мир прототюрков связан со сменой времен года, степью и горной местностью, местами, пригодными для животноводства, изобилующими водными объектами, явлениями природы, приводящими к падежу скота от бескормицы. Прототюрки, будучи кочевниками, занимались шитьем, обтесыванием различных материалов, изготовливанием луков, производством масла, имели представление о письме, счете.

Ключевые слова: трансдисциплинарный подход, прототюркский язык, пратюркский язык, якутский язык, чувашский язык, тувинский язык, кыргызский язык, культура плиточных могил, культура керексурсов с оленными камнями, монголоиды, европеоиды

Цитирование: Новгородов И. Н., Саая О. М.-о., Конурбаева Р. Э., Охотникова С. В. Некоторые особенности мира прототюрков (на основе реконструкции моносиллабов). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 657–682. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-657-682>

Поступила в редакцию 27.10.2025. Принята после рецензирования 26.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

review article

Some Features of the Proto-Turkic World: Reconstructing Monosyllables

Innokentiy N. Novgorodov

International informational and analytical journal Crede Experto:

Transport, Society, Education, and Language, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4830-9960

<https://orcid.org/0000-0002-9378-0987>

Scopus Author ID: 14621907300

i.n.novgorodov@mail.ru

Oyumaa M.-o. Saaya

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research

under the Government of the Republic of Tuva, Russia, Kyzyl

eLibrary Author SPIN: 3539-6915

<https://orcid.org/0000-0002-3775-2391>

Scopus Author ID: 57205293264

Roza E. Konurbaeva

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,

Kyrgyzstan, Bishkek

eLibrary Author SPIN: 2165-0130

<https://orcid.org/0009-0003-6447-4037>

Svetlana V. Okhotnikova

Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary

eLibrary Author SPIN: 9427-2916

<https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>

Scopus Author ID: 60334779900

Abstract: Disputes about Altaic (Transeurasian) kinship make the issue of the origins of the Turkic language continuum a relevant scientific area. To address this problem, Turkology and Altaic studies use a transdisciplinary approach. The article attempts to reconstruct some features of the Proto-Turkic world by comparing monosyllabism in the Yakut, Chuvash, Tuvan, Kyrgyz, and the Turkic Ursprache languages against a comparative-historical background. The diverse methodology and transdisciplinary approach lead to the denial of the theory of Transeurasian kinship. The correlation between the worlds of the Xiongnu and the Ursprache Turks, the Proto-Turks and the slab-grave culture represents an exclusively authorial concept, making no claim to absolute truth and requiring further verification. The diversification of the Proto-Turkic population occurred in Mongolia, where evidence of linguistic diversity was found in the Turkic Ursprache. The Turkic language continuum did not arise as a result of the divergence (disintegration) of the Altaic (Transeurasian) proto-language, but as a result of the early convergence of the Proto-Turks and Caucasoid populations and their languages within the slab-grave and deer stones (kereksur) cultures. This took place during the period between the 13th–12th centuries BC and the 8th–7th centuries (or 9th–8th centuries) BC in Southern Buryatia and Mongolia, leading to the transition of the Caucasoid populations to Proto-Turkic and its subsequent divergence. Probably, these events were reflected in Chinese narratives about the relationship between the Di and Rong and the ancestors of the Xiongnu. The Proto-Turkic world is associated with the change of seasons, steppes, mountains, pastures, and abundant water bodies, as well as with periodic extreme weather events leading to livestock deaths due to a lack of food. The nomadic Proto-Turks were engaged in sewing, hewing, making bows, and producing oil, and they also had knowledge of writing and arithmetic.

Keywords: transdisciplinary approach, Proto-Turkic language, the Turkic Ursprache, Yakut language, Chuvash language, Tuvan language, Kyrgyz language, slab-grave culture, deer stones culture (kereksurs), Mongoloids, Caucasoids

Citation: Novgorodov I. N., Saaya O. M.-o., Konurbaeva R. E., Okhotnikova S. V. Some Features of the Proto-Turkic World: Reconstructing Monosyllables. *SibScript*, 2026, 28(4): 657–682. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-657-682>

Received 27 Oct 2025. Accepted after peer review 26 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

В статье продолжены начатые трансдисциплинарные исследования по теме «Возникновение пратюрков и их языка», которая была представлена в виде очного доклада и публикации на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Славяно-тюркский мир: история и современность» [Новгородов 2024] и очного доклада «Некоторые особенности мира прототюрков на основе реконструкции моносиллабов» на второй Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность».

Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* для тюркологии и алтаистики актуальна, т. к. существуют противоположные взгляды в этом вопросе: одни утверждают, что тюркская общность (*proto-Turkic*) родственна трансевразийской (алтайской, тюрко-монгольской) и возникла в результате последовательной дивергенции (распада и обособления) [Robbeets 2017: 103]; другие не согласны с утверждением родства алтайских (трансевразийских) языков и считают, что первичное тюркское языковое разнообразие возникло в результате конвергенции (смешения, схождения) прототюрков, древних восточно-иранских, восточно-индоевропейских народов, на базе этого явления прототюркский язык разделился на две группы: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огурский, болгаро-чувашский тип – *Lir*-язык) – вследствие влияния восточного индоевропейского языкового субстрата [Егоров 2017: 55, 56, 117, 118].

Противоположные взгляды имеют давнюю историю и возникли вскоре после появления научной теории о языке, выдвинутой Р. Раском, Ф. Боппом, Я. Гриммом в начале XIX в. на индоевропейском материале в виде дивергенции праязыка. Эти идеи были распространены на другие языки, например, В. Шотт сформулировал урало-алтайское родство языков [Schott 1849]. Критика идей В. Шотта была дана О. Н. Бётлингом в его знаменитом труде "Über die Sprache der Jakuten" (1851 г.) [Бётлингк 1990: 44–51].

Теоретические идеи о возникновении языков на базе дивергенции сформулировал М. Мюллер. Так, он утверждает, что нет смешанных языков [Müller 1862: 63, 65]. Отсюда следует, что языки возникают благодаря дивергенции (распаду). После этого В. В. Радлов осуществил классификацию, исключая чувашский и якутский языки

как не относящиеся по происхождению к тюркским [Radloff 1882: 280–291], и выдвинул идею о конвергентном характере связей алтайских языков (согласно публикации С. М. Широкогорова [Широкогоров 2002: 66]). Почти в то же время Г. Шухардт в книге "Slavo-deutsches und Slavo-italienisches" (1884 г.) утверждает, что несмешанных языков не существует, а позже заявил в "Sprachursprung" (1919–1921 гг.), что родство языков возникает вследствие смешения [Шухардт 1950: 73, 74, 176, 177, 280, 284]. То есть языки возникают в результате конвергенции (схождения).

В начале XX в. П. М. Мелиоранский развил идеи О. Н. Бётлингка об изучении тюркских языков самих по себе, без приведения полученных результатов в соответствие с очень смелыми, но недоказанными гипотезами, и отстаивании мысли о том, что только в результате глубокого сравнительного исследования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков порознь буден дан окончательный ответ на вопрос о природе обнаруживаемых в них сходств [Мелиоранский 1904; Melioranskij 1904].

Позже идеи о дивергентном / конвергентном характере связей (урало-)алтайских языков стали развиваться порознь.

Дивергенция нашла развитие в собственно алтаистическом варианте у Г. Рамштедта [Ramstedt 1952–1966], Н. Н. Поппе [Poppe 1960], Р. Миллера [Miller 1971], С. Старостина [Starostin et al. 2003] и др. В последнее время проводятся трансевразийские (алтайские) исследования М. Роббитс [Robbeets 2015], включая междисциплинарные [Robbeets et al. 2021]. Изучение дивергенции алтайских (трансевразийских) языков происходит на фоне идей, например теории моногенеза языка [Иванов 1990], ностратических построений [Иллич-Свитыч 1976].

Существует сомнение в результатах трансевразийских построений, и поэтому целесообразно провести выявление фактов конвергенции и последующее изучение оставшегося фонда сходств для установления характера связей обсуждаемых языков [Туймебаев 2024]. Между тем в истории алтаистики в подобном ключе уже предпринимались исследования алтайских (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурско-корейско-японских) языковых связей в целом [Дёрфер 1981; Клоусон 1969; Щербак 1959; Vovin 2005] и порознь, ср. тюрко-монгольских Дж. Клоусоном [Clauson 1962], Г. Дёрфером [Doerfer 1963–1975], А. М. Щербаком

[Щербак 1986; 1997; 2005], монголо-тунгусо-маньчжурских Г. Дёрфером [Щербак 1989; Doerfer 1985], японо-корейских А. В. Вовиным [Vovin 2010]. Предпринято исследование алтайских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках [Щербак 2020], имеется также обзор исследований по контактам тунгусо-маньчжурских языков Ю. Янхуненом [Janhunen 2013]. Авторы пришли к заключению о конвергентном характере связей алтайской языковой общности.

Параллельно этим исследованиям развиваются взгляды В. В. Радлова, например о нетюркском происхождении якутского и тувинского языков [Кормушин 2002: 600–602].

Обзор основных исследований выявил длительное обсуждение алтайской проблемы, остающейся не решенной и поэтому актуальной. Для того чтобы выяснить столь длительное обсуждение проблемы, необходимо рассмотрение основных вопросов эволюции сравнительно-исторического языкознания и его методологии, например, в России с позиций востоковедения, тюркологии, алтаистики, бывшего политического руководства СССР, в отдельной публикации. Для развития тюркологии и алтаистики в России нужно обратиться к опыту изучения фундаментальных проблем.

Известно, что сравнительно-исторический метод основан на спорной гипотезе о родословном древе, тогда как создать равноценную методику работы с конвергенцией языков не удалось [Алпатов 2006: 10]. Здесь нужно учитывать, что сравнительно-историческое языкознание не может дать реальное представление по эпохе первобытных языков, по ним могут быть высказаны более или менее вероятные гипотезы [Реформатский 1960: 371], т. е. едва ли удастся получить научные сведения о языках народов, живших в каменном веке и использовавших каменные орудия. Применение сравнительного метода для целей исторического языкознания ограничивается относительно небольшим периодом, реконструкция на уровне V–VI тыс. до н. э. вызывает сомнения и по существу не достоверна [Щербак 1994: 150]. Между тем позже этой датировки происходит образование языков и популяций, и эти явления могут быть рассмотрены наукой.

В сравнительно-историческом языкознании при описании языков должен учитываться сравнительно-исторический фон для получения объективного представления об изучаемом явлении. Это предполагает изучение прямой связи языка и общества,

исследуемой комплексом гуманитарных наук, что предполагает изучение, например, корреляции данных сравнительно-исторического языкознания с результатами исследований по антропологии, истории, археологии, популяционной генетике.

В настоящее время существуют отдельные подходы: сравнительно-исторического языкознания, антропологии, истории, археологии, популяционной генетики, применяемые порознь в исследовании эволюции, например народов алтайской общности. Результаты, полученные в области этих наук, не связаны единой методологией исследования, и поэтому с точки зрения отдельных наук складываются различные представления о народах.

Для решения проблемы дивергентного / конвергентного происхождения языков и их носителей необходимо применение трансдисциплинарного подхода, т. е. применение синтеза методологий различных наук для получения объективного, цельного, всестороннего, интегрального представления о народах алтайской общности.

Исследование в этом направлении позволит выявить действительное соотношение языков, возникших на базе дивергенции и конвергенции, и отразить данные процессы в современных классификациях языков; создаст базу для формирования относительных совокупных данных для понимания эволюции конкретных популяций *homo sapiens* и его языка в пространстве и времени.

Обращение к трансдисциплинарному подходу является попыткой преодоления ограничения и совмещения дивергентной и конвергентной методологии в сравнительно-историческом языкознании, в частности в тюркологии и алтаистике; применения единой методологии различных наук и корреляции их данных в изучении эволюции конкретных популяций *homo sapiens* и его языка в пространстве и времени, и тем самым формулирует теоретическую значимость исследования.

Теоретическое существо, в частности, алтайской (трансевразийской) проблемы состоит в том, что и языки, и сами носители этих языков, т. е. конкретные популяции *homo sapiens* возникают на базе дивергенции и конвергенции, и в дальнейшем необходимо установить дивергентный / конвергентный характер происхождения языков и культур, используя современные подходы, в том числе трансдисциплинарный [Новгородов 2022; Pakendorf 2007; Pakendorf, Novgorodov 2009; Pakendorf et al. 2006; Thomanson, Kaufman 1991: 1–5].

Цель данной статьи – попытка реконструкции некоторых особенностей мира прототюрков на базе специфического моносиллабизма якутского, чувашского, тувинского, кыргызского и пратюркского языков на сравнительно-историческом фоне. Это станет базисом для дальнейшего изучения прототюркского; рассмотрения современных взглядов классификационного статуса тюркских языков как отдельной языковой семьи / группы, не имеющей отношения к дивергенции (распаду) алтайской (трансевразийской) и других общностей или, наоборот, имеющей отношение к дивергенции (распаду) в составе алтайской (трансевразийской) и др. общностей; решения проблемы формирования первичного тюркского разнообразия в результате конвергенции (смещения, схождения) прототюрков, древних восточноиранских, восточно-индоевропейских народов.

Задачи:

- 1) определить материалы и методы исследования прототюркского языка;
- 2) произвести реконструкцию фрагмента прототюркского вокабуляра;
- 3) выявить некоторые особенности мира прототюрков;
- 4) обсудить полученные результаты исследования с точки зрения трансдисциплинарного подхода на сравнительно-историческом фоне;
- 5) обобщить полученные результаты и наметить аспекты дальнейших поисков.

Методы и материалы

В тюркологии были попытки проникнуть дальше вглубь тюркской языковой истории и были выявлены фонологически значимые вокально-вершинные и консонантовершинные слоговые акценты прототюркского, что свидетельствовало о моносиллабизме (односложности) корня и аналитическом строе идиомы [Щербак 1970: 71, 122, 136, 137]. На месте вокальновершинного слога прототюркского языка развились первичные долгие гласные пратюркского языка, на месте консонантовершинного слога возникли долгие согласные [Новгородов 2024: 169; Щербак 1970: 136, 137]:

**āt* > **āt* > аз. *ad* 'имя'

**aŕ* > **aŕ* > аз. *at* 'лошадь'

**ū* > **ū* > др.-уйг., як. *ū* 'сон'

**ū* > **ū* > др.-уйг. *ū* 'мочь', 'выносить, выдерживать'.

Указанный прототюркский моносиллабизм (т.е. односложные слова, содержащие один гласный звук)

представляет собой первичный базис тюркских языков, и его анализ проливает свет на самый древнейший прототюркский этап развития тюркских языков, мир прототюрков и пути формирования пратюркского языкового континуума.

Из примеров видно, что первичная долгота гласного в тюркском праязыке образовалась не в результате стяжения согласного, вознаградительной долготы, а благодаря дивергенции слоговых акцентов [Щербак 1970: 122–138]. Эти выводы были сделаны на базе реконструкции пратюркской фонологии; кроме того, была изучена пратюркская морфология и лексика [Щербак 1994: 3].

С точки зрения сравнительно-исторического языкознания для изучения особенностей прототюркского языка и его словарного состава в виде корней, отражающих мир прототюрков, мы обратили внимание на пратюркский язык и современные якутский (як.), чувашский (чув.), тувинский (тув.), кыргызский (кырг.).

Мы исходим из того, что на основе современных языков реконструируется праязык, а с учетом данных последнего освещается протоязык.

В рамках статьи мы обратились к пратюркским реконструкциям архетипов с начальным межзубным щелевым согласным и первичной долготой гласного [Щербак 1970: 56, 79], представленных в якутском, чувашском, тувинском, кыргызском вокабулярах.

Выбор фонем и языков из всей совокупности фонетики и классификационных групп для изучения прототюркского базиса предопределен тем, что в якутском, чувашском, тувинском, кыргызском и близкородственных им идиомах (например, телеутском для кыргызского) представлены глухие начальные согласные или их следы (например, *c*- в кыргызском на месте *ŷ*- огузского), а также в якутском сохраняется первичная долгота гласного, ее следы обнаруживаются в кыргызском и, например, в виде ротацизма в чувашском, отсутствия фарингализации на месте первичной долготы гласного в тувинском. Первичная долгота гласного и глухой анлаут в совокупности отражают древнейшее состояние тюркских языков [Там же: 122, 160].

Основным методом исследования является сравнительный [Там же: 15–19]. Сравнение осуществляется на базе поликомпонентной классификации тюркских языков А. М. Щербака, согласно которой в пратюркском языке были представлены все классификационные группы (например, якутская, чувашская, урянхайская (тув. и др.),

кыпчакская (кырг. и др.) и др.) [Щербак 1994: 12–42]. В изучении материала применяется также методика выявления заимствований [Щербак 1960]. В реконструкции прототюркских архетипов использовались материалы якутского, чувашского, тувинского, кыргызского языков и пратюркские архетипы [Щербак 1970: 196, 197].

Результаты

Результаты исследования представлены в виде основного (цифрами от 1 до 36) и дополнительного списков.

В некоторых случаях реконструкция архетипов А. М. Щербака и наши реконструкции отличаются. Различающиеся реконструкции написаны после реконструкций А. М. Щербака. Здесь нужно иметь в виду замечание знаменитого тюрколога и алтаиста: «Предстоит... произвести проверку всех праформ с целью степени достоверности их реконструкции на общетюркском уровне» [Щербак 1970: 193].

Основной список включает слова, восходящие к архетипам, содержащим начальный межзубный щелевой согласный и первичную долготу гласного.

1. **ḡā* ‘лук (оружие)’

як. *саа* id.

*чув. *су* id. ИН¹

чув. *уксу* ‘шерстобитный лук’, ‘лук для стрельбы’ < чув. *ук* ‘стрела’ + **су* ‘лук (оружие)’ ИН

чув. *уха* ‘лук (оружие)’, ср. як. *ох* ‘стрела’ < **ок* ‘стрела’ [Щербак 1970: 195] ИН

тув. *ча* ‘лук (оружие)’

кырг. *жаа* id. РК, ср. тел. *јаа* [т’а] ‘стрела’, сюг. *йа* ‘стрела’ ИН

2. **ḡāy* ‘масло, жир’ [Щербак 1970: 196], **ḡāk* ‘масло, жир’, ‘смазывать’ < **ḡā* ‘сбивать масло’ ИН

як. *сыа* ‘жир’

чув. *су* ‘масло, жир, сало’

тув. *чаг* ‘сало’

тув. *чаг* ‘мазать, смазывать’, ‘пачкать, марать’ ИН

кырг. *жак* (южный диалект) ‘жир’ ИН

кырг. *йак* (южный диалект) id.

кырг. *жак* ‘смазывать, намазывать’, ср. тел. *jak* [т’ак-] ‘смазывать’ ИН

кырг. *май* ‘жир’, ‘масло’ РК, ср. тел. *май* ‘масло’ ИН

3. **ḡāj* ‘лето’

як. *сай*, *сайын* id.

чув. *су* id.

тув. *чай* id.

кырг. *жай* id.

4. **ḡāj*- (**ḡāj*-) ‘рассеивать’

(?) **ḡāj*- (**ḡāj*-) id. > як.

як. *тарҕат*- ‘рассеивать, распространять’ < як. *тарҕаа*- ‘рассеяться, расходиться, разбежаться’, ср. кырг. *тарка*- ‘разойтись’

(?) **ḡāj*- (**ḡāj*-) ‘рассеивать’ > чув. ИН

чув. *сар*- ‘рассеивать’ в значении ‘разбрасывать’ < **сэр*- ‘растягивать’, ‘раскладывать’, ‘расстелить’, ‘разбрасывать’ ИН

(?) **ḡāj*- (**ḡāj*-) ‘рассеивать’ > тув. ИН

тув. *чаш*- ‘разбрасывать, брызгать, рассеять’ ОС, ср. тоф. *чаши*- ‘брызгать, сеять’, хак. *чач*- ‘разбрызгивать, плескать’, ‘кропить’, як. *ыс*- ‘разбрасывать’, ‘разбрызгивать’, ‘кропить’, як. *ас* ‘волос’, ‘волосы’ < **сач*- ‘волосы’, ‘разбрасывать’, ‘рассеивать’ [Щербак 1970: 196] ИН

кырг. *жай*- ‘стлать, расстилать’, ‘распространять’, ‘пускать на пастьбу’

кырг. *таркат*- ‘распускать, рассеивать’ < кырг. *тарка*- ‘разойтись, рассеяться’ < **тар* ‘рассеивание’, ‘рассеивать’ ИН

5. **ḡāk*- ‘приближаться’, ‘подходить, нравиться’ [Щербак 1970: 196], **ḡāk* ‘то, что находится близко’, ‘сторона, бок’ < **ḡā* ‘находиться близко’ ИН

як. *чахчы* ‘именно, действительно, в самом деле’, ‘правда’ (ср. тел. *чакши*, хак. *чахсы*, ‘хороший’ [Севортян, Левитская 1989: 63]) < як. **чак*- + *иш*

< **чак*- + *иш* ‘то, что нравится, то, что подходит к друг другу’, ‘хороший, подходящий’ < **ḡāk*- ‘приближаться’, ‘подходить, нравиться’

як. *чугаһаа*- ‘приближаться’ < як. *чугас*, *сугас*, ‘близкий’, ‘близко’ < як. **чук*- (**сук*-) + *иш* ‘то что находится близко’ < **ḡāk*- ‘приближаться’

(?) **ḡāk*- ‘подходить, нравиться’ > як.

як. *сөбүлээ*- ‘нравиться’ < як. *сөп* ‘подходящий’, ‘верный, точный, правильный’, ср. тув. *чөп* ‘правильно’

чув. *сывар*- ‘приближаться’ < чув. *сывар* ‘близость’, ‘близкий’, ‘близко’ < **ḡāk* ‘то, что находится близко’, ‘приближаться’

(?) **ḡāk*- ‘подходить, нравиться’ > чув. ИН

¹ Акронимы авторов статьи в тексте: ИН – И. Н. Новгородов, ОС – О. М.-о. Саая, РК – Р. Э. Конурбаева.

чув. *килѣш*- 'нравиться' < **кӓл*- 'подходить' [Щербак 1970: 195] ИН

тув. *чагда*- 'подходить, подступать', 'приближаться'
тув. *чоок* 'близкий', 'близко', ср. др.-тюрк. *јауиқ* 'близкий, находящийся вблизи', *јау*- 'приближаться'

(?) **ḡāk*- 'подходить, нравиться' > тув. ИН

тув. *таарыш*- 'подходить, нравиться' < тув. *таар*- 'стричь, подстригать (волосы, растения)', 'подгонять, прилаживать', 'подпиливать, подтесывать' ср. тоф. *таар*- 'отрубить, отрезать ровно поперек' ИН
кырг. *жакында*- 'близиться, приближаться' < кырг. *жакын* 'близкий' РК < **ḡāk*- 'приближаться'

кырг. *жак*- 'нравиться'

кырг. *жак* 'сторона, бок' РК < **ḡāk* 'сторона, бок', 'приближаться'

6. **ḡāl* 'грива'

як. *сиэл* id.

як. *саал* 'жировое отложение в верхней части шеи лошади'

чув. *силхе* 'грива'

тув. *чел* id.

кырг. *жал* 'грива', 'подгривенный жир'

7. **ḡām* 'сор, соринка'

(?) **ḡām* id. > як.

як. *сыыс* 'сор, соринка' < (?)

як. *бөх* 'мусор, сор' < **nok* 'кал, навоз', 'сор, мусор' [Щербак 1970: 196]

(?) **ḡām* 'сор, соринка' > чув. ИН

чув. *сӹпӹ* 'сор, соринка' < **чӹп* 'сор', 'соломинка', 'осадок' [Щербак 1970: 198] ИН

тув. *чам* 'соринка, сор'

тув. *бок* 'мусор, сор' < **nok* 'кал, навоз', 'сор, мусор' ИН

*кырг. *жам* 'сор, мусор' ИН в устойчивом словосочетании *күм жам* 'превращенный в прах' РК, ср. др.-тюрк. *јат* 'сор, соринка' ИН

*кырг. *чӹп* 'сор, мусор', ср. тел. *чӹп* 'сор, мусор' < **чӹп* 'сор', 'соломинка', 'осадок' ИН

кырг. *шыпырынды* 'сор, мусор (сметаемый, выметаемый)' РК < кырг. *шыпыр*- 'подметать', ср. кал. *сыпыранды* 'мусор', др.-тюрк. *sipir*- 'подметать, выметать' ИН

кырг. *кымын*, *кыпын* 'малейшая частица', 'пылинка, мельчайшие пылинки, носящиеся в воздухе', 'соринка' РК, ср. тур. *kılkıbr* (< **kıl* + *kıbr*) 'пыль, мусор', тур. *kibir* 'угольная пыль', тур. *kır kıpr* 'беспреданно шевелящийся,

беспреданно дрожащий', тур. *kıvılcım* 'искра', аз. *гығылчым* 'искра', тел. *кымын* 'искра', тел. *кыбыр* 'пепел', як. *кыым* 'искра', як. *кыбыан* 'искра' < **кыып* 'искра', несмотря на **кыым* 'искра' [Щербак 1970: 194] ИН

кырг. *таштанды* 'отбросы, хлам, утиль', 'сор' РК < кырг. *ташта*- 'бросать', ср. др.-тюрк. *taşla*- 'бросать (камень)' ИН

кырг. *акыр-чикир* < *какыр-чикир* 'барахло, барахлишко, хлам', 'мусор' РК, парное слово, где *какыр* 'сухое место, куда не доходит вода' (ср. др.-тюрк. *qaq* 'сухой, сушеный': *qaq et* 'сушеное мясо'), компонент *чикир* используется для усиления значения первого компонента и собственного значения не имеет, повторяя звуковой облик первого элемента парного слова ИН

8. **ḡān* 'сторона, бок' [Щербак 1970: 196] < **ḡā*- 'находиться близко' ИН

(?) **ḡān* 'сторона, бок' > як.

як. *ойоғос* 'сторона, бок', 'ребро', ср. др.-тюрк. *ejäğü* 'бок'

чув. *сум* 'бок', 'место, находящееся рядом'

чув. *ен* 'сторона' < тюрк.: тур. *уап* 'сторона, бок' ИН

тув. *чан* 'бок в *мырыңай чанында* 'под боком', 'окрестность, окружающая местность'

тув. *чаны* 'сторона' < тув. *чан* 'бок' ИН

тув. *быгын* 'бок', ср. др.-тюрк. *bīqin* 'бок' ИН

тув. *тала* 'сторона, бок', ср. хак. *талаа* 'бок, сторона' ИН

кырг. *жан* id.

кырг. *жак* 'сторона', 'бок' РК < **ḡāk* 'сторона', 'бок', 'приближаться' ИН

9. **ḡār* 'овраг, крутой берег'

як. *сыыр* 'гора', 'крутой, высокий берег'

чув. *сыр* 'обрыв, яр, откос берега', *сыр(ма)* 'овраг, крутой берег'

чув. *вар* 'овраг', 'середина, сердцевина', 'нутро', 'желудок, живот', 'лучшая часть волокна', 'овраг', 'лог', 'дол', 'глубокое сухое русло ручья', ср. як. *үөс* 'центр, средоточие, середина', 'середина реки', як. *үрэх* 'ручей' (ср. чув. *варак* 'русло', 'промоина', чув. *вар* 'глубокое сухое русло ручья' < *чув. *өр* 'ручей', 'река'), як. *өрүс* 'река' (< *чув. *өр* 'ручей', 'река'), кырг. *өзөн* 'русло, ложе речки', 'побережье речки', 'горная долина с речкой', др.-тюрк. *öz* 'сущность', 'сам', 'жизнь', 'сердцевина, нутро', 'жир', 'долина, проход между горами' < **ös* 'сам', 'существо', 'сущность', 'жизнь' [Щербак 1970: 195];

тюрк. значения 'середина, сердцевина' и 'горная долина с речкой' связывает як. 'середина реки', т. е. 'горная долина' воспринимается как некое ложе, в которой течет река ИН

(?) **ǰār* 'овраг, крутой берег' > тув. ИН

тув. *чарык* 'щель, трещина, скважина', 'расщелина, ущелье', 'яр' (ср. тоф. *чарык* 'распадок (на склоне горы)') < тув. *чар*- 'колоть, разделять, размывать (водой, например, берег)', *'рубить, рассекать' + *ык* < **ǰār*- 'рубить, рассекать' ИН

тув. *чоога* 'овраг' ОС < *тув. *чог*- 'бить', ср. др.-тюрк. *чоq*- 'бить, забивать (скот)' (> (а) тув. *чогуш* 'драка', ср. тув. *сок*- 'бить', *согум* 'забитый на зиму скот', (б) тюрк.: > мо.: м.-п. *čoki*- 'бить, ударять') + *-ka* < **чок*- 'бить' ИН, ОС

кырг. *жар* 'яр, обрыв, крутой берег'

10. **ǰār*- 'рубить, рассекать'

як. *сиир*- 'прорывать'

чув. *çур*- 'рвать, разрывать, рассекать'

тув. *чар*- 'колоть, разделять; размывать (водой, например, берег)'

кырг. *жар*- 'колоть'

11. **ǰās* 'весна'

як. *саас* id.

чув. *çур* id.

тув. *час* id.

кырг. *жаз* id.

12. **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать'

як. *сыһһы* 'плоская поверхность, равнина, поле', ср. кырг. *жазы*, *жазык* 'широкий, просторный', 'равнина, простор', 'распластавшийся' < **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать' >

(а) др.-тюрк. *jaz*- 'развязывать', 'распускать (о волосах)', 'распускаться, растекаться', (б) турк. *яз*- 'расстегиваться', 'расстилать, стлать' > турк. *язы* 'степь, простор'

як. *сүөр*- 'развязывать', ср. др.-тюрк. *jör*- 'отвязывать, распутывать'

(?) **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать' > чув. ИН

чув. *салт*- (< *чув. *сал-т*-, ср. чув. *салат*- 'распутить (волосы)') 'развязать', 'разуть', 'распутать', ср. др.-тюрк. *seš*- 'распутывать', 'развязывать' ИН чув. *сът*- 'распутать', 'распускать', ср. каз. *сът*- 'распороть', 'расплетать' ИН

тув. *час*- 'развязываться, раскрываться; распускаться (о цветах)'

тув. *чеш*- 'развязывать, отвязывать', ср. др.-тюрк. *seš*- 'распутывать', 'развязывать' ИН

кырг. *жаз*- 'стелить, расстилать', 'развязывать', 'развертывать', 'распускать (о волосах, косах)'

кырг. *таркат*- 'распускать, рассеивать' < кырг. *тарка*- 'разойтись, рассеяться' < **тар* 'рассеивание', 'рассеивать' ИН

13. **ǰās*- 'писать'

(?) **ǰās*- id. > як.

як. *суруй*- id. < мо.: ср.-монг. *jiru*- 'рисовать', м.-п. *žiru*- 'чертить', 'проводить линию', 'рисовать', бур. *зура*- 'рисовать, чертить', 'чиркать (спичками)', 'бороздить, разрезать (о молнии)', западный диалект 'писать', кал. *zur*- 'царапать', 'рисовать', 'писать' < тюрк.: чув. *çыр*- 'писать', др.-тюрк. *jaz*- 'писать'

чув. *çыр*- id.

(?) **ǰās*- id. > тув. ИН

тув. *бижи*- id. < мо.: м.-п. *biči*- id. < тюрк.: др.-тюрк. *biti*- id.

кырг. *жаз*- id.

14. **ǰās*- 'промахиваться, ошибаться'

як. *сыыс*- 'промахиваться'

(?) **ǰās*- 'промахиваться, ошибаться' > чув. ИН

чув. *ан лектер*- 'промахнуться' < чув. *ан* отрицание при глаголе < вотск. *ан*, зырянск. *эн* 'отрицание при глаголе' + чув. *лек*- 'попасть', ср. тат. *элэк*-, *лэк*- 'зацепиться', 'попадать' ИН

чув. *йәнйш*- 'ошибаться', 'ошибка' < тюрк.: тат. [Севортян, Левитская 1989: 120, 121], ср. чаг. *йаңыш* 'ошибка' ИН

тув. *час*- 'промахиваться, ошибиться'

кырг. *жаз*- 'ошибаться, заблуждаться, промахнуться'

15. **ǰāt* 'чужой'

(?) **ǰāt* id. > як.

як. *атын* 'другой, иной', 'чужой', ср. др.-тюрк. *adīn* 'другой, иной'

чув. *ют* 'чужой, посторонний'; **ǰ*- > 0: **ǰā*- > **ǰа*- > **ǰа*- > *ју*- [Щербак 1970: 148, 181] ИН

(?) **ǰāt* 'чужой' > тув. ИН

тув. *өске* 'другой, иной', 'чужой, посторонний', ср. хак. *өске* 'другой, иной' ИН

тув. *хары* 'посторонний, чужой', ср. хак. *хари* 'против, наперекор' ИН

тув. *башка* 'кроме', 'находящийся порознь, изолированный, отдельный', 'другой, иной, непохожий, особенный', 'чужой, независимый' < тув.

**баш* 'свободный', 'отделяться, обособливаться' +
-ка ИН < тув. *баш* 'голова', *'иметь свою
голову' > 'взрослеть' > 'обособливаться' > 'отде-
ляться' ОС
кырг. *жат* 'чужой, посторонний', 'чужак'

16. **ḡāsh* 'молодой', 'год жизни'

як. *саас* 'год жизни'
чув. *сул* 'год'
чув. *йаш* 'молодой' < тюрк.: тат. *йәш* 'молодой' ИН
тув. *чаиш* 'младенец, новорожденный, маленький',
диал. 'год жизни'
кырг. *жаш* 'молодой'

17. **ḡāsh* 'слеза'

(?) **ḡāsh* id. > як.
як. *харах уута* 'слеза', дословно 'вода глаза',
як. *харах* 'глаз' и як. *уу* 'вода', ср. др.-тюрк. *қағақ*
'глаз', *суу* 'вода'
*чув. *суль* 'слеза' ИН в *куссуль* 'слеза' < чув. *кус*
'глаз' (ср. др.-тюрк. *көз* 'глаз') + **суль* 'слеза' ИН
тув. *чаиш* id.
кырг. *жаш* id.

18. **ḡā-* 'есть, кушать'

як. *сиэ-* id.
чув. *си-* id.
тув. *чи-* id.
кырг. *же-* id.

19. **ḡāḡ* 'хороший' [Щербак 1970: 196], **ḡāḡ* (**ḡāḡ*)
'согласие', 'хороший', **ḡāḡ-* (< **ḡāḡnik-* < **ḡāḡkin-*)
'побеждать' < **ḡā-* 'есть, кушать' либо **ḡāḡ-*
(< **ḡāḡnik-*) 'побеждать' < **ḡā-* 'есть, кушать' ИН
як. *эх* 'да, ладно, хорошо' < **ḡāḡ* 'хороший';
**ḡ-* > 0, сохранение пратюркского *-ḡ в як. [Щербак
1970: 174], ср. як. *иэх-* 'гнуть' < **ḡḡ-* (**ḡḡ-*) 'гнуть,
сгибать'
як. *ээн* 'междометие согласия' < *як. *ээн* 'да, ладно,
хорошо'
як. *үтүө* 'хороший', ср. др.-тюрк. *edgü* 'хороший',
'добрый'
як. *үчүгэй* 'хороший' < як. *үтүө* 'хороший' <
**āḡyü* < **āḡki* 'хороший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' [Щербак
1970: 193]
чув. *си* 'верх', 'поверхность', 'одеяние, одежда' ИН
чув. *лайях* 'хороший', ср. тур. *lâyik* 'достойный,
заслуживающий', кырг. *ылайык* 'соответствующий,
подходящий, приличествующий' < араб. *lâyik*
'достойный, заслуживающий' ИН

чув. *аван* 'хороший', ср. кырг. *аман* 'благополуч-
ный, невредимый', як. *аман* 'сопровожаемый
благословением, желающий счастья и удачу' ИН
чув. *ырă* 'хороший', ср. як. *үтүө, үчүгэй* 'хороший',
др.-тюрк. *edgü* 'хороший, добрый' < **āḡgi* 'хоро-
ший' < **āḡki* 'хороший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' ИН
(?) **ḡāḡ* 'хороший' > тув. ИН

тув. *эки* 'хороший', ср. тоф. *эккi (эккi)* 'хороший',
хак. *эке* 'дорогой мой', 'милый мой' < **āḡki* 'хоро-
ший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' ИН

тув. *чаагай* 'обильный, богатый; приятный, аро-
матный; вкусный; добрый, благородный, прекрас-
ный, великолепный, хороший; дородный, полный'
ОС, ср. тоф. *чааһай* 'ласковый, добрый' < тоф. **чаа-*
'ласкать' в тоф. *чаа тузт-* 'гладить по голове',
'ласкать' ИН

*кырг. *жейе* 'согласие', ср. тел. *jee* [т'ейе] 'согла-
сие' < **ḡāḡ* 'согласие', 'хороший'
кырг. *жакшы* 'хороший', 'хорошо', ср. тел. *јақшы*
[т'акшы] 'хороший', 'хорошо', *јақынчақ* [т'акынчак]
'хорошенький', 'очень хорошо' < **ḡāk-* 'подходить,
нравиться' ИН

20. **ḡāl* 'ветер', 'бежать рысью', 'мчаться'

як. *сиэл-* 'бежать рысью', як. *силлиэ* 'буря'
чув. *сил* 'ветер'
тув. *чел-* 'бежать рысью', тув. *челби-* 'веять'
кырг. *жел* 'ветер', 'бежать трусцой, легкой рысью'

21. **ḡāḡ* 'рукав'

як. *сиэх* id. < **ḡāḡnk* < **ḡāḡnik* < **ḡāḡnik* 'рукав'; в як.
сочетании *-нк смычный носовой сонант был
ассимилирован глухим согласным *-k, ср. як.
иэх- 'гнуть' < **āḡnk-* (> **āḡḡ-* 'гнуть, сгибать' [Щербак
1970: 193]) < **āḡnik-* 'гнуть, сгибать'
чув. *санă, çавнĕ* < **çāḡniḡ* < **ḡāḡniḡ* < **ḡāḡnik* 'рукав'; паде-
ние пратюркского *-ḡ [Щербак 1970: 131, 175] ИН
тув. *чең* 'рукав'
кырг. *жең* id.

22. **ḡār* 'испытывать отвращение, презирать'

як. *сир-* 'браковать, отвергать'
як. *сиргэн-* 'испытывать отвращение, прези-
рать' < як. *сир-* 'браковать, отвергать', ср. хак.
чиркэн- 'брезговать, чувствовать отвращение',
'гнушаться', хак. *чирик-* 'не признавать, бросать
своего детеныша'
(?) **ḡār* 'испытывать отвращение, презирать' > чув. ИН
чув. *йёрён-* 'чувствовать отвращение' < тюрк.: тур.
yer-, др.-тюрк. *jer-* 'питать отвращение' ИН

(?) **ǰāp*- ‘испытывать отвращение, презирать’ > тув. ИН

тув. *ческин*- ‘испытывать отвращение, брезговать’
ИН тув. *чексин*- ‘испытывать отвращение, брезговать’
ОС, ср. тел. *јексин*- [т’ексин] ‘брезговать’
(< *тел. *јек* + *син*-), ср. кырг. *жек* ‘отвращение’ +
ла- > кырг. *жекте*- ‘ненавидеть’ ИН

кырг. *жери*- ‘чуждаться, отчуждаться, не признавать своим близким, покидать’, ‘не подпускать к себе своего детеныша’ ИН

кырг. *жек көр*- ‘ненавидеть’, ‘питать отвращение’ < кырг. *жек* ‘отвращение’ (ср. алт., тел. *д’ек* ‘дьявол’, ‘шайтан’, др.-тюрк. *јек* ‘демон’ < ин.-ев.: ср.-пр. *jakkā*, санскр. *jaksa* ‘сверхъестественное существо, дух’) + *көр*- ‘видеть’ (< **көр*- ‘видеть’ [Щербак 1970: 195]), ср. як. *абааһы көр*- ‘ненавидеть’ < як. *абааһы* ‘дьявол, сатана’ (ср. др.-тюрк. *al*, *āl* ‘обман, уловка, ухищрение, хитрость’, як. *алын* ‘обман, хитрость, лукавство’, *албас* ‘хитрость, коварство, обман’, кырг. *албарсты* ‘демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего)’; в як. *абааһы* ‘дьявол, сатана’ произошло падение согласного *л*, как в падении согласного *д*, в стечении согласных, например, як. слове *силис* ‘корень’, ср. др.-тюрк. *jildiz* id., где выпал последующий согласный *д*, а непредшествующий *л*; возможно в др.-тюрк. *abači* ‘бука, пугало’ произошло влияние якутской группы языков) + *көр*- ‘видеть’ ИН

23. **ǰās* ‘латунь’

(?) **ǰās* id. > як.

як. *дьэс* ‘красная медь’ < тюрк.: др.-уйг. *jez* ‘желтая медь’

*чув. *čār*, *žār* ‘латунь, красная медь, желтая медь’ (*чув. *žār* (> мокша – мордовское *s’erä*) > тат. *жәйшәл жар* ‘медный купорос’ [Севортян, Левитская 1989: 169; Щербак 1994: 136]) > як. *дьаар*, *чаар* ‘острый неприятный запах, смрад, приторный вкус’, ‘приторность, привкус меди’ ИН

чув. *йёс* ‘латунь, красная медь, желтая медь’ < тюрк.: тат. *йес* ‘латунь’ [Севортян, Левитская 1989: 169], ср. тув. *чес* ‘красная медь’, др.-тюрк. *jez* ‘желтая медь’ ИН

тув. *чес* ‘красная медь’

кырг. *жез* ‘медь, латунь, жель’

24. **ǰāt*- ‘вести на поводу’, ‘вести за руку’ [Щербак 1970: 197], **ǰārt*- ‘вести на поводу’, ‘вести за руку’ ИН

як. *сиэт*- ‘вести за руку’

чув. *шат*-, *шавт*-, *шаврт*- ‘вести’ ИН

тув. *чет*- ‘вести за руку’

кырг. *жетеле*- ‘вести на поводу’ ИН

25. **ǰāl*- ‘двигаться’, ‘ползти’

як. *сыл*- ‘еле двигаться’, ‘ползти’

(?) **ǰāl*- ‘двигаться’, ‘ползти’ > чув. ИН

чув. *шу*-, *шав*- ‘двигаться, скользить, ползти’ < тат. *шуу*- ‘скользить’ ИН

тув. *чыл*- ‘сдвигаться с места, передвигаться; ползать; катиться, скользить’

кырг. *жыл*- ‘двигаться, передвигаться тихо, медленно; ползти’

26. **ǰī* ‘шов’

як. *сиик* id.

чув. *сёвё* id.

(?) **ǰī* id. > тув. ИН

тув. *тиг* id. ОС < **тік*- ‘втыкать’, ‘колоть’, ‘шить’ [Щербак 1970: 197] ИН

кырг. *жик* ‘шов, щель, трещина’ ИН

27. **ǰīn* ‘тело (?)’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ [Щербак 1970: 197], **ǰīn*, **ǰīñ* ‘тело’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ < **ǰā*- ‘есть, кушать’ ИН

як. *сиин* в *эт сиин* ‘тело’, як. *хаан сиин* ‘кровь, румянец’, ‘кровообращение’, ср. як. *эт* ‘тело, плоть’, ‘мясо’, як. *хаан* ‘кровь’, др.-тюрк. *et jin* ‘плоть, тело’, др.-тюрк. *et* ‘мясо’, ‘плоть, тело’, др.-тюрк. *jin* ‘тело’, ‘часть тела’, ‘покров тела

волосы, щетина’, др.-тюрк. *in*, *jin* ‘помет животных’, др.-тюрк. *jin* ‘сопли’, сюг. *йиң* ‘овечий помет’, ‘содержимое кишок’, ‘особая шаманская церемония, называемая еще *шушу*’, др.-тюрк. *qan* ‘кровь’ (< **kān* ‘кровь’ [Щербак 1970: 194]), кырг. *кан жин* ‘нечистоты (букв. кровь и содержимое желудка)’ (?) **ǰīn* ‘тело’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ > чув. ИН

чув. *јит* ‘тело’ < **āt* ‘мясо, плоть’ [Щербак 1970: 194] ИН

тув. *чин* ‘фекальные массы’ ИН

кырг. *жин* ‘содержимое желудка’ ИН

28. **ǰōk* ‘отсутствие чего-либо’, ‘нет’

як. *суох* id.

чув. *чук* id.

тув. *чок* id.

кырг. *жок* id.

29. **ǰǫl* 'дорога'
як. *суол* id.
чув. *сул* id.
тув. *чол* id.
кырг. *жол* id.
30. **ǰǫn*- 'строгать, тесать' [Щербак 1970: 197],
**ǰǫ*- 'строгать, тесать' ИН
як. *суор*- id.
чув. *сун*- id. ИН
тув. *чон*- id.
кырг. *жон*- 'обтесывать, обстругивать'
31. **ǰū*- 'мыть'
як. *сууй*- id.
чув. *су*- id.
тув. *чуг*- id.
кырг. *жуу*- id. РК, ср. тел. *јун*- [т'ун] 'мыть' < *тел.
јуу- [т'ү] 'мыть' ИН
32. **ǰūrt* 'дом', 'владение', 'стойбище'
як. *суурт* 'стойбище', 'жилище'
чув. *сурт* 'дом'
тув. *чурт* 'страна, край, стойбище, стоянка, жилье, местность'
кырг. *журт* 'народ, подданные', 'родня, близкие', 'место, где стояла юрта или стоял аул', 'страна, родина'
33. **ǰūt*- 'глотать'
(?) **ǰūt*- id. > як.
як. *ыыр*-, *ыјыһын*- 'глотать', ср. др.-тюрк. *siŋür*- 'поглощать, проглатывать', 'вводить, вливать (пищу, лекарство)', тув. *сүр*- 'глотать'
чув. *сәт*- id.
(?) **ǰūt*- id. > тув. ИН
тув. *сыыр*- id., ср. др.-тюрк. *saŋur*- 'глотать', 'впитывать', *siŋür*- 'поглощать, проглатывать', 'вводить, вливать (пищу, лекарство)' < *siŋ*-, *siŋ*- 'уходить в землю, впитываться (о воде)' < **сiŋ*- 'впитываться' [Щербак 1970: 196] ИН
кырг. *жут*- 'глотать'
34. **ǰūs* 'лицо'
(?) **ǰūs* id. > як.
як. *сүүс* 'лоб' < **ǰūs* 'лицо'
як. *сирэй* id. < мо.: м.-п. *čiräi* id. < ср.-тюрк. *čiray* id. < перс. [Щербак 2005: 45]
(?) **ǰūs* id. > чув. ИН
чув. *пит* id., ср. др.-тюрк. *bit* 'лицо, физиономия' ИН
(?) **ǰūs* 'лицо' > тув. ИН
- тув. *арын* ОС, *алын* id. < **āl* 'перед', 'низ' [Щербак 1970: 193] 'лицо', 'лоб' ИН, ОС
тув. *чүзүн* 'масть, цвет' < мо.: м.-п. *jisün* 'цвет', 'внешний вид', 'масть животных' < тюрк.: др.-тюрк. *jüz* 'лицо' [Щербак 2005: 68]
кырг. *жүз* id.
35. **ǰūs* 'сто'
як. *сүүс* id.
чув. *сёр* id.
тув. *чүс* id.
кырг. *жүз* id.
36. **ǰūs*- 'плавать' [Щербак 1970: 197], **ǰūs*- 'плавать' ИН
як. *уһун*-, *устар*- id., ср. м.-п. *usučila*- id. (< мо.: **usuči*-, **usu*- id. < тюрк.: *як. *усу*- id., ср. як. *устар*- id.), мо. *усчла*- id.; монг. **usu*- id. > ма. *усу*- 'плыть по течению вниз (о судне)'; **ǰ*- > 0
як. *харбаа*- 'грести, сгребать', 'плавать с помощью оконечностей (о человеке и животных)' < монг.: м.-п. *харта*- 'сгребать, подбирать, собирать', м.-п. *хари*- 'царапать', 'строгать' (> як. *хоруй*-, *харый*- 'скоблить, выскребывать', 'пахать') < тюрк.: др.-тюрк. *qaz*- 'рыть, копать, выкапывать', аз. *газы*- 'рыть', 'скоблить', 'высекать, вырезать, выгравировать', тур. *kazı*- 'скоблить, скрести', 'чесать', 'царапать, сдирать', чув. *хыр*- 'скоблить, сгребать, скрести' (> др.-уйг. *qır*- 'соскребать, соскабливать, царапать') < **kās*- 'копать', 'скоблить, сгребать, скрести'
(?) **ǰūs*- 'плавать' > чув. ИН
чув. *иш*- id. < тюрк.: тув. *эш*- 'грести веслами', 'сгребать (например, лопатой снег)' < **āsh*- 'грести' [Щербак 1970: 194] > чув. *ал*- 'пахать', чув. *алт*- 'рыть, копать', 'долбить' ИН
тув. *сүс*- 'ходить по воде', ср. тоф. *сүс*- 'ходить по воде' ИН
тув. *эш*- 'плавать' ОС < **āsh*- 'грести' [Щербак 1970: 194] ИН
кырг. *жүз*- ИН, *сүз*- 'плавать' РК
- Дополнительный список включает слова, не восходящие к архетипам, содержащим начальный межзубный щелевой согласный и первичную долготу гласного:
- **ǰут* 'падеж скота от бескормицы', 'мор' [Щербак 1970: 197], **ǰут* 'падеж скота от бескормицы', 'мор' ИН
як. *сут* 'голод, бескормица', 'скотский падеж' ИН

чув. *џут* 'жадный' ИН
 тув. *чут* 'бескормица', 'джут' ИН
 кырг. *жут* 'джут (массовый падеж скота от бескор-
 мицы)' ИН
 ср. осет. *џода* 'покрытая ледяной коркой поверх-
 ность земли, гололедица' [Севортян, Левитская
 1989: 257]
 **кӱл* 'озеро'
 як. *күөл* 'озеро' ИН
 чув. *кӱлӗ* 'озеро' ИН
 тув. *хөл* 'озеро' ИН
 кырг. *көл* 'озеро' ИН
 ср. осет. *кӱл* / *кӱлӕ* 'глубокая лужа', 'глубокое место
 в реке', 'глубокая вода' [Левитская и др. 1997: 96].

**ӱс* 'сам', 'существо', 'сущность', 'жизнь' [Щербак
 1970: 195] + 'центр, средоточие, середина' 'сере-
 дина реки', 'река' ИН
 як. *үс* 'центр, средоточие, середина', 'середина
 реки' ИН
 чув. *вар* 'середина, сердцевина', 'нутро', 'желудок,
 живот', 'лучшая часть волокна', 'овраг', 'лог', 'дол',
 'глубокое сухое русло ручья' ИН
 тув. *өзек* 'сердцевина', 'центр, ядро' ИН, 'аорта' ОС
 тув. *өзен* 'ложбина, лог', 'побережье речки', 'горная
 долина с речкой' ИН
 кырг. *өзөк* 'сердцевина', 'стержень', 'нутро' ИН
 кырг. *өзөн* 'русло, ложе речки', 'побережье речки',
 'горная долина с речкой' ИН, РК

**ат* 'лошадь' [Щербак 1970: 193], **ат̄* 'лошадь' ИН
 як. *ат* 'лошадь' ИН
 чув. *ут* 'лошадь' ИН
 чув. *лаша* 'лошадь', ср. турк. *алаша* 'лошадь
 (полученная скрещиванием племенного ахалте-
 кинского жеребца с простой кобылой)'
 кырг. *алача* 'пегая, пятнистая, пестрая (масть
 лошади)' ИН, 'вид чистокровного скакуна' РК <
 **ала* 'лошадь пегой, пятнистой, пёстрой масти' ИН
 тув. *аџт* 'лошадь', 'мерин' ИН
 кырг. *ат* 'лошадь, конь' ИН

**пӱ* 'кобыла'
 як. *биэ* 'кобыла' ИН
 чув. *кӱсре* 'кобыла', ср. як. кытарах 'яловица,
 яловая', 'не стельная, не жеребая' ИН
 тув. *бе* 'кобыла' ИН
 кырг. *бээ* 'кобылица (жеребившаяся)' ИН

**тај* 'жеребенок по второму году' [Щербак 1970: 197],
 **тај̄* 'жеребенок' ИН
 як. *тый* 'жеребенок по второму году' ИН
 чув. *тиха*, *тӱйха* 'жеребенок' (< **тай-ха*), ср. монг.
тахь 'дикая лошадь' ИН
 тув. *дай* фольк. 'конек', 'жеребенок от двух до трех
 лет' ИН
 кырг. *тай* 'крупное животное в возрасте до одного
 года' ИН
 кырг. *тай* южн. *келте тай* 'жеребенок-сосунок' ИН

кој* (кој̄*) 'овца' [Щербак 1970: 194, 83], **кон* 'овца'
 ИН
 як. **хой* 'овца' в *хой баһа* 'очень далеко, на большом
 расстоянии', 'небывальщина, чушь', неологизм *хой*
 'баран', *бараан* 'овца' ИН
 чув. *куй* в *куй сурӱх* 'порода длинношерстных
 овец', 'ордынская овца' ИН
 тув. *хой* 'овца' ИН
 кырг. *кой* 'овца' ИН

**кӱч* 'баран'
 **кӱч* 'баран' > як. ? ИН
 як. *бараан* 'баран', 'овца' < рус. ИН
 як. неологизм *хой* 'баран' ИН
 чув. *така* 'баран', ср. кырг. *теке* 'козел' ИН
 тув. *кошкар* 'баран-производитель' ИН
 кырг. *кочкор* 'баран-производитель' ИН

**кӱр* 'степь', 'горное плато' [Щербак 1970: 194], **кӱр̄*
 'степь', 'горное плато' ИН
 як. *кыры* (< **кӱрӱ* 'грань', 'горный хребет' < **кӱр*
 'степь', 'горное плато') 'острая сторона пред-
 мета', 'грань', ср. возникновение дополнитель-
 ного гласного в чув. *тудӱ* 'вкус' < **тӱтӱ* [Щербак
 1970: 131] < **тӱт* 'вкус' ИН
 чув. *хир* 'поле', 'степь' ИН
 тув. *кыр* 'грань', 'небольшой горный хребет',
 'отрог' ИН
 кырг. *кыр* 'горный хребет', 'гребень горы', 'грань' ИН

Обсуждение

Говоря об особенностях мира прототюрков, нужно
 обратиться к словам, относящимся к конкретным
 условиям существования популяции и ее культуре
 (пункты 1, 2, 3, 6, 9, 11, 13, 23, 26, 29, 30, 35), оставив
 в стороне слова, не связанные с ними (пункты 4, 5,
 7, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 27,
 28, 31, 33, 34, 36).

На основе слов, относящихся к конкретным условиям существования популяции и ее культуре, можно считать, что прототюрки проживали в местности, где происходила смена времен года, ср. 11. **ḡās* ‘весна’ < **ḡās* ‘весна’ и 3. **ḡāj* ‘лето’ < **ḡāj* ‘лето’. Обращает внимание развитие семантики ‘лето’ из семантики ‘весна’ в тур. *yaz* ‘лето’, уйг. *jaz* id., что свидетельствует о более южной географической локализации предков огузов и уйгуро-карлуков, чем предков якутов, чувашей, тувинцев и кыргызов. Это значит, что когда у предков якутов, чувашей, тувинцев и кыргызов наступала ‘весна’, то в это время у предков огузов и уйгуро-карлуков уже было ‘лето’. Это свидетельствует о том, что, например, огузы расселялись южнее, чем, например, якуты, т. е. в регионе, где отсутствовало или сведено к минимуму явление **ḡut* (< **ḡut*) ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ < **ḡut* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’, ср. ин.-ев.: осет. *ḡoda* ‘покрытая ледяной коркой поверхность земли, гололедица’. Известно, что в огузских языках отсутствует слово для обозначения этого явления, в то время как в якутском, тувинском и кыргызском оно представлено в виде рефлексов пратюркского **ḡut* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ [Севортян, Левитская 1989: 256, 257; Щербак 1970: 197]. Прототюрки локализовались в местах, где имелись овраги и крутые берега, ср. 9. **ḡār* ‘овраг, крутой берег’ < **ḡār* ‘овраг, крутой берег’. Известно, что в совокупности овраги и крутые берега (и соответственно пресноводные объекты: **kōl* ‘озеро’ < **kōl* ‘озеро’ (ср. осет. *kul* / *kōlæ* ‘глубокая лужа’, ‘глубокое место в реке’, ‘глубокая вода’), **ōs* ‘сам’, ‘центр, средоточие, середина’, ‘середина реки’, ‘река’ < **ōs* ‘река’, ‘горная долина с речкой’ необходимы для занятий скотоводством: **at* ‘лошадь’ < **at* ‘лошадь’, **nā* ‘кобыла’ < **nā* ‘кобыла’, **taḡ* ‘жеребенок по второму году’ < **taḡ* ‘жеребенок’, **kōč* ‘баран’ < **kōč* ‘баран’, **kōn* ‘овца’ < **kōn* ‘овца’, которое осуществлялось в степи, граничащей с горной местностью, ср. **kīp* ‘степь’, ‘горное плато’ < **kīp* ‘степь’, ‘горное плато’, ‘горный хребет’).

О разносторонней деятельности прототюрков свидетельствуют слова: 1. **ḡā* ‘лук (оружие)’ < **ḡā* ‘лук (оружие)’, 2. **ḡā* ‘сбивать масло’ < **ḡā* ‘сбивать масло’, 6. **ḡāl* ‘грива’ < **ḡāl* ‘грива’, 26. **ḡī* ‘шов’ < **ḡī* ‘шов’, 30. **ḡō* ‘строгать, тесать’ < **ḡō* ‘строгать, тесать’.

О том, что прототюрки находились в процессе постоянных перекочевок, свидетельствует понятие дороги, ср. 29. **ḡōl* ‘дорога’ < **ḡōl* ‘дорога’.

Прототюрки имели представление о письме (13. **ḡās* ‘писать’ < **ḡās* ‘писать’) и счете (35. **ḡūs* ‘сто’ < **ḡūs* ‘сто’).

Связи прототюрков обнаруживаются не только с древними восточноиранскими племенами (скифами), например, в обозначении явления замораживания пастбищ льдом, но и с предками древних тохаров, например в наименовании латуни, ср. 23. **ḡās* ‘латунь’ < **ḡās* ‘латунь’, ср. ин.-ев.: тох. *A wās*, тох. *B yasa* [Щербак 2005: 70].

Рассмотрим основные вопросы пратюркских и прототюркских реконструкций на сравнительно-историческом фоне.

Возникают сомнения по идее алтайского (транс-евразийского) родства популяций и их языков. М. Роббитс датирует трансевразийскую общность эпохой неолита, что выходит за приемлемые хронологические рамки сравнительно-исторического языкознания. И не только из-за этого обстоятельства. Идеям родства противоречат факты. Например, количественная оппозиция гласных тюркского праязыка никак не сопоставима с состоянием фонологических систем современных монгольских языков [Щербак 1997: 230] и тунгусо-маньчжурских языков [Новгородов 2003], что подрывает родственные связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Следует также иметь в виду, что у тюркских народов – носителей монголоидной расы в виде центрально-азиатского антропологического типа – обнаруживается европеоидная генетическая примесь. Указанной примеси не было у коренных монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии генетического родства между тюрками, монголами, тунгусо-маньчжурами, корейцами и японцами и выявляет их конвергентные связи [Новгородов 2024: 171].

Поэтому правомерно несогласие с утверждением родства алтайских (трансевразийских) языков. Но вместе с тем наблюдается дивергенция прототюркского, пратюркского, о чем убедительно свидетельствует реконструируемый материал односложных основ.

Что касается возникновения первичного языкового разнообразия в результате конвергенции (смешения, схождения) прототюрков, древних восточноиранских, восточно-индоевропейских народов, то, действительно, материал эксплицитно выявляет конвергенцию европеоидов и монголоидов

начиная с достаточно отдаленного от современности времени в виде индоевропейских заимствований в прототюркском.

Говоря о древнейшей конвергенции тюрков с европеоидами (индоевропейцами), отметим, что известны данные различных наук:

- антропологии: разнообразие тюркских антропологических типов от туркменского европеоидного и переходного казахского до якутского центрально-азиатского типа (центральноазиатской расы), последний характерен кроме якутов для тувинцев, южных алтайцев, бурят, калмыков, монголов [Алексеева и др. 2004: 422], хунну и плиточников [Цыбиктаров 2017: 69; 2018: 50, 56]; формирование антропологического типа тюрков в среде смешанных европеоидно-монголоидных форм в Центральной Азии [Алексеев, Гохман 1984: 94], поэтому при своем расселении на запад они несли как монголоидные признаки, так и брахикранный европеоидный комплекс; в частности возникновение центрально-азиатского типа на основе метисации монголоидов древней байкальской расы (населения культуры плиточных могил) с европеоидами [Цыбиктаров 2018: 50, 56; Цыбиктаров, Диймажавын 2022];
- археологии: длительная конвергенция европеоидов и монголоидов с центрально-азиатским антропологическим типом в рамках культуры плиточных могил (возникшей на основе монголоидной селенгинско-даурской археологической культуры (время энеолита и ранней бронзы: конец III – середина II тыс. до н.э.), соотносящейся с южным Забайкальем и Монголией [Цыбиктаров 2012: 83, 85, 87; 2017: 61, 63, 69, 70]) и керексуров с оленными камнями [Цыбиктаров 2018: 43, 46–51, 56];
- генетики: европеоидная генетическая примесь у якутов, тувинцев, алтайцев и бурят [Pugach et al. 2016: 1780, 1784, 1786, 1788];
- этнологии: кочевое скотоводство Центральной Азии [Егоров 2017: 253–308; Рассадин 2011: 54–64; Цыбиктаров 2017]; отражение скифского тотема *сака* 'олень' в названиях родоплеменных групп тувинцев, хакасов, казахов, кыргызов, ср. тув. *саая*, хак. *сагай*, каз. *сакай*, кырг. *саяк*, алт.-урянх. *саяван*, як. *саха* и др. [Монгуш 2021]; в алтае-урянхайской группе произошел языковой и культурный сдвиг с тюркского (тувинского) на монгольский

[Донгак, Бадарч 2025]; як. *саха* не имеет связей со скифским тотемом *сака* и восходит к пратюркскому **9akka* 'край, окраина' [Новгородов 2009];

- декоративно-прикладного искусства: нагрудные украшения скифов и якутов [Новгородов 2024: 171–176; Чугунов 2011; 2014; 2024], петроглифы Забайкалья и Северной Монголии, содержащие, например, изображение праздника, близкого по содержанию к як. *ыһыах* 'традиционному якутскому национальному празднику' [Окладников, Запорожская 1970: 167–169];
- фольклора: отражение архаического этапа жизни тюрков в якутском эпосе, где изображены европеоидные персонажи и индоевропейский бестиарий [Новгородов, Захарова 2021];
- лингвистики: древние и древнейшие индоевропейские заимствования в як., чув., др.-тюрк. и др. языках [Новгородов 2024: 170; Щербак 1994: 121].

Приведенный материал свидетельствует о том, что конвергенция европеоидов и монголоидов или ее следы являются важным положительным диагностическим признаком идентичности тюркских народов.

В материале конвергенции европеоидов и монголоидов речь идет о хунну и плиточниках.

В якутологии тема происхождения якутов от культуры плиточных могил обсуждается Н. К. Антоновым [Антонов 1971: 146–161]. И. В. Константинов считает, что якуты, уйгуры, буряты и др. возникли от плиточников через промежуточные ступени курыкан и хунну [Константинов 1975: 135, 136]. Согласно мнению И. В. Константинова, якуты и булагатская группа западных бурят некогда составляли единое племя, и впоследствии указанная группа бурят перешла с тюркского языка на монгольский [Там же: 134, 135, 139]. А. П. Окладников и В. Д. Запорожская считают, что наследниками культуры плиточных могил являются предки якутов и бурят [Окладников, Запорожская 1970: 168]. В чувашеведении существуют идеи: о прототюркском происхождении культуры плиточных могил [Иванов 2009: 33], о древних связях археологических восточных индоевропейцев и плиточников, приведших к формированию разных видов прототюрков [Егоров 2017: 304].

Вопросы идентичности хунну и плиточников с современными обществами остаются дискуссионными. Одни утверждают, что хунну относятся к монголоязычному миру, другие – к тюркскому,

третьи не согласны ни с тем, ни с другим и выдвигают принадлежность к енисейскому [Бенцинг 1986; Дёрфер 1986; Пуллиблэнк 1986; Цыбиктаров 2017: 66]. В сущности, в мире хунну было представлено разнообразие языков и народов. По вопросу плиточников существуют взгляды об их монгольской и тюркской идентичности [Цыбиктаров 2017: 69]. Была высказана идея преемственности предков бурят XVI – начала XVII в. со средневековыми и древними общностями, оставившими археологические культуры бронзового, раннего железного веков и средневекового времени Байкальского региона на основе данных развития хозяйственного типа [Там же]. Иными словами, речь идет о преемственности культуры бурят с культурами хунну и плиточников.

В изучении вопроса идентичности древних и современных обществ можно принять во внимание замечания, высказанные А. М. Щербаким для создания классификации тюркских языков, в частности во взаимоотношении древних и современных языков [Щербак 1994: 21–24]. Эти идеи применимы к текущему обсуждению, т. к. имеется связь языка и общества.

Необходимо учитывать временную емкость исследования: древние и современные общества объединить не удастся, т. к. древние общества могут быть пережитым состоянием современных. Материалы древних и современных обществ неравноценны. Факты древних и современных обществ находят неодинаковое объяснение. Тем не менее в отношении вопроса идентичности древних и современных обществ могут быть высказаны различные гипотезы и взгляды.

Возвращаясь к теме древней конвергенции европеоидов и монголоидов, можно предположить, что в прототюркское время она была в виде языковой конвергенции, и произошел, например, переход первых на язык вторых. Но в этом случае едва ли может идти речь о возникновении двух групп в тюркском протоязыке: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огурский, болгаро(?)-чувашский тип – *Lir*-язык).

В плане языка, с точки зрения реконструированного материала односложных слов существенным является отсутствие долготы гласного в прототюркском языке и следовательно отсутствие условий для появления чувашского ротацизма (**s* > **z* > *r*) и ламбдаизма (**š* > **ž* > *l*).

Чувашский ротацизм и ламбдаизм возникли после возникновения первичной долготы гласного вследствие процессов дополнительной

дистрибуции согласных *s* и *š*, а именно озвончения **s* (> **z* > *r*) (ротацизм) и **š* (> **ž* > *l*) (ламбдаизм) на базе корреляции несонантности / сонантности в пратюркском языке и его последующего распада, ср. [Щербак 1970: 97, 106].

Пратюркские **s* и *š* после краткого гласного не подвергаются ротацизму и ламбдаизму и сохраняют свое качество глухости в односложных словах [Там же: 85, 86, 106, 173]. Ротацизм и ламбдаизм также возникают в середине и конце многосложного слова [Там же: 85, 86, 87].

Поэтому распад прототюркского языка на две группы: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огурский, болгаро(?)-чувашский тип – *Lir*-язык) – вследствие влияния восточного индоевропейского языкового субстрата не оказывается возможным, т. к. в прототюркском в ауслауте отсутствовал звонкий согласный *z*, на его месте был глухой *s*.

Тюркский ротацизм отмечен в византийских записях V в. н. э. [Clauson 1962: 38]. Проникновение тюркизмов (чувашизмов) в монгольские языки и монголизмов в тюркские языки (ср. др.-тюрк. *jasa*- ‘строить, делать, устраивать’ (надпись в честь Kül Tegin’a); ср. ст.-узб. *jasa*- ‘строить, делать, устраивать’ < мо.: ср.-монг. *jasa*- id. [Щербак 1997: 204]) происходит в древнетюркское время. То есть выход монголоязычного мира в степи Монголии и занятие скотоводством, в основном заимствованным у тюрков [Рассадин 2011: 54–64], в большей мере не связаны с эпохой плиточников. Древнейшим местопребыванием предков монголоязычных были восточносибирские и маньчжурские леса в бронзовом веке [Clauson 1962: 10, 245, 246].

В более позднее время, связанное с хунну, нужно отметить следующие обстоятельства. С конца III в. до н. э. до II в. н. э. в Монголии и Юго-Западном Забайкалье фиксируется культура хунну [Цыбиктаров 2017: 63]. У хунну наблюдается центрально-азиатский антропологический тип [Там же: 69], характерный для якутов, тувинцев, бурят, алтайцев, калмыков, монголов. В элите хунну из долины реки Эгийн-Гол (река на севере Монголии, левый приток Селенги) выявлен гаплотип N1c1 [Lee, Kuang 2017: 222], обнаруживаемый у якутов, бурят, тувинцев и др. В указанных популяциях прослеживается одинаковый хозяйственный тип в виде коневодства и скотоводства. Известен шаньюй сюнну (хунну) Маодунь, бывший заложником у юэцжи [Сыма Цянь 2002: 327] – восточноиранский народ Центральной Азии. Данный факт является важным

свидетельством конвергенции монголоидов – хунну и европеоидов – юэчжи.

Серьезным аргументом тюркоязычия хуннов является замечание из «Вэй шу» о схожести языка племен Гаоцзюй (телэ) с хуннским; кроме того, предки клана Юйвэнь, известного среди сяньби III–VI вв., происходили из сюнну, были родственниками южно-хуннских шаньюев, а язык их сильно отличался от сяньбийского, т.е. хунны и сяньби говорили на очень разных языках [Илюшин 2025: 42]. Например, известны слова хунну, коррелирующие с тюркскими [Бенцинг 1986: 12]. Эти слова являются прямыми или косвенными свидетельствами наличия тюркской идентичности в вокабуляре языка хунну.

На основе хронологии событий характер связей хунну с другими народами в одних областях был более интенсивным, в других – менее. Так, хунну вступали в связи с древними китайцами, восточными иранцами, монголоязычными. Например, во взаимоотношениях с Китаем происходило перемещение ставки шаньюя [Сыма Цянь 2002: 327, 329, 346, 353]. Это значит, что в одних местах происходила прямая языковая конвергенция хунну и древних китайцев, в других регионах этого не происходило. Поэтому ожидается, что в одних идиомах языка хунну будут иметься китаизмы, а в других нет. Кроме того, языковая конвергенция хунну и древних китайцев в основном происходила в их элитах и не затрагивала широкие слои населения. Не прослеживаются явные китаизмы, связанные с традиционным хозяйственным типом хунну.

97 г. до н.э. является последней датой в повествовании Сыма Цяня о сюнну [Там же: 353], но сведения о сюнну (хунну) в более позднее время отражаются в китайских источниках, ср. «Вэй шу». В 49 г. до н.э. впервые в китайских летописях появляется тюркский этноним *гяньгунь* (*кыргыз*, *qırqız*) [Яхонтов 1986]. То есть сведения о тюрках и хунну в китайских источниках хронологически соотносятся, и после 49 г. до н.э. начинается широкая конвергенция древних тюрков с китайским миром.

В тюркологии установлено, что пратюркский язык функционировал на прародине – степном регионе Центральной Азии, в бассейне р. Енисей (cf. *the Yenisey river basin*) в не столь великом промежутке времени, отделяющем нас, т.е. до I в. до н.э. [Щербак 1961: 160, 161; 1970: 20, 88, 193], что вполне обосновано [Новгородов 2021: 171–173]. В бассейн реки Енисей входят реки Монголии, например

река Орхон, где были обнаружены одни из древнейших артефактов рунической письменности в честь древнетюркских государственных деятелей Восточного каганата Tonjuqu'a (712–716 гг.), Kül Tegin'a (732 г.), Bilgä Qayan'a (735 г.).

Пратюрки занимались коневодством, скотоводством, овцеводством и козоводством в условиях языковых контактов с индоевропейцами и конвергенции с европеоидами (ср. индоевропейские заимствования, европеоидный антропологический тип туркмен и других огузов и переходный тип у казахов и др.) в степи и горной местности, изобилующими различными пресноводными объектами; падежа домашних животных от бескормицы и мора.

С точки зрения связи языка и общества данные носителей пратюркских классификационных групп, а именно якутской (як.), урянхайской (тув. и др.), кыпчакской (алт. и др.) с древнейшими индоевропейскими заимствованиями, т.е. якутов, тувинцев, алтайцев, прямо коррелируют с европеоидной генетической примесью и центрально-азиатским антропологическим типом, возникшим на основе метисации с европеоидами. Указанная примесь и антропологический тип прослеживаются у бурят. Было установлено прямое генетическое родство якутов и бурят и языковой сдвиг последних с тюркского (якутского) на монгольский [Новгородов 2025; Pugach et al. 2016: 1783, 1788]. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что буряты ранее представляли вместе с якутами, тувинцами и алтайцами одно пратюркское целое, и о древнейшей конвергенции европеоидов и монголоидов в истории пратюрков, которая привела к возникновению разнообразия пратюркского языкового континуума.

А. Д. Цыбиктаров произвел ретроспективное исследование истории сложения коневодства, овцеводства, козоводства, скотоводства, верблюдоводства бурят. Ученый пришел к выводу о корреляции современного хозяйственного типа бурят с древними хозяйственными типами хунну и культуры плиточных могил южного Забайкалья и Монголии [Цыбиктаров 2017: 61, 69, 70]. Иными словами, буряты лингвистически (с учетом языкового и культурного сдвига), антропологически, генетически и по хозяйственному типу коррелируют с пратюрками и хунну.

Приведенные сведения подводят к выводу, что якутские (бурятские с учетом языкового и культурного сдвига), урянхайские (тувинские), кыпчакские

(алтайские) данные хозяйственного типа вместе с лингвистическими, антропологическими, генетическими показателями идентичности последовательно, в пространстве и времени, через мир пратюрков обнаруживают корреляцию с культурой хунну. Учет этих данных дает основание считать, что миры пратюрков и хунну коррелируют друг с другом, т.к. проявляют сходство в конструктивных признаках идентичности при разнообразии популяций и языков. Изучение современных тюрков, пратюрков, хунну показывает, что в них проявляются результаты совершившейся конвергенции. Поиск источника самой конвергенции приводит к археологическим культурам, в которых прошли процессы метисации, а также к миру монголоязычных и тюркоязычных популяций, обладающих центрально-азиатским антропологическим типом.

В исследовании антропологии тюрков необходимо учитывать, что формирование их антропологического типа происходило в среде смешанных европеоидно-монголоидных форм в Центральной Азии, поэтому при своем расселении на запад они несли как монголоидные признаки, так и брахикранный европеоидный комплекс [Алексеев, Гохман 1984: 94]. Это значит, что распространение тюркского антропологического типа происходило с востока на запад, а не наоборот.

Могут быть предложены, например, чемурчекская культура (Монгольский Алтай и Джунгария, 2600–1700 г. до н.э.); окуневская культура (Минусинская котловина, горы Хакасии и Красноярского края, XXVI–XVIII вв. до н.э.); карасукская культура (конец 2 – начало 1 тыс. до н.э., Южная Сибирь и Казахстан), в которых также наблюдаются факты конвергенции европеоидов и монголоидов, приведшие к метисации указанных расовых групп [Козинцев 2023; Поляков 2020; Солодовников и др. 2019; Kozintsev 2024]. В этих случаях конвергенция не привела к образованию центрально-азиатского антропологического типа, являющегося конструктивным признаком современных и древних тюркских народов и одним из источников тюркского разнообразия.

Экспансия на восток других европеоидных культур, например афанасьевской [Солодовников 2003], ирменской [Zubova 2013], андроновской [Солодовников 2006], не привела к метисации носителей указанных культур с коренными монголоидами и к образованию центрально-азиатского антропологического типа.

Поиск источника конвергенции приводит к фактам взаимодействия культуры плиточных могил и культуры керексурсов и оленных камней в Забайкалье и Монголии.

А. Д. Цыбиктаров отмечает, что вследствие аридизации климата в конце II тыс. до н.э. произошли крупномасштабные миграции скотоводческого населения по всему региону северной части Центральной Азии. Происходили масштабные миграции населения крупных степных культур керексурсов с оленными камнями и плиточных могил, которые носили встречный характер. Образовалась огромная контактная зона этих культур в пределах Центральной Монголии и Южной Бурятии. Она протянулась почти на 1300 км с запада на восток и около 600 км с севера на юг. К концу эпохи поздней бронзы и в начальный период раннего железного века, т.е. в промежутке с XIII–XII вв. до н.э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н.э., это закончилось ассимиляцией европеоидов культуры керексурсов монголоидами на востоке и монголоидов культуры плиточных могил европеоидами на западе. В целом встречные миграции групп населения культуры плиточных могил и культуры керексурсов в конце бронзового века положили начало активному смешению и симбиозу монголоидов и европеоидов в этой части азиатского материка и, как следствие, метисации и тех, и других [Цыбиктаров 2018: 43, 46–51, 56].

Культура плиточных могил и ее взаимосвязи с культурой керексурсов с оленными камнями являются первичным источником конвергенции европеоидов и монголоидов в Центральной Азии, приведшей к образованию центрально-азиатского антропологического типа [Цыбиктаров, Диймажавын 2022].

По вопросу происхождения плиточников существуют различные взгляды, например, монгольская и тюркская [Цыбиктаров 2017: 69]. Для доказательства отнесения культуры плиточных могил к монголоязычному миру необходимо привести существенные данные в виде конструктивных и иных признаков идентичности, коррелирующих с пережитым состоянием коренных современных и древних монголоязычных народов, кроме бурят. В мире монголоязычных должны быть обнаружены следы древнейшей конвергенции европеоидов и монголоидов в совокупности, обнаруживаемых, например, в данных:

- антропологии: европеоидный, переходный, центрально-азиатский типы;

- генетики: европеоидная генетическая примесь у коренных монголоязычных популяций с центрально-азиатским антропологическим типом;
- этнологии: независимое от тюркского возникновение кочевого скотоводства в Центральной Азии, предметы в скифском стиле; отражение скифского тотема *сака* 'олень' в коренных монгольских родоплеменных группах;
- декоративно-прикладного искусства: предметы, украшения в скифском зверином стиле, петроглифы автохтонного типа, перекрывающиеся петроглифами древних ираноязычных народов;
- фольклора: отражение в эпосе различных европеоидных персонажей и индоевропейских образов;
- лингвистики: древние и древнейшие прямые индоевропейские заимствования.

Согласно современным данным, прямые связи коренного монголоязычного мира с европеоидами в древнейшее время отсутствуют.

Далее рассматриваются тюркоязычные популяции. Была установлена корреляция миров пратюрков и хунну. Хронологически показательно, что хунну сменили предшествующую культуру плиточных могил [Цыбиктаров 2017: 63, 67]. Хозяйственный тип культуры плиточных могил коррелирует с хозяйственными типами хунну, пратюрков, с традиционным коневодством, скотоводством современных тюрков и бурят. Согласно данным языковой реконструкции, у прототюрков был тот же самый хозяйственный тип, что и у пратюрков, за исключением скотоводства и козоводства. Прототюрки существовали в тех же условиях, что и пратюрки. Лингвистически у прототюрков выявляются следы древнейшей языковой конвергенции с индоевропейцами в виде заимствований.

Языковая конвергенция европеоидов и монголоидов привела к языковому сдвигу первых. Европеоиды перешли с индоевропейского языка на прототюркский. Произошло первичное тюркское популяционное разнообразие. Этот процесс наблюдается сквозь призму дивергенции прототюркского языка, которая привела к возникновению пратюркского языкового континуума. В последнем имеются различные классификационные группы, представленные разными антропологическими типами.

Известно, что предками тюркских народов, хунну (сюнну) были носители культуры плиточных могил,

представленные на огромной восточной части Центральной Азии [Гумилёв 1993 : 37; Новгородова 1984: 124; 1989: 320, 321; Окладников, Запорожская 1970: 168;].

Последовательность событий с позиций относительной хронологии, антропологический тип, хозяйственный тип, данные петроглифов Забайкалья и Северной Монголии, распространение в одной и той же местности и факты популяционной и лингвистической конвергенции европеоидов и монголоидов позволяют совместить мир прототюрков и культуру плиточных могил.

Древнейшая археологическая конвергенция прототюрков (монголоидов культуры плиточных могил) с восточными индоевропейцами (европеоидами культуры керексурсов и оленных камней) в конце III – середине II тыс. до н. э. в южном Забайкалье и Монголии явилась источником первичного тюркского многообразия форм, наблюдаемых в:

- антропологии пратюрков: европеоидный, переходный, центрально-азиатский типы;
- генетике: европеоидная генетическая примесь у тюркских популяций с центрально-азиатским антропологическим типом;
- этнологии: отражение скифского тотема *сака* 'олень' в тюркском материале;
- декоративно-прикладном искусстве: нагрудные украшения в виде гривен, пекторалей;
- фольклоре: отражение в эпосе европеоидных персонажей и индоевропейского бестиария;
- лингвистике: древние и древнейшие индоевропейские заимствования.

Возможно, эти события конвергенции европеоидов и монголоидов отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях Сыма Цяня [Сыма Цянь 2002: 324, 441].

Полученные данные позволяют последовательно возвести: (а) современных якутов, бурят (с учетом языкового и культурного сдвига), тувинцев, алтайцев к пратюркам, которые соотносятся с хунну; (б) пратюрков – к прототюркам, последние соотносятся с носителями культуры плиточных могил.

Таким образом, тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексурсов с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв.

до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) прототюркского языка и образованием пратюркского. Прототюркский и пратюркский языки распространялись среди индоевропейцев. Пратюркский язык функционировал до I в. до н. э. в Монголии, т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. В связи с процессами конвергенции тюркская языковая классификация является не бинарной, а поликомпонентной, а характер связей алтайских языков является конвергентным, а не дивергентным.

Хронологические рамки мира пратюрков устанавливаются в степном регионе Центральной Азии, в бассейне р. Енисей, включая реки Монголии, до I в. до н. э., т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. После этого начинается мир древних тюрков.

Относительное время мира прототюрков устанавливается в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии.

Заключение

Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* для тюркологии и алтаистики остается актуальной длительное время. Применение сравнительного метода, методики выявления заимствований, трансдисциплинарного подхода, реконструкция отдельных фрагментов языка последовательно вскрывают миры пратюрков и прототюрков, их отношение к археологическим культурам хунну и плиточных могил. Представлено отношение авторов к идеям алтайского (трансевразийского) родства, возникновения первичного тюркского разнообразия на основе древней конвергенции европеоидов и монголоидов.

Пратюркская фонетическая специфика никак не сопоставима с монгольской и тунгусо-маньчжурской, что подвергает сомнению идею алтайского (трансевразийского) родства. У тюркских народов обнаруживается европеоидная генетическая примесь. Примеси не было у коренных монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии генетического родства между тюрками, монголами, тунгусо-маньчжурами, корейцами и японцами и выявляет их конвергентные связи.

Факты языкового разнообразия обнаруживаются в тюркском праязыке. Пратюркский язык функционировал до I в. до н. э. в Монголии – прародине тюрков, т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. В связи с процессами конвергенции тюркская языковая классификация является не бинарной, а поликомпонентной, а характер связей алтайских языков является конвергентным, а не дивергентным. Разнообразный мир пратюрков соотносится с миром древних хунну, где были представлены различные популяции и языки. Согласно данным языковой реконструкции, обнаруживается, что миры пратюрков и прототюрков в основном функционировали в тех же условиях.

Мир прототюрков соотносится с культурой плиточных могил. Мир прототюрков связан со сменой времен года, местами, пригодными для животноводства, изобилующими водными объектами, но с периодически возникающими экстремальными явлениями природы, приводящими к падежу скота от бескормицы на границе степи и горной местности. Прототюрки, будучи кочевниками, занимались, например, шитьем, обтесыванием различных материалов, изготовливанием лука, производством масла, имели представление о письме и знали счет. Прототюрки дали старт пратюркам и их языку. Первичное прототюркское популяционное разнообразие произошло в Монголии, в результате перехода европеоидов на прототюркский язык.

Тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексурсов с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) прототюркского языка и образованием пратюркского. Прототюркский и пратюркский языки распространялись среди индоевропейцев. Возможно, эти события отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях.

Изложенные рассуждения в части соотношения мира пратюрков и хунну, мира прототюрков и культуры плиточных могил представляют собой исключительно авторскую концепцию, не претендующую

на абсолютную истину и требующую дальнейшей верификации. Данное утверждение указывает на открытость авторов к обсуждению дискуссионных моментов.

Полученные новые результаты по реконструкции особенностей мира прототюрков на основе одно-сложных основ, наряду с применением актуального трансдисциплинарного подхода на тюркском и алтайском материале, формируют научную новизну исследования.

Практическая значимость заключается в продвижении в научном и образовательном пространстве трансдисциплинарного подхода в исследовании популяций *homo sapiens*, в частности в тюркской и алтайской общности; в научном обеспечении развития тюркских и алтайских народов.

Направлениями дальнейших поисков могут быть продолжение реконструкции прототюркского вокабуляра, уточнение мира тюрков, пратюрков и прототюрков, расширение и углубление исследований, например, по монгольским, тунгусо-маньчжурским, корейским, японским и другим народам с позиций трансдисциплинарного подхода.

Отдельно нужно отметить значимость исследования тюркских языков Александром Михайловичем Щербаком – выдающимся тюркологом и алтаистом, которому 18 декабря 2026 г. исполняется 100 лет со дня рождения, что должно быть отмечено тюркологами и алтаистами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. Н. Новгородов – написание текста статьи. С. В. Охотникова – консультирование по чувашскому материалу на завершающем этапе написания статьи. Работа над разделом Результаты статьи выполнялась авторами отдельно и совместно. Весь якутский и чувашский материал внесен и этимологизирован И. Н. Новгородовым. Материалы внесены по тувинскому языку О. М.-о. Саая, по кыргызскому – Р. Э. Конурбаевой. И. Н. Новгородов вносил отдельный тувинский, кыргызский материал, данные из этимологических

словарей и сравнительно-исторических и других трудов по тюркскому, чувашскому, тувинскому, кыргызскому и иным языкам. В некоторых случаях разработка по конкретному языку осуществлялась совместно, например, материал вносился автором по конкретному языку, а этимология осуществлялась И. Н. Новгородовым; в таких случаях использованы несколько разных помет: ИН – И. Н. Новгородов, ОС – О. М.-о. Саая, РК – Р. Э. Конурбаева.

Contribution: I. N. Novgorodov wrote the manuscript; S. V. Okhotnikova consulted on the Chuvash material. The work on the results section of the article was performed by the authors separately or jointly. I. N. Novgorodov contributed and etymologized all Yakut and Chuvash material; O. M.-o. Saaya provided the Tuvan materials; R. E. Konurbaeva provided the Kyrgyz materials. I. N. Novgorodov contributed separate Tuvan and Kyrgyz examples, as well as data from etymological dictionaries and comparative-historical and other works on the Turkic, Chuvash, Tuvan, Kyrgyz and other languages. In some cases, the analysis was carried out jointly, e.g., the material was contributed by one of the authors and etymologized by I. N. Novgorodov (marked as IN for I. N. Novgorodov, OS for O. M.-o. Saaya, RK for R. E. Konurbaeva).

Благодарности: И. Н. Новгородов выражает благодарность коллегам: генеральному директору Николаеву Владимиру Рудольфовичу, менеджеру по работе с корпоративными клиентами Шумарт Екатерине Олеговне АО «Авиакомпания Якутия» за помощь в предоставлении транспортных услуг для очного участия во II Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность», приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР 25–27 июня 2025 г. в г. Чебоксары, на которой был представлен доклад, ставший основой данной статьи.

Acknowledgments: I. N. Novgorodov expresses his sincere gratitude to his colleagues at Yakutia Airlines JSC – Vladimir R. Nikolaev, General Director, and Ekaterina O. Shumart, Corporate Clients Manager – for their assistance in providing transportation services for his in-person participation in the II International Scientific and Practical Conference "The Slavic-Turkic World: History and Modernity" (June 25–27, 2025, Cheboksary). The report presented at that conference became the basis for this article.

Сокращения языков:

аз. – азербайджанский язык,
алт. – алтайский язык,
алт.-урянх. – идиома алтае-урянхайцев,
араб. – арабский язык,
бур. – бурятский язык,
вотск. – удмуртский язык,
др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской
письменности,
др.-уйг. – древнеуйгурский язык,
зырянск. – коми-зырянский язык,
ин.-ев. – индоевропейский язык,
каз. – казахский язык,
кал. – калмыцкий язык,
м.-п. – монгольский письменный язык,
ма. – маньчжурский язык,
мо. – монгольский язык,
монг. – современный монгольский язык,

осет. – осетинский язык,
рус. – русский язык,
санскр. – санскрит,
ср.-монг. – среднемонгольский язык,
ср.-пр. – среднеперсидский язык,
ст.-узб. – староузбекский язык,
сюг. – сарыг-югурский язык,
тат. – татарский язык,
тел. – телеутский язык,
тоф. – тофаларский язык,
тох. А – тохарский А язык,
тох. В – тохарский В язык,
тур. – турецкий язык,
турк. – туркменский язык,
уйг. – уйгурский язык,
тюрк. – тюркский язык,
хак. – хакасский язык,
чаг. – чагатайский язык.

Литература / References

- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с. [Alekseev V. P., Gokhman I. I. *Anthropology of the Asian part of the USSR*. Moscow: Nauka, 1984, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdbaqz>
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология. М.: ИДО РУДН, 2004. 459 с. [Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Drobyshesky S. V. *Anthropology*. Moscow: IDE PFUR, 2004, 459. (In Russ.)]
- Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? *Вопросы языкознания*. 2006. № 1. С. 3–15. [Alpatov V. M. Is N. Ja. Marr's doctrine up-to-date? *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, (1): 3–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsyfvj>
- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 184 с. [Antonov N. K. *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1971, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypsayd>
- Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 11–28. [Benzing I. Languages of the Huns, Danube and Volga Bulgarians. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, ed. Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 11–28. (In Russ.)]
- Бётлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 645 с. [Böhtlingk O. N. *About the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1990, 645. (In Russ.)]
- Гумилёв Л. Н. Хунну: Степная трилогия. СПб.: Тайм-аут-Компасс, 1993. 224 с. [Gumilev L. N. *Xiongnu: The Steppe trilogy*. St. Petersburg: Time-Out-Kompass, 1993, 224. (In Russ.)]
- Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема. *Вопросы языкознания*. 1981. № 4. С. 35–44. [Doerfer G. Basic vocabulary and the Altai problem. *Voprosy Jazykoznanija*, 1981, (4): 35–44. (In Russ.)]
- Дёрфер Г. О языке гуннов. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 71–134. [Doerfer G. On the language of the Huns. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, ed. Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 71–134. (In Russ.)]
- Донгак А. С. О., Бадарч Б. Некоторые особенности эпической традиции урянхайцев западной Монголии, связанные с исполнением сказок. *Азиатские исследования: история и современность*. 2025. № 2. С. 33–49. [Dongak A. S. O., Badarch B. Some features of the epic tradition of the Uriankhai people of Western Mongolia related to the performance of fairy tales. *Asian Studies: History and Modernity*, 2025, (2): 33–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.63124/2782-6139-2025-2-14-33-49>

- Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. 428 с. [Egorov N. I. *Selected works on ethnolinguogenesis and ethnic history of the Chuvash people*. Cheboksary: Novoe vremia, 2017, book 1, 428. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyredh>
- Иванов В. В. Моногенеза теория. *Лингвистический энциклопедический словарь*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 308–309. [Ivanov V. V. Monogenesis theory. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Iartseva V. N. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990, 308–309. (In Russ.)]
- Иванов В. П. Предыстория чувашского народа (до VIII в.). *Чуваши: история и культура*, ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 33–39. [Ivanov V. P. Prehistory of the Chuvash people (up to the 8th century). *Chuvash: History and culture*, ed. Ivanov V. P. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2009, vol. 1, 33–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvlbbl>
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт изучения ностратических языков. Т. II. I–ǰ. М.: Наука, 1976. 156 с. [Illich-Svitych V. M. *Experience in the study of Nostratic languages*. Vol. II. I–ǰ. Moscow: Nauka, 1976, 156. (In Russ.)]
- Илюшин Б. А. Очерки по истории древних кочевых народов группы дунху. Ч. 1. Дунху, ухуани, ранние сяньби. Новосибирск: НГУ, 2025. 368 с. [Ilyushin B. A. *Essays on the history of ancient nomadic peoples of the Donghu group*. Pt. 1. Donghu, Wuhuan, early Xianbei. Novosibirsk: NSU, 2025, 368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/978-5-4437-1766-1>
- Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. *Вопросы языкознания*. 1969. № 5. С. 22–41. [Clauson G. Lexicostatistical assessment of the Altai theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 1969, (5): 22–41. (In Russ.)]
- Козинцев А. Г. На кого были похожи карасукцы? *Этнографическое обозрение*. 2023. № 3. С. 150–164. [Kozintsev A. G. Whom did the Karasuk people resemble? *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, (3): 150–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089>
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры. *Якутия и ее соседи в древности*, отв. ред. Ю. А. Мочанов. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1975. С. 106–173. [Konstantinov I. V. The origin of the Yakut people and its culture. *Yakutia and its neighbors in ancient times*, ed. Mochanov Yu. A. Yakutsk: Yakutsk branch of SO AS SSSR, 1975, 106–173. (In Russ.)]
- Кормушин И. В. Тобаская группа. In: Тенишев Э. Р., Дыбо А. В., Левитская Л. С. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции*. М.: Наука, 2002. С. 600–660. [Kormushin I. V. Toba group. In: Tenishev E. R., Dybo A. V., Levitskaya L. S. et al. *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions*. Moscow: Nauka, 2002, 600–660. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmongx>
- Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: ЯРК, 1997. 368 с. [Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic lexical bases for the letters "K", "K"*. Moscow: IaRK, 1997, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxmutd>
- Мелиоранский П. М. Араб филолог о монгольском языке (текст, перевод, глоссарий и комментарий). *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. 1904. Т. 15. 1902–1903. С. 75–172. [Melioranskii P. An Arab philologist on the Mongolian language: Text, translation, glossary, and commentary. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*, 1904, 15. 1902–1903: 75–172. (In Russ.)]
- Монгуш Б. Б. Племена, связанные с этногенезом тувинцев в предмонгольское время. *Аранчиновские чтения: материалы III–IV чтений*. Кызыл: ТИГПИ, 2021. [Mongush B. B. Tribes associated with the ethnogenesis of Tuvans in Pre-Mongol times. *Aranchynov Readings: Proc. III–IV Readings*. Kyzyl: TIGPI, 2021. (In Russ.)] URL: <https://vk.ru/@tigpi-plemena-svyazannye-s-etnogenezom-tuvincev-v-predmongolskoe-v> (accessed 15 Aug 2025).
- Новгородов И. Н. Арктические алтайские языки. *Языки и литературы народов северо-востока России: современное состояние и перспективы развития*, отв. ред. А. А. Винокурова. Якутск: Сахаада, 2022. С. 26–29. [Novgorodov I. N. The Arctic Altai languages. *Languages and literatures of the peoples of the north-east of Russia: Current state and development prospects*, ed. Vinokurova A. A. Yakutsk: Sahaada, 2022, 26–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvzkrpz>
- Новгородов И. Н. Возникновение пратюрков и их языка. *Славяно-тюркский мир: история и современность: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.)* Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 168–179. [Novgorodov I. N. The emergence of the pratyurks and their language. *The Slavic-Turkic world:*

- History and modernity: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, 24–26 Jun 2024. Cheboksary: ChSIHS, 2024, 168–179. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/nvufcp>
- Новгородов И. Н. К вопросу о характере тюркско-тунгусо-маньчжурских языковых связей. С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании. Якутск: Якутский филиал СО РАН, 2003. С. 146–168. [Novgorodov I. N. The nature of the Turkic-Tungus-Manchu language connections. S. A. Novgorodov and the new in the Yakut linguistics. Yakutsk: Yakutsk branch of SO RAS, 2003, 146–168. (In Russ.)]
- Новгородов И. Н. О гипотезе языковых контактов якутов и эвенков в раннем Средневековье в связи с этнонимом саха (якут). *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2009. № 2. С. 105–107. [Novgorodov I. N. On a hypothesis of the language contacts between the Yakuts and the Evenks in the early Middle Ages in connection with the ethnic name Sakha (Yakut). *Vostok (Oriens)*, 2009, (2): 105–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kknbt1>
- Новгородов И. Н. Трансдисциплинарные данные о якутско-западно-бурятском единстве и миграции якутов из циркумбайкальского региона в Якутию в XIV веке. *Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: науч.-практ. конф. (Иркутск, 30–31 октября 2025 г.)* Иркутск: ИГУ. С. 35–47. [Novgorodov I. N. Transdisciplinary data on the Yakut-Western Buryat unity and migration of the Yakuts from the Circum-Baikal region to Yakutia in the 14th century. *The world of folklore in the context of the history and culture of the Mongolian peoples: Proc. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 30–31 Oct 2025*. Irkutsk: ISU, 35–47. (In Russ.)]
- Новгородов И. Н. Якутский язык в генетической классификации. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 4. С. 149–179. [Novgorodov I. N. The Yakut language in genetic classification. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2021, (4): 149–179. (In Russ.)] https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_4_149
- Новгородов И. Н., Захарова А. Е. Отражение древнейших тюркско-индоевропейских связей у якутов, чувашей и татар: археология, антропология, генетика, лингвистика, фольклористика (к постановке проблемы). *Татары и чувашы – ветви одного древа: Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары-Казань, 7–8 октября 2021 г.)* Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 271–277. [Novgorodov I. N., Zakharova A. E. Reflection of ancient Turkic-Indo-European relations in the Yakuts, Chuvash and Tatars: Archeology, anthropology, genetics, linguistics, folkloristics (to the statement of the problem). *Tatars and Chuvashes: branches of the same tree: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Cheboksary-Kazan, 7–8 Oct 2021*. Cheboksary: Novoe Vremia, 2021, 271–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cdjowl>
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: ГРВЛ, 1989. 383 с. [Novgorodova E. A. *Ancient Mongolia: Some issues of chronology and ethnocultural history*. Moscow: GRVL, 1989, 383. (In Russ.)]
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: ГРВЛ, 1984. 168 с. [Novgorodova E. A. *The world Mongolian petroglyphs*. Moscow: GRVL, 1984, 168. (In Russ.)]
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 264 с. [Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Petroglyphs of Transbaikalia*. Leningrad: Nauka, 1970, pt. 2, 264. (In Russ.)]
- Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2020. № 1. С. 3–6. [Polyakov A. V. The problem of origin of the Okunev culture in the light of modern scientific data. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2020, (1): 3–6. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvxznd>
- Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюрские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 29–70. [Pulleyblank E. J. The language of the Xiongnu. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 29–70. (In Russ.)]
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: КалмГУ, 2011. 167 с. [Rassadin V. I. *Studies on the history of Turkic-Mongolian linguistic community formation. Pt. 1. The Turkic influence on the lexicon of Mongolian languages*. Elista: KalmSU, 2011, 167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aneipc>
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960. 432 с. [Reformatskii A. A. *Introduction to linguistics*. Moscow: Uchpedgiz, 1960, 432. (In Russ.)]
- Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские лексические основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 293 с. [Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. *Etymological*

- dictionary of the Turkic languages. *Common Turkic and Inter-Turkic lexical bases for the letters "Ж", "Ж", "Й"*. Moscow: Nauka, 1989, 293. (In Russ.)]
- Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2006. № 6. С. 127–147. [Solodovnikov K. N. Anthropological materials from the Andronovo culture burial ground of Firsovo XIV on the problem of the formation of the Upper Ob region population during the Bronze Age. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*, 2006, (6): 127–147 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwodul>
- Солодовников К. Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры. *Древности Алтая*, отв. ред. В. И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Т. 10. С. 3–27. [Solodovnikov K. N. Materials for the anthropology of the Afanasievo culture. *Antiquities of Altai*, ed. Soionov V. I. Gorno-Altai: GASU, 2003, 3–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqdzgp>
- Солодовников К. Н., Тумен Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры западной Монголии. *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.) СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. II. С. 79–81. [Solodovnikov K. N., Tumen D., Erdene M. Craniology of the Chemurchek culture in Western Mongolia. *Antiquities of Eastern Europe, Central Asia, and Southern Siberia in the Context of Connections and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 18–22 Nov 2019. St. Petersburg: IIMC RAS, 79–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-79-81>
- Сыма Цянь. Исторические записки Ши цзи. М.: Вост. лит., 2002. 510 с. [Ssu-ma Ch'ien. *Historical records (Shih chi)*. Moscow: Vost. lit., 2002, 510. (In Russ.)]
- Туймебаев Ж. К. Тюркско-монгольские лексические соответствия в зеркале трансевразийского нарратива и ближайшие перспективы изучения актуальных проблем алтаистики. *Славяно-тюркский мир: история и современность*: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.) Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 256–265. [Tuimebaev J. K. Turkic-Mongolian lexical equivalents in the Trans-Eurasian narrative and the nearest perspectives of studying topical problems of Altaic studies. *The Slavic-Turkic world: History and modernity*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, 24–26 Jun 2024. Cheboksary: ChSIHS, 2024, 256–265. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jrmomg>
- Цыбиктаров А. Д. К истокам формирования скотоводческого хозяйства бурят. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2017. Т. 20. С. 61–76. [Tsybiktarov A. D. On the origin of the cattle breeding among Buryats. *Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology. Ethnology, and Anthropology Series*, 2017, 20: 61–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpchbj>
- Цыбиктаров А. Д. Становление производящего хозяйства в Южном Забайкалье в эпоху энеолита и ранней бронзы (конец III – середина II тыс. до н.э.). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № S2. С. 83–87. [Tsybiktarov A. D. The formation of producing economy in the Southern Transbaikalye in the Eneolithic and Early Bronze Age (the end of the late IIIrd – the middle of the IInd millennium B.C.). *Bulletin of Buryat State University*, 2012, (S2): 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbicyj>
- Цыбиктаров А. Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14. № 4. С. 42–63. [Tsybiktarov A. D. Ethnocultural processes in the South-Western Transbaikalia in the late Bronze and early Iron Age. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2018, 14(4): 42–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzvhmt>
- Цыбиктаров А. Д., Диймажавын Э. Археологические источники о формировании антропологического типа монголов и бурят. *Банзаровские чтения*: Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.) Улан-Удэ: БГУ, 2022. Ч. 1. С. 79–85. [Tsybiktarov A. D., Dyimajavyn E. Archaeological sources about forming the anthropological type of the Mongols and Buryats. *Banzarov Readings*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ulan-Ude, 30–31 Mar 2022. Ulan-Ude: BSU, 2022, 79–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1709-0-79-85>
- Чугунов К. В. Азиатские пекторали раннескифского времени. *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии*: XVII Чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтения памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.) СПб.: Нестор-История, 2014. С. 59–71. [Chugunov K. V. Asian pectorals of the early Scythian period. *Ladoga in the context*

- of the history and archaeology of Northern Eurasia: 17th Readings in memory of Anna Machinskaia, Staraya Ladoga, 22–23 Dec 2012, and XVIII Readings in memory of Anna and Dmitry Alekseevich Machinskaia, Staraya Ladoga, 21–22 Dec 2013. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 59–71. (In Russ.)]*
- Чугунов К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. *Европейская Сарматия: конф. в рамках XIV Чтений памяти Анны Мачинской. (Старая Ладога, 26–27 декабря 2009 г.)* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60. [Chugunov K. V. Art of Arzhan 2: Stylistics, composition, iconography, and ornamental motifs. *European Sarmatia: Proc. Conf. at 14th Readings in Memory of Anna Machinskaia, Staraya Ladoga, 26–27 Dec 2009. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 39–60. (In Russ.)]*
- Чугунов К. В. Парадные пекторали из тувинской долины царей. *Camera Praehistorica*. 2024. № 1. С. 116–131. [Chugunov K. V. Ceremonial pectorals from the Tuvan Valley of the Kings. *Camera Praehistorica*, 2024, (1): 116–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-1-116-131>
- Широкогоров С. М. Этнографические исследования. Кн. 2. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток: ДВФУ, 2002. 148 с. [Shirokogorov S. M. *Ethnographic research. Book 2. Ethnos. A study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Vladivostok: FEPU, 2002, 148. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/xsuovx>
- Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Иностр. лит., 1950. 292 с. [Schuchardt H. *Selected articles on linguistics. Moscow: Inostr. lit., 1950, 292. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 191 с. [Shcherbak A. M. *Introduction to the comparative study of Turkic languages. St. Petersburg: Nauka, 1994, 191. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*, отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: АН СССР, 1961. С. 82–172. [Shcherbak A. M. Names of domestic and wild animals in the Turkic languages. *Historical development of the vocabulary of the Turkic languages*, ed. Ubryatova E. I. Moscow: AS SSSR, 1961, 82–172. (In Russ.)]
- Щербак А. М. О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960. [Shcherbak A. M. *Methodology of studying linguistic parallels: The Altai hypothesis. Moscow, 1960. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. *Вопросы языкознания*. 1959. № 6. С. 51–63. [Shcherbak A. M. The Altai hypothesis in linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1959, (6): 35–44. (In Russ.)]
- Щербак А. М. Очерки для этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков. Заимствованный фонд: тюркизмы, монголизмы. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 227 с. [Shcherbak A. M. *Essays for the etymological dictionary of the Tungus-Manchu languages. Borrowings: Turkisms, Mongolisms. St. Petersburg: ILI RAN, 2020, 227. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 292 с. [Shcherbak A. M. *Early Turkic-Mongolian language relations (8th–14th centuries). St. Petersburg: ILI RAN, 1997, 292. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Рец.: Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1985. 307 S. *Вопросы языкознания*. 1989. № 6. С. 132–135. [Shcherbak A. M. Rev.: Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1985. 307 p. *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, (6): 132–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vygpwb>
- Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 210 с. [Shcherbak A. M. *Comparative phonetics of Turkic languages. Leningrad: Nauka, 1970, 210. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Тюрко-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков). *Вопросы языкознания*. 1986. № 4. С. 47–59. [Shcherbak A. M. Turkic-Mongolian language relations: Interaction and mixing of languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 1986, (4): 47–59. (In Russ.)]
- Щербак А. М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с. [Shcherbak A. M. *Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages. St. Petersburg: Nauka, 2005, 195. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/qrugev>
- Яхонтов С. Е. Языки северных соседей китайцев в I тыс. до н.э. *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: XXIX Междунар. алтаистической конф. (Ташкент, сентябрь 1986 г.)* М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 73–75. [Yakhontov S. E. Languages of the Northern neighbors of the Chinese in the 1st Millennium BC. *Historical and cultural contacts of the peoples of the Altaic language community: XXIX Intern. Altaic Conf., Tashkent, Sep 1986. Moscow: Nauka, 1986, vol. 1, 73–75. (In Russ.)*]
- Clauson G. *Turkish and Mongolian studies*. London: Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1962, 261.

- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I–IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963–1975. Bd. I. 1963, 560; Bd. II. 1965, 671; Bd. III. 1967, 670; Bd. IV. 1972, 650.
- Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985, 307.
- Janhunen J. The Tungusic languages: A history of contacts. *Current Trends in Altaic Linguistics*, eds. Kim Juwon, Ko Dongho. Altaic Society of Korea, 2013, 17–60.
- Kozintsev A. G. The origin of the Karasuk People: Craniometric evidence. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024, 52(2): 143–153. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.2.143-153>
- Lee J.-Y., Kuang S. A Comparative analysis of Chinese historical sources and Y-DNA studies with regard to the early and medieval Turkic peoples. *Inner Asia*, 2017, 19(2): 197–239. <https://doi.org/10.1163/22105018-12340089>
- Melioranskij P. Rev.: Grønbech V. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1904, (6): 491–499.
- Miller R. A. *Japanese and the other Altaic languages*. Chicago-London: University of Chicago Press, 1971, 331.
- Müller M. *Lectures on the science of language*. New York: Charles Scribner, 1862, 385.
- Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. Utrecht: Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap, 2007, 375. <https://elibrary.ru/ymgsvv>
- Pakendorf B., Novgorodov I. N. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia. *Loanwords in the world's language: A comparative handbook*, eds. Haspelmath M., Tadmor U. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009, 496–524. <https://elibrary.ru/rhqqud>
- Pakendorf B., Stoneking M., Novgorodov I. N., Osakovskij V. L., Danilova A. P., Protod'jakonov A. P. Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: Genetic variation and the origins of yakuts. *Human Genetics*, 2006, 120(3): 334–353. <https://doi.org/10.1007/s00439-006-0213-2>
- Poppe N. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960, 188.
- Pugach I., Matveev R., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Stoneking M., Pakendorf B. The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations. *Molecular Biology and Evolution*, 2016, 33(7): 1777–1795. <https://doi.org/10.1093/molbev/msw055>
- Radloff W. *Vergleichende Grammatik der nordischen Turk Sprachen. Th. I. Phonetik*. Leipzig, 1882, 318.
- Ramstedt G. J. *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*. Helsinki: Suomalais – Ugrilainen Seura, 1952–1966. Bd. I. 1957, 192; Bd. II. 1952, 262; Bd. III. 1966, 171.
- Robbeets M. *Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages*. Berlin-Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015, 550. <https://elibrary.ru/wuhxhp>
- Robbeets M. The language of the Transeurasian farmers. *Language dispersal beyond farming*, ed. Robbeets M., Savelyev A. Amsterdam: Benjamins, 2017, 93–121. <https://doi.org/10.1075/z.215.05rob>
- Robbeets M., Bouckaert R., Conte M., Savelyev A., Li T., An D.-I., Shinoda K.-i., Cui Y., Kawashima T., Kim G. et al. Triangulation supports agricultural spread of the Transeurasian languages. *Nature*, 2021, 599: 616–621. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04108-8>
- Schott W. *Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht*. Berlin: bei G. Reimer, 1849, 147.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. Brill, 2003. Vol. 1, VI+852; Vol. 2, IV+700; Vol. 3, IV+540.
- Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1991, 411.
- Vovin A. *Korea-Japonica: A re-evaluation of a common genetic origin*. Honolulu: University of Hawai'i Press. Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 2010, 278 p.
- Vovin A. The end of the Altaic controversy in memory of Gerhard Doerfer. *Central Asiatic Journal*, 2005, 49(1): 71–132. <https://elibrary.ru/loyael>
- Zubova A. V. Dental affinities of the Irmen people, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, 41(3): 132–139. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2014.03.017>

оригинальная статья

eLibrary EDN: LVZUEQ

Грамматика автономии и гетерономии: непассивные и пассивные глаголы как лингвистический фундамент моральных интуиций

Сахневич Сергей Владимирович

Институт деловой карьеры, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1814-5050

<https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>crash68@yandex.ru

Аннотация: В контексте гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа настоящее исследование предлагает операционализируемое решение проблемы лингвистического основания морально-этических интуиций через системный анализ залоговой дихотомии. Цель – выявить и описать конкретный грамматический механизм в английском языке – противопоставление непассивных и исключительно пассивных глаголов – и показать, какое значение он имеет в качестве лингвистического фундамента базовых интуиций об автономии и гетерономии. В фокусе исследования находятся два взаимодополняющих грамматических класса: глаголы, не имеющие форм страдательного залога, и глаголы, употребляющиеся исключительно в пассиве. Выдвигается гипотеза о том, что данные классы маркируют фундаментальную онтологическую дихотомию человеческого опыта. Непассивные глаголы формируют «непассивное ядро» автономной личности, очерчивая нередуцируемые состояния (бытие, обладание, становление), которые не могут быть концептуализированы как результат внешнего воздействия. Напротив, исключительно пассивные глаголы конституируют «пассивный периметр» социальности, где индивид выступает объектом внешних сил, институтов и нормативных практик. Методология исследования включает концептуальный, сравнительно-сопоставительный и корпусный анализ, герменевтический подход и компонентный анализ семантических инвариантов. На материале английского языка демонстрируется, что грамматические ограничения в сфере залога создают семантические «запретные зоны» и «проторенные пути», которые структурируют моральное мышление носителей, делая одни этические концепты (автономия, личная ответственность) когнитивно более доступными, чем другие (гетерономия, предписанный долг). Научная новизна исследования заключается в преодолении лексикоцентризма и выявлении конкретного синтаксического механизма, опосредующего связь между языковой структурой и моральным сознанием, что позволяет взглянуть на грамматические ограничения как на активный конституирующий фактор моральной онтологии. Полученные результаты показывают, что грамматика выступает не пассивным отражением, а активным конституирующим фактором, предопределяющим границы морально мыслимого и формирующим «лингвистический априори» этического опыта. В результате исследование вносит вклад в метаэтику, предлагая операционализируемый инструмент для проверки гипотезы лингвистической относительности в сфере морали и намечая перспективы кросс-лингвистических исследований.

Ключевые слова: грамматический уровень этики и морали, интуиции действия, интуиции претерпевания действия, пассивные глаголы, непассивные глаголы

Цитирование: Сахневич С. В. Грамматика автономии и гетерономии: непассивные и пассивные глаголы как лингвистический фундамент моральных интуиций. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 683–699. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-683-699>

Поступила в редакцию 02.11.2025. Принята после рецензирования 06.02.2026. Принята в печать 09.02.2026.

original article

Grammar of Autonomy and Heteronomy: Non-Passive and Passive Verbs as the Linguistic Foundation of Moral Intuitions

Sergey V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1814-5050

<https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

crash68@yandex.ru

Abstract: This article substantiates the linguistic foundation of moral-ethical intuitions through a systematic analysis of the voice dichotomy, based on the Sapir–Whorf hypothesis of linguistic relativity. It describes the opposition between non-passive and exclusively passive verbs in English grammar to demonstrate its role in shaping basic intuitions about autonomy and heteronomy. The research focuses on two complementary grammatical classes: verbs that lack passive voice forms and verbs used exclusively in the passive. The hypothesis posits that these classes mark a fundamental ontological dichotomy of human experience. Non-passive verbs form the autonomous core of the person: they outline irreducible states (being, having, becoming) that cannot be conceptualized as a result of external influence. In contrast, exclusively passive verbs constitute the passive perimeter of sociality, where the individual acts as an object of external forces, institutions, and normative practices. The methodology of the study includes conceptual, comparative, and corpus analysis, a hermeneutic approach, and a componential analysis of semantic invariants. English grammatical restrictions within the category of voice create semantic *taboo zones* and *beaten paths* that structure the moral thinking of native speakers, making some ethical concepts (autonomy, personal responsibility) cognitively more accessible than others (heteronomy, duty). The research overcomes traditional lexical-centrism by identifying a specific syntactic mechanism that mediates the connection between language structure and moral consciousness. Ultimately, the rules of grammar act as an active constitutive factor of moral ontology; grammar is not a passive reflection but an active constitutive force that predetermines the boundaries of the morally acceptable, forming a "linguistic a priori" of ethical experience. The study contributes to meta-ethics by offering an operationalizable tool for testing the linguistic relativity hypothesis in the realm of morality and outlining prospects for cross-linguistic research.

Keywords: grammatical level of ethics and morality, intuitions of action, intuitions of undergoing an action, passive verbs, non-passive verbs

Citation: Sakhnevich S. V. Grammar of Autonomy and Heteronomy: Non-passive and Passive Verbs as the Linguistic Foundation of Moral Intuitions. *SibScript*, 2026, 28(4): 683–699. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-683-699>

Received 2 Nov 2025. Accepted after peer review 6 Feb 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Современная аналитическая философия, уделяя значительное внимание метаэтике и моральному языку, упирается в фундаментальный парадокс, который можно обозначить как проблему лингвистического основания морально-этических intuitions. С одной стороны, существуют веские аргументы в пользу универсализма – идеи о существовании объективных истин, корнящихся в человеческой рациональности или биологии [Хайдт, Джозеф 2022: 41].

Эта позиция, восходящая к кантовской традиции, предполагает наличие трансцендентальных оснований морали, не зависящих от культурного и языкового контекста. С другой стороны, эмпирические данные кросс-культурной лингвистики и антропологии демонстрируют поразительное разнообразие конкретных моральных кодексов и систем ценностей, которые обнаруживают явную корреляцию со спецификой языковых структур [Boroditsky 2001].

Этот парадокс актуализирует слабую версию гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, ставящую вопрос: является ли язык лишь нейтральным инструментом для выражения независимых моральных концептов, или он активным образом формирует и ограничивает саму ткань нашего морального мышления? [Сепир 1950: 207]. Историко-философский контекст этой проблемы в виде вопроса восходит к дискуссиям между универсализмом и релятивизмом в этике [Безруков 2024: 15]. Универсалистский подход, представленный в различных формах (от кантовского категорического императива до утилитаризма), настаивает на существовании общезначимых моральных принципов. Однако лингвистический поворот в философии XX в., связанный с именами Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1994: 71], А. Макинтайра [Макинтайр 2000: 74], Дж. Л. Остина [Остин 1986: 78] и Дж. Р. Серля [Серль 1986: 158], сместил акцент на анализ языковых практик как конституирующих саму реальность морального опыта.

Таким образом, в центре настоящего исследования находится следующее фундаментальное противоречие: между признанием в современной философии и лингвистике потенциальной конституирующей роли языка по отношению к моральному сознанию и отсутствием конкретных, операционализируемых грамматических механизмов, которые могли бы объяснить это влияние. Преодоление лексикоцентризма и смещение фокуса на глубинный синтаксический уровень – ключевая методологическая проблема.

Цель исследования – выявить и описать конкретный грамматический механизм в английском языке – противопоставление неактивных и исключительно пассивных глаголов – и показать, какое значение он имеет в качестве лингвистического фундамента базовых интуиций об автономии и гетерономии. Задачи:

1. Построить теоретический каркас, связывающий синтаксическую категорию залога с философскими категориями агентности, пациентивности и конституирования морального субъекта.

2. Провести системный анализ и классификацию двух полярных классов глаголов: не имеющих форм страдательного залога («неактивное ядро»); употребляющихся в пассиве («пассивный периметр»).

3. Интерпретировать выявленные грамматические паттерны как активные конституирующие факторы моральной онтологии, создающие когнитивные

«запретные зоны» и «проторенные пути» для этического мышления.

4. Обсудить вклад предложенного подхода в метаэтику, в частности, в преодоление дихотомии универсализма и релятивизма, а также наметить перспективы дальнейших исследований.

Существующие исследования зачастую фокусируются на лексике, оставляя в стороне глубинный синтаксический уровень. Между тем именно синтаксические структуры, будучи наименее осознаваемыми носителями языка, могут оказывать наиболее существенное влияние на формирование моральных интуиций. Методологический прорыв, предлагаемый настоящим исследованием, состоит в целенаправленной фокусировке на узком, но фундаментальном грамматическом феномене – страдательном залоге, а именно на двух его полярных проявлениях: глаголах, не имеющих форм страдательного залога, и глаголах, употребляющихся исключительно в пассиве. Выбор именно этих классов обусловлен несколькими теоретическими соображениями [Иванов 2018: 45]:

1. Категория залога непосредственно связана с фундаментальными философскими категориями активности и пассивности, агентности и пациентивности, которые являются центральными для моральной философии. Способность или неспособность глагола к пассивизации может указывать на глубинные онтологические представления о том, что может быть объектом внешнего воздействия, а что составляет нередуцируемое ядро человеческого опыта.

2. Анализ залоговых характеристик глаголов позволяет преодолеть ограничения чисто лексического подхода. Если лексика относится к поверхности языка и легко подвергается рефлексии и заимствованиям, то грамматические паттерны, особенно те, что связаны с синтаксическими ограничениями, функционируют на более глубоком уровне языкового сознания и потому могут оказывать более существенное влияние на когнитивные процессы.

3. Противопоставление двух классов глаголов – тех, что принципиально не могут быть пассивизированы, и тех, что употребляются почти исключительно в пассиве, – создает мощный аналитический инструмент для исследования того, как язык распределяет сферы автономии и гетерономии, личной ответственности и внешней детерминации.

Теоретическая значимость такого подхода состоит в том, что он позволяет перейти от абстрактных дискуссий о влиянии лексем на мораль

к конкретному анализу того, как грамматические структуры создают семантические «запретные зоны» и «проторенные пути» для морального мышления [Тарасов 2020: 131].

Если определенные моральные концепты не могут быть выражены через пассивные конструкции в силу грамматических ограничений, это делает их когнитивно менее доступными для носителей языка. И наоборот, концепты, получающие естественное грамматическое выражение через пассивные конструкции, легче усваиваются и кажутся более «естественными» [Malt, Majid 2013: 583].

Именно поэтому в фокусе нашего исследования – узко страдательный залог, его неактивные и сугубо пассивные маркеры. Мы стремимся через детальное изучение их поведения в английском языке выявить особенности его связи с моральным мышлением носителей и, как следствие, прийти к радикально новым выводам о грамматическом фундаменте этики. Если некоторые исследования демонстрируют, что влияние языка на усвоение варьируется в зависимости от структурных особенностей самой языковой системы (ее «зернистости») [Tseng et al. 2016: 2236], то наша гипотеза расширяет существующие представления, предполагая, что онтологические границы между автономией и гетерономией как фундаментальными этическими модальностями не предшествуют языку, а непосредственно задаются его синтаксической системой через невозможность или обязательность пассивизации ключевых глаголов. Английский язык через дихотомию неактивных и исключительно пассивных глаголов грамматически конституирует «неактивное ядро» автономного субъекта и «пассивный периметр» социальной детерминации, тем самым не отражая, а предписывая носителю базовую карту морально мыслимого.

Фокус на залоговой дихотомии и двух контрастирующих классах глаголов открывает перспективу решения проблемы лингвистического основания моральных интуиций через выявление конкретных грамматических механизмов, опосредующих переход от языковой структуры к моральному сознанию. Этот подход не только предоставляет операционализируемый инструмент для проверки гипотезы Сепира-Уорфа в этике, но и позволяет выявить системные отношения между грамматикой и моралью, проявляющиеся в противопоставлении сфер автономии и гетерономии, выраженном через залоговые характеристики глаголов.

Актуальность данного исследования заключается в возможности осмысления и описания сугубо синтаксической категории английского глагола через призму психологии морали и этики, привлекая для этого категориальный аппарат смежных наук – философии и психологии.

Научная новизна исследования заключается в попытке автора взглянуть на проблему синтаксиса английского языка сквозь призму когнитивной герменевтики и аналитической философии и объяснить способность или неспособность различных глаголов функционировать в форме пассивного залога морально-этической психологией субъекта, детерминируемого оппозицией автономии (самостоятельности) или гетерономии (подчинения). Указанная дихотомия, как представляется, позволяет интерпретировать синтаксические отношения как результат наличия в языковом сознании определенных когнитивных матриц, которые программируют ту или иную форму пассивного или активного глагола в языке.

Теоретическая значимость исследования состоит в осмыслении грамматических категорий залоговости в диапазоне философии морали и этики как проекции законов свободы и необходимости, долга и обязанности, субъектности и объектности, моделирующих синтаксические паттерны языкового функционирования.

Методы и материалы

Исследование носит междисциплинарный характер и использует комплекс методов:

1. Концептуальный анализ: выявление имплицитных предпосылок в значениях глаголов [Hare 1952: 15].

2. Сравнительно-сопоставительный анализ: сравнение поведения глаголов в английском языке с их эквивалентами в других языках (например, в русском языке, где некоторые из этих глаголов могут иметь иные залоговые характеристики, что станет проверкой гипотезы) [Enfield 2014: 25].

3. Корпусный анализ: исследование употребления данных глаголов в реальных моральных дискурсах (тексты законов, этические кодексы, публицистика) с использованием языковых корпусов.

4. Герменевтический подход: интерпретация грамматических структур как «текстов», раскрывающих специфику морального мировоззрения.

5. Компонентный анализ: выявление семантических инвариантов, объединяющих каждый из исследуемых классов глаголов [Talmy 2000: 45].

В качестве исходного списка для выделения классов глаголов с особыми залоговыми свойствами использовался авторитетный словарь Collins COBUILD English Dictionary¹. Дополнительная проверка и иллюстрация значений проводилась по собственному словарно-грамматическому справочнику автора [Сахневич 2003].

Для анализа реального употребления глаголов в контексте и верификации их залоговых характеристик привлекались данные современных лингвистических корпусов английского языка². Использование этих корпусов, включая специализированный корпус Contexto, позволило провести многомерный анализ: проверить частотность, выявить типичные контексты и коллокационные паттерны употребления как неактивных, так и исключительно пассивных глаголов в различных дискурсивных практиках.

Для иллюстративных примеров и углубленного анализа контекстов использовалась обширная выборка из оригинальных художественных и публицистических произведений англоязычной литературы XX–XXI вв., что обеспечило репрезентативность и естественность языкового материала.

Методическая оригинальность подхода при исследовании проблемы функционирования форм пассивного залога в английском языке обусловлена привлечением междисциплинарных методов: корпусной лингвистики, герменевтического анализа, трансформационного анализа, контекстного и сравнительного анализа.

Результаты

Теоретический каркас: от синтаксиса к этике

Фундаментальный вопрос о природе взаимосвязи между языком и моральным сознанием имеет длительную историю в западной философской традиции, однако лишь в XX в. он обрел конкретные лингвистические контуры благодаря гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Классическая формулировка гипотезы, утверждающая, что структура языка влияет на когнитивные процессы и восприятие мира его носителями [Сепир 1950: 211; Whorf 1956: 200], долгое время развивалась преимущественно в области исследования существительных, обозначающих восприятие цвета,

пространства и времени. Настоящее исследование применяет сходную логику (поиск конкретного грамматического механизма влияния), но переносит ее в этическую сферу и фокусируется на синтаксисе, а не на лексической семантике. В контексте того, что грамматика языка является не пассивным отражением реальности, а активным участником конституирования онтологических и, как следствие, этических категорий, страдательный залог представляет собой не просто стилистическую альтернативу активной конструкции, но грамматическую метку, перераспределяющую семантические роли агентивности и пациентивности в высказывании. С философской точки зрения наша гипотеза опирается на три взаимосвязанных теоретических основания:

- 1) синтаксическая онтология и границы мыслимого;
- 2) категории агентности и пациентивности как этически релевантные семантические роли;
- 3) лингвистическое конструирование морального субъекта (субъектности) через распределение этих ролей.

Вслед за поздним Л. Витгенштейном мы рассматриваем границы языка как границы мира [Витгенштейн 1994: 69]. Однако, в отличие от его акцента на лексике и языковых играх, мы смещаем фокус на синтаксис. Если грамматика не позволяет сконструировать определенное высказывание, то соответствующая ему концептуальная возможность оказывается за пределами «естественного» мыслительного горизонта носителя языка. Невозможность образования пассивной конструкции для глагола *to be* (*A human is been*) – это не случайный пробел, а системный запрет, охраняющий категорию бытия от редукции к действию, совершаемому над объектом. Синтаксис выполняет роль априорной структуры, предопределяющей не то, о чем можно мыслить, а как об этом можно мыслить [Поляков 2011: 120].

Этот взгляд на синтаксис как на систему ограничений, формирующих семантические возможности, находит глубокое развитие в семантической типологии глаголов. В частности, работа В. П. Недеякова по типологии рефлексивных и залоговых конструкций демонстрирует, как грамматическое оформление валентности и залога (персональность, залоговость)

¹ Collins COBUILD English Dictionary, ed. Sinclair J. Birmingham: HarperCollins Publishers, 1995, 1951.

² British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>; Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>; iWeb Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>; Contexto. URL: <https://contexto.me/en/> (accessed 10 Aug 2025).

непосредственно связано с концептуализацией участников ситуации и распределением семантических ролей [Недялков 1991: 242]. Аналогично фундаментальные типологические исследования Б. Комри и Р. Ван Валина в рамках ролевой и референциальной грамматики (Role and Reference Grammar) систематизируют связь между семантикой глагола, синтаксическим поведением и когнитивно-коммуникативными функциями высказывания [Comrie 1981: 78; Van Valin 2000: 47]. Эти подходы позволяют рассматривать залоговые ограничения английских глаголов не как аномалии, а как закономерные проявления более общей системы семантико-синтаксической типологии, которая, в свою очередь, может служить основой для этических интуиций.

Теория моральных основ Д. Хайдта выделяет *заботу / вред* и *справедливость / обман* в качестве универсальных оснований морали [Haidt 2012: 89]. Грамматическое оформление агентности является ключевым фактором в актуализации этих основ. Действительный залог в высказывании *X совершил преступление* акцентирует агентность и, следовательно, личную ответственность индивида X, что соответствует этике, основанной на индивидуальной вине и воздаянии. Непассивные глаголы, такие как *owe* в значении морального долга, грамматически блокируют саму возможность снять с себя ответственность, закрепляя ее как имманентное состояние субъекта. Грамматика, таким образом, выступает скрытым каркасом, поддерживающим определенную архитектуру моральной ответственности [Cushman, Young 2011: 1055].

Согласно типологическому анализу В. П. Недялкова, рефлексивные и взаимные конструкции часто маркируют ситуации с «расщепленной» или внутренней агентностью, что напрямую соотносится с этическими концептами самообязательства и взаимной ответственности, лежащими в основе автономии. Работы Б. Комри по агентивности и каузации [Comrie 1981: 89] и Р. Ван Валина по макроролям актантов [Van Valin 2000: 47] дают инструментарий для точного описания того, как грамматическая система английского языка через залоговые трансформы (образование пассива или запрет на него) кодирует степень контроля, воли и ответственности субъекта, формируя тем самым семантическую почву для соответствующих моральных интуиций.

Класс неактивных глаголов очерчивает то, что можно назвать «неактивным ядром личности» – набор фундаментальных состояний (бытие,

обладание, становление, пребывание в долгу), которые не могут быть экспроприированы внешним агентом. Это ядро является грамматическим коррелятом трансцендентального субъекта [Конурбаев, Ганеева 2023: 15]. Напротив, обширный класс глаголов, употребляемых почти исключительно в пассиве (*be convicted, be assigned, be born*), описывает индивида как объект воздействия со стороны социальных институтов, формируя «пассивный периметр социальности» [Sneddon 2011: 120].

Типологический подход позволяет рассматривать эту дихотомию в универсальном ключе. Так, В. П. Недялков, анализируя рефлексив, отмечает его роль в выражении «самовоздействия», что близко к понятию *неактивного ядра*. В то же время пассивные конструкции, изучаемые в рамках типологии залога Б. Комри, последовательно описываются как механизмы деагентивации и топикализации пациенса, что соответствует нашей концепции «пассивного периметра». Сравнительно-типологические исследования Р. Ван Валина показывают, что способы кодирования семантических ролей (Actor, Undergoer) в разных языках варьируются, но сами эти категории универсальны, что подтверждает наш тезис об универсальности грамматического механизма разграничения автономии и гетеронии при вариативности его конкретного языкового наполнения.

Это порождает центральное для нашего исследования грамматическое напряжение: моральное сознание носителя языка формируется в поле напряжения между неактивным ядром, утверждающим автономию, и пассивным периметром, утверждающим гетеронию. Доминирование того или иного полюса в языковом узусе и, что важнее, в грамматической системе языка может predispose к формированию различных этических систем – от либеральной, основанной на правах и личной ответственности автономного индивида, до коммунитаристской или авторитарной, где долг и идентичность задаются извне [Efferson et al. 2008: 1846].

Глаголы, которые не используются в страдательном залоге

Класс глаголов, не имеющих форм страдательного залога ни в одном из значений, представляет особый интерес для исследования, т. к. маркирует области опыта, воспринимаемые как онтологически первичные и нередуцируемые до внешнего воздействия. Их грамматическое поведение указывает на абсолютную внутреннюю локализацию переживания.

Проведем классификацию и анализ следующего списка глаголов: *become, die, abide, come between, come over, come under, flee, immigrate, bang on about, come out with, bake, dine, busy, pride, rack up, stack up*³.

Данные глаголы образуют синтаксический фундамент «непассивного ядра» личности. Их неспособность к пассивизации – не стилистическая особенность, а грамматический абсолютив, охраняющий онтологически первичные модусы человеческого существования от редукции к объектному статусу. Это грамматическое табу маркирует сферы, где индивид выступает не как объект внешних сил, а как источник и локус имманентных процессов.

Анализ глаголов абсолютной неспособности выявляет системные закономерности в грамматической организации опыта. В категории бытия и становления глагол *become* (*She became a leader*⁴ / Она **стала** лидером (прим. – здесь и далее выделено автором статьи)) демонстрирует грамматическую невозможность пассива, что защищает идею аутентичного, имманентного становления. Глагол *die* (*He died with dignity*⁵ / Он **умер** с достоинством) подтверждает экзистенциальную уникальность смерти, утверждая смерть как не делегируемый и не отчуждаемый акт.

В категории пространственного существования глагол *abide* (*He abides in solitude*⁶ / Он **пребывает** в уединении) утверждает пребывание как фундаментальный модус бытия через запрет пассива. Глагол *come between* (*Nothing should come between us*⁷ / Ничто не должно **встать между** нами) представляет возникновение барьера как спонтанное событие, а не чье-либо целенаправленное действие. Глагол *come over* (*A strange calm came over her*⁸ / Странное спокойствие **охватило** ее) маркирует спонтанное

изменение состояния как непроизвольное и аутохтонное. Глагол *come under* (*The department came under new management*⁹ / Отдел перешел под новое руководство) описывает попадание в сферу влияния как целостное событие изменения статуса. Глагол *flee* (*They fled the burning city*¹⁰ / Они **бежали** из горящего города) подчеркивает непроизвольный, инстинктивный характер бегства, где нет времени ожидать помощи от кого-либо. Глагол *immigrate* (*My grandparents immigrated to this country*¹¹ / Мои бабушка и дедушка **иммигрировали** в эту страну) концептуализирует иммиграцию как целостный биографический акт.

В категории речевой деятельности глагол *bang on about* (*He kept banging on about politics*¹² / Он **продолжал болтать** о политике) передает навязчивый, неконтролируемый характер речи. Глагол *come out with* (*She came out with a brilliant idea*¹³ / Ей **пришла** в голову блестящая идея) маркирует высказывание как спонтанное и неожиданное.

В категории физиологических процессов глагол *bake* в непереходном значении (*The cake is baking*¹⁴ / Пирог уже **выпекается**) представляет процесс как самостоятельное, имманентное событие, а глагол *dine* (*They dined at a fancy restaurant*¹⁵ / Они **поужинали** в дорогом ресторане) концептуализирует прием пищи как целостный социальный и чувственный опыт.

В категории созидания возвратный глагол *busy* (*He busied himself in some task*¹⁶ / Он был **занят** каким-то делом...) описывает творческую деятельность как процессуальную практику. Возвратный глагол *pride* (*Bush prided himself on his flexible will*¹⁷ / Буш **гордился** своей гибкой волей...) подчеркивает личный характер усилий.

³ Collins COBUILD English Dictionary... P. 2–1416.

⁴ Ferber E. Showboat. London: Sphere Books Ltd, 1972. P. 45. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

⁵ Buck P. The Big Wave. New York-Toronto-London-Auckland-Sydney: Scholastic Book Services, 1960. P. 12.

⁶ Erdman P. The Crash of '79. New York: Simon and Schuster, 1976. P. 77.

⁷ Buchan J. The Thirty-Nine Steps. Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1993. P. 34.

⁸ Behn N. The Kremlin Letter. New York: Dell Publishing Co. Inc., 1967. P. 26.

⁹ Mackenzie A. The Time Trap. New York: Amacom, 1990. P. 112.

¹⁰ Mayer R. Conflict Management: The Courage to Confront. Columbus: Battelle Press, 1990. P. 79.

¹¹ Osborn T. The Big Love Plan. Tulsa: OSFO Books, 1984. P. 71.

¹² Patterson R. N. Conviction. New York: Pan Books, 2005. P. 67.

¹³ Mason V. W. The Gracious Lily Affair. New York: Populart Library, 1957. P. 111.

¹⁴ Narayan R. K. Lawly Road. Kashmir: Orient Paperbacks, 1957. P. 48.

¹⁵ Osborn T. The Big Love Plan... P. 34.

¹⁶ Hopkins J. Elvis: The Final Years. London: Star, 1981. P. 74.

¹⁷ Facts about Germany, eds. Römer K., Dreikandt U. K., Wullenkord C. Gutersloh: Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH, 1989. P. 21.

В категории накопления глагол *rack up* (*The company is **racking up** huge losses*¹⁸ / Компания **несет** огромные убытки) представляет накопление как текущий, активный процесс. Глагол *stack up* (*How does our offer **stack up** against the competition?*¹⁹ / Чем наше предложение **отличается** от предложений конкурентов?) представляет оценку как имманентное свойство.

Системный характер этих грамматических запретов доказывает, что синтаксис английского языка выполняет функцию активного онтологического картографа. Он проводит непреодолимую черту вокруг «непассивного ядра», включающего фундаментальные экзистенциалы (становление, смерть); произвольные модусы присутствия в мире (перемещение, пребывание); спонтанные акты выражения (речь, творчество); целостные телесные и бытовые практики. Это ядро грамматически защищено от реификации и является лингвистическим фундаментом, на котором может быть воздвигнута этика автономии, личной ответственности и неотчуждаемых прав. Грамматика, таким образом, не описывает реальность, а предписывает онтологические условия возможности морального субъекта.

Также есть глаголы *carry, possess, elude, find, get, nod, owe, slacken of, represent, escape*, которые не употребляются в страдательном залоге в одном из своих значений²⁰. Например, в значении *сделать движение, описывающее какую-то форму* глагол *describe* не употребляется в страдательном залоге, а в значении *дать детальное объяснение* употребляется, например:

- *Her hand **described** the circle in the air*²¹ / Ее рука **описала** круг в воздухе;
- *The police asked her to **describe** the two men*²² / В полиции ее попросили **описать** тех двух человек.

В значении *спасаться* глагол *elude* не употребляется в страдательном залоге, а в значении *неспособность подобрать, ускользнуть* употребляется:

- *The police were **eluded** by him for 13 years*²³ / Полиция не могла поймать его в течение 13 лет;
- *Success so far **eluded** him*²⁴ / Пока успех **ускользал** от него;
- *The exact terminology **eludes** me for the moment*²⁵ / Сразу я не могу **подобрать** точной терминологии [Сахневич 2003: 358–360].

Данный класс грамматически блокирует интерпретацию фундаментальных отношений как продукта внешнего воздействия, утверждая их имманентный характер. Например, глагол *carry* в значении *одержать победу на выборах на определенной территории* (*He **carried** only two states*²⁶ / У него было только два состояния) не допускает пассивной конструкции. Научная интерпретация этого запрета заключается в том, что невозможность пассива здесь не просто стилистична, она деагентифицирует победу, представляя ее не как личное достижение агента, а как имманентное свойство политического ландшафта, выявляемое в акте волеизъявления. Грамматика конституирует легитимность не как завоеванную, а как присущую, что формирует когнитивную основу для понимания власти как делегированной, а не присвоенной. Глагол *possess* в значении *иметь, владеть* (*She **possesses** incredible dignity*²⁷ / Она **обладает** невероятным достоинством) также имеет грамматический запрет. Запрет на пассив грамматически инкапсулирует такие качества, как достоинство, в сферу неотчуждаемых атрибутов. Это создает грамматический барьер для концептуализации личности как объекта, который можно наделить или лишиться фундаментальных свойств посредством внешней манипуляции, укрепляя интуицию о нередуцируемом ядре самости.

Далее рассмотрим глаголы, обозначающие когнитивное схватывание или ускользание смысла. Эти глаголы грамматизируют эпистемические процессы как асимметричные отношения, в которых субъект

¹⁸ Patterson R. N. Conviction... P. 48.

¹⁹ Mackay J. East Africa. London-Frome: Butler and Tunner Ltd, 1970. P. 89.

²⁰ Collins COBUILD English Dictionary... P. 208–1365.

²¹ Lawrence D. H. Selected short stories. New York: Dover Publications, 1993. P. 39.

²² Facts about Germany: The Federal Republic of Germany... P. 67.

²³ Gabor A. The Man Who Discovered Quality. New York-Toronto: Times Books, 1990. P. 99.

²⁴ Kennedy R. F. Just Friends and Brave Enemies. New York: Popular Library, 1963. P. 28.

²⁵ Garden G. The Seventh Man. London: Methuen LTD, 1982. P. 57.

²⁶ Kennedy R. F. Just Friends and Brave Enemies... P. 76.

²⁷ Mason V. W. The Gracious Lily Affair... P. 121.

не активен, но вовлечен, а объект знания не пассивен, но уклончив. Глагол *elude* в значении *быть недоступным для понимания, ускользать* (*The solution eluded the researchers for years*²⁸ / *Решение ускользало от исследователей в течение многих лет*) не может быть употреблен в пассиве. Непассивность глагола *elude* онтологизирует истину как активного агента, сопротивляющегося схватыванию. Это формирует неутилитарную эпистемологию, где знание – это не ресурс для присвоения, а отношение, требующее от субъекта вовлеченности и восприимчивости. Грамматика делает когнитивно недоступной модель познания как насильственного овладения. Глагол *find* в этикетной формуле, обозначающей обнаружение состояния (*I hope this letter finds you well*²⁹ / *Я надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии*), также запрещает пассивную конструкцию. Отмеченная конструкция грамматически исключает агентность письма, представляя состояние адресата как спонтанно обнаруживаемую данность. Это создает грамматику тактичного, ненавязчивого наблюдения, грамматически исключаящую возможность дискурсивного насилия или вмешательства в частную сферу.

Особую группу составляют глаголы, выражающие спонтанное возникновение чувств, состояний или возможностей. Ключевой глагол *get* в ряде значений демонстрирует грамматическое оформление непроизвольного, рецептивного модуса существования. Его семантика включает получение еды, питья: *get breakfast*; приготовление еды: *get dinner*; появление возможности: *get a chance*; спонтанное возникновение идеи, чувства: *get an idea*, *get a shock*. В примере *He got a strange feeling*³⁰ / *У него возникло странное чувство* грамматический запрет маркирует целый класс опыта как неагентивный и рецептивный. Грамматика фокусируется на самом факте претерпевания состояния, снимая вопрос о внешнем агенте. Это делает когнитивно приоритетной модель субъективности как локуса спонтанных внутренних событий, а не как цели внешних манипуляций.

Глаголы, фиксирующие недобровольные коммуникативные или физические акты, грамматически защищают от реификации непосредственные, телесные формы выражения. Например, глагол *nod* в значениях жеста указания или приветствия (*He nodded in the direction of the door*³¹ / *Он кивнул в сторону двери*) не допускает пассива. Запрет на пассив подчеркивает телесную спонтанность и неопосредованность жеста. Грамматика представляет его как прямое выражение, а не как действие, совершаемое над объектом, тем самым охраняя сферу непосредственной телесной коммуникации от синтаксической объективации.

Важнейшими являются глаголы, кодирующие морально нагруженные отношения долга и принадлежности. Этот класс служит краеугольным камнем грамматики автономии, грамматически «впечатывая» долг в структуру субъективности. Глагол *owe* в значениях *быть обязанным своим качеством или существованием* (*He owed his survival to his strength*³² / *Своим выживанием он был обязан своей силе*) и *иметь моральное обязательство* (*I owe it to him to stay*³³ / *Я обязана остаться ради него*; *I owe you an apology*³⁴ / *Я должен перед вами извиниться*) имеет грамматический запрет. Абсолютная непассивность глагола *owe* является грамматическим коррелятором имманентного долга. Долг предстает не как внешнее, снимаемое требование, а как конституирующий элемент субъекта. Это создает непроницаемый для внешней детерминации каркас для этики автономии Канта, где моральный закон дан самому себе.

Следующую группу образуют глаголы, описывающие аутохтонные процессы и изменения. Данные глаголы представляют изменения как имманентные свойства систем, а не результаты внешнего каузального вмешательства. Глагол *slacken off* в значении *ослабевать, становиться менее интенсивным* (*The wind slackened off*³⁵ / *Ветер стих*) не может быть пассивизирован. Непассивность грамматизирует процесс ослабления как аутохтонный, происходящий по внутренней логике системы.

²⁸ Carothers M. Prison to Praise. London-Sydney-Auckland-Toronto: Hodder and Stoughton, 1986. P. 97.

²⁹ Behn N. The Kremlin Letter... P. 115.

³⁰ Burton P., Scott C. Which Ad Pulled Best? Lincolnwood: NTC Business Books, 1991. P. 230.

³¹ Drucker P. Managing for Results. New York: HarperCollins, 1986. P. 12.

³² Branton P. The Secret Path. London: Rider & Co, 1934. P. 78.

³³ Narayan R. K. Lawly Road... P. 54.

³⁴ Cave P. The Crime Commandoes. London: Everest Books Limited, 1976. P. 79.

³⁵ Monsarrat N. The Master Mariner. London-Sydney: Pan Books, 1979. P. 109.

Это формирует онтологию, в которой сложные системы (экономические, социальные, природные) обладают собственной, не до конца внешне управляемой динамикой, что ограничивает утопические проекты тотального социального инжиниринга. Глагол *represent* в значении *символизировать, быть выражением идеи* (*This act **represents** a betrayal of our principles*³⁶ / *Этот поступок **представляет собой** предательство наших принципов*) также имеет грамматический запрет, при котором меняется смысл на *изображается*. В этом значении глагол обозначает не действие, а сущностное качество. Невозможность пассива защищает концепцию имманентной репрезентации (когда нечто по своей сути является символом) от сведения к делегированной или назначенной роли.

Наконец, глаголы, выражающие успешное избегание и уклонение, грамматически утверждают субъекта как источник стратегии избегания, а не как пассивного получателя удачи. Глагол *escape* в значении *избегать опасной, неприятной или трудной ситуации / обязанности* (*He **escaped** his responsibilities*³⁷ / *Он **сбежал** от своих обязанностей*) не допускает пассивного оборота. Непассивность глагола *escape* приписывает акту избегания стратегическую агентность. Уклонение концептуализируется не как пассивная удача, а как результат усилия или выбора субъекта. Это имплицитно несет моральную оценку, возлагая на субъекта ответственность за акт уклонения, и грамматически блокирует возможность снятия с себя этой ответственности.

Обнаруженное грамматическое разграничение формирует не просто изолированные языковые зоны, но устойчивые онтологические универсалии – семантические поля, грамматически инкапсулированные от редукции к внешней каузальности, инструментальному действию и гетерономной детерминации [Леонтьева 2022: 210]. Следовательно, язык выполняет не просто репрезентативную, но конституирующую функцию по отношению к моральным категориям. Его грамматика активно формирует онтологический фундамент, являющийся предпосылкой для возникновения

этических концептов. Посредством синтаксического оформления интуиции о внутреннем долге, неотчуждаемом достоинстве, спонтанном переживании и личной ответственности приобретают статус когнитивно первичных и грамматически естественных конструкторов [Паренко 2022: 55].

Глаголы, использующиеся почти исключительно в страдательном залоге

Такие глаголы описывают принципиально иную реальность – мир, где индивид выступает объектом внешних сил, систем и процессов, например:

- *His last **play was acclaimed** by the critics as a masterpiece*³⁸ / *Его последняя пьеса **была восторженно оценена** критиками как шедевр*;
- *The boys **were allotted** a room...*³⁹ / *Ребятам **отвели** комнату...*;
- *Student grants have **been axed***⁴⁰ / *Стипендии студентам **были урезаны*** [Сахневич 2003: 357–358].

Список глаголов, которые употребляются только в страдательном залоге в одном или всех своих значениях: *be acclaimed, be accounted, be accredited, be activated, be adulterated, be allotted, be annulled, be axed, be banged up, be battened, be billeted, be blacklisted, be boarded out, be bombed out, be born, be breaded, be carpeted, be cashiered, be cast down, be chaperoned, be chastened, be circumcised, be couched, be coupled, be cremated, be cross-referenced, be custom-built, be custom-made, be debarred, be declassified, be deposed, be done for, be done out, be drummed into, be drummed out, be dry-cleaned, be electrified, be electroplated, be excerpted, be festooned, be floored, be franked, be freighted, be garlanded, be given up to, be gored, be grassed over, be gunned down, be handmade, be hauled up, be hedged about, be hedged around, be hollowed, be hospitalized, be howled down, be immunized, be indicted, be jailed, be labeled, be lanced, be laid up, be martyred, be misapplied, be orphaned, be packaged, be paired, be patterned, be paved, be penalized, be phased, be ploughed back, be premised, be preset, be press-ganged, be pulped, be quarantined, be racked, be rained off, be rate-capped, be ravaged, be razed, be scheduled,*

³⁶ Branton P. The Secret Path... P. 47.

³⁷ Carr J. Below Suspicion. Toronto: Bantam Books of Canada Ltd, 1960. P. 100.

³⁸ Monsarrat N. The Master Mariner... P. 56.

³⁹ James H. The Turn of the Screw and the Aspern Papers. Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1996. P. 43.

⁴⁰ Aguayo R. Dr. Deming. New York: Stuart Book, 1991. P. 90.

*be sectioned, be sectioned off, be sent down, be set upon, be sexed, be shepherded, be shipped, be squeezed out, be stabled, be stereotyped, be struck off, be sundered, be superimposed, be threshed, be tie-dyed, be traduced, be typecast, be vetted*⁴¹.

Анализ корпуса глаголов, функционирующих преимущественно в страдательном залоге, позволяет выявить системный грамматический паттерн, конституирующий целостное семантическое поле внешней детерминации. Проведенная классификация выявляет семь ключевых категорий, образующих структурные компоненты этого поля:

1. Категория социального статуса и идентичности включает процессы присвоения социальных позиций [Миловидов 2018: 247]. Они реализуются через базовые статусы (*be born, be christened, be sexed*), профессиональный статус (*be cashiered, be struck off*) и репутационный статус (*be acclaimed, be blacklisted, be martyred*).

2. Институциональное воздействие охватывает юридико-административные процедуры, представленные правовыми решениями (*be indicted, be debarred, be annulled, be deposed*), наказанием и ограничением (*be jailed, be penalized, be quarantined*), а также административными актами (*be accredited, be declassified, be scheduled*).

3. Сфера физической обработки и модификации распадается на телесные практики, включающие медицинские вмешательства (*be circumcised, be lanced, be immunized, be hospitalized*), посмертные процедуры (*be cremated*) и пищевую обработку (*be breaded, be pulped*), а также пространственные трансформации, содержащие обработку материалов (*be electrified, be electroplated, be dry-cleaned, be tie-dyed*) и изменение ландшафта (*be paved, be grassed over, be razed, be hollowed*).

4. Символическое конструирование охватывает репрезентативные практики семиотического маркирования (*be labeled, be stereotyped, be typecast*), дискурсивные практики (*be couched, be excerpted, be cross-referenced*) и ритуальное оформление (*be garlanded, be festooned*).

5. Производственно-экономические системы включают управление и распределение ресурсов (*be allotted, be phased, be ploughed back*), производственные процессы (*be custom-built, be custom-made,*

be handmade) и экономическое регулирование (*be axed, be rate-capped*).

6. Категория насилия и принуждения содержит прямое физическое воздействие (*be gunned down, be bombed out, be set upon, be gored*) и структурное принуждение (*be press-ganged, be drummed out, be shepherded*).

7. Сфера транспортировки и размещения охватывает пространственное перемещение через логистические операции (*be freighted, be shipped, be billeted*) и процессы размещения (*be boarded out, be stabled, be laid up*).

Семантическими инвариантами, пронизывающими все выделенные категории, выступают три фундаментальных принципа: 1) деагентизация как устранение субъекта действия из синтаксической структуры; 2) объективация как представление человека в качестве пассивного реципиента внешнего воздействия; 3) институционализация как нормализация внешнего контроля через его восприятие в качестве естественного социального порядка. Представленная классификация демонстрирует, каким образом грамматика страдательного залога создает сложную сеть гетерономных полей, в рамках которых формируются специфические моральные интуиции, касающиеся допустимости внешнего контроля и пассивного принятия предписанных социальных ролей.

Также интерес представляет обширный класс глаголов, демонстрирующих избирательную способность к пассивизации – только в одном из своих значений. Например, в значении *донимать* глагол *besiege* употребляется только в страдательном залоге, а в значении *осажда́ть* в любом залоге:

- ...he would **be besieged** by communications from the India Office...⁴² / ...его будут **донимать** сообщениями из нашего отделения в Индии...;
- It was to avoid these Portsmouth crowds, which had **besieged** his inn...⁴³ / Было необходимо избежать встречи с толпами народа из Портсмута, которые **осаждали** его трактир...

В значении *сменить* глагол *succeed* употребляется только в страдательном залоге, а в значении *уда-ваться* в любом из залогов, например:

⁴¹ Collins COBUILD English Dictionary... P. 8–1622.

⁴² Mackay J. East Africa... P. 23.

⁴³ Batten J. Tough-Minded Leadership... P. 36.

- *That lasted for maybe five minutes, and **was succeeded** by a fit of horrors⁴⁴ / Это длилось, быть может, пять минут, и **сменилось** кошмарными галлюцинациями;*
- *...he **succeeded in** finding out where the other three busts had gone⁴⁵ / ...ему **удалось** узнать, куда делись другие три бюста.*

В значении *поручить* глагол *assign* употребляется только в страдательном залоге, а в значении *уделить* в любом залоге, например:

- *A special team of detectives **has been assigned** the case⁴⁶ / Дело **поручили** специальной группе детективов;*
- *How much time have you **assigned** for the meeting?⁴⁷ / Как много времени вы **уделили** встрече? [Сахневич 2003: 357–358].*

Список глаголов, которые употребляются в страдательном залоге только в одном из своих значений: *be acquitted, be added, be addressed, be admitted, be advanced, be advised, be anchored, be announced, be aroused, be arranged, be assailed, be assigned, be backed, be bailed, be barred, be battered, be beaten, be besieged, be billed, be bounded, be bowed, be bowed down, be bowled, be bruised, be burnt, be bused, be busted, be bought, be cabled, be carried, be carved, be caught, be caught up, be cautioned, be choked, be christened, be clocked, be colonized, be commissioned, be committed, be commuted, be compressed, be concentrated, be confined, be confronted, be constituted, be corrupted, be costed, be crowned, be crucified, be crushed, be cured, be debilitated, be decorated, be dedicated, be defeated, be delegated, be deposited, be designated, be destroyed, be discovered, be drafted, be dubbed, be educated, be elevated, be embedded, be employed, be encouraged, be endorsed, be examined, be excused, be exhibited, be expelled, be extracted, be felled, be fenced, be figured, be found, be fired, be fitted, be forgiven, be fortified, be founded, be framed, be given, be glued, be greeted, be gripped, be hammered, be hung, be hauled, be headed, be holed, be honoured, be inaugurated, be inspired, intend, be interviewed, be invested, be issued, be mentioned,*

be mined, be occupied, be outlined, be overcome, be packed into, be paraded, be passed over, be posted, be processed, be promoted, be rated, be realized, be reckoned, be reconciled, be reduced, be released, be renewed, be represented, be reserved, be scanned, be smoked, be stimulated, be struck down, be succeeded, be suspended, be tied, be wasted, be wrecked⁴⁸.

Анализ факультативной пассивности выявляет системные закономерности грамматического оформления ситуаций с изменяющейся агентностью. Переход в пассив при значении институционального воздействия демонстрирует два основных модуса реализации. В судебно-правовой системе это проявляется в оппозициях *be acquitted / acquit, be charged / charge, be sentenced / sentence*, где пассивная конструкция актуализирует статус индивида как объекта правовых процедур. В административных процедурах аналогичный механизм наблюдается в парах *be assigned / assign, be drafted / draft, be commissioned / commission*, где пассив маркирует подчиненность индивида институциональным решениям.

Пассивизация как маркер социального конструирования охватывает две значимые сферы. В образовательных и профессиональных практиках это проявляется в оппозициях *be educated / educate, be employed / employ, be promoted / promote*, где пассив фиксирует процесс социального формирования индивида. В сфере социального признания и статуса данный механизм реализуется через пары *be honored / honor, be decorated / decorate, be crowned / crown*, где пассивная конструкция подчеркивает получение статуса из внешнего источника.

Грамматическое оформление физического воздействия раскрывает два аспекта объективации. В медицинских и реабилитационных практиках это проявляется в оппозициях *be treated / treat, be operated / operate, be hospitalized / hospitalize*, где пассив акцентирует пассивную позицию пациента. В сфере физического воздействия и повреждения аналогичная закономерность наблюдается в парах *be injured / injure, be wounded / wound, be burned / burn*, где пассив маркирует состояние полученного физического изменения.

⁴⁴ Block B. Galloping Galaxies. Tiptree: Anchor Brendon Ltd, 1987. P. 25.

⁴⁵ Bolles R. What Color is Your Parachute? Berkeley: Ten Speed Press, 1995. P. 39.

⁴⁶ Carothers M. Prison to Praise... P. 101.

⁴⁷ Mason V. W. The Gracious Lily Affair... P. 69.

⁴⁸ Collins COBUILD English Dictionary... P. 12–1692.

Семантические инварианты пассивизации систематически проявляются в трех ключевых условиях: 1) когда действие осуществляется институциональным агентом (судом, государством, медицинским учреждением); 2) когда результат воспринимается как статусное изменение (получение нового социального положения); 3) когда физическое воздействие приводит к стойкому изменению (травма, лечение, модификация). Лингвистический механизм данного феномена заключается в том, что пассивная конструкция служит не просто стилистическим вариантом, а грамматическим маркером перераспределения семантических ролей – от индивидуальной агентности к институциональной детерминации.

Сравнительно-сопоставительный анализ: проверка гипотезы на материале русского языка

Для верификации предложенной гипотезы и демонстрации универсальности механизма грамматического разграничения автономии и гетерономии при вариативности его конкретного языкового воплощения проведем сравнительный анализ семантических инвариантов на материале русского языка. Как показывает исследование художественного дискурса, русский язык обладает собственной системой осмысления и перераспределения семантических ролей, где залоговые трансформации могут служить инструментом рецепции и переконцептуализации этических отношений [Нам Хе Хён 2020: 151]. Сравним поведение ключевых глаголов из выделенных классов.

Во-первых, рассмотрим «непассивное ядро». Глагол *to owe* в значении имманентного морального долга, абсолютно непассивный в английском языке (*I owe you an apology*⁴⁹ / *Я должен перед вами извиниться*), в русском языке не имеет прямого однокоренного эквивалента с аналогичным грамматическим запретом. Его семантика передается лексически, через конструкции с долженствованием: *Я должен вам извинение; Я обязан извиниться*. При этом часто используется безличная или возвратная форма, смещающая фокус на внутреннее состояние субъекта: *Мне следует извиниться; На мне лежит долг извиниться*. Таким образом, сфера автономного долга маркируется не синтаксическим запретом, а выбором специфической лексики и грамматических моделей, подчеркивающих

внутреннюю необходимость, что также формирует «когнитивно проторенный путь» к этике автономии, но иным лингвистическим способом.

Другой пример – глаголы спонтанного переживания, такие как *to have* в значении непроизвольного возникновения чувства (*He had a fit*⁵⁰ / *У него случился приступ*). В русском языке для передачи подобной семантики также часто используются конструкции, грамматически исключающие явного агента: *Его охватил ужас; На него нашел страх; Он испытал шок*. Хотя глаголы *охватить* или *найти* формально могут иметь пассив (*Ужас был охвачен им*), подобные конструкции семантически абсурдны и не употребляются, выполняя ту же защитную функцию для сферы спонтанного внутреннего опыта.

Во-вторых, обратимся к «пассивному периметру». Парадигмальный пример гетерономии – английский глагол *to be born*. Его обязательная пассивная форма конституирует индивида как объект акта рождения. В русском языке глагол *родиться* по своей форме является возвратным (среднего залога), что придает процессу характер имманентного (хотя и неконтролируемого) изменения самого субъекта: *Я родился в Москве*.

Пассивная конструкция *Я был рожден* возможна, но воспринимается как архаичная, высокопарная или намеренно объективирующая, выпадая из нейтрального узуса. Это указывает на тенденцию русского языка в данной точке смягчать грамматическую оппозицию активности / пассивности, представляя даже исходно гетерономное событие через призму процесса, происходящего с субъектом.

Напротив, в сфере институционального насилия и судебной системы, где гетерономия наиболее выражена, русский язык демонстрирует сходство с английским, активно используя пассив для маркировки роли института: *Он был осужден судом; Закон был принят парламентом; Она была уволена приказом ректора*.

Однако, как показывают дискурсивные практики, возможны и активные конструкции с обобщенным или метонимическим агентом: *Суд осудил его; Парламент принял закон*, что может незначительно смещать акцент с состояния объекта на действие института, но не отменяет общей картины грамматического оформления внешнего принуждения.

⁴⁹ Block B. Galloping Galaxies... P. 134.

⁵⁰ Behn N. The Kremlin Letter... P. 59.

Наконец, интересен класс глаголов с факультативной пассивизацией. Английский глагол *to educate* в пассиве (*He was **educated** at Oxford*⁵¹ / *Он **получил** образование в Оксфорде*) подчеркивает получение формального статуса извне. Русский глагол *образовывать(ся)* функционирует схожим образом: пассив (*Он был образован в лучших традициях*) встречается, но нейтральным и частотным является возвратный залог (*Он образовался (получил образование) в Москве*), который, как и в случае с глаголом *родился*, придает процессу оттенок внутреннего развития при внешних условиях.

На основании вышеизложенного сделаны следующие выводы:

1. Грамматика как онтологический картограф.

Исследование подтвердило, что классы неактивных и сугубо пассивных глаголов маркируют фундаментальную онтологическую дихотомию человеческого опыта. «Неактивное ядро», образуемое глаголами вроде *be, become, owe, die, possess*, очерчивает сферу автономии – нередуцируемые состояния бытия, становления, имманентного долга и неотчуждаемых атрибутов личности. Грамматическая невозможность их пассивизации создает семантические «запретные зоны», защищающие это ядро от концептуализации как объекта внешнего воздействия или манипуляции. Напротив, «пассивный периметр», формируемый глаголами типа *be born, be assigned, be convicted, be accredited*, конституирует сферу гетеронмии. Он описывает индивида как продукт и объект социальных институтов, правовых систем и нормативных практик, где его идентичность и статус предписываются извне.

2. Конституирование моральных интуиций.

Грамматика английского языка активно формирует моральное сознание его носителей, создавая «проторенные пути» для одних этических концептов и блокируя другие. Этику автономии, личной ответственности и неотчуждаемых прав, основанную на кантовской традиции, делает когнитивно доступной и интуитивно понятной именно грамматическая защищенность «неактивного ядра». Невозможность сказать *I am been* или *An apology is owed by me to you* (в смысле имманентного морального долга) делает саму идею о том, что бытие или фундаментальный долг могут быть результатом внешнего принуждения, грамматически и, следовательно, концептуально чуждой. И наоборот, обширный пласт

исключительно пассивных конструкций нормализует реальность, в которой индивид закономерно выступает реципиентом внешних решений, что создает когнитивную основу для этики, признающей примат коллективных норм и предписанных социальных ролей.

3. Преодоление тупика универсализма и релятивизма. Данный подход позволяет выйти за рамки традиционного спора между универсализмом и релятивизмом. Универсальными оказываются не конкретные моральные кодексы, а сам грамматический механизм разграничения сфер автономии и гетеронмии. Однако конкретная лингвистическая «картография» (то, какие именно аспекты опыта попадают в «неактивное ядро» или «пассивный периметр») варьируется от языка к языку. Сравнительный анализ с другими языками (например, с русским языком, где некоторые из исследуемых глаголов могут иметь иные залоговые характеристики) может стать мощным инструментом для выявления этих вариаций и их связи с доминирующими в культуре этическими моделями [Zethsen 2018: 85].

4. Методологический вклад и перспективы.

Вклад работы заключается в предложении операционализируемого метода для проверки гипотезы лингвистической относительности в сфере этики. Фокус на узком грамматическом феномене – полярных проявлениях категории залога – позволяет перейти от умозрительных утверждений к системному анализу конкретных языковых данных. Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении кросс-лингвистических корпусных исследований, а также в экспериментальных работах на стыке психолингвистики и моральной психологии, которые могли бы эмпирически проверить, как грамматические паттерны влияют на суждения носителей разных языков в моральных дилеммах [Suojanen et al. 2014: 45].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют переосмыслить роль грамматики в структурировании морального опыта. Выявленная дихотомия не является случайным артефактом английского синтаксиса, а представляет собой системный механизм, который можно рассматривать как своего рода «лингвистический априори» морального сознания. Грамматические ограничения функционируют

⁵¹ Aguayo R. Dr. Deming... P. 207.

как имплицитные категориальные рамки, предопределяющие не содержание моральных суждений, а саму возможность мыслить определенные этические отношения.

Обнаруженный механизм позволяет по-новому взглянуть на классическую проблему соотношения свободы и детерминизма в этике. «Непассивное ядро» создает грамматический фундамент для концепции автономного морального субъекта, чья воля и ответственность не могут быть редуцированы до внешних причин. В то же время «пассивный периметр» грамматически оформляет реальность социальной детерминации, в рамках которой индивид неизбежно оказывается объектом институциональных воздействий. Таким образом, грамматика языка оказывается не просто отражением, а активным участником конституирования этого фундаментального напряжения в моральной жизни.

Однако следует подчеркнуть, что выявленная связь не является фатальной детерминацией. Грамматика формирует когнитивные приоритеты, облегчая доступ к одним способам концептуализации и усложняя к другим, не исключая их полностью из мыслительного горизонта. Носители языка способны к рефлексии и могут выражать сложные моральные идеи, обходя грамматические ограничения с помощью более сложных перифрастических конструкций.

Тем не менее когнитивная нагрузка, связанная с такими обходными путями, делает соответствующие концепции менее интуитивными и более труднодоступными в спонтанном моральном рассуждении. Перспективным направлением для дальнейших исследований является не только кросс-лингвистическое сравнение, но и исторический анализ. Изучение того, как залоговые характеристики ключевых глаголов менялись в процессе эволюции языка, могло бы выявить связь между грамматическими сдвигами и трансформациями морального сознания в определенную историческую эпоху. Это позволило бы рассматривать грамматику не как статичный фундамент, а как динамическую систему, со-эволюционирующую с этическими представлениями общества [Sakamoto 2019: 205].

В конечном счете проведенный анализ демонстрирует, что игнорирование грамматического уровня делает любую теорию морального языка неполной. Понимание того, как синтаксические структуры формируют саму ткань наших фундаментальных интуиций о долге, ответственности

и справедливости, является необходимым условием для построения адекватной метаэтической и морально-психологической теории [Montalt-Resurrecció et al. 2024: 55].

Заключение

Грамматика, в частности категория залога, играет фундаментальную роль в формировании и структурировании морального сознания. Через детальный анализ двух полярных классов глаголов – тех, что не имеют форм страдательного залога, и тех, что употребляются почти исключительно в пассиве, – выявлен системный механизм лингвистического конструирования этических интуиций.

«Непассивное ядро», образуемое глаголами вроде *be*, *become*, *owe*, *possess*, грамматически защищает сферу автономии, личной ответственности и нередуцируемых состояний человеческого опыта. Его грамматическая неприкосновенность создает семантические «запретные зоны», делая концептуализацию бытия, долга или достоинства как результатов внешнего воздействия когнитивно труднодоступной. Напротив, «пассивный периметр», формируемый глаголами типа *be born*, *be assigned*, *be convicted*, нормализует реальность гетерономии, где индивид выступает объектом социальных институтов и внешних сил.

Таким образом, грамматика выступает не пассивным отражением, а активным конституирующим фактором моральной онтологии. Она создает «проторенные пути» для одних этических концептов (автономия, личная ответственность) и блокирует или усложняет доступ к другим (гетерономия, предписанный долг). Это позволяет преодолеть тупик спора между универсализмом и релятивизмом: универсальному оказывается сам грамматический механизм разграничения автономии и гетерономии, в то время как конкретное наполнение этих категорий варьируется от языка к языку.

Предложенный подход открывает перспективы для дальнейших кросс-лингвистических, корпусных и экспериментальных исследований, направленных на эмпирическую проверку влияния грамматических структур на моральные суждения. Игнорирование грамматического уровня делает любую теорию морального языка неполной, тогда как его учет позволяет глубже понять природу морального мышления и его зависимость от языковых структур. Грамматика, таким образом, оказывается не просто инструментом выражения мыслей,

но и активным участником формирования самих основ нашего морального мира.

В качестве перспективного направления изучения проблемы залога можно указать исследование иных языковых моделей и залоговых оппозиций, включающих диатезы среднего, возвратного и других залогов в различных языках.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Безруков А. Н. Русская литература в режиме рецепции и эстетики чтения. СПб.: Гиперион, 2024. 246 с. [Bezrukov A. N. *Russian literature in the mode of reception and reading aesthetics*. St. Petersburg: Giperion, 2024, 246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsijyo>
- Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. II. 252 с. [Vitgenshteyn L. *Philosophical works*. Moscow: Gnozis, 1994, pt. II, 252. (In Russ.)]
- Иванов Н. В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: Международные отношения, 2018. 151 с. [Ivanov N. V. *Interpretation in the sign ontology of language and in translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, 151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xymghj>
- Конурбаев М. Э., Ганеева Э. Р. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2023. № 4. С. 9–20. [Konurbaev M. E., Gareeva E. R. Linguistics of spontaneous speech: Comparative cognitive transformation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, (4): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1>
- Леонтьева К. И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2022. 523 с. [Leonteva K. I. *Cognitive-semiotic model of translation: Dominants, perspective, and discourse in Russian translations of English-language literature of the 19th–20th centuries*. Dr. Philol. Sci. Diss. Tver, 2022, 523. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jcizji>
- Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с. [Macintyre A. *After virtue: A study in moral theory*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaia kniga, 2000, 384. (In Russ.)]
- Миловидов В. А. Литературно-художественный перевод как инструмент теории и истории литературы. *Новый филологический вестник*. 2018. № 3. С. 243–252. [Milovidov V. A. Literary translation as a tool for the theory and history of literature. *New Philological Bulletin*, 2018, (3): 243–252. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00054>
- Нам Хе Хён. Семантика абсолютной конструкции в русском языке и антипассив. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2020. Т. 65. № 1. С. 149–163. [Nam Hye Hyun. The semantics of the absolute construction in Russian and antipassive. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2020, 65(1): 149–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.1556/060.2020.00004>
- Недялков В. П. Типология рефлексивных конструкций. *Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость*, отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. С. 241–276. [Nedyalkov V. P. Typology of reflexive constructions. *Theory of functional grammar: Personality. Voice*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 1991, 241–276. (In Russ.)]
- Остин Дж. Л. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов*, общ. ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прорпесс, 1986. С. 22–129. [Austin J. L. Word as action. *New in foreign linguistics. Iss. XVII. Theory of speech acts*, ed. Gorodetsky B. Y. Moscow: Progress, 1986, 22–129. (In Russ.)]
- Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 688 с. [Polyakov S. E. *Phenomenology of mental representations*. St. Petersburg: Piter, 2011, 688. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/krijtma>
- Раренко М. Б. Перевод как инструмент познания «Другого». *Этнопсихоллингвистика*. 2022. № 1. С. 50–59. [Rarenko M. B. Translation as an instrument to study "Another". *Ethnopsycholinguistics*, 2022, (1): 50–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/epl/2022.01.04>

- Сахневич С. В. Полная грамматика английского языка. М.: Альфа, 2003. 739 с. [Sakhnevich S. V. *Complete grammar of the English language*. Moscow: Alfa, 2003, 739. (In Russ.)]
- Сепир Э. Статус лингвистики как науки. *История лингвистических учений*, сост. М. А. Дмитриевская. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. С. 207–214. [Sapir E. The status of linguistics as a science. *History of linguistic studies*, comp. Dmitrovskaya M. A. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1950, 207–214. (In Russ.)]
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов*, общ. ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169. [Searle J. R. What is a speech act? *New in foreign linguistics. Iss. XVII. Theory of speech acts*, ed. Gorodetsky B. Y. Moscow: Progress, 1986, 151–169. (In Russ.)]
- Тарасов Е. Ф. К проблеме общности сознаний коммуникантов. *Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание*. 2020. № 4. С. 128–135. [Tarasov E. F. On the issue of communicants' common consciousness. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2020, (4): 128–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eyptfx>
- Хайдт Д., Джозеф К. Интуитивная этика: как врожденные интуиции порождают культурно изменчивые добродетели. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2022. Т. 8. № 4. С. 41–54. [Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: Now innately prepared institutions generate culturally variable virtues. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*, 2022, 8(4): 41–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uomcyc>
- Boroditsky L. Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conceptions of time. *Cognitive Psychology*, 2001, 43(1): 1–22. <https://doi.org/10.1006/cogp.2001.0748>
- Comrie B. *The languages of the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 317.
- Cushman F., Young L. Patterns of moral judgment derive from nonmoral psychological representations. *Cognitive Science*, 2011, 35(6): 1052–1075. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2010.01167.x>
- Efferson C., Lalive R., Fehr E. The coevolution of cultural groups and ingroup favoritism. *Science*, 2008, 321(5897): 1844–1849. <https://doi.org/10.1126/science.1155805>
- Enfield N. J. *Natural causes of language: Frames, biases, and cultural transmission*. Berlin: Language Science Press, 2014, 83.
- Haidt J. *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. New York: Pantheon, 2012, 419.
- Hare R. M. *The language of Morals*. Oxford: Clarendon Press, 1952, 202.
- Malt B. C., Majid A. How thought is mapped into words. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 2013, 4(6): 583–597. <https://doi.org/10.1002/wcs.1251>
- Montalt-Resurrecció V., García-Izquierdo I., Muñoz-Miquel A. *Patient-centred translation and communication*. London: Routledge, 2024, 198. <https://doi.org/10.4324/9780429299698>
- Sakamoto A. Why do many translators resist post-editing? A sociological analysis using Bourdieu's concepts. *The Journal of Specialised Translation*, 2019, (31): 201–216. <https://doi.org/10.26034/cm.jostrans.2019.183>
- Sneddon A. *Like-minded: Externalism and moral psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011, 282.
- Suojanen T., Koskinen K., Tuominen T. *User-centered translation*. London-New York: Routledge, 2014, 176.
- Talmy L. *Toward a cognitive semantics. Vol. 1. Concept structuring systems*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000, 565.
- Tseng C., Carstensen A., Regier T., Xu Y. A computational investigation of the Sapir-Whorf hypothesis: The case of spatial relations. *Proceedings of the 38th Annual Conference of the Cognitive Science Society*, Philadelphia, 10–13 Aug 2016. 2016, 2231–2236. URL: <https://terry-regier.github.io/lclab/papers/tseng-et-al-2016.pdf> (accessed 10 Jul 2025).
- Van Valin R. D. Jr. A concise introduction to role and reference grammar. *Fluminensia*, 2000, 12(1-2): 47–78. URL: <https://hrcaj.srce.hr/7357> (accessed 10 Jul 2025).
- Whorf B. L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin lee Whorf*. New York: The Technology Press of MIT, 1956, 278.
- Zethsen K. K. Access is not the same as understanding. Why intralingual translation is crucial in a world of information overload. *Across Languages and Cultures*, 2018, 19(1): 79–98. <https://doi.org/10.1556/084.2018.19.1.4>

оригинальная статья

eLibrary EDN: MCHVFC

Концепт *Югра* в зеркале Национального корпуса русского языка

Зыбина Сусанна Сергеевна

Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск

eLibrary Author SPIN: 6111-2200

<https://orcid.org/0009-0003-0725-6180>pentagramma@mail.ru

Аннотация: Проведено лингвокультурологическое исследование смыслового наполнения концепта *Югра* в речевой практике русского социума последних десятилетий. Актуальность работы определяется развитием корпусной лингвистики в XXI в. и необходимостью реконструкции динамических моделей описания языка и дискурса, а также недостаточной изученностью ономастических концептов. Цель – реконструировать полевую структуру концепта *Югра* в речевой практике русского социума в лингвокультурологическом аспекте. Материал исследования – 5503 употребления лексемы *Югра* в 2388 документах различных корпусов Национального корпуса русского языка: газетном, панхроническом, основном, акцентологическом, поэтическом, обучающем, устном, историческом, синтаксическом, социальных сетей. Методология анализа объединяет корпусно-статистический анализ, контекстуально-семантический метод и полевую организацию концепта по модели З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Применяются количественно-качественные методы анализа дистрибуции и семантической классификации значений. Выявляются основные когнитивные признаки данного концепта, определяются смысловые связи между когнитивными признаками концепта *Югра*. Результаты проведенного анализа репрезентируют смысловую диспропорцию: ядро концепта формируется на основе газетного корпуса (90,8 % контекстов) с доминированием лексем коммерческой семантики – компонент *название организации* (41,35 %), где лидирует компонент *банк «Югра»*. Ближняя периферия (8,7 % контекстов) характеризуется семантической устойчивостью компонента *территория*, дальняя периферия (0,4 % контекстов) сохраняет понятийное ядро. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что концепт *Югра* демонстрирует трансформацию традиционного этнопонима в современный экономический бренд. Его дуалистическая природа совмещает индустриальную современность и культурную архаику. В итоге ставится вопрос о расширении семантического потенциала изучаемого концепта.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, Национальный корпус русского языка, концепт, структура концепта, концепт *Югра*

Цитирование: Зыбина С. С. Концепт *Югра* в зеркале Национального корпуса русского языка. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 700–711. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-700-711>

Поступила в редакцию 07.09.2025. Принята после рецензирования 13.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Concept *Yugra* in the Russian National Corpus

Susanna S. Zybyna

Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk

eLibrary Author SPIN: 6111-2200

<https://orcid.org/0009-0003-0725-6180>pentagramma@mail.ru

Abstract: This linguacultural analysis examines the semantic content of the concept *Yugra* in contemporary Russian discourse. While recent advancements in corpus linguistics have enabled the design of dynamic models for language and discourse phenomena, onomastic concepts remain largely understudied. The linguacultural reconstruction of *Yugra* as a field structure relied on 5,503 instances extracted from 2,388 texts across various

subcorpora of the Russian National Corpus (including the Main, Newspaper, Poetic, Academic, Spoken, Historical, and Social Media corpora). The methodological framework integrates corpus-statistical analysis, contextual-semantic methods, and the conceptual field organization model developed by Z. D. Popova and I. A. Sternin. The distributional and semantic results were analyzed using both quantitative and qualitative methods. This comprehensive approach revealed the core cognitive features of the *Yugra* concept and the connections between them, which demonstrated a pronounced semantic disparity. The core (90.8% of contexts) was shaped predominantly by data from the newspaper corpus, which was dominated by lexemes with commercial semantics, specifically *Yugra Bank* (41.35%). The near periphery (8.7% of contexts) proved to be semantically stable and defined a territorial component. The far periphery (0.4% of contexts) retained the historical, archetypal national core. Consequently, the *Yugra* concept has undergone a significant transformation: from a traditional ethnotoponym, it has evolved into a modern economic brand with a dual nature, merging industrial modernity with cultural archaism and hinting at the future expansion of its semantic potential.

Keywords: corpus linguistics, Russian National Corpus, concept, concept structure, concept *Yugra*

Citation: Zybina S. S. Concept *Yugra* in the Russian National Corpus. *SibScript*, 2026, 28(4): 700–711. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-700-711>

Received 7 Sep 2025. Accepted after peer review 13 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

В эпоху цифровых лингвистических корпусов особое значение приобретает изучение концептов, рассматриваемых как узловые точки пересечения языка, мышления и культуры. Национальный корпус русского языка (НКРЯ), объединяющий более 1,7 млрд словоупотреблений из разнородных текстовых массивов, открывает уникальные возможности для реконструкции и анализа концептуальных структур. В отличие от традиционной лексикографии, фиксирующей нормативные значения, корпусные методы позволяют выявить динамику семантики в ее естественной среде – живом языке употреблении, отражающем социальные, исторические и идеологические трансформации.

Актуальность исследования обусловлена не только необходимостью пересмотра статичных моделей концептов в пользу многоуровневого подхода, но и развитием корпусной лингвистики, открывающей новые возможности для изучения дискурсивной вариативности концептов.

Национальный корпус представляет русский язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов. Корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий [Орехов, Савчук 2019; Савчук 2011;

Савчук, Сичинава 2009]. Национальный корпус русского языка, включающий газетные, художественные, научные и устные тексты, выступает идеальной платформой для такого анализа, обеспечивая доступ к маркерам культурной памяти (архаизмы, историзмы) и инновациям (неологизмы, метафоры). Например, изучение частотности, дистрибуции по корпусам и контекстных коллокаций позволяет не только определить ядро концепта, но и выявить механизмы его адаптации к изменяющемуся дискурсу.

Изучение концептов с опорой на материалы НКРЯ является устоявшейся исследовательской традицией в современной лингвистике. В работах последних лет активно используются корпусные технологии: например, Е. Е. Смирнова исследовала языковую объективацию концепта *истина* [Смирнова 2018], а З. М. Богословская и В. С. Новикова – репрезентацию концепта *студент* [Богословская, Новикова 2019]. Изучение топонимов как языковых единиц, фиксирующих географические объекты, закономерно приводит к исследованию стоящих за ними топонимических концептов: *Белое море* [Ильина 2014], *Волга* [Синявина 2022], *Сибирь* [Татарникова 2022], *Урал* [Чумичева 2018], *Байкал* [Доржиева, Жигачева 2014] и др.

Концепт *Югра* является сложным ономастическим образованием (этнотопонимом), исследуется на базе корпусных данных впервые, что задает принципиально новую методологическую перспективу.

В отличие от предшествующих работ, опиравшихся на ограниченный материал или интроспекцию, настоящее исследование позволяет выявить объективные закономерности функционирования концепта в различных типах дискурса.

Цель исследования – реконструировать полевую структуру концепта *Югра* в речевой практике русского социума в лингвокультурологическом аспекте.

Методы и материалы

Основным материалом исследования выступают данные НКРЯ¹. В работе проанализировано 5503 употребления лексемы *Югра* в 2388 документах различных корпусов НКРЯ. Были отобраны следующие корпуса:

- газетный (815 млн слов) – тексты СМИ 2000–2020 гг., отражающие актуальное медийное употребление;
- панхронический (384 млн слов) – исторические тексты (летописи, документы XI–XIX вв.) и материалы основного корпуса (XVIII–XXI вв.);
- основной (389 млн слов) – художественные, публицистические и научные тексты за три столетия;
- корпус социальных сетей (161 млн слов) – посты из открытых интернет-источников;
- акцентологический (135 млн слов) – поэтические тексты с размеченным ударением;
- специализированные корпуса: устный, исторический, синтаксический, обучающий, поэтический (общий объем – 28 млн слов).

Исключение составили такие корпуса, как Мульти-ПАРКи, параллельный, диалектный, от 2 до 15 и русская классика β, где отсутствовали контексты, содержащие лексику *Югра*.

Следуя методологическому принципу Е. Л. Березович, согласно которому анализ семантики топонимов «следует осуществлять как многофакторный, учитывающий различные обстоятельства происхождения и функционирования названия» [Березович 1998: 29], исследование концепта *Югра* базируется на сочетании методов корпусной лингвистики, когнитивной семантики и дискурс-анализа. В работе разграничены понятия *концепт* и *лексема*: концепт понимается как многомерное ментальное образование, а лексема *Югра* рассматривается как его ключевой вербальный репрезентант в русском языке. Эмпирическую основу составляют контексты

репрезентации концептуальных признаков, выявленные через анализ употреблений данной лексемы

Корпусная лингвистика позволяет наблюдать поведение языковых единиц в естественной среде, применяя статистические методы для проверки гипотез на большом объеме материала. Лингвистический корпус как центральное понятие представляет собой специально отобранные и размеченные тексты с системой поиска, требующие новых методов анализа данных. Методология объединяет количественный и качественный подходы, анализирует семантику в языковом контексте, обеспечивая объективность и воспроизводимость результатов через сочетание корпусных методов с семантическим анализом.

Для группировки контекстов по частотности мы используем термины *ядро*, *ближняя* и *дальняя периферия* в операциональном, а не когнитивном смысле, вслед за подходом, предложенным З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, адаптируя его для задач корпусного анализа [Попова, Стернин 2001: 60].

В работе использовались следующие методы:

1. Корпусно-статистический анализ: расчет частотности употребления лексемы *Югра* в каждом корпусе; выявление коллокаций (устойчивых сочетаний) для определения семантических связей (например, банк «Югра», ХМАО – Югра).

2. Количественно-качественные методы: ручная верификация автоматически отобранных контекстов для минимизации ошибок; ранжирование значений по частоте и выделение ядро-периферийной структуры концепта.

3. Контекстуально-семантический анализ: классификация лексических значений на основе контекстов (административное, географическое, этническое, коммерческое и др.).

4. Лексико-семантический анализ: выявление метонимий (например, курортная Югра, попробуйте Югру на вкус) в акцентологическом и поэтическом корпусах.

5. Сопоставительный анализ: сопоставление динамики значений в исторической перспективе (средневековые летописи vs современные СМИ).

6. Сравнительный синхронический анализ: противопоставление данных корпусов для выявления семантических сдвигов (например, доминирование административных значений в газетах

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.10.2024).

vs историко-географических значений в панхроническом корпусе).

7. Критический дискурс-анализ: интерпретация данных через призму медийной репрезентации (например, гипертрофированное упоминание *банка «Югра»* в газетах).

Результаты

При работе с Национальным корпусом русского языка нами был создан запрос *Югра*. Результаты запроса показали, что лексема *Югра* в НКРЯ встречается 5503 раза в 2388 документах и представлена в 10 корпусах (табл. 1).

Проанализировав языковые данные НКРЯ, мы обнаружили чрезвычайную активность слова *Югра*, употребление которого демонстрирует значительное расширение семантики и сочетаемостных возможностей. Согласно модели полевой организации концепта, ядро составляют наиболее яркие, актуальные для носителей языка признаки, характеризующиеся максимальной частотностью актуализации в речи. Наиболее значимым представляется доминирование газетного корпуса (90,8 % контекстов), что указывает на преимущественно медийный характер актуализации лексемы *Югра* в современном коммуникативном пространстве. Этот показатель коррелирует с активным освещением социально-экономических процессов

в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в СМИ и формирует ядерную зону концепта *Югра*.

Ближняя периферия концепта, объединяющая четыре корпуса: панхронический, основной, социальных сетей и акцентологический (480 контекстов), характеризуется меньшей степенью актуальности в массмедийном пространстве, но большей семантической устойчивостью. Вторичные позиции занимают панхронический корпус (3,5 %) и основной корпус (3,0 %), демонстрируя устойчивое присутствие лексемы *Югра* в классической русской литературе и публицистике разных временных периодов. Представленность в корпусе социальных сетей (1,5 %) отражает современные тенденции цифровизации коммуникации и актуализации региональной проблематики в интернет-дискурсе.

Низкая частотность лексемы *Югра* в поэтическом (0,24 %), устном (0,05 %) и историческом (0,02 %) корпусах свидетельствует о специфике его функционирования в художественно-эстетической и разговорной сферах, что формирует дальнюю периферию концепта *Югра*. Важно подчеркнуть, что низкая частотность в этих корпусах связана с особенностями их состава и жанровой спецификой, а не с маргинальностью соответствующих смыслов.

Рассмотрим подробнее структурные элементы концепта *Югра* по данным НКРЯ.

Табл. 1. Распределение лексемы *Югра* в Национальном корпусе русского языка
Tab. 1. Lexeme *Yugra* across the Russian National Corpus

Название корпуса	Количество текстов в корпусе	Количество слов в корпусе	Количество контекстов с лексемой <i>Югра</i>	Количество документов с лексемой <i>Югра</i>
Газетный	2728688	815141029	5000	2122
Панхронический	141035	384096728	192	95
Основной	133554	389470868	166	68
Социальные сети	1768134	161432452	85	67
Акцентологический	1342851	135768732	37	24
Поэтический	103626	14097265	13	5
Обучающий	1247	13761608	5	3
Устный	4598	14854033	3	2
Исторический	337	881706	1	1
Синтаксический	1304	1568027	1	1
Всего	6225374	1931072448	5503	2388

Ядро концепта *Югра* (газетный корпус)

Исследование репрезентации лексемы *Югра* в газетном корпусе русского языка демонстрирует высокую частотность представленной языковой единицы и ее многоаспектное функционирование в современном медийном пространстве. Газетный корпус, содержащий 5000 контекстов употребления данной лексемы, представляет собой наиболее репрезентативный материал для анализа современного бытования концепта *Югра*.

Тематическое распределение текстов, в которых функционирует лексема *Югра*, показывает очевидную смысловую асимметрию: доминирующей областью является *бизнес, коммерция, экономика, финансы* с 1986 контекстами, что составляет почти 40 % от общего объема контекстов. Данный показатель свидетельствует о значительной роли *экономической сферы* в формировании современного образа Югры как региона с развитой коммерческой инфраструктурой.

Вторую позицию по частотности занимает *спортивная тематика* с 1154 контекстами, что указывает на активное использование топонима в спортивном брендинге и медиаосвещении спортивных событий. Также отметим, что *неопределенная категория* с 357 контекстами и *криминальная хроника* с 349 контекстами формируют следующий по значимости компонент ядра.

Средняя частотность характерна для тематик *происшествия* (331), *политика и общественная жизнь* (176) и *администрация и управление* (173). Остальные компоненты, включающие *здравоохранение, природу, культуру, образование и транспорт*, демонстрируют суммарно 740 контекстов, при этом наименее представленными оказываются сферы *сельского хозяйства и армии* с 5 контекстами каждая (рис. 1).

Анализ значения лексемы *Югра* показывает корреляцию с тематическим распределением текстов. Чаще всего лексема *Югра* функционирует в значении *название организации* (2276 контекстов), что составляет около 45 % всех контекстов газетного корпуса. Значение *субъект РФ* (1523 контекста) занимает вторую позицию, демонстрируя административно-территориальную семантику лексемы *Югра*. Значение *название хоккейного клуба* с 1097 контекстами подтверждает значимость спортивной составляющей в современной семантике лексемы *Югра*.

Менее частотными являются следующие значения: *территория* (246 контекстов), *название клуба по мини-футболу* (159), *люди* (75). Единичные

Рис. 1. Тематическое распределение лексемы *Югра* в газетном корпусе русского языка

Fig. 1. Thematic distribution of lexeme *Yugra* in the Russian Newspaper Corpus

упоминания (1–3 контекста) фиксируются в контексте цифровых технологий (*Югра on-line*), экологических программ (*Эколята Югры*), топонимических объектов (*парк «Югра»*) и радиосвязи (*позывной «Югра»*).

Особого внимания заслуживает анализ использования лексемы *Югра* в наименованиях организаций. Среди 64 зарегистрированных наименований организаций с общим количеством 2276 контекстов наблюдается очевидное преобладание номинации *банк «Югра»* – 2101 упоминание, что составляет более 92 % всех упоминаний в данной категории.

Остальные организации демонстрируют значительно меньшую медийную представленность: *Следственное управление СК РФ по ХМАО – Югре* (18 контекстов), *Дума ХМАО – Югры* (8), *лизинговая компания «Югра – СПб»* (7), *МЧС по ХМАО – Югре* (7) и *Общественная организация «Спасение Югры»* (7). К числу названий организаций, зафиксированных в 6 контекстах, относятся: *АО «ЕВРОТЭК-ЮГРА»*, *Телерадиокомпания «Югра»* и *КРК Арена-Югра»*. Большинство наименований организаций, включая *ООО «Лукойл-Югра»* и *Фонд поколений ХМАО – Югры»*, фиксируются лишь 1 раз (табл. 2).

Таким образом, можно говорить о высокой частотности употребления лексемы *Югра* в современном газетном дискурсе с выраженной экономико-коммерческой доминантой. Критическая

Табл. 2. Частотность употребления лексемы *Югра* в наименованиях организаций по данным газетного корпуса Национального корпуса русского языка
Tab. 2. Lexeme *Yugra* in brands according to the Russian Newspaper Corpus

Наименование организации	Частотность	Наименование организации	Частотность
Банк «Югра»	2101	Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений ХМАО – Югры (Природнадзор Югры)	2
Следственное управление СК РФ по ХМАО – Югре	18	Ресторанно-гостиничный комплекс «Югра»	2
Дума ХМАО – Югры	8	Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры	2
Общественная организация «Спасение Югры»	7	Департамент культуры ХМАО – Югры	2
Название лизинговой компании «Югра – СПб»	7	Газета «Новости Югры»	2
МЧС по ХМАО – Югре	7	Центр развития теннисного спорта	1
Телерадиокомпания «Югра»	6	ХМРОО «Олимпийский совет Югры»	1
КРК Арена-Югра	6	Фонд поколений ХМАО – Югры	1
Департамент общественных и внешних связей ХМАО – Югры	6	Финансово-инвестиционная корпорация «Югра»	1
Арбитражный суд ХМАО – Югры	6	Управление ФСКН России по ХМАО – Югре	1
АО «ЕВРОТЭК-ЮГРА»	6	Союз общин коренных малочисленных народов Севера ХМАО – Югры	1
Спортивный комплекс «Жемчужина Югры»	5	Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры	1
ОАО «Издательский дом "Новости Югры"»	5	Сетевое издание «МК – Югра»	1
Информационное агентство «Югра-Информ»	5	РОО «Федерация шахмат ХМАО – Югры»	1
УГИБДД УМВД по ХМАО – Югре	4	РОО «Федерация велосипедного спорта ХМАО – Югры»	1
Департамент здравоохранения ХМАО – Югры	4	РОО «Федерация бокса ХМАО – Югры»	1
АУ «ЮграМегаСпорт»	4	РОО «Союз предпринимателей Югры»	1
Управление розпотребнадзора по ХМАО – Югре	3	ООО «Юграпромбезопасность»	1
УМВД по ХМАО – Югре	3	ООО «Югра – интерспорт»	1
Суд ХМАО – Югры	3	ООО «Югра Интур Сервис»	1
Спортивная школа паралимпийского и сурдлимпийского резерва «Центр адаптивного спорта Югры»	3	ООО «Лукойл-Югра»	1
РОО Федерация биатлона «Союз биатлонистов Югры»	3	ООО «Лесопильные заводы Югры»	1
Прокуратура ХМАО – Югры	3	Общественная палата ХМАО – Югры	1
КТЦ «Югра-Классик»	3	НП «Центры технического контроля Югры»	1
Департамент по управлению госимуществом ХМАО – Югры	3	Молодежный парламент Югры	1
Государственная библиотека Югры	3	КПКГ «Югра-Финанс»	1
Фонд поддержки предпринимательства Югры «Мой бизнес»	2	Исправительная Колония № 14 Управления Федеральной Службы Исполнения Наказаний по ХМАО – Югре	1

Наименование организации	Частотность
Застройщик «Югра Инвест строй Проект»	1
Департамент экономического развития ХМАО – Югры	1
Департамент финансов ХМАО – Югры	1
Департамент информационных технологий ХМАО – Югры	1
Департамент дорожного хозяйства и транспорта ХМАО – Югры	1
Департамент гражданской защиты населения ХМАО – Югры	1
Государственная инспекция труда в ХМАО – Югре	1
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»	1
АО «Югра-Экология»	1
АО «Ипотечное агентство Югры»	1

концентрация упоминаний банковской организации свидетельствует о монополизации медийного пространства отдельными экономическими субъектами. Спортивная составляющая концепта *Югра* отражает стратегию регионального брендинга через спортивные достижения и команды.

Ближняя периферия концепта *Югра* (панхронический, основной, социальные сети и акцентологический корпусы)

Панхронический корпус содержит тексты различных исторических периодов русского языка. В него вошли тексты древнерусского корпуса [Мишина, Пичхадзе 2015], старорусского корпуса [Гаврилова и др. 2016] и корпуса берестяных грамот [Сичинава 2024], а также основного корпуса, самые ранние тексты которого относятся к рубежу XVII–XVIII вв. Лексема *Югра* в панхроническом корпусе встречается в 95 документах, включая летописи (Новгородская, Никоновская, Устюжская), договоры Новгорода с князьями (Ярославом, Василием, Иваном), исторические труды (В. Н. Татищев, И. М. Карамзин) [Карамзин 1989], а также художественные и учебные тексты. Всего зафиксировано

192 употребления, среди которых доминируют значения *территория* (99 контекстов) и *люди* (33), реже встречаются *субъект РФ* (21) и сочетание *территория* и *люди* (14), тогда как периферийные значения включают названия организаций (например, банк «Югра» – 6 случаев), информационных систем (*ТИС Югры* – 4), мероприятий (*Кубок Югры* – 3), а также единичные употребления (*телеканал «Югра»*, *проект «Сибнефть-Югра»*, *сибирская Югра*). Причем 14 контекстов объединяют оба значения, что отражает средневековый синкретизм пространства и социума. Характерным примером служит описание даннических отношений в Никоновской летописи (XVI в.): *...и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде во Югру, Югра же языкъ есть нѣмъ, и сосѣдятся съ Самоядью на полуночныхъ странахъ*².

Лексема *Югра* в **основном корпусе** русского языка представлена 166 раз в 10 лексических значениях, где доминирующими являются *территория* (82), *люди* (36) и *субъект РФ* (30), реже встречаются *название банка* (6) и *пансионат «Югра»* (2), а единичные упоминания включают СМИ (*Новости Югры*, *телеканал «Югра»*), проекты (*Сибнефть-Югра*), *политическое движение* и *журнал «Югра»* (по 1 случаю).

В текстах постов из корпуса **социальные сети** НКРЯ лексема *Югра* зафиксирована 85 раз в 65 источниках, демонстрируя полифункциональность употребления. Наиболее частотными значениями стали *субъект РФ* (37) и *название хоккейного клуба* (17), что отражает значимость региона в административном контексте и популярность спортивной темы в коммуникации. Реже лексема *Югра* используется для обозначения *территории* (10), *организаций* (10, включая банки, департаменты и культурные учреждения), *соревнований* (4), *микрорайона в Тюмени* (2), *газеты «Новости Югры»* (2), а также единично – для проекта «Югра-бесконечный драйв» и *баскетбольного клуба*.

Доминирование компонентов *субъект РФ* и *хоккейный клуб* подчеркивает, что в социальных сетях Югра воспринимается, прежде всего, как географическая и административная единица, а также как значимый элемент спортивной культуры. Низкая частотность антропоцентричного значения

² Полное собрание Русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. С. 127. URL: <https://ru.djvu.online/file/742wwjwUwJSt> (дата обращения: 07.06.2025).

люди свидетельствует о том, что в публичном дискурсе регион ассоциируется с институтами и брендами, а не с населением. Разнообразие организаций, использующих название *Югра*, указывает на его роль как маркера региональной идентичности в официальной и культурной сферах.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что совокупность употреблений лексемы *Югра* в панхроническом (192 контекста), основном (166), социальных сетях (85) и акцентологическом (37) корпусах (общий объем – 480 контекстов) составляет ближнюю периферию концепта *Югра* по данным НКРЯ. Данная периферийная зона характеризуется семантической устойчивостью компонента *территория* (доминирующего во всех четырех корпусах), диахронической преемственностью от древнерусского периода до современности, а также адаптивной способностью к актуализации новых значений в соответствии с изменениями языкового сознания и коммуникативных практик современного общества.

Дальняя периферия концепта *Югра* (поэтический, обучающий, устный, исторический и синтаксический корпусы)

Поэтический корпус НКРЯ, как отмечает К. М. Корчагин, служит важным инструментом для изучения русской поэзии, объединяя тексты XVIII–XX вв. и отражая эволюцию поэтического языка [Корчагин 2019]. Анализ лексемы *Югра* в поэтическом корпусе демонстрирует ее доминирующее употребление в значении *территория* (12 из 13 случаев), что подчеркивает роль концепта как символа географического пространства в поэтической традиции. Лексема *Югра* встречается в произведениях Д. Л. Андреева, Л. Н. Мартынова и К. Ф. Жакова в разных контекстах:

- Д. Л. Андреев «Сказание о Ярославле» (1955–1958): *Дева плача, что крылья простерла От Югры до дунайского гирла, От феодалов Великого Карла До снегов Беломорского Горла*³.
- Л. Н. Мартынов «Лукоморье» (1945): *Здравствуй, северная Русь! Ты, Югра-соседка, здравствуй! Сказка, здесь над былью властвуй!*⁴

- К. Ф. Жаков в поэме «Биармия»⁵ (1916) употребляет лексему *Югра* в семи контекстах в значении *территория*, например: *Друг почетный князя Перми Чаровник и тун Вередня, Он на лыжах на Печору Путь держал порою зимней: Пригласить владыку Югры Сямдея он согласился* (с. 76); *На оленях прибыл Сямдей, Югры царь он знаменитый, Горностай и черный соболь Украшали князя Югры, Драгоценные, одежды* (с. 79).
- Единичное использование в значении *люди, народ* отмечается в произведении К. Ф. Жакова: *Самоеды вместе с Югрой Пили кровь оленью сладко, что свидетельствует о семантической узости вторичных интерпретаций* (с. 154).

Корпус устных текстов, репрезентируя устную речь как самостоятельную форму существования языка, охватывает хронологический период свыше семи десятилетий – от транскриптов кинолент 1930-х гг. до современных образцов спонтанной и подготовленной речи. Как отмечают Е. А. Гришина и С. О. Савчук, данный корпус обеспечивает возможность анализа полифункциональности устной коммуникации, включая ее реализацию в разнообразных социокультурных контекстах: разговорно-бытовом (непринужденный диалог), научном (лекции, семинары), публицистическом (теле- и радиопередачи, публичные выступления), официально-деловом (институциональное общение), производственно-техническом (профессиональный дискурс), религиозном (проповеди), рекламном и художественном (кино, театр) [Гришина, Савчук 2009]. В рамках анализа корпусных данных выявлена ограниченная репрезентация лексемы *Югра*: зафиксировано три употребления в двух источниках с актуализацией двух значений – денотативное (*субъект Российской Федерации*, 2 контекста) и этнонимическое (*историческое наименование народа*, 1 контекст).

В обоих случаях лексема *Югра* употребляется как сокращенное обозначение Ханты-Мансийского автономного округа, входящего в состав РФ, что отражает устойчивую практику использования исторического топонима в официально-политическом дискурсе.

³ Андреев Д. Л. Цикл стихотворений «Сказание о Ярославле» (1955–1958). См. стихотворение «В дни, когда светозарно и мирно...». URL: https://lib.rmvoz.ru/bigzal/russkie_bogi_9 (дата обращения: 07.06.2025).

⁴ Мартынов Л. Н. Лукоморье (1945). URL: <https://web.archive.org/web/20040122092843/www.litera.ru/stixiya/authors/martynov/kto-otvetit-gde.html> (дата обращения: 07.06.2025).

⁵ Жаков К. Ф. Биармия: Коми литературный эпос. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 312 с. Далее по тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц цитат в скобках.

- **Хмельные запахи Югры**¹⁰ – территориально-сенсорная метонимия *территория – сенсорные признаки*, где запахи наделяются психотропными свойствами, отсылая к шаманистским практикам коренных народов.
- **Югра стала нашей судьбой**¹¹ – экзистенциальная метонимия, где территория замещает жизненное предназначение и биографические события.
- **У Югры много сил и талантов**¹² – метонимия *жители территории – территория* с антропоморфизацией региона.
- **Брусничный край, мой дом – моя Югра**¹³ – метонимический перенос через флористическую специфику и метафорическое тождество территории с личным пространством.
- **Югра – курортная земля!**¹⁴ – ироническая метонимия, создающая парадоксальный образ северного региона как места отдыха.

Таким образом, метонимические репрезентации формируют многослойный образ Югры как живого субъекта с дуалистической природой, где индустриальная модернизация сосуществует с традиционными формами природопользования. Территория концептуализируется как пространство эмоционального воздействия – от сенсорного опыта до экзистенциального самоопределения, демонстрируя процессы культурного ребрендинга северного региона.

Заключение

Ядро концепта *Югра* по данным НКРЯ формируется на основе газетного корпуса с доминированием 5000 контекстов (90,8 % от общего объема), что свидетельствует о медийной гипертрофии концепта. В ядерной зоне реализуется семантическая триада: *название организации* (2246 контекстов, 41,35 %) с абсолютным лидерством *банка «Югра»* (2101 упоминание), *субъект РФ* (1426 контекстов, 27,68 %) как отражение административно-территориальной семантики после переименования Ханты-Мансийского автономного округа

в 2003 г.¹⁵ и *хоккейный клуб* (1080 контекстов, 19,93 %) как маркер региональной спортивной политики. Структура ядра демонстрирует коммерциализацию и институционализацию традиционного этнотопонима.

Ближняя периферия концепта *Югра* объединяет панхронический (192 контекста), основной (166), социальных сетей (85) и акцентологический (37) корпуса общим объемом 480 контекстов (8,7 %). Она характеризуется семантической устойчивостью значения *территория*, доминирующего во всех четырех корпусах, и диахронической преемственностью от древнерусских летописей до современных цифровых платформ. В панхроническом корпусе фиксируется средневековый синкретизм пространства и социума через сочетание значений *территория* (99) и *люди* (33), отражающий архаичное мировосприятие, где качества человека и земли не размежевывались.

Дальняя периферия концепта *Югра* включает поэтический (13), обучающий (5), устный (3), исторический (1) и синтаксический (1) корпуса (общий объем – 23 контекста, или 0,4 %). Она демонстрирует архетипическую семантику концепта через доминирование значения *территория* в поэтических текстах (12 из 13 случаев) и единичную этнонимическую актуализацию в исторических источниках. Пополнение данных корпусов, скорее всего, не приведет к тому, что в них смогут появиться ядерные единицы концепта *Югра*, поскольку содержание элементов НКРЯ не обеспечивает полной репрезентации концепта.

Кроме этого, была выявлена диспропорция в репрезентации концепта: газетный корпус содержит 90,8 % всех употреблений (5000 из 5503 контекстов), что указывает на преимущественно медийную и институциональную репрезентацию лексемы в языковом сознании. Доминирование значения *название организации* (41,35 %) над историко-географическими значениями демонстрирует коммерциализацию регионального бренда и влияние единичных медийных событий на корпусную статистику.

¹⁰ Дерябин В. А. Сонет № 16. Двоечник (2012). URL: <https://stihi.ru/2012/03/27/11995?ysclid=mbmbgnuomv740264120> (дата обращения: 07.06.2025).

¹¹ Ширин К. Листья белые (2011). URL: <https://stihi.ru/2026/05/02/1638> (дата обращения: 07.06.2025).

¹² Там же.

¹³ Юхта О. Югра (2011). URL: <https://stihi.ru/2011/10/21/1622?ysclid=mbmbkcf1j48073350> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁴ Черкашин П. Идти к гадалке не придёт... (2009). URL: <https://stihi.ru/2009/09/13/4137?ysclid=mbmb1b85cz425378623> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁵ О включении нового наименования субъекта РФ в статью 65 Конституции РФ. Указ Президента РФ от 25.07.2003 № 841. СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3051.

Образ Югры по данным НКРЯ – это персонифицированная территория с дуалистической природой, совмещающая индустриальную современность и традиционную архаику, выступающая одновременно как объект потребления, источник экзистенциального самоопределения, пространство сенсорного и эмоционального воздействия, а также арена культурных трансформаций и ироничного переосмысления северной идентичности.

Концепт *Югра* в НКРЯ предстает как «зеркало» противоречий между административной риторикой, способами медийной репрезентации и культурной памятью, как динамическое образование, отражающее взаимодействие различных дискурсов.

Его анализ через призму корпусной лингвистики не только вскрывает семантические сдвиги, но и становится основой для критического переосмысления роли языка в конструировании региональной идентичности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*, ред. Н. Д. Арутюнова, М. А. Журиная. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32. [Arutjunova N. D. Metaphor and discourse. *Theory of metaphor*, eds. Arutjunova N. D., Zhurinskaya M. A. Moscow: Progress, 1990, 5–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjzapv>
- Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: УрГУ, 1998. 338 с. [Berezovich E. L. *Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic studies*. Ekaterinburg: USU, 1998, 338. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwjfqb>
- Богословская З. М., Новикова В. С. Признаки концепта «Студент», репрезентированные в Национальном корпусе русского языка. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2019. № 9. С. 72–77. [Bogoslovskaya Z. M., Novikova V. S. Signs of concept "Student" represented in Russian national corpus. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, (9): 72–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-9-72-77>
- Гаврилова Т. С., Шалганова Т. А., Ляшевская О. Н. К задаче автоматической лексико-грамматической разметки старорусского корпуса XV–XVII вв. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. 2016. № 2. С. 7–25. [Gavrilova T. S., Shalganova T. A., Lyashevskaya O. N. Lexico-grammatical annotation of the middle Russian corpus 1400–1700: A computational approach. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2016, (2): 7–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15382/sturIII201647.7-25>
- Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в Национальном корпусе русского языка: состав и структура. *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*, отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 129–148. [Grishina E. A., Savchuk S. O. The corpus of oral texts in the National Corpus of the Russian language: Composition and structure. *National corpus of the Russian language: 2006–2008. New results and prospects*, ed. Plungyan V. A. St. Petersburg: Nestor-History, 2009, 129–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyipbb>
- Доржиева Г. С., Жигачева Е. С. Концепт Байкал в региональном поэтическом дискурсе. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 10-1. С. 88–94. [Dorzhieva G. S., Zhigacheva E. S. Concept of Baikal in the regional poetic discourse. *Buryat State University Bulletin*, 2014, (10-1): 88–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxydeh>
- Ильина Е. В. Объективация концепта «Белое море» в языковой картине мира поморов (на материале лексикографического дискурса). *Наука, техника и образование*. 2014. № 3. С. 88–90. [Il'ina E. V. Objectivation of the concept "White Sea" in the linguistic worldview of the Pomors (based on lexicographic discourse). *Science, Technology and Education*, 2014, (3): 88–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snypcf>
- Карамзин И. М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 6. 467 с. [Karamzin I. M. *History of the Russian state*. Moscow: Nauka, 1989, vol. 6, 467. (In Russ.)]

- Корчагин К. М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать. *Русская речь*. 2019. № 6. С. 113–127. [Korchagin K. M. What Russian poetic corpus is made for and how to use it. *Russian Speech*, 2019, (6): 113–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013161170007630-2>
- Мишина Е. А., Пичхадзе А. А. Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2015. № 6. С. 99–115. [Mishina E. A., Pichkhadze A. A. Old Russian subcorpus of the Russian national corpus. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2015, (6): 99–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjqbcf>
- Орехов Б. В., Савчук С. О. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019. № 21. С. 61–82. [Orehov B. V., Savchuk S. O. Accentological corpus as a tool for studying Russian word stress. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, (21): 61–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gghdyac>
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с. [Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki, 2001, 191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udbldl>
- Савчук С. О. Корпус современной русской прессы: из опыта создания и использования. *Корпусная лингвистика – 2011: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 27–29 июня 2011 г.)* СПб.: СПбГУ, 2011. С. 149–154. [Savchuk S. O. The corpus of the modern Russian media: Construction and Application Experience. *Corpus Linguistics 2011: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 27–29 Jun 2011*. St. Petersburg: SPbSU, 2011, 149–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgqprn>
- Савчук С. О., Сичинава Д. В. Обучающий корпус русского языка и его использование в преподавательской практике. *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*, отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 317–335. [Savchuk S. O., Sichinava D. V. The teaching corpus of the Russian language and its use in teaching practice. *The national corpus of the Russian language: 2006–2008. New results and prospects*, ed. Plungyan V. A. St. Petersburg: Nestor-History, 2009, 317–335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyiped>
- Синявина Н. В. Смысловое пространство концепта «Волга» в контексте социокультурных коммуникаций. *Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX–XXI век*, ред. Е. В. Мареева, Н. В. Синявина. М.: МГИК, 2022. С. 49–59. [Sinyavina N. V. The semantic space of the concept "Volga" in the context of sociocultural communications. *Russia in the context of intercultural communications. XX–XXI century*, eds. Mareeva E. V., Sinyavina N. V. Moscow: MSIK, 2022, 49–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njmhlj>
- Сичинава Д. В. Панхронический корпус: интеграция исторических и современных корпусных ресурсов. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2024. № 2. С. 336–353. [Sichinava D. V. A panchronic corpus: Integration of historical and contemporary corpus resources. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2024, (2): 336–353. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.2.20>
- Смирнова Е. Е. Языковая объективация концепта «Истина» (по данным национального корпуса русского языка). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2018. № 1. С. 203–208. [Smirnova E. E. Language objectification of the concept "Istina" ("Truth") (according to the data of the Russian national corpus). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2018, (1): 203–208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysjccf>
- Татарникова Ю. А. Концепт Сибирь в культуре Азиатско-Тихоокеанского региона. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2022. № 60. С. 27–35. [Tatarnikova Yu. A. The concept Siberia in the culture of the Asia-Pacific region. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2022, (60): 27–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnbwbr>
- Чумичева Д. М. Концепт «Урал» в сознании русской языковой личности. *Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10–14 октября 2018 г.)* Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 295–297. [Chumicheva D. M. Concept Ural in the mind of the Russian language personality. *Learning to understand Russia: Political and media communication: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 10–14 Oct 2018*. Ekaterinburg: USPU, 2018, 295–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxmuux>

оригинальная статья

eLibrary EDN: NQNEHX

Эвфемизмы рождения и брака как репрезентанты лингвокультурных концептов в древнеанглийском языке

Лунина Софья Андреевна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

<https://orcid.org/0009-0007-1715-972X>sof.mag.nstu@mail.ru

Аннотация: Освещаются исторические и культурные факторы, обуславливающие специфику концептуализации табуированных явлений рождения и брачных отношений в англосаксонский период. Цель – выявить семантические особенности эвфемизации древнеанглийской эвфемии рождения и брака. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе словарных и тезаурусных источников древнеанглийского периода описаны и проанализированы эвфемизмы, затрагивающие тематику сексуальных отношений, беременности и рождения. Концепты *рождение* и *брак* древнеанглийской культуры анализируются исходя из особенностей их стереотипного ядра и когнитивной структуры. Определяются принципы работы с лексикографическими источниками. Лексемы-эвфемизмы систематизируются в соответствии с их ономастическими характеристиками, приводятся контекстуальные употребления из толкового словаря англосаксонских понятий. Установлено, что наиболее характерными для исследуемого периода являются метонимические и метафорические эвфемизмы, при этом метонимия в выборке является самым продуктивным способом образования. С помощью семасиологического анализа установлено, что эвфемизмам рождения и брака в целом свойственна дескриптивность. Установлена количественная асимметрия: в исследуемой выборке наблюдается существенное преобладание эвфемизмов брака. Выявлен гендерный аспект образования лексем-эвфемизмов. Обнаружены некоторые недостатки в структуре современных лексикографических источников древнеанглийского языка.

Ключевые слова: эвфемизм, лингвокультурология, семантика, концепт, рождение, брак

Цитирование: Лунина С. А. Эвфемизмы рождения и брака как репрезентанты лингвокультурных концептов в древнеанглийском языке. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 712–724. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-712-724>

Поступила в редакцию 01.09.2025. Принята после рецензирования 02.12.2025. Принята в печать 08.12.2025.

original article

Euphemisms of Birth and Marriage as Units of Linguacultural Concepts in Old English

Sofya A. Lunina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

<https://orcid.org/0009-0007-1715-972X>sof.mag.nstu@mail.ru

Abstract: The article describes the semantic features of Old English euphemisms for birth and marriage. For the first time, euphemisms denoting sexual relations, pregnancy, and childbirth were described and analyzed based on lexicographic and thesaurus sources of the Old English period. The conceptualization of these taboo phenomena in the Anglo-Saxon period depended on a variety of historical and cultural factors. The concepts of birth and marriage in Old English culture were analyzed based on their stereotypical core and cognitive structure. Euphemistic lexemes were systematized in accordance with their onomasiological features, with contextual uses

drawn from the explanatory dictionary of Anglo-Saxon concepts. Metonymic and metaphorical shifts proved to be the most popular euphemization mechanisms, with metonymy being the most productive word-formation method. From a semasiological perspective, these euphemisms are characterized by descriptiveness. A significant predominance of euphemisms for marriage demonstrated a quantitative asymmetry. The research also revealed a gender aspect in the formation of euphemistic lexemes, as well as certain shortcomings in the structure of modern Old English lexicographic sources.

Keywords: euphemism, linguistic culture, semantics, concept, birth, marriage

Citation: Lunina S. A. Euphemisms of Birth and Marriage as Units of Linguacultural Concepts in Old English. *SibScript*, 2026, 28(4): 712–724. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-712-724>

Received 1 Sep 2025. Accepted after peer review 2 Dec 2025. Accepted for publication 8 Dec 2025.

Введение

Рождение и брак являются семантически наполненными концептами для многих культур. Всякий концепт находит свое отражение в языке – именно язык обеспечивает доступ к концептам и позволяет их реконструировать [Григорьева 2007: 74]. Изучение лингвокультурных концептов способствует развитию содержательно ориентированной лингвистики и направлено на выявление способов интерпретации мира, обозначенного в языке [Карасик 2004: 152]. Изучение словарного состава языка нами видится как эффективный метод оценивания лексико-семантической структуры английского языка англосаксонского периода. Анализ словарных дефиниций позволяет выявить доминантный признак в структуре того или иного концепта, в то время как анализ функций лексических единиц в контексте способствует более точному определению значения исследуемой единицы [Григорьева 2007: 74]. Древнеанглийские эвфемизмы рождения и брака представляют научный интерес в сфере исторического языковедения, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В рамках нашего исследования мы предлагаем рассмотреть эвфемизмы как элементы концептуальной системы древнеанглийского языка и как способы «вторичной концептуализации и категоризации знаний о мире и языке» [Быкова 2016: 201].

В середине XX в. повторно возрос интерес к лексической системе древнеанглийского языка. Наиболее успешным лексикографическим проектом в связи с этим можно считать Bosworth-Toller Dictionary, чье создание пришлось на рубеж XIX–XX вв. Тем не менее потребность в совершенствовании работы Дж. Босворта и Т. Н. Толлера, а также необходимость применения новых методов в работе с древнеанглийской лексикографией отмечались еще

в конце XX в. [Hetherington 1975: 75]. Отмечается ряд несовершенств, связанных с микроструктурой Bosworth-Toller Dictionary [Kubánek 2024], в частности, относящихся к лексикографии англосаксонской эвфемии [Coleman 1992: 93]. Научный интерес к расширению и улучшению качества глоссария англосаксонского периода обуславливается и в современных исследованиях древнеанглийской поэзии: требуется качественное описание коннотаций наравне с анализом контекстов, что дает возможность внести вклад в описание концептосферы языка и реконструкцию картины мира [Яценко 2024: 197].

Актуальность исследования, таким образом, обуславливается рядом факторов. Во-первых, перед лингвистами и культурологами стоит задача совершенствования и расширения теоретических положений о концептосфере древнеанглийского языка, о способах и принципах реализации концептов на лексическом уровне. Во-вторых, имеет потенциал улучшение лексикографической дескрипции ряда архаичных лексем англосаксонского периода, что возможно при более детальном изучении семантики на примере контекстных значений. Фокус научного интереса в сфере лексикографии сместился в сторону антропологического плана выражения языка, т. е. от понятийного к концептологическому акценту при описании смысловой структуры слова [Голев 2021: 8–9]. Лексикографические исследования, основанные на принципах когнитивной семантики, могут внести вклад как в разработку древнеанглийских словарей, так и в типологические исследования текстов в целом [Romano, Rodríguez 1996: 377]. В-третьих, возможно расширение теоретических знаний о способах и принципах косвенной номинации языка в диахроническом

аспекте. Поскольку эвфемизмы отличаются динамичными, флюидными отношениями между знаком и денотатом, изменение этих отношений в историческом контексте представляет научный интерес в сфере сравнительного языкознания и семиотики.

Цель – выявить семантические особенности эвфемизации древнеанглийской эвфемии рождения и брака. Задачи:

1) освещение основных исторических положений англосаксонской культуры раннего Средневековья, обуславливающих особенности концептуализации понятий *рождение* и *брак*;

2) дескрипция стереотипного ядра и когнитивной структуры концептов *рождение* и *брак* на основании тезаурусного вокабуляра древнеанглийского языка;

3) определение границ прямой и косвенной номинации в семантическом поле концептов *рождение* и *брак*;

4) анализ словарных дефиниций и контекстных случаев употребления лексем-эвфемизмов рождения и брака;

5) определение семантических особенностей эвфемизации в исследуемых памятниках древнеанглийской письменности (ономастиологический и семасиологический аспекты).

Методы и материалы

Материалом для исследования послужил словарный состав древнеанглийского языка, включающий лексемы-эвфемизмы, вербализующие концепты *рождение* и *брак*. Лексемы отобраны методом сплошной выборки на основании словарных статей Bosworth Toller Dictionary¹ и тематических категорий Thesaurus of Old English². Bosworth-Toller является самым большим словарем понятий древнеанглийского языка, созданным на основе собрания рукописей Дж. Босворта (первое издание 1898 г.) и приложения к нему (первое издание 1921 г.), под редакцией Джозефа Босворта и Т. Норткота Толлера. Данный словарь неоднократно отмечался рядом исследователей как один из наиболее всеобъемлющих ресурсов для изучения древнеанглийского лексического состава; Bosworth-Toller Dictionary предоставляет перевод дефиниций на латыни к большинству слов и выражений [Kubánek 2024], что существенно способствует исследованию лексического

состава древнеанглийского языка. Thesaurus of Old English представляет собой концептуально организованный словарь англосаксонских понятий. Общая структура классификации иерархична и идет от самых общих терминов к самым частным. Такая организация позволяет нам обращаться к материалам тезауруса по предмету, а не через алфавитный указатель, как это происходит во многих других аналогичных ресурсах. Специфика материалов исследования обуславливает семантический аспект данной работы: традиционные монолингвальные словари семасиологичны исходя из самой их цели – толкование значений. В то же время более специализированные ономастиологические словари (например, тезаурусы) отталкиваются от заданного концепта или значения и предлагают набор лексических вариантов выражения этого понятия [Hartmann 2005]. Немаловажен и тот факт, что семантический анализ охватывает не только буквальное значение, представленные в словарях, но также контекстуальные значения, обусловленные социальными, культурными и психологическими факторами [Sianturi 2025: 198].

Для проведения исследования нами применяются следующие методы: лексикографический, концептуальный, семантический анализ (семасиологический и ономастиологический аспекты изучения эвфемизмов), классификация и систематизация лексем-эвфемизмов. Лексикографический анализ заключается в выявлении особенностей функционирования современных источников вокабуляра древнеанглийского языка (организация материала, интерпретация лексем и т.п.). Концептуальный анализ исследования связан с изучением структуры и содержания исследуемых концептов посредством выявления значений языковых единиц (словарное значение и контекстные употребления). Метод семантического анализа реализуется через экспликацию семантической структуры концептов, уточнение их денотативных, сигнификативных и коннотативных значений (в том числе анализ данных словарных статей и контекстных употреблений). Путем обобщения и систематизации полученных данных в исследуемой выборке нами проводится классификация лексем-эвфемизмов в соответствии с их семасиологическими и ономастиологическими характеристиками.

¹ Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary online. URL: <https://bosworthtoller.com/> (accessed 10 Aug 2025).

² Thesaurus of Old English. URL: <https://oldenglishtesaurus.arts.gla.ac.uk/> (accessed 10 Aug 2025).

Результаты

Брачные отношения и деторождение были неразрывно связаны друг с другом на протяжении значительной части человеческой истории. Как семантические категории, насыщенные лексикой с символическим и ритуальным значением, они обуславливаются табуизацией в коммуникативных ситуациях различных народов. Хотя изучение реалий брака, секса и рождения в англосаксонской культуре также привлекало внимание ученых [Cardwell 2022; Jones, Olsan 2015], на сегодняшний день данные о связи табуированности данных сфер и их эвфемизацией относительно фрагментарны. Рождение и брак в имеющихся исследованиях освещаются в большей степени с исторической и культурологической точек зрения, нежели с собственно языковедческой.

Рождение как явление онтологическое стоит на пересечении множества актуальных философских вопросов. В статье "How Childbirth Became Philosophy's Last Taboo" в качестве подзаголовка ставится вопрос *Why don't humanities speak about birth?* автор указывает на явный перевес научных работ в сторону изучения смерти, а не рождения, отмечается, что каноничные западные философы исторически уделяли внимание универсалиям человеческого опыта, включая универсальный опыт смерти, однако гораздо меньше внимания они уделяли рождению [Hennessey 2017]. В определенной степени такой феномен можно объяснить тем, что роды – это сугубо женский опыт, опыт, который исторически не было принято воспринимать как универсальный [Kärkla 2023: 180–181]; «табуирование темы родов – это культурное выражение жизни женщины»³ [Huff 1991: 108]. Помимо этого, не последнюю роль в культурном восприятии родов играет локус контроля: рождение ребенка – это то, что происходит с женщиной, а не то, что она активно «совершает». Если мужчина может, будучи активным субъектом, «погибнуть за короля, веру или честь», оставив за собой след, то женщина, производящая на свет ребенка, является лишь «участницей естественного, природного события» в противовес более возвышенному, «человеческому» явлению смерти [Held 1989: 364].

Для истории английского языка концепт *беременность* имел два принципа языковой экспликации: 1) яркая метафорическая концептуализация;

2) тенденция к сокрытию сути вещей [Markus 2005: 18]. Отмечается, что в лингвокультуре средневековой Англии превалировала «отсылка на сам концепт», т.е. использование прямых номинаций, в то время как для современного английского характерны «обходные» способы номинации [Ibid.: 20]. Беременность концептуализировалась при помощи когнитивных метафор, в которых женщины сопоставлялись с животными или неживыми объектами; в которых беременность рассматривалась просто как физиологический факт, как что-то, что следует скрыть, либо же как естественная тривиальность; явление беременности понималось также через визуальный признак «расширения» женщины [Ibid.: 9]. Матери в древнеанглийской литературе описываются в послеродовой период либо как матери уже взрослых детей; они идентифицируются по отношению к своим сыновьям или мужьям, а во многих случаях вообще не идентифицируются вовсе. Вместе с тем Рождение Христа и материнство Девы Марии становилось центральными для христианской веры, доктрины и религиозной практики. Изображения зачатия и рождения Христа украшали бесчисленные молитвенники и псалтыри как вспомогательные средства для медитации и молитвы [Jones, Olsan 2015: 406–407].

Брак для англосаксонской культуры позднего периода обуславливался типом родства, в котором семья из расширенной билатеральной системы (учитывающей родство как по отцовской, так и по материнской линии) постепенно трансформировалась в агнатическое и патрилинейное родство (в котором приоритетным считалось родство по мужской линии). *Be wifmannes beweddunge* («О помолвке женщины»), датируемый примерно началом XI в., отражает воззрения автора на саму суть брака: это во многом идеализированное изображение того, как два требования – закон Божий и мирские обычаи – удовлетворяются через вступление в супружество. Брак «перестает быть преимущественно домашним соглашением и постепенно становится частью религиозной жизни христианского мира» [Brooke 1991: 21]. При сравнении *Be wifmannes beweddunge* с другими англосаксонскими текстами отмечается постепенный, хотя и не всегда последовательный, процесс христианизации в англосаксонских обычаях помолвки и свадьбы [Cardwell 2022].

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Как светская, так и церковная власть стремилась контролировать сексуальные отношения внутри брака. Близость во время религиозных праздников была под запретом – такое ограничение мотивировалось тем, что супруги должны были посвящать себя молитве в отведенный период времени. Ряд запретов накладывался на сексуальную близость с женщиной во время менструации, беременности, в период после рождения ребенка [Meyer 1990: 58]. Одним из способов регулирования и нормализации сексуальных отношений внутри семьи являлась покаянная литература (*penitential literature*) [Monk 2011: 8], в которой предельно подробно формулировались предписания и запреты для обоих супругов, виды наказаний в случае совершения преступления. Очевидно также, что половой акт служил фундаментальной характеристикой, религиозно-культурным обозначением брака. Когда мы читаем о сексе в англосаксонских покаяниях, становится ясно, что с церковной точки зрения половое сношение между мужчиной и женщиной никогда не воспринимается просто как инстинктивный акт, поскольку оно всегда интерпретируется и оценивается в соответствии с контекстом, в котором оно совершается [Ibid.: 39]. Отмечается, что для покаянной литературы англосаксонского периода особенно важна общественная значимость брака. При этом церемониальный союз считался периодом намеренного сексуального воздержания [Ibid.: 18]. Мы обнаруживаем эвфемистические лексемы *clænnysa healdan* (держат чистоту) и *gesinscipe healdan* (воздерживаться в чистоте) в *The Old English Penitential*. В этом же источнике примечательно выражение *nydinga nymð to unrihtthæmede* (насилно соединить в незаконном союзе) [Ibid.: 23] – фиксируется понимание сексуального насилия как неприемлемого в обществе акта жестокости.

Понятия муж и жена в древнеанглийском языке передаются не только через индивидуальные обозначения (*wif* и *hus-bonda*), но имеют общий термин *getæssa* [Хвостенко 2022: 421], который может означать *супруг, компаньон, товарищ*: прилагательное *ge-tæc* при этом обозначало *схожесть, равенство партнеров в браке*: *Hí wif habbaþ him getæc* (Bt. 11, 1; Fox 32, 4) – Они хорошо подходят друг другу; *Be Euan his getæccan* (Gen. 4, 1:28, 1: Homl. Th. ii. 498, 26.) – От Евы, жены его. Брак в Англии раннего Средневековья «сексуализировался как в языковом, так и в культурном плане» [Monk 2011: 7]. В англосаксонской культуре желание

чаще всего представляется как героическое или святое и редко как сексуальное: как стремление к Богу и смерти [Lees 1997: 22]. Англосаксонское искусство не берет в качестве своей темы человеческое тело, не говоря уже о сексуальности. Так, за исключением медицинских текстов, светская древнеанглийская литература очень редко включает в себя физические описания женщин. Зачастую описательный компонент в данном случае сводится к ряду эпитетов, например: *украшенная кольцом, украшенная, яркая, прекрасная*. То есть используются прилагательные, указывающие на яркость, а не на типичные физические качества тела [Strable-Sovers 2014]. За исключением предполагаемых сексуальных подтекстов некоторых загадок в *The Exeter Book*, ассоциация женщин с сексом в значительной степени отсутствует. Сексуальность постоянно вытесняется, иногда в духовный эротизм: «ее признают и отрицают, желают и боятся, раскрывают и скрывают» [Monk 2011: 32]. Отношение к удовольствию в светской сфере, которое лучше всего описать как сдержанное в соответствии как с христианскими, так и с героическими верованиями, способствует его перемещению в духовную сферу [Ibid.: 19].

Наиболее детально изучена проблематика эвфемии интимных отношений англосаксонского периода в исследовании Дж. Коулмана. Установлены две основные группы эвфемизмов: 1) секс эвфемизируется через концепт *sleep* (более детальная классификация определяет эвфемизмы в тематические категории *sleep, beds* и *lying down*); 2) секс эвфемизируется через концепт *companionship* (о лексических номинациях данного концепта речь пойдет далее в работе). Выделяются также эвфемизмы, описывающие денотат через *любовь, физическую близость*, научные термины, а также так называемые *blanket euphemisms*, характерные для религиозных текстов [Coleman 1992: 95–97].

И опыт интимной близости, и опыт рождения ребенка по большей части оставался вытесненным из открытого обсуждения в древнеанглийском периоде. Вытеснение это обусловлено, во-первых, религиозным влиянием христианской церкви, строго регламентировавшим поведение представителя англосаксонской народности. Во-вторых, мы учитываем культурное превалирование мужского взгляда на беременность и роды в исследуемом периоде, что не могло не наложить отпечаток на языковую экспликацию данных явлений.

Н. И. Курганова предлагает анализировать лингвокультурные концепты в соответствии с такими параметрами, как: 1) стереотипное ядро концепта (включает в себя ряд ядерных элементов); 2) когнитивная структура концепта (характеризуется когнитивными слоями); 3) смысловые структуры концептов, которые выражаются культурно-специфическими признаками [Курганова 2024: 67–69]. В рамках нашего исследования остановимся на первых двух параметрах концепта: ядерные элементы и когнитивные слои. Концепты *рождение* и *брак* можно рассматривать как яркие примеры категориальных концептов, т. е. которые лежат в основе группировки других концептов и организуют структуру ментальной категории [Борисенко 2020: 40].

Иную классификацию концептов предлагает В. И. Карасик [Карасик 2005: 96–98]: в лингвокультурологическом аспекте и рождение, и брак представляют собой примеры так называемых неспециализированных концептов, т. е. таких, которые требуют поиска скрытых культурно значимых ассоциаций. В спектре лингвокультурной специфики неспециализированные концепты находятся между универсальными (лишенными культурной специфики) и специализированными (содержащими отчетливые и неповторимые этнические и социокультурные особенности). С точки зрения содержательной классификации концепты *рождение* и *брак* имеют несколько отличную друг от друга специфику. Если и рождение, и брак мы можем охарактеризовать как непараметрические концепты, то «рождение при этом будет считаться нерегулятивным, в то время как брак – регулятивным концептом (т. е. таким, который включает в себя оценочный кодекс лингвокультуры). Если концепт является собственно переживаемой ценностью, то метаконцепт представляет собой означиваемую ценность культуры [Проскурин, Проскурина 2024: 37]. Концепт *рождение* занимает место в концептуальном ядре как ценность для субъекта культуры, а *брак*, таким образом, находится в позиции наблюдаемого явления (в оппозиции к концепту *любовь*).

Поиск связи слова с его корректным значением в случае архаичных языков представляет основную сложность [Perrone al. 2021: 287]. Ряд слов и словосочетаний может представлять собой пример «стертых» эвфемизмов – таких лексических единиц, которые сохраняют функцию непрямого именования лишь формально, являются узуальными

заменами. Отметим немаловажный лексикографический фактор, связанный непосредственно с древнеанглийским вокабуляром. Определение эвфемизмов сексуальной близости может представлять трудности, связанные, довольно иронично, с их же эвфемистическими дефинициями, представленными в толковых словарях. Перед исследователем возникает проблема, когда сложно установить эвфемистический компонент слова или выражения, если таковое не указано в словарной статье [Coleman 1992: 93, 94].

Для обозначения границ эвфемии в семантическом поле концепта обратимся к теоретическим основам прямой и косвенной номинации. Косвенные номинации характеризуются употреблением слов и их компонентов в метафорическом или метонимическом значении. При этом происходит десемантизация, сама же семантика слова не может быть эксплицитно идентифицирована без изучения контекста [Рябко 2018: 264]. Возникновение вторичных номинаций, наряду с прочими факторами, обусловлено так называемым «семантическим изнашиванием» определенных лексических единиц [Пересыпкин 2012: 48], к которым можно отнести эвфемизмы. В рамках нашего исследования мы будем опираться на такие интралингвистические признаки определения эвфемизма, как: 1) стигматичность антецедента; 2) нейтральная или положительная коннотация имени эвфемизма; 3) семантическая редукция; 4) вторичность номинации [Солодилова, Соколова 2017: 77]. То есть, например *birthu* (рождение) и *hæmed* (сексуальная близость), являясь примерами прямой номинации концепта, не будут включены в список эвфемистических замен, в том числе будучи составными лексемами для других слов и выражений (например, *ge-beorþor*, *hæmedlāces plegian*). Данный подход видится нами наиболее эффективным в рамках нашего исследования, поскольку он позволяет выявить формирование новых концептуальных характеристик как результата обновленной референции [Там же: 73].

Исходя из представленных выше теоретических положений, обратимся к особенностям ядерных элементов (представлены лексемами в тезаурусе) и когнитивной структуры (формулируется на основании контекстных употреблений лексем, представленных в словаре Bosworth-Toller) концептов *рождение* и *брак*. Отметим, что не все лексемы интересующих нас областей могут быть представлены

одновременно в обоих источниках. Например, эвфемизмы *neahwest* (близость), *wif-cyð* (визит к женщине) присутствует только в словаре Bosworth-Toller и не упоминаются в тематических категориях тезауруса.

Области вторичной номинации концепта *рождение*

Они представлены в тезаурусе категориями:

02.01.03 *Fruitfulness, fertility*

02.01.03.01 *Fertility, plenty*

02.01.03.03.03 *Birth*

02.01.03.03.04 *Offspring, race, breed, family, children*

02.01.03.03.05 *Rebirth / regeneration*

02.01.03.03.06 *Sex, kind*

Ядерные элементы концепта: *eácnung, cennan, tīeman* (зачатие / рождение); *gān mid* (быть беременной); *bearn-eácnung* (беременность); *gængang / bearn-eácen / gehefegod* (беременная); *beran, birhtu, ge-beorþor, forþcyme, frum-ácennes, ácen(ned)nes, ácenningo, (ge)beorþor, gebyrd, cennes, cennung, forþcyme, frumácennesgo, frumbyrd, frumsceaft, ūpspring* (рождение); *barn / cild* (ребенок); *cnihtgebeorþoro, hysebeorþor, hyseberþlingg, hysebyrding* (вынашивание / рождение мальчика), *bearntēam, cynren, offspring* (потомство).

Когнитивная структура концепта представлена следующими слоями: рост и развитие плода в утробе; этапы вынашивания плода; вынашивание / рождение мальчика; осложнения в родах; время рождения; естественное / искусственное окончание беременности.

На основании изученных материалов тезауруса и контекстных употреблений, представленных в толковом словаре Bosworth-Toller, нами было выделено 37 эвфемизмов рождения и брака. Отобранные лексемы были определены в группы в соответствии с их тематическими категориями и принципами образования. Учтем условность такой классификации лексем в нашей выборке, поскольку некоторые примеры могут принадлежать одновременно к нескольким сферам.

Концепт *рождение* представлен 6 эвфемизмами (табл. 1)

Лексема *eacnian* имеет ряд словарных дефиниций: 1) расти, расширяться: *Ellen eácnade* (Exon. 94 b; Th. 353, 51; Reim. 31: Ps. Spl. 7,15) – **Возросла** сила духа; 2) зачать ребенка: *Đá Maria eácnigende wæs* (Hml. Th. i. 42, 2) – Что Мария **понесла**; 3) быть беременной:

Табл. 1. Семантические принципы образования эвфемизмов рождения в древнеанглийском периоде
Tab. 1. Semantic principles of birth euphemization in the Old English period

Тематические категории эвфемизмов	Метафора	Метонимия	Эллипсис
Бремя	–	gehefegod, eacnian	–
Союз	–	–	gān mid
Движение	forþbringan, forþcyme	–	–
Изобилие	tīeman	–	–
Итого	3	2	1

Eácninde wif (Ex. 21, 22.) – **Беременная** жена; 4) производить на свет, рожать: *Eacnað* (Kent. Gl. 341) – Она **родила**. Данная лексема и ее производные наиболее распространены в словарных статьях Bosworth-Toller. Лексема *gehefegod* является производной от *hefe* (бремя, тяжесть): *Đé-læs eower heortan gehefegode sýn on oferfylle* (Lk. Bos. 21, 34) – Чтобы ваши сердца не **отягощались** бедствием. В свою очередь, состояние беременности концептуализируется через тяжесть: *Ungehefegude* (An. Ox. 27. 31) – **Не беременна**. Мы определяем данные случаи замены как **метонимический перенос**: целое (состояние беременности) интерпретируется через частный визуальный признак (расширение) или же соматический (тяжесть).

Выражение *gān mid*, представленное в тезаурусе, на данный момент не имеет отдельной словарной статьи в Bosworth-Toller Dictionary. Тем не менее, проанализировав составные лексемы, мы можем интерпретировать фразу буквально как *идти с / в компании* (в более позднем периоде английского языка распространен вариант *be with child*), что является случаем семантического умолчания.

Составные лексемы *forþbringan, forþcyme* характеризуются пространственной семантикой движения вперед и представляют собой ориентационный тип **когнитивной метафоры** (по Дж. Лакоффу). Выражение *forþbringan* имеет два значения: 1) приносить, порождать, производить: *Se Metod eallra gesceafta ealle forþbrenþ* (Bt. 39, 13; Fox 234, 19.) – Творец всего сущего **создал** их всех; 2) выполнять, исполнять: *Gif he ðone áþ forþbringan ne mæg* (L. Ath. iv. 6; Th. i. 224, 17) – Если не может он **исполнить** клятву.

Лексема *tīetan* переводится как *изобилловать, кишеть*. Примечательно, что в словарной статье приводятся сразу несколько значений в зависимости от пола человека: 1) о женщине (быть беременной): *Wá ḡám wífum, ḡe ḡonne tǔmaḡ and heora cild fédaḡ* (Mt. 24, 19, Wulfst. 81, 6) – Горе же **беременным** и питающим грудью в те дни; 2) о мужчине (зачать ребенка): *Godes bearn tǔmdon wiḡ manna dohtra and hig cendon* (Gen. 6, 4) – Сыны Божии стали **входить к дочерям** человеческим, и они стали рождать им; 3) без конкретной привязки к полу (иметь потомство): *Tǔmaḡ and tiédraḡ* (91, 14; Gen. 1512.) – **Плодитесь** и размножайтесь. Продолжение рода в данном случае осмысливается через сферу-источник *изобилие*.

Представленные в выборке эвфемистические замены являются результатом концептуализации посредством когнитивной метонимии или когнитивной метафоры. Единственный случай эллипсиса (намеренного умолчания) представлен лексемой *gān mid* (идти с), что, однако, не находит достоверных контекстуальных употреблений в толковом словаре и требует более тщательного лексикографического изучения. Как и для слов с прямой номинацией, входящих в концепт *рождение*, для эвфемистических единиц характерна полисемичность: и зачатие, и беременность, и сам процесс рождения могут обозначаться одной и той же лексемой (*eacnian, tīetan*).

Области вторичной номинации концепта брак

Представлены в тезаурусе категориями:

- 02.01.03 *Fruitfulness, fertility*
 - 02.01.03.03 *Sex, generation*
 - 02.01.03.03.01 *To beget*
 - 02.01.03.03.02 *To bring forth, produce*
 - 02.01.03.03.03 *Birth*
 - 02.01.03.03.04 *Offspring, race, breed, family, children*
 - 02.01.03.03.05 *Rebirth/regeneration*
 - 02.01.03.03.06 *Sex, kind*
- 12.08.08 *Carnal nature, sensual appetites*
 - 12.08.08.01 *Eager, unseemly desire*
 - 12.08.08.01.01 *Rape*
 - 12.08.08.01.02 *Unchastity, incontinence*
- 12.09 *Marriage, State of Marriage*
 - 12.09.01 *Pledging, betrothal*
 - 12.09.02 *Marriage ceremony*
 - 12.09.03 *Unmarried state*
 - 12.09.04 *Divorce*
 - 12.09.05 *State of woman whose husband has died*
 - 12.09.06 *Cohabitation*

Ядерные элементы концепта:

02.01.03 Fruitfulness, fertility: *slāpan* (спать); *geṇēalāscan* (дословно – приблизиться, иметь близость), *hrepung* (касаться), *grētan* (касаться, сближаться), *ágan, brūcan* (владеть), *ongietan, cunnan* (знать).

12.09 Marriage, State of Marriage: *gesamnian, gegaderung* (соединение), *hāmed, legertēam* (сексуальная близость), *gebedda, healsgebedda* (супруг), *gemæscan* (супружеская пара), *gebedscipe, gemæscscipe, nēahwest, samwist, beddgemana, gebedscipe* (сожительство), *gemana, wifgemana, gethofraeden, gemaecnes* (компания, общество).

12.08.08 Carnal nature, sensual appetites: *hāmedlāces plegian* (распутность), *(ge)wilnung, lustgeornnes* (сексуальное влечение), *unrihtlust* (незаконное влечение), *niedhāmed / nǔdnimung / oferniman / seorpan* (сексуальное насилие), *forlegen* (обесчещенная / взятая силой), *geniedan tō niedhāmede* (принужденная к близости), *forlicgan* (возлежать).

Лексемы из словаря Bosworth-Toller: *wif-cyḡ* (дословно – знание женщины, также – визит к женщине); *wif-gehrine* (контакт с женщиной); *on-tendness* (горение, жар); *for-licgan* (прелюбодействовать).

Когнитивная структура концепта представлена следующими слоями: законность / незаконность отношений, чистота невесты, участники прелюбодеяния.

Концепт *брак* представлен в количестве 31 эвфемизма (табл. 2).

Концептуализация брачных отношений как вида союза является наиболее распространенным способом образования эвфемизмов в исследуемой выборке – всего 11 случаев употребления. Рассмотрим некоторые контекстуальные употребления: *Gegaderung lichoman* (Bd. 1, 27; S. 495, 30) – **Союз** плоти; *Purh gemæscscipe* (Exon. 10 b; Th. 13, 7; Cri. 199) – Через **сожительство**; *Líchamlicere gebeóðnesse* (An. Ох. 1604) – плотская **связь**. Отметим в этой же группе лексем глагол *tīman*, уже встречавшийся в семантическом поле концепта *рождение*. В данном случае эвфемизм описывает не зачатие и продолжение рода, а саму интимную близость: *Godes bearn tǔmdon wiḡ manna dohtra and hig cendon* (Gen. 6, 4) – Сыны Божии стали **входить к дочерям человеческим** (вступать в брак), и они стали рождать им. При этом концепт *союз*: 1) может выступать как часть целого концепта *брак* (т.е. супружество подразумевает союз двух людей); 2) как целое

Табл. 2. Семантические принципы образования эвфемизмов брака в древнеанглийском периоде
Tab. 2. Semantic principles of marriage euphemization in the Old English period

Тематические категории эвфемизмов	Метафора	Метонимия
Союз	–	wifgemana, gegaderung, gemaecnes, gemaescipe, gemana, gethofraeden, gethoftsciep, sam-wist, geþeodnes, gebedscipe, beddgemana
Ложь	–	beddgemana, gebedscipe, legertēam, for-licgan, forlegen, slæpan
Близость	–	neahwest, grētan, hrepung, wif-gehrine, wif-lác, genēalæcan
Владение	ágan, brūcan	nȳdnimung, oferniman, seorþan
Знание	cunнан, ongietaп, wif-cyþ	–
Изобилие	tíman	–
Огонь	on-tendness	–
Итого	7	24

по отношению к концепту *брак* (т.е. брак в данном случае выступает видовым понятием союза). Данные примеры можно охарактеризовать как **метонимию по принципу родо-видовых отношений**.

Рассмотрим некоторые примеры, связывающие близость через ложь: *Done ymbhogan hé ne forlét ðæs flæsclican beddgemānan* (Past. 99, 25) – Он не покидает ложа своего ради **плотских утех**; *Matheus him sægde ðæt hé wære swá synnig wið God gif hé ða gehálgodan fámnan tó legerteáme onfenge swá se þeow wære se ðe fenge on kyninges quēne tó unryhtum hámtde* (Shrn. 132, 4) – Матфей сказал ему, что он будет так же виновен пред Богом, если примет в жены освященную деву, как и раб, который взял царицу, чтобы **совершить с ней прелюбодеяние**; *Thamar ys forlege* (Gen. 38, 24) – Фамарь совершила **блуд**. Физический объект *кровать* является неотъемлемой материальной меткой брачных отношений – **локальный тип метонимического переноса**. Глагол действия *лежать*, в свою очередь, выступает частью целого процесса близости между мужчиной и женщиной – **перенос одной ситуации на другую, или металеписис**. Другой пример металеписиса, где интимная близость переносится на физическое прикосновение: *He ne grētte hí* (Mt. Bos. 1, 25) – Он ее не **касался**.

Глаголы *cunнан* и *ongietan* принадлежат сфере-источнику **знание**: *Ic nānigne wer ne ongeat* (Blickl. Homl. 7, 22) – Я **не знала** ни одного мужчину. Глаголы *ágan* и *brūcan*, в свою очередь, указывают на **владение**. Лексема *brūcan* обладает первоначальным значением *владеть тем, чем можно*

наслаждаться: *Hé brécd* (Kent. Gl. 16) – Будут **наслаждаться** (изобилием). Глагол *ágan* употребляется в схожем контексте *владения*: *Ðæt hie heofonríce ágan* (22; Th. 27, 33; Gen. 427) – Что будут они **владеть** Царством Небесным. Bosworth-Toller не раскрывает дополнительные коннотации данных лексем. Тем не менее, исходя из характера концептуализации, мы можем отнести данные примеры к **метафорическим эвфемизмам**, образованным посредством когнитивных метафор: *секс – это владение, секс – это знание*. Другие примеры когнитивной метафоры наблюдаются в образовании эвфемизмов через сферу-источник **огонь**. Лексема *on-tendness*: *Ðære forligerlícere ontendnysse* (Hpt. Gl. 505, 68) – **Огонь** прелюбодеяния.

Обсуждение

Группа эвфемизмов брака и брачных отношений обладает существенно большим количеством лексем, чем группа эвфемизмов рождения – 31 пример замен и 6 соответственно. Мы можем с определенной степенью уверенности сделать вывод, что неравномерность во вторичной номинации денотатов концептов обуславливается культурными особенностями исследуемого периода:

- социальной значимостью брака как регулятивного института, требующего языковых стратегий смягчения;
- табуированностью прямой номинации интимной близости в христианской традиции;
- ограниченностью женского дискурса о беременности в патриархальной культуре.

Христианизация усилила табуизацию телесности, что выразилось в подмене прямых обозначений абстрактными (*gesamnian* – соединяться) и в этической маркированности лексики (*nūdnimung*, *oferniman*, *seorþan*). Эвфемизмы, связанные с мужчинами, акцентируют власть и действие, тогда как женские – пассивное состояние или моральную оценку. Это коррелирует с патриархальной моделью англосаксонского общества, где мужчина – субъект брачного договора, а женщина – его объект. Исходя из этого мы наблюдаем условное разделение эвфемизмов, связанных с мужчинами и женщинами.

Мужские эвфемизмы обозначают активную роль, контроль, социальный статус: сексуальная близость через владение / действие:

- *ágan* (владеть), *brūcan* (пользоваться) – акцент на мужской доминанте;
- *genēalāscan* (приближаться) – инициатива приписывается мужчине;
- *wíf-cyþ* (визит к женщине) – мужчина как активный субъект.

Брачные отношения:

- *legertēam* (букв. ложе + потомство) – акцент на репродуктивной функции мужчины.

Насилие:

- *nūdnimung* (взятие силой), *ofer-niman* (овладеть) – лексемы с семантикой агрессии, где мужчина – субъект действия.

В то же время **женские** эвфемизмы отражают пассивность, физическое состояние или объективацию.

Беременность и роды:

- *gehefegod* (отягощенная) – акцент на телесной ноше;
- *gān mid* (идти с...) – эллипсис, где женщина – носитель состояния;
- *tīetan* (о женщине – быть беременной, о мужчине – зачать) – асимметрия в словоупотреблении.

Сексуальность как ритуал / объект:

- *forlegen* (обесчещенная) – маркировка женщины через испорченность;
- *wíf-lác* (действие с женщиной) – женщина как объект.

В семасиологической дихотомии *оценочность / дескриптивность* [Лунина 2025: 39–40] для обоих исследуемых концептов свойственны дескриптивные эвфемизмы (т.е. такой способ эвфемизации действительности, при котором отсутствует четкая оценка говорящим). **Дескриптивные эвфемизмы** брака указывают на фактическое *соединение* двух

людей без какой-либо эмотивной окраски, метонимически описывают явление при помощи денотативной лексемы *ложе* либо глаголом, указывающим на *лежание*. Некоторыми примерами **оценочных эвфемизмов** выступают такие лексемы, как *tīetan* (присутствует позитивная коннотация изобилия), *on-tendness* (негативная коннотация огня по отношению к телесной страсти). Кроме того, отметим группу эвфемизмов, обозначающих сексуальное насилие: *nūdnimung* (выражение оценки через составную лексему *nūd* – вынужденное), *oferniman*, *seorþan* (концептуализация явления через семантику захвата, жестокости). Также мы наблюдаем ряд семантических наложений в исследуемых концептах. На уровне **лексической полисемии** одни и те же эвфемизмы в зависимости от контекста могут обозначать близость, зачатие, беременность и сам процесс рождения (*eacnian*, *tīetan*), т.е. находятся на пересечении двух исследуемых концептов.

Эвфемизмы обоих концептов образуются посредством **метонимий** (25 лексем) и **когнитивных метафор** (9 лексем). Метонимия доминирует (24 из 31 случая для *брака*, 2 из 6 для *рождения*), что отражает тенденцию к косвенной номинации через:

- локусы (*beddgemana* – совместное ложе);
- действия (*grētan* – касаться, *genēalāscan* – приближаться).

В примерах метонимического переноса мы наблюдаем следующие способы: 1) металепсис, 2) метонимия родо-видовых отношений; 3) метонимия по локальному признаку. Когнитивные метафоры, анализируемые в выборке, можно определить в группы 1) ориентационные (*рождение – это движение вперед*); 2) онтологические (*рождение – это изобилие*; *секс – это знание*; *секс – это владение*; *секс – это огонь*). Примечательно, что телесный опыт, явлениям которого посвящена данная работа, «является основой ориентационных и онтологических метафор» [Федосеева 2017: 308]. Отметим и такую ономасиологическую особенность: в выборке наиболее распространены именно метонимические замены, а не метафора, хотя метафорический перенос неоднократно отмечался как самый продуктивный в образовании эвфемизмов [Алексикова 2009; Линская, Трифонова 2002; Москвин 2002; Уварова 2010]. Единственным примером эллипсиса является лексема *gān mid*, вербализующая концепт беременности через эллипсис. В остальных случаях семантическое умолчание не характерно для данных групп эвфемизмов древнеанглийского периода.

Вместе с тем были выделены некоторые проблемы, связанные с лексикографическими источниками древнеанглийского языка. Thesaurus of Old English игнорирует часть эвфемизмов (*wif-cyð, on-tendness*), что требует дополнения тематических категорий. В свою очередь, Bosworth-Toller Dictionary не всегда предоставляет контексты (*gān mid, brūcan*), затрудняя анализ употреблений. Данный факт обуславливает дальнейшую необходимость совершенствования цифровых инструментов для работы с архаичными языками.

Заключение

Изучение эвфемизации древнеанглийской письменности способствует более глубокому пониманию проблемы развития лексики, одной из основных проблем исторической лексикологии и этимологии. В данном исследовании мы предприняли попытку раскрыть и проанализировать особенности вторичной номинации в различных жанрах письменных памятников англосаксонской культуры.

Эвфемизмам древнеанглийского языка свойственна количественная асимметрия: эвфемизмы брака (31 лексема) преобладают над эвфемизмами рождения (6 лексем). Это обусловлено социальной значимостью брака, христианской табуизацией интимной сферы и ограниченностью женского дискурса о беременности. Эвфемизмам англосаксонского периода также свойственна гендерная асимметрия. В способах образования преобладает

метонимия (82 %), реже ориентационные и онтологические метафоры. Эвфемистическая система отражает патриархальную структуру англосаксонского общества, где мужские роли маркировались как активные, а женские – как пассивные. Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения исторической семантики.

Результаты работы имеют потенциал в обогащении теоретических основ исторической семиотики, в расширении семантической картины древнеанглийской письменности. Полученные данные могут способствовать в синхронических и диахронических исследованиях англосаксонской лингвокультуры, а также в работах, посвященных составлению тематических словарей. Кроме того, исследование может быть использовано в создании, разработке и улучшении электронных ресурсов для изучения древнеанглийского языка. Исследование эвфемистических единиц позволяет детальнее изучать семантическое описание концептуальной лексики языка, тем самым расширить эмпирическую базу современной лингвистики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексикова Ю. В. Концептуальная метафора как способ формирования эвфемизмов в современном английском языке. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 3. С. 148–154. [Aleksikova Yu. V. Conceptual metaphor as a way of euphemism formation in modern English. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2009, (3): 148–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzjcbr>
- Борисенко Т. В. Концепт ЖЕНА / WIFE в языковом сознании носителей русского и английского языков. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 39–46. [Borisenko T. V. The concept of WIFE in Russian and English linguistic consciousness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, (6): 39–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V061>
- Быкова О. И. Вторичная концептуализация и категоризация посредством эвфемии. *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 26. С. 201–203. [Bykova O. I. Secondary conceptualisation and categorisation by means of euphemisms. *Cognitive Studies of Language*, 2016, (26): 201–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wthlhn>
- Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой. *Вопросы лексикографии*. 2021. № 21. С. 5–32. [Golev N. D. Lexicographizing as a method of describing vocabulary: Revisiting the theoretical legacy of Olga Blinova. *Voprosy Leksikografii*, 2021, (21): 5–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/21/1>

- Григорьева Ю. С. Эволюция концептов *cyning* и *dryhten* в рамках древнеанглийского периода (на материале древнеанглийской поэзии). *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. Т. 5. № 1. С. 74–83. [Grigorieva Yu. S. The evolution of the concepts of *cyning* and *dryhten* within the Old English period (based on Old English poetry). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2007, 5(1): 74–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyhzjr>
- Карасик В. И. Концепты-регулятивы. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108. [Karasik V. I. Regulatory concepts. *Language, Consciousness, Communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2005, iss. 30, 95–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubcvaz>
- Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению. *Социолингвистика вчера и сегодня*, отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 130–159. [Karasik V. I. Linguacultural concepts: Approaches to study. *Sociolinguistics yesterday and today*, ed. Troshina N. N. Moscow: INION RAS, 130–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mttzwd>
- Курганова Н. И. Параметры описания этнокультурной специфики концептов в языковом сознании россиян и французов. *Язык – Семиотика – Культура: Междунар. науч. конф. (Минск, 20–21 ноября 2023 г.)* Мн.: МГЛУ, 2024. С. 65–70. [Kurganova N. I. Parameters for describing the ethnocultural specificity of concepts in the linguistic consciousness of Russians and French. *Language – Semiotics – Culture: Proc. Intern. Sci. Conf., Minsk, 20–21 Nov 2023*. Minsk: MSLU, 2024, 65–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gmxhwm>
- Линская Е. А., Трифонова Н. С. Наиболее частотные способы образования эвфемизмов как средства языковой манипуляции в политическом дискурсе языка СМИ. *Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 17–18 ноября 2022 г.)* Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2022. С. 118–125. [Linskaya E. A., Trifonova N. S. The most frequent ways of forming euphemisms as a means of language manipulation in the political discourse of the mass media. *Modern paradigms of linguistic research: Methods and approaches: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 17–18 Nov 2022*. Sterlitamak: Sterlitamak branch of UUST, 2022, 118–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okqyij>
- Лунина С. А. Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 34–48. [Lunina S. A. Euphemization of death conceptual domain in Old English. *SibScript*, 2025, 27(1): 34–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48>
- Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. *Вопросы языкознания*. 2002. № 3. С. 58–70. [Moskvin V. P. Euphemisms: Systemic connections, functions and methods of formation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2002, (3): 58–70. (In Russ.)]
- Пересыпкин А. П. Вторичная номинация: новые перспективы исследования. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 1. № 2. С. 48–54. [Peresypkin A. P. The second nomination: New research perspectives. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 1(2): 48–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjbqfx>
- Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 37–48. [Proskurin S. G., Proskurina A. V. Duality in language and culture: Values and meta-concepts. *SibScript*, 2024, 26(1): 37–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-37-48>
- Рябко О. П. Теоретические принципы прямой и косвенной дериватологической номинации. *Гуманитарные и социальные науки*. 2018. № 6. С. 258–265. [Ryabko O. P. Theoretical principles of direct and indirect derivation nomination. *The Humanities and Social Sciences*, 2018, (6): 258–265. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ystjvr>
- Солодилова И. А., Соколова Т. Ю. Критерии идентификации эвфемизмов. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. № 11. С. 73–78. [Solodilova I. A., Sokolova T. Yu. Euphemism identification criteria. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (11): 73–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylqice>
- Уварова Е. А. Семантический механизм эвфемизации. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. № 2. С. 452–460. [Uvarova E. A. Semantic mechanism of euphemization. *Izvestiya of Tula State University. Humanities*, 2010, (2): 452–460. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndmext>
- Федосеева Д. А. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию (обзор). *Метод*. 2017. № 7. С. 306–314. [Fedoseeva D. A. Cognitive theory of metaphor and an overview of the embodiment approach to cognition (review). *Metod*, 2017, (7): 306–314. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuqlzr>

- Хвостенко А. А. Построение когнитивных моделей терминов свойства "wif" и "hūs-bonda" на материале древнеанглийских текстов. *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 3. С. 419–421. [Khvostenko A. A. Construction of cognitive models of the affinity terms "wif" and "hūs-bonda" on the material of Old English texts. *Cognitive Studies of Language*, 2022, (3): 419–421. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khfbjp>
- Яценко М. В. Проблемы описания семантики и концептосферы древнеанглийской поэзии (на материале наименований моря). *Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23 ноября 2023 г.). М.: МГПУ, 2024. Вып. 2. С. 196–200. [Yatsenko M. V. The issues of description of the semantics and conceptosphere in the Old English poetry (on the words denoting "sea"). *Three L's of modern humanities: Linguistics, literary studies, and linguadidactics*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 23 Nov 2023. Moscow: MSPU, 2024, iss. 2, 196–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymtpde>
- Brooke C. *The Medieval idea of marriage*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 325.
- Cardwell S. Be wifmannes beweddunge: Betrothals and weddings in Anglo-Saxon England. *Anglo-Saxon England*, 2022, 49: 81–106. <https://doi.org/10.1017/S0263675122000126>
- Coleman J. Sexual euphemism in Old English. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1992, 93(1): 93–98.
- Hartmann R. R. K. Lexicography and its interdisciplinary contacts, with special reference to linguistics and onomasiology. *Lexikos*, 2005, (15): 70–89. <https://doi.org/10.5788/15-0-5>
- Held V. Birth and death. *Ethics*, 1989, 99(2): 362–388. <https://elibrary.ru/hhiitf>
- Hennessey A. M. How childbirth became philosophy's last taboo. Why do the arts put death before birth? *IAI.tv*, 10 Aug 2017. URL: <https://iai.tv/articles/why-do-the-arts-put-death-before-birth-auid-867> (accessed 10 Aug 2025).
- Hetherington M. S. Sir Symonds D'Ewes and method in Old English lexicography. *Texas Studies in Literature and Language*, 1975, 17(1): 75–92.
- Huff C. Delivery: The cultural re-presentation of childbirth. *Prose Studies*, 1991, 14(2): 108–121. <https://doi.org/10.1080/01440359108586435>
- Jones P. M., Olsan L. T. Performative rituals for conception and childbirth in England, 900–1500. *Bulletin of the History of Medicine*, 2015, 89(3): 406–433. <https://doi.org/10.1353/bhm.2015.0076>
- Kärkla Z. Bursting volcano, rushing river and heartbeat monitors: Inscribing subjective experiences of childbirth in contemporary fiction. *Subjectivity*, 2023, 31(2): 180–194. <https://doi.org/10.1057/s41286-023-00172-9>
- Kubánek V. *Lexicographic approaches to Old English*. Master's thesis. Univerzita Karlova, 2024.
- Lees C. A. Engendering religious desire: Sex, knowledge, and Christian identity in Anglo-Saxon England. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 1997, 27(1): 17–46.
- Markus M. Terms for pregnancy in the history of English: An onomasiological approach based on the OED. *Neuphilologische Mitteilungen*, 2005, 106(1): 7–21.
- Meyer M. Early Anglo-Saxon penitentials and the position of women. *The Haskins Society Journal*, 1990, (2): 47–61.
- Monk C. Defending 'rihthaemed': The normalizing of marital sexuality in the Anglo-Saxon penitentials. *Selim: Journal of the Spanish Society for Medieval English Language and Literature*, 2011, 18: 7–48.
- Perrone V., Hengchen S., Palma M., Vatri A., Smith J., McGillivray B. Lexical semantic change for Ancient Greek and Latin. *Computational approaches to semantic change*, eds. Tahmasebi N., Borin L., Jatowt A., Xu Y., Hengchen S. Berlin: Language Science Press, 2021, 287–310.
- Romano M., Rodríguez A. L. Old English text types: Evidence from the lexis. *Atlantis*, 1996, 18(1/2): 368–378.
- Sianturi J. S., Damanik B. A. R. Deconstructing duality: A semiotic analysis of denotative and connotative meanings in common English proverbs. *Young Journal of Social Sciences and Humanities*, 2025, 1(2): 195–207. <https://doi.org/10.66867/yjssh.v1i2.154>
- Strable-Sovers R. Celestial or human childbirth?: Medical and scientific terminology in Anglo-Saxon Marian Texts. *Paper presented at The 26th Annual Indiana University Medieval Studies Symposium*, Indiana University, 7–8 Mar 2014. https://www.academia.edu/6362477/Celestial_or_Human_Childbirth_Medical_and_Scientific_Terminology_in_Anglo_Saxon_Marian_Texts (accessed 10 Aug 2025).

оригинальная статья

eLibrary EDN: OAPKMG

Экспериментальные методы декодирования интенций номинатора (на материале названий адвокатских организаций Сибирского федерального округа)

Кондратьева Ольга Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4483-6931

<https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Scopus Author ID: 57192920663

Olnik25@mail.ru

Игнатова Юлия Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2100-9000

<https://orcid.org/0000-0002-3771-1346>

Scopus Author ID: 58651041500

Аннотация: Создание названий организаций, осуществляющих деятельность в правовой сфере, и оценка их эффективности относятся к наиболее актуальным задачам современного нейминга. Одним из важных критериев эффективности названия является наличие устойчивых корреляций между интенциями номинатора и глубиной их считывания потенциальными клиентами. Цель – рассмотреть процесс декодирования интенций номинатора реципиентами и выявить потенциальные риски, препятствующие корректному считыванию названных интенций и влияющие на коммуникативную и, как следствие, маркетинговую эффективность номинаций. Для достижения заявленной цели использована методика, включающая три этапа: 1) выявление интенций номинатора, эксплицитно и имплицитно представленных на сайте организации; 2) свободный ассоциативный эксперимент, определение ассоциативных доминант, их соотнесение с установками номинатора; 3) выявление стратегий декодирования, оценка их эффективности для верного восприятия замысла автора названия. Для верификации методики проведен эксперимент, в качестве стимульного материала использовались названия двух адвокатских бюро («ПРИМ групп» и «Глаукс»), респондентами выступили 100 студентов филологических направлений Кемеровского государственного университета. Результаты эксперимента показали, что названия ассоциативно-образного типа, являющиеся по происхождению иностранными словами, трудны для восприятия и не позволяют в полном объеме декодировать интенции номинатора. Языковые маркеры подобных затруднений обнаруживаются на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, а также в пунктуации. Для декодирования интенций номинатора респонденты используют четыре стратегии – лингвистическую, культурологическую, паронимическую и симпрактическую, но только первые две из них позволяют более точно эксплицитировать заложенные авторами наименований смыслы. Корректному считыванию интенций номинатора препятствуют языковые, культурные и профессиональные барьеры (незнание иностранного языка, мифологии, отсутствие профильного образования и т.д.). Поэтому при создании названий номинаторам следует учитывать рецептивные возможности адресатов, только в этом случае название будет эффективным как в коммуникативном, так и в маркетинговом отношении.

Ключевые слова: нейминг, интенция номинатора, декодирование интенции, ассоциативный эксперимент, адвокатские организации

Цитирование: Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Экспериментальные методы декодирования интенций номинатора (на материале названий адвокатских организаций Сибирского федерального округа). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 725–737. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-725-737>

Поступила в редакцию 12.01.2026. Принята после рецензирования 02.04.2026. Принята в печать 06.04.2026.

original article

Experimental Decoding of Nominator's Intention: Names of Siberian Lawyer Firms

Olga N. Kondratyeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4483-6931

<https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Scopus Author ID: 57192920663

Olnik25@mail.ru

Yulia S. Ignatova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2100-9000

<https://orcid.org/0000-0002-3771-1346>

Scopus Author ID: 58651041500

Abstract: Most effective brands of legal organizations evoke a stable correlation between the nominator's intentions and the clients' perception. By analyzing the way recipients decode the nominator's intentions, the authors identified potential naming risks in the sphere of lawyer firms. The methodology consisted of three steps: 1) identifying the nominator's intentions, explicitly and implicitly presented on the firm's website; 2) a free association experiment, identifying associative dominants and correlating them with the nominator's attitudes; 3) identifying decoding strategies to assess their effectiveness. The verification experiment featured 100 students of philology (Kemerovo State University), who were offered two law firm brands, PRIM Group and Glauks, as verbal stimuli. The associative-figurative names of foreign origin proved difficult to perceive and resulted in inaccurate decoding of the nominator's intention. Linguistic markers of such difficulties manifested at the lexical, morphological, syntactic, and punctuation levels. The respondents used four strategies to decode the nominator's intentions: linguistic, cultural, paronymic, and sympractical. Only the first two resulted in a relatively accurate explication of the meanings intended by the nominators. The linguistic, cultural, and professional barriers included the lack of knowledge of a foreign language, mythology, education, etc. Therefore, marketeers should take into account the receptive capabilities of the potential clients; only in this case will the name be effective in both communicative and marketing terms.

Keywords: naming, nominator's intention, decoding of intention, associative experiment, lawyer firms

Citation: Kondratyeva O. N., Ignatova Yu. S. Experimental Decoding of Nominator's Intention: Names of Siberian Lawyer Firms. *SibScript*, 2026, 28(4): 725–737. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-725-737>

Received 12 Jan 2026. Accepted after peer review 2 Apr 2026. Accepted for publication 6 Apr 2026.

Введение

Современная наука характеризуется междисциплинарным подходом к изучению большинства объектов, данная особенность характерна и для нейминга, оказавшегося с недавних пор в фокусе исследовательского внимания не только маркетологов, но и лингвистов, что вполне закономерно, поскольку именно «на стыках и пересечениях областей лингвистических и экономических исследований могут быть успешно решены многие актуальные проблемы» [Брусенская, Куликова 2020: 334]. В частности, специалисты в области маркетинга и нейминга все чаще обращаются к лингвистическим методикам и методам для оценки эффективности названий. Для этого используется, например, метод фоносемантического анализа, предоставляющий возможность оценить влияние звуков на восприятие названия и его общую

благозвучность, разнообразные методы анализа семантики слова, позволяющие выявить и учесть все возможные оттенки значения лексемы, ее коннотации, наличие / отсутствие омонимов и синонимов, т. е. все, что может повлиять на адекватное восприятие названия, продуктивны психолингвистические методики, посредством которых выявляются и анализируются ассоциации, порождаемые названием, и определяется их соответствие ценностям и имиджу бренда [Байбардина и др. 2022; Козлова, Зонов 2023; Ситникова и др. 2023; Татур, Клименко 2023].

Лингвисты, рассматривая собственно языковые аспекты нейминга и анализируя разного рода названия (в особенности эргонимы и прагматонимы), также начинают затрагивать проблемы маркетинговой и коммуникативной эффективности

названий [Александрова 2019; Белоусов, Зелянская 2007; Ботова, Лаврова 2022; Изотова, Сизова 2018; Иссерс, Лоренц 2025; Мархеева 2020; Моисеева, Холкина 2018; Новичихина 2023; Перфильева и др. 2017; Пономарева, Шевцова 2025]. Маркетинговая эффективность номинации связывается «исключительно с достижением максимального коммерческого эффекта» [Новичихина 2023: 100], в то время как коммуникативная эффективность определяется «потенциалом, заложенным в слове, для использования его в качестве коммерческого названия» [Там же]. При этом, безусловно, маркетинговая эффективность номинации непосредственно зависит от ее коммуникативной эффективности.

Постепенно среди теоретиков и практиков, сосредоточенных на изучении коммерческих названий и их роли в маркетинговой коммуникации, формируется четкое убеждение, что для оценки эффективности названий должны применяться экспериментальные методы, т. к. именно они «привносят в исследование коммерческой номинации объективность и количественные статистические критерии, повышающие достоверность получаемых результатов» [Новичихина 2003: 17]. В настоящий момент экспериментальные методы применяются для выявления мотивации при создании наименования, установления его идентифицирующей способности, определения корреляций между представлениями номинатора о называемом объекте и ожиданиями его потенциальных потребителей, а также для определения воздействующего потенциала номинаций, как вполне традиционных, так и креативных [Абрамова, Зуева 2014; Александрова 2019; Белоусов, Зелянская 2007; Бережная 2011; Гридина, Коновалова 2022а, 2022b; Захарова-Саровская 2023; Моисеева, Холкина 2018; Перфильева и др. 2017; Рожина, Селиванова 2015; Стексова 2025].

Достаточно редко в поле исследовательского внимания попадает еще один важный аспект оценки эффективности коммерческих номинаций – степень считываемости интенций номинатора потенциальными потребителями [Абрамова, Зуева 2014; Гридина, Коновалова 2022а, 2022b; Крат и др. 2012; Новичихина 2023]. Тем не менее подобный аспект имеет первостепенное значение, поскольку даже потенциально удачное название, точно отражающее номинируемый объект, актуализирующее его уникальные характеристики, в случае некорректной декодировки адресатом окажется неэффективным, поскольку маркетинговое послание, содержащееся

в названии, не будет доставлено потенциальному потребителю, т. е. не достигнет своей цели.

Соответственно, проблема декодирования интенций номинатора относится к числу наиболее острых проблем лингвомаркетологии, т. к. успешное декодирование прямо влияет на коммуникативную и, как следствие, маркетинговую эффективность коммерческих номинаций. Данный факт должен учитываться как при разработке коммерческих названий, так и при оценке степени их эффективности, т. е. решение обозначенной проблемы имеет не только сугубо теоретическое, но и прикладное значение.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем, что впервые с опорой на научные достижения *нейминга, лингвомаркетологии и психолингвистики* рассматривается проблема декодирования интенций номинатора и предлагаются экспериментальные методы, позволяющие оценить корректность и глубину считывания интенций номинатора потенциальными адресатами маркетинговой коммуникации.

Цель – рассмотреть процесс декодирования интенций номинатора реципиентами и выявить потенциальные риски, препятствующие корректному считыванию названных интенций и влияющие на коммуникативную и, как следствие, маркетинговую эффективность номинаций. Задачи:

- 1) разработать и апробировать экспериментальную методику, позволяющую исследовать процесс декодирования интенций номинатора;
- 2) сопоставить интенции номинатора и интенции, считанные реципиентами;
- 3) определить языковые маркеры, свидетельствующие о сложности декодирования реципиентами интенций номинатора;
- 4) выявить стратегии, посредством которых осуществляется декодирование интенций номинатора;
- 5) определить языковые маркеры, свидетельствующие о затруднениях реципиентов в процессе декодирования, или об их отсутствии.

Методы и материалы

Для верификации разработанной методики была проведена серия экспериментов, в качестве стимульного материала использовались названия адвокатских организаций Сибирского федерального округа. Выбор подобного стимульного материала обусловлен тем, что разработка названий для профессиональных объединений, осуществляющих свою деятельность в сфере права, и оценка эффективности подобных

названий до сих пор не становились объектом лингвистического изучения, в то время как существенное возрастание конкуренции на рынке правовых услуг требует от адвокатских организаций грамотного выстраивания маркетинговой коммуникации, и выбор коммерчески удачного названия – важный шаг в данном процессе. Как отмечает юридический маркетолог А. Засухина, название – «это инструмент первого впечатления: самый важный и самый эффективный при правильном подходе»¹.

Респондентами выступили студенты 3–4 курсов, обучающиеся на филологических направлениях Кемеровского государственного университета (Филология, Лингвистика, Медиакоммуникации). Такая выборка была обусловлена тем, что студенты-филологи обладают широким кругозором, к старшим курсам у них достаточно хорошо сформированы общекультурные и собственно лингвистические компетенции, они владеют информацией об эргонимах, принципах номинации разнообразных объектов, а также способны к рефлексивной деятельности. В эксперименте приняли участие 100 респондентов в возрасте 18–25 лет, было получено 598 реакций, представляющих собой как единичные, так и множественные (развернутые) ответы.

Дизайн исследования разрабатывался с опорой на традиционные для эксперимента условия: выдвижение исследовательской гипотезы, выбор названий-стимулов, определение состава респондентов, рандомизация, повторяемость, количественная обработка результатов. Количественные данные представлены в виде процентов, которые рассчитывались от числа реакций по стимулу. Процедурные условия эксперимента – добровольность, анонимность, единая инструкция для респондентов, временные ограничения на выполнения задания (на заполнение анкеты испытуемым давалось 10 минут).

На *первом этапе* происходило определение интенций, заложенных номинатором в название организации. Рассматривалась мотивировка выбора названия, предлагаемая на корпоративном сайте адвокатского объединения, анализировалось ее обоснование, оценивалась последовательность реализации в вербальных и визуальных практиках организации, представленных на ее сайте (в слогане, логотипе и текстовых материалах). Осуществлялся

анализ лексем, выступающих в качестве названия организации, в толковых и фразеологических словарях, а также (при необходимости) в символических и мифологических словарях, что позволило эксплицировать смыслы, значимые для номинатора и определяющие его интенции.

На *втором этапе* проводился свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) по стандартной методике: «использована письменная форма выполнения экспериментального задания, анкеты генерировались методом случайных чисел, чтобы исключить возможность списывания, на каждый стимул испытуемый должен был отвечать первым пришедшим на ум словом» [Бутакова, Гуц 2024: 38].

Значимым для нашего исследования является положение, согласно которому ассоциативное поле наименования организации складывается из двух составляющих: 1) ассоциации, которые порождает сам объект; 2) ассоциации, «связанные со словесной природой названия (ассоциации на значение слова, культурный фон слова, языковая игра, графический облик названия и т. д.)» [Белоусов, Зелянская, 2007: 22], поэтому стимульный материал представлялся испытуемым с указанием на тип объекта (в данном случае – адвокатское объединение), которому это название принадлежит. Подобный способ проведения эксперимента позволил более явно эксплицировать ассоциативные связи объекта и его номинации, порождаемые в сознании испытуемых при декодировании интенций номинатора.

Полученные на название-стимул реакции образуют ассоциативное поле, включающее «весьма сложные и нередко алогичные ассоциативные связи, детерминированные спецификой картины мира реципиентов, их социальным опытом, а также географическими, демографическими, социальными, социально-психологическими, психологическими и иными факторами» [Александрова 2019: 151]. Поэтому при оценке эффективности коммерческого наименования и определении степени считываемости интенций номинатора нецелесообразно построение модели ассоциативного поля, достаточно выявить его ассоциативные доминанты. Подобный подход позволит отсеять единичные реакции и выявить основные векторы в восприятии номинации.

¹ Засухина А. Название юридической фирмы: несколько идей. Методика от «Лаборатории Юридического Маркетинга». *Лаборатория юрмаркетинга Дмитрия Засухина*. 27.07.2025. URL: <https://jurmarketing.ru/besplatnye-idei/nazvanie-uridicheskoy-firmy-neskolko-idey.html> (дата обращения: 01.08.2025).

Под ассоциативной доминантой нами понимается «объединение реакций по принципу их тематической, семантической и / или функциональной близости (независимо от их ядерного или периферийного статуса в анализируемой выборке» [Гридина, Коновалова 2016: 78]. Выявленные ассоциативные доминанты позволяют оценить, насколько считанные испытуемыми смыслы соответствуют установкам номинатора.

На *третьем этапе* рассматривался (насколько это позволял полученный материал) ход ассоциативного процесса участников эксперимента, определялись стратегии выбора ими той или иной реакции, оценивалась продуктивность используемой стратегии, ее способность приблизить реципиентов к верной дешифровке названия, определялись факторы, помогающие или, напротив, препятствующие корректному декодированию интенций номинатора.

При описании материала в статье сохранены орфография и пунктуация участников эксперимента.

Результаты

При изучении коммерческих наименований необходимо четко дифференцировать «мотивацию самого процесса номинации и мотивацию деятельности субъекта при распознавании коммерческого наименования» [Новичихина 2003: 15]. Распознавание названия, его восприятие и оценка происходят «на основании семантических и семиотических факторов, и удачность наименования оценивается пропорционально тому, в какой мере смысл сообщения в сознании потребителя совпадает с замыслом производителя или владельца бренда» [Изотова, Сизова 2018: 71]. Поэтому вполне закономерно, что при создании названия организации и оценке его коммуникативной и маркетинговой эффективности значим фактор адресата и его способность декодировать интенции номинатора.

Декодирование интенций номинатора предполагает прежде всего идентификацию адресатом (потенциальным клиентом) сферы деятельности организации, экспликацию смыслов, связанных с конкурентными преимуществами профессионального объединения, которые «заложили» в название номинатор. Именно от глубины считывания авторских интенций в значительной

степени будет зависеть эффективность созданного названия, успешность продвижения организации и ее конкурентоспособность, т. е. ее маркетинговая продуктивность. Соответственно, при определении маркетинговой эффективности названий адвокатских организаций необходимо учитывать их коммуникативную эффективность, в частности корреляцию «интенции номинатора и глубины ее считывания адресатом» [Гридина, Коновалова 2022а: 30].

Разработана и апробирована методика, позволяющая оценить степень считываемости интенций номинатора реципиентами, т. е. потенциальными потребителями. Продуктивность предлагаемой методики демонстрируется на примере анализа названий двух адвокатских бюро – «ПРИМ групп»² (Новосибирская и Томская области) и «Глаукс»³ (Иркутская область). Выбор данных номинаций обусловлен тем, что на корпоративных сайтах названных адвокатских объединений объяснен принцип выбора названий, что позволяет максимально четко определить интенции номинатора и в дальнейшем верифицировать степень их считываемости респондентами. Кроме того, оба названия содержат лексемы иноязычного происхождения и являются по своей природе ассоциативно-образными, т. е. не прямо указывающими сферу деятельности организации и ее услуги, а ориентирующими на порождение у адресата ассоциаций, имплицитно характеризующих адвокатское объединение. Именно названия такого типа, на наш взгляд, могут оказаться потенциально сложными для восприятия широкими слоями населения.

Адвокатское бюро «ПРИМ групп»

Интенции номинатора

На главной странице сайта ниже названия адвокатского бюро «ПРИМ групп» появляется всплывающая фраза, эксплицирующая мотивацию номинатора: «PRIM 'от латинского PRIMus Первый'». В Толковом словаре русского языка у лексемы *первый* зафиксированы следующие значения: 1. 'Один'; 2. 'Первоначальный, самый ранний; происходящий, действующий раньше всех других'; 3. 'Лучший из всех в каком-н. отношении, отличный'; 4. 'Первое', 'Жидкое блюдо (суп, бульон), с которого начинают обед'»⁴. Продуктивными для названия адвокатской

² Сайт адвокатского бюро «ПРИМ групп». URL: <https://prim.group/main> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Сайт адвокатского бюро «Глаукс». URL: <https://glauk.ru/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Толковый словарь русского языка, ред. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: АЗБ, 1995. С. 489.

организации могут стать второе и третье значения, поскольку именно они потенциально могут использоваться для характеристик профессионального объединения, осуществляющего свою деятельность в сфере права, в частности указывать на скорость оказания юридических услуг, их высокое качество, на лидирующее положение адвокатской организации на фоне конкурентов.

Название адвокатской организации сопровождается слоганом, который приводится на латыни (языке, значимом для правовой сферы) и в переводе на русский язык, расположенным ниже и напечатанным шрифтом более мелкого размера: *Regulae primae – poli esse numero duo. Первое правило – не быть номером два.*

Слоган организации демонстрирует основную установку номинатора – позиционирование адвокатского объединения на рынке правовых услуг как «организации номер один». Фразеологизм *номер один* зафиксирован в лексикографии: «Разг. Экспрес. Основной, самый главный, самый первый кто-либо»⁵. Таким образом, слоган развивает сформулированную в названии концепцию бренда, указывая на лидирующие позиции организации. Аналогичную функцию выполняет и логотип, содержащий стрелку, направленную вверх, что также указывает на стремление адвокатского объединения двигаться к новым вершинам, доминировать над конкурентами.

Маркетинговая концепция реализуется в блоке «О нас», где при изложении миссии профессионального объединения используются лексемы *лидирующий, повышение, быстро* и т.д.: *Уровень профессионализма нашей команды подтверждается лидирующими позициями рейтинга «Право.ru-300; Компетентность команды... базируется на... теоретических знаниях и постоянном повышении квалификации; Мы умеем быстро реагировать.* Тема первенства и лидерства развивается и в новостном блоке, многие заголовки также содержат лексему *первый*, например: *Всегда быть первыми!*

Вторая часть названия – *групп* – является русифицированным вариантом английского слова *group* (данный вариант также приводится на сайте), использующегося в значении ‘совокупность людей (или предметов), объединенных общностью интересов, признаков, профессии, деятельности’, что хорошо подходит для наименования адвокатского

бюро, представляющего собой организацию, состоящую из нескольких специалистов (партнеров).

Таким образом, корпоративный сайт адвокатского бюро «ПРИМ групп» максимально четко (на вербальном и визуальном уровнях) демонстрирует мотивацию выбора названия. Это стремление указать на лидирующие позиции адвокатского объединения (*первый, действующий раньше и быстрее других, лучший, отличный, главный, лидер, номер один*). Стоит отметить дублирование названия латиницей и слоган на латыни, подобным образом осуществляется привязка названия к сфере права, поскольку латинский язык является базовым для специалистов в области юриспруденции. Кроме того, использование латыни создает впечатление некой элитарности, т.к. знание классических языков является показателем высокого уровня культуры.

Проведенный анализ позволяет оценить название «ПРИМ групп» как потенциально успешное: оно идентифицирует (отчасти благодаря латыни и модели номинации) принадлежность организации к сфере права, акцентирует внимание на конкурентных преимуществах, а интенция номинатора развивается в слогане, логотипе и маркетинговой коммуникации, т.е. название четко отражает концепцию бренда и последовательно реализует ее.

Декодирование интенций номинатора

Ассоциативный эксперимент показал, что испытуемым достаточно сложно декодировать смыслы, заложенные в название «ПРИМ групп» номинатором. Участники эксперимента часто затрудняются дать какие-либо ассоциации, комментируя это, или вовсе отказываются от ответа, на подобные случаи приходится 15 % от общего количества реакций: *ассоциаций никаких не вызывает; если честно, никакие; никаких, если честно; не знаю и т.п.*

Полученные на стимул Адвокатское бюро «ПРИМ групп» реакции позволили выделить следующие ассоциативные доминанты:

I. Ассоциации, порожденные объектом номинации (адвокатское бюро), поэтому непосредственно связанные со сферой права и юридической (адвокатской) деятельностью (21 %): *что-то, связанное с адвокатурой и юриспруденцией; работа с юридическим уклоном; связано с людьми юридическим способом; юридическая организация; объединение юридических специалистов; по названию понятно только,*

⁵ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 418.

что это адвокатское бюро; бюро адвокатов; группа частных адвокатов; группа адвокатов, адвокатская контора, юристы; данное название вызывает у меня ассоциации с заведением, где можно нанять любого адвоката, и каждый из них профессионал.

II. Ассоциации, порожденные непосредственно названием («ПРИМ групп») (56 %). При этом 44 % ассоциаций связано с компонентом *ПРИМ*, 12 % – с компонентом *групп*.

1. Ассоциации, порожденные в процессе попытки расшифровать компонент *ПРИМ*:

1.1. Ассоциации, возникшие в результате апелляции к английскому языку (15 %), основанные на сравнении *ПРИМ* с лексемами: 1) **Prime** (основной) – сокращение от *prime*; *прим* – как *прайм* (от англ. *prime*); *прайм* (основной); *PRIM* – основной; 2) **Prim** (аккуратный, подтянутый): *prim* в англ. *опрятность, аккуратность*; вроде бы, *prim* переводится как *подтянутый*, поэтому ассоциация связана с людьми (*прим.*), которые тянутся к успеху.

1.2. Ассоциации, основанные на созвучных словах русского языка (как исконных, так и заимствованных – *примечание, пример, применение, примирение, Приморье, премиум*) (18 %): *прим* – *примечание*; *примечание?*; *прим* – *пример*; от слова «*пример*»; *пример групп*; *применение групп*; *организация из Приморья, приморские группы?*; что-то связано с «*премиум*»; *прим* – *премиальная*; *прет*, возможно, *премиальная группа*, но буква *И*, поэтому не знаю.

2. Ассоциации, порожденные многозначностью исходной лексемы *ПРИМ*:

2.1. Ассоциации, порожденные числовым значением лексемы (2 %). Буквальное прочтение лексемы, соотносительность с числительным *один*: *первая группа, одна группа*.

2.2. Ассоциации, порожденные *prim* в значении «первый, лучший» (9 %): слово *PRIM* с латинского означает «первый», это подчеркивает профессиональную компетенцию; заявка на лидерство, «*ПРИМ*» – как *первый*; *первые, объединение успешных адвокатских практик, охват всех регионов; лидерство, командный боевой дух, сила и стабильность*; в целом название вызывает ассоциации *солидного и крупного регионального лидера; команда в прайме (очень крутая)*.

3. Ассоциации, порожденные компонентом *групп* (12 %): *group* – *группа по-английски*; *групп* – образовано от английского «*group*»; *group* – *группа компаний*;

группа, слово часто в названиях иностранных фирм используется; *группа какая-то, группа частных адвокатов; группа адвокатов*.

III. Ассоциации оценочного характера, соотносящие объект номинации и саму номинацию. Оценивается мотивированность названия, его информативность, понятность, соответствие профилю называемой организации (8 %): *Мне не понять, что в голове у основателя; не думаю, что вторая часть названия «ПРИМ.групп» даст нужную ассоциацию человеку, который увидит только это (без вставки «адвокатское бюро»); Слово прим (которое я даже не знаю) никак не связывается с юридической сферой у меня в голове; непонятно, что именно хочет донести организация, выбрав такое название.*

Ассоциативный эксперимент показал, что большинство респондентов не смогли корректно декодировать интенции номинатора. Только 9 % полностью считали заложенные номинатором смыслы, выдав ассоциации, связанные с лидерством, доминированием адвокатского объединения, 5 % частично считали смыслы, указав на связь названия не с латинским *prim*, а с английским *prime*, лексическое значение которого включает важные для номинатора семантические компоненты *основной, главный*, но не спроецировали данные характеристики на адвокатскую организацию и ее деятельность.

Адвокатское бюро «Глаукс»

Интенции номинатора

Принцип выбора названия для своей фирмы сотрудники объясняют в разделе корпоративного сайта «О компании», подраздел «История». Отмечается неслучайность названия и его осознанное предпочтение рассматривавшемуся варианту, созданному на основе аббревиации фамилий партнеров (Скуратов, Алексеев): *Название фирмы «Глаукс» (γλαυξ) было выбрано не случайно, ведь в переводе с древнегреческого оно означает «сова»*. При этом в процессе конструирования названия адвокатского объединения не задействовано лексическое значение слова *сова*: «1. «Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом»; 2. перен. «Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром»⁶, а использованы символические представления о данной птице и связанные с ней в большинстве культур ассоциации: «Сова традиционно является символом мудрости. Эта символика берет свое

⁶ Толковый словарь русского языка... С. 730.

начало из древних Афин, где сова считалась спутницей и атрибутом богини мудрости и учебы Афины. <...> В христианстве сова как существо, ведущее ночной образ жизни и вообще весьма загадочное, стала символом нечисти и колдовства... В настоящее время сова воспринимается в основном как символ проницательности и книжной эрудиции»⁷.

Выбирая в качестве названия амбивалентный символ, его авторы закономерно используют исключительно положительные коннотации, игнорируя негативные: *С античных времен сова является символом познания, проницательности, мудрости и просвещения. ... Название «Глаукс» определило основные принципы работы адвокатского бюро – мудрость и сила. АБ «Глаукс» – это сила мудрости и чистоты отношений.* Интенции номинатора визуализированы в логотипе, на котором изображена сова, выступающая из раскрытой книги, что также подчеркивает стремление номинаторов актуализировать посредством названия такие характеристики представителей адвокатского объединения, как мудрость, проницательность, профессиональная компетентность.

Выбор названия мотивирован стремлением подчеркнуть высокий профессионализм сотрудников, интенции номинатора проявляются в названии и логотипе адвокатского объединения, название отражает маркетинговую концепцию бренда.

Декодирование интенций номинатора

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что декодирование смыслов, заложенных в название «Глаукс» номинатором, сопряжено с серьезными трудностями. 23 % испытуемых полностью отказались от ответа, оставив бланк пустым, либо дали ответы, комментирующие отсутствие ассоциаций: *никаких ассоциаций; вообще никаких не было; никаких; трудно сказать; а кто б его знал?; не знаю, так как впервые вижу это слово; не знаю; не предполагаю.*

Полученные на стимул *Адвокатское бюро «Глаукс»* реакции позволили выделить следующие ассоциативные доминанты:

I. Ассоциации, порожденные объектом номинации (адвокатское бюро), поэтому непосредственно связанные со сферой права и юридической (адвокатской) деятельностью (24 %): *юриспруденция; организация, в которой предлагают*

свои услуги адвокаты; адвокатское агентство; бюро частных адвокатов; адвокатское бюро; адвокатское бюро с хитрыми, умными и не всегда честными в работе специалистами; бюро, занимающееся административными делами.

II. Ассоциации, порожденные непосредственно названием («Глаукс»).

1. Ассоциации, основанные на созвучных словах (32 %), как собственно русских, так и заимствованных (*глаз, глобус, гладиолус, главный, гладко, галстук; кактус, уксус*): *глаз; созвучно со словом «глаз»; очень похоже на слово «глаукома», «глок», «глаз»; глаукома (глазное заболевание); глобус; галстук; все проходит гладко – Глаукс; гладиолус; какой-то цветок, возможно, гладиолус; что-то, связанное с гладиолусом; кактус; какой-то кактус; уксус; главный; ассоциация со словом «главный».*

2. Ассоциации, порожденные мифологией (5 %): *ассоциация с мифологией; ассоциация с греческой мифологией, похоже на имя божества; название вызывает ассоциацию с мифическим существом; мифы старые; какой-то древний бог.*

3. Ассоциации, порожденные символикой образа совы (3 %): *В переводе с греческого глаукс – сова – мудрость; глаукс – совиный древний бог, так что это символизирует мудрость; что-то, связанное с мудростью.*

III. Ассоциации оценочного характера, соотносящие объект номинации и саму номинацию. Ассоциации, оценивающие мотивированность названия, его информативность, понятность, соответствие профилю называемой организации (13 %): *четких ассоциаций нет, если бы не было подписи «адвокатское бюро», не подумал бы, что оно относится к юридической сфере; не знаю, название неудачное и не подходит для адвокатского бюро; что-то на слишком умном; возможно, имеет какой-то скрытый смысл; непонятно людям; что-то странное, неизвестное; что-то непонятное; что-то непонятное, звучит инородно и непопулярно; непонятно, так как «глаукс» – не совсем русское слово.*

Ассоциативный эксперимент показал, что название «Глаукс» оказалось для респондентов еще более сложным, чем «ПРИМ групп». Это проявляется в большем проценте отказа от ответов, а также в большем количестве ассоциаций, вызванных звуковым сходством непонятного респондентам названия-стимула с известными и понятными словами, кроме того,

⁷ Энциклопедия символов, ред. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. С. 836–838.

достаточно большая группа ассоциаций содержит объяснения непонятности названия.

Только 3 % респондентов полностью считали заложенные номинатором интенции, выдав ассоциации, связанные с мудростью представителей адвокатского объединения, 5 % частично считали смыслы, указав на связь названия с мифологией, но не смогли эксплицировать смыслы, связанные с конкретным символом (сова) и его характеристиками, проецируемыми номинатором на сотрудников адвокатской организации.

Проведенное исследование подтвердило продуктивность использования при оценке коммуникативной эффективности названий организаций экспериментальных методов, позволяющих определить степень понятности мотивации номинатора (автора названия) его потенциальным адресатам (возможным будущим потребителям). Данные ассоциативного эксперимента демонстрируют наличие существенных трудностей в процессе дешифровки заложенных смыслов, что позволяет говорить об *ассоциативно несоответствующих названиях* (термин М. Е. Новичихиной [Новичихина 2004]). Рассмотренные названия, удачно отражающие маркетинговую концепцию адвокатских объединений, тем не менее не соответствуют имплицитным представлениям респондентов об удачном названии для адвокатской организации, а также не учитывают рецептивные возможности потенциальных адресатов, их способность считать заложенные в названиях смыслы. Глубина считывания интенций номинатора в значительной степени зависит от прозрачности внутренней формы названия, рода деятельности реципиентов и их фоновых знаний.

Сложность в декодировании интенций номинатора проявлялась у респондентов не только в частых отказах от ответа, но и репрезентировалась на языковом уровне. Проблемы в декодировании отражаются на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, а также в пунктуации. Авторы ассоциаций часто используют глаголы с семантикой неуверенности, предположительности (*предполагаю, подозреваю*): **предполагаю**, что название связано с силой; **предполагаю**, что это цветок; **подозреваю**, что слово имеет перевод. В ответах высока частотность вводных слов, выражающих неуверенность, указывающих на сомнение в правильности предложенных ассоциаций (возможно, вероятно, может быть, наверное): **возможно**, сокращение от «приморские

группы»; **наверное**, это серьезная контора; **вероятно**, слово что-то значит для хозяев; **может быть**, связано с фамилией.

Также частотны неопределенные местоимения, включающие в свой состав частицы *-то, -нибудь* (что-то, что-нибудь, кто-то, какой-то), указывающие на неясность, неизвестность, неуверенность реципиента в корректности предложенных ассоциаций: **что-то**, связанное с юриспруденцией; **что-то** связано с «премиум»; **что-то** основополагающее; **какая-то** масштабная организация, **какое-то** сокращение.

Активно используются вопросительные предложения, отражающие недоумение респондентов: *причем тут PRIM?*; *кто-то вообще это знает?* Также знак вопроса ставится после приведенных ассоциаций, демонстрируя неуверенность реципиента: *адвокатское?*; *связано с примой?*; *чья-то фамилия?* Иногда вопросительный знак изображается вместо ассоциаций – (?), демонстрируя растерянность участника эксперимента и его полную неготовность к восприятию и расшифровке интенций номинатора. Таким образом, можно уверенно говорить о существовании языковых маркеров, свидетельствующих о проблемах в декодировании интенций номинатора.

Зачастую в процессе проведения эксперимента студенты-филологи давали не только однословные ассоциации, но и ассоциации в виде словосочетаний и предложений (хотя такая задача испытуемым не ставилась), т.е. предлагали обоснование своих ассоциаций. Подобные реакции можно рассматривать как рефлексивные акты по поводу предложенных в качестве стимулов названий, что позволяет выявить стратегии ассоциирования, интерпретируемые нами как стратегии декодирования интенций номинатора.

В процессе поиска ассоциаций, которые вызывает название-стимул, т.е. в попытках установить замысел номинатора, респонденты шли разными путями, в частности, задействовали информацию из четырех когнитивных сфер – Язык, Культура, Жизненный опыт, Звучание, что отражает происходящие в сознании участников эксперимента когнитивные процессы и позволяет выделить четыре стратегии декодирования интенций номинатора – лингвистическую, культурологическую, симпрактическую и паронимическую.

При использовании лингвистической стратегии (31 %) ассоциации испытуемых сопровождалась

комментариями, указывающими на происхождение слова, его понятность для носителей русского языка, и представляли собой попытки вывести значение названия из его лексического значения в языке-источнике или определить его способ образования (языковыми маркерами стратегии являются лексемы *язык, слово, произошло, образовано, сокращение* и др.): «*прайм*» – **сокращение** какого-то слова, а *групп* – **образовано от английского** «group»; **от слова** «prime»; **сокращение от нескольких слов** (*прим* и *группа*); **образовано из другого языка, английского или греческого**.

Культурологическая стратегия встречается реже, она основывается на привлечении информации из разных областей культуры (языковые маркеры стратегии – *мифология, литература, искусство* и т.д.) (19 %), например: *сова в мифологии* – *символ мудрости*; *глаукс* – *сова* – **мудрость**; *ПРИМ* – *как в музыкальном искусстве, созвучие* **первых нот**; *прима-балерина*, *балерина из первого, основного состава*. Это позволяет реципиентам установить связь названия «Глаукс» с совой как символом мудрости, а лексемы *ПРИМ* – с числительным *один* и, как следствие, выйти на заложенные номинаторами смыслы – ‘первый, ведущий, лучший’ («ПРИМ групп») и ‘мудрость’ («Глаукс»).

Доминирует при декодировании интенций номинатора паронимическая аттракция (42 %), основанная на сближении сходных по звучанию слов родного и неродного языков (языковые маркеры стратегии – *созвучно, похоже, напоминает* и др., а также указание конкретных звуков, породивших ассоциации): *ПРИМ* – *пример, примечание, применение, приморье, премиум*; *глаукс* – *глаз, глобус, глаукс, гладко, галстук, гладиолус*; **созвучно со словом** «глаз»; «*глаукс*» – **похоже на слово** «галстук»; **ассоциируется со словом** *кактус, наверно, потому что в конце есть буквы «у» и «с»*. Подобная стратегия декодирования наименее продуктивна и совершенно не позволяет приблизиться к интенциям номинатора: *глаукс* – *гладко?* **Возможно, при обращении в это бюро все будет гладко**; *галстук* – *место, где собираются адвокаты с разными галстуками*; *если «прим» значит «примирение», то организация примиряет стороны*.

Самой редкой является симпрактическая стратегия (8 %), основанная на личном бытовом опыте реципиента (языковые маркеры стратегии – *прошрое, помню, опыт* и др., а также активное использование при ответе личного местоимения *я* и его форм – *у меня, мне* и т.д.): *я думаю, от «прима»,*

как гармония, потому что у меня ассоциируется с теплым прошлым музыкальной школы в 8 лет учебы; я не местный, поэтому не знаю.

Заключение

Результаты эксперимента позволили установить, что названия ассоциативно-образного типа, к тому же образованные посредством использования лексики иностранного происхождения, оказываются достаточно сложными для восприятия даже реципиентами-филологами (*что-то на сильно умном*) и не позволяют в полном объеме декодировать интенции номинатора. При этом название «ПРИМ групп» оказалось более понятным, т.к. в названии используются лексемы из латинского и английского языков, изучаемых студентами, обучающимися на филологических направлениях, в то время как название «Глаукс» восходит к древнегреческому языку, не входящему в ученые планы современных филологов. Кроме того, данное название требует знания мифологии и семиотики, что также оказывает существенное влияние на глубину считывания интенций номинатора. Это свидетельствует о существовании серьезных барьеров, препятствующих корректному считыванию интенций номинатора, к числу которых относятся языковые, культурные и профессиональные барьеры, существуют также и индивидуальные барьеры, связанные с субъективными факторами и индивидуальным жизненным опытом реципиентов. Можно предположить, что для реципиентов, не имеющих филологического образования, декодирование интенций номинатора в названиях рассматриваемого типа окажется еще более сложным. Таким образом, при создании названий для адвокатских объединений и иных организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере права, номинаторам нужно учитывать не только соответствие названия организации ее профилю, его уместность и способность продемонстрировать конкурентные преимущества, но и принимать во внимание рецептивные возможности адресатов, их способность корректно считать заложенные в название смыслы.

В качестве варианта преодоления языковых и отчасти культурных барьеров можно рассмотреть опыт адвокатских организаций Уральского федерального округа, в котором принято приводить после названий ассоциативно-образного типа, использующих иноязычную лексику, перевод этого названия в скобках, например: «Коллегия адвокатов

Свердловской области "Кайрос" (Благоприятный момент); «Адвокатское бюро Свердловской области "СЕВЕН СЕЙ" (СЕМЕРО ГОВОРЯТ)»; «Свердловский филиал Коллегии адвокатов г. Санкт-Петербурга "Лигал Форт" (Правовой форт)». Подобная практика совершенно не используется при конструировании названий адвокатских организаций в Сибирском федеральном округе, в то время как наличие перевода существенно бы облегчило реципиентам декодирование интенций номинатора и сделало бы название адвокатского объединения более эффективным как в коммуникативном, так и в маркетинговом отношении.

Перспективы исследования видятся нам в проведении эксперимента, в котором респондентами выступают представители разных возрастов и профессий, обладающие разным уровнем сформированности общекультурных и языковых компетенций, поскольку потребность в получении правовой помощи и обращении в адвокатские организации возникает у самых разных слоев населения, и понятность названия адвокатской организации может стать одним из аргументов, побуждающих к выбору конкретного адвокатского объединения для дальнейшего сотрудничества.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20206 «Лингвомаркетинговый мониторинг корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области – Кузбасса», <https://rscf.ru/project/25-28-20206/> и Кемеровской области – Кузбасса.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-20206: Linguistic marketing monitoring of corporate websites of lawyer firms in the Kemerovo Region, <https://rscf.ru/en/project/25-28-20206/> and Kemerovo Region – Kuzbass.

Литература / References

- Абрамова Н. С., Зуева Т. А. Ассоциативный эксперимент как способ выявления вербального кода эргонима. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2014. № 12. С. 2–16. [Abramova N. S., Zueva T. A. The associative experiment as the way of the revealing of the verbal code of the ergonima. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 2014, (12): 2–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjbxql>
- Александрова И. Ю. Проблема нарушения системной реализации психосемантических и психолингвистических требований к названию торговой марки. *Вестник университета*. 2019. № 2. С. 150–156. [Aleksandrova I. Yu. The problem of violation of the system implementation of the psycho-semantic and psycholinguistic requirements for brand name. *Vestnik universiteta*, 2019, (2): 150–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-2-150-156>
- Байбардина Т. Н., Макринова Е. И., Бурцева О. А., Романюк А. А. Методологические аспекты формирования бренда безалкогольной продукции. *Потребительская кооперация*. 2022. № 1. С. 14–20. [Baibardina T. N., Makrinova E. I., Burtseva O. A., Romanyuk A. A. Methodological aspects of forming soft drinks products brand. *Potrebitel'skaia kooperatsiia*, 2022, (1): 14–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yinnbn>
- Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. E-generator.ru Мониторинг ассоциативно-смысловых ожиданий потребителей газированной воды. *Практический маркетинг*. 2007. № 2. С. 21–30. [Belousov K. I., Zelyanskaya N. L. E-generator.ru. Monitoring of associative and semantic expectations of carbonated water consumers. *Practical Marketing*, 2007, (2): 21–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvkmqy>
- Бережная Т. С. Особенности восприятия рекламных наименований современными носителями языка (ассоциативный эксперимент). *Вестник Омского университета*. 2011. № 3. С. 155–160. [Berezhnaya T. S. Perception features of brand names of past and present by modern native speakers (associative experiment). *Herald of Omsk University*, 2011, (3): 155–160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muzfoh>

- Ботова Е. Ф., Лаврова Н. А. Стилистические приемы в нейминге как способы повышения эффективности коммерческой номинации (на материале англоязычных торговых марок). *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1-2. С. 377–387. [Botova E. F., Lavrova N. A. Stylistic devices as an efficiency-raising tool of brand naming (on the material of English trademarks). *Prepodavatel XXI vek*, 2022, (1-2): 377–387. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-1-377-387>
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций. *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 333–350. [Brusenskaya L. A., Kulikova E. G. Linguopragmatic parameters of marketing communications. *Communication Studies*, 2020, 7(2): 333–350. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).333-350](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).333-350)
- Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование. *Вопросы психолингвистики*. 2024. № 1. С. 36–59. [Butakova L. O., Guts E. N. The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: A trend study. *Journal of Psycholinguistics*, 2024, (1): 36–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59>
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные доминанты восприятия невербальных сигналов коммуникации (словообраз «жест» по данным РАС). *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2016. № 14. С. 75–85. [Gridina T. A., Konovalova N. I. Associative dominants in perception of non-verbal communication signals (a case study of the word-image "gesture" using data from the Russian associative dictionary). *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 2016, (14): 75–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wdnrmr>
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование. *Вопросы психолингвистики*. 2022a. № 2. С. 30–45. [Gridina T. A., Konovalova N. I. Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: An experimental study. *Journal of Psycholinguistics*, 2022a, (2): 30–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45>
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Психолингвистические аспекты интерпретации игровых эргонимических феноменов. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2022b. № 20. С. 31–50. [Gridina T. A., Konovalova N. I. Psycholinguistic aspects of the interpretation of game ergonimic phenomena. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 2022b, (20): 31–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jicoyww>
- Захарова-Саровская М. В. Оценка успешности нейма средствами психолингвистики. *Шаг в будущее: I Междунар. молодеж. науч. форум на иностранных языках*. (29–30 ноября 2023 г.) Кемерово: КузГТУ, 2023. С. 511.1–511.3. [Zakharova-Sarovskaya M. V. Psycholinguistic assessment of naming effectiveness. *Step into the future: Proc. I Intern. Youth Sci. Forum in Foreign Languages*, Kemerovo, 29–30 Nov 2023. Kemerovo: KuzSTU, 2023, 511.1–511.3. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/joajml>
- Изотова Е. И., Сизова В. В. Лингвомаркетинговые тенденции развития нейминга. *Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки*. 2018. № 3. С. 71–75. [Izotova E. I., Sizova V. V. Linguomarketing trends of naming development. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki*, 2018, (3): 71–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynpztff>
- Иссерс О. С., Лоренц В. А. Нейминг учреждений здравоохранения в аспекте формирования медицинского бренда. *Коммуникативные исследования*. 2025. Т. 12. № 2. С. 406–420. [Issers O. S., Lorents V. A. Health care institutions naming in terms of medical brand creation. *Communication Studies*, 2025, 12(2): 406–420. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12\(2\).406-420](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(2).406-420)
- Козлова Е. А., Зонов М. С. Нейминг: методы создания и проверки эффективности названий. *Экономическая безопасность агропромышленного комплекса: проблемы и направления обеспечения*: III Национ. науч.-практ. конф. (1 марта 2023 г.) Киров: Вятский ГАТУ, 2023. С. 198–200. [Kozlova E. A., Zonov M. S. Naming: Methods for creating and verifying the effectiveness of names. *Economic security of the agro-industrial complex: Problems and areas of support*: Proc. III Nation. Sci.-Prac. Conf., Kirov, 1 Mar 2023. Kirov: Vyatka SATU, 2023, 198–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkmkwxx>

- Крат Д. А., Пастарнакова Е. О., Ревенко И. В. Специальный словарь-справочник эргонимов правобережья города Красноярска с учетом интенций номинатора и оценок адресата. *Язык и социальная динамика*. 2012. № 12-2. С. 12–17. [Krat D. A., Pastarnakova E. O., Revenko I. V. A special dictionary-directory of ergonyms of the right bank of the city of Krasnoyarsk, taking into account the intentions of the nominator and the estimates of the recipient. *Iazyk i sotsial'naiia dinamika*, 2012, (12-2): 12–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdutna>
- Мархеева Т. В. Лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимии (на материале эргонимов г. Улан-Удэ). *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2020. № 1. С. 52–56. [Markheeva T. V. Linguomarketing approach in the research of Ulan-Ude ergonyms. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura*, 2020, (1): 52–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylccqy>
- Моисеева И. Ю., Холкина А. А. Эффективность коммерческой номинации: психолингвистический аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 2-1. С. 128–130. [Moiseeva I. Yu., Kholkina A. A. The efficiency of commercial nomination: Psycholinguistic aspect. *Philology. Theory & Practice*, 2018, (2-1): 128–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvgakt>
- Новичихина М. Е. К вопросу о коммуникативной эффективности коммерческих названий, сформированных на базе прецедентного текста. *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2023. Т. 12. № 2. С. 99–103. [Novichikhina M. E. On the issue of the communicative effectiveness of commercial names formed on the basis of a precedent text. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2023, 12(2): 99–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-2-99-103>
- Новичихина М. Е. Коммерческая номинация. Воронеж: ВГУ, 2003. 192 с. [Novichikhina M. E. *Commercial naming*. Voronezh: VSU, 2003, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwvjz>
- Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 351 с. [Novichikhina M. E. *Theoretical problems of commercial naming efficiency research*. Dr. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2004, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhufmh>
- Перфильева Н. В., Новоспасская Н. В., Лазарева О. В. Эффективность коммерческого имени. *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 33. С. 92–107. [Perfilyeva N. V., Novospasskaya N. V., Lazareva O. V. Effect of the commercial name. *Journal of Psycholinguistics*, 2017, (33): 92–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgqhxh>
- Пономарева А. М., Шевцова О. Н. Креативные неймы как синтез стратегических содержательных элементов и техник имяобразования. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2025. № 1. С. 106–113. [Ponomareva A. M., Shevtsova O. N. Creative names as a synthesis of strategic content elements and naming techniques. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 2025, (1): 106–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2025-55-1-106-113>
- Рожина Е. Ю., Селиванова И. В. Ассоциативное поле нейминга. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2015. № 3. С. 67–72. [Rozhina E. Yu., Selivanova I. V. The associative naming field. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2015, (3): 67–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukpdgf>
- Ситникова Е. С., Пыркова Т. А., Невраева Н. Ю., Кабанов А. М. Нейминг в названиях магазинов и торговых объектах. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 673–681. [Sitnikova E. S., Pyrkova T. A., Nevraeva N. Yu., Kabanov A. M. Naming in the names of stores and shopping facilities. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2023, 13(4-1): 673–681. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpilca>
- Стексова Т. И. Идентификация номинативной функции эргонимов в языковом сознании студентов-филологов. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2025. № 23. С. 126–137. [Steksova T. I. Identification of the nominative function of ergonyms in the linguistic consciousness of philology students. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 2025, (23): 126–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/byekqt>
- Татур Е. М., Клименко Е. В. Анализ привлекательности названий брендов с использованием машинного обучения. *International Journal of Open Information Technologies*. 2023. Т. 11. № 12. С. 97–103. [Tatur E. M., Klimenko E. V. Analyzing the attractiveness of brand names using machine learning. *International Journal of Open Information Technologies*, 2023, 11(12): 97–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjksth>

оригинальная статья

eLibrary EDN: UUGUZC

Концепт *бремя белого человека*: от художественного текста к политическому дискурсу

Савина Татьяна Вячеславовна

Сибирский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Новосибирск, Россия
eLibrary Author SPIN: 3508-1475
<https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>
Scopus Author ID: 58482615500
savina-tav@ranepa.ru

Гоманова Екатерина Александровна

Сибирский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию диахронической динамики и семантической трансформации лингвокультурного концепта *бремя белого человека*. Отправной точкой анализа выступает его литературный генезис – стихотворение Р. Кипплинга (1899 г.), в рамках которого концепт первоначально получает широкую и многоплановую актуализацию через систему устойчивых субфреймов (*миссионер, путешественник, господин*) в художественных текстах. Цель данного исследования – анализ динамического развития концепта *бремя белого человека* для выявления семантических сдвигов в его понятийном ядре и ценностных коннотаций на разных исторических этапах (колониальная эпоха, деколонизация, современность). Анализируется полный цикл динамики концепта от детальной художественной разработки в литературе рубежа XIX–XX вв. через этап его идеологической инструментализации в колониальном политическом дискурсе (на примере речей У. Черчилля, Т. Рузвельта) к его современному критическому переосмыслению. Используя комплекс методов диахронической лингвокультурологии (Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов) и дискурсивно-когнитивного анализа (А. П. Миньяр-Белоручева), авторы выявляют механизмы и результаты кардинальной семантической инверсии концепта. Основные результаты исследования демонстрируют, что в современном политическом и медийном пространстве произошло изменение геополитического фрейма (от оппозиции *метрополия – колонии* к конфликту *Глобальный Север – Глобальный Юг*); инверсия ценностного заряда (от риторики цивилизаторской миссии к критике неоколониализма); визуальная и медийная трансформация репрезентаций (от прямолинейных карикатур XIX в. к сложным и ироничным образам современной карикатуры); культурологическое расширение, выраженное в появлении производного концепта *мертвые белые мужчины*, который переносит критику в плоскость деконструкции западного культурного канона. Таким образом, лингвокультурный концепт *бремя белого человека* служит репрезентативной моделью для изучения того, как исторические идеологии, меняя семантический знак, возвращаются в дискурс для осмысления актуальных конфликтов.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, общественно-политический дискурс, динамическое развитие концепта, *бремя белого человека*

Цитирование: Савина Т. В., Гоманова Е. А. Концепт *бремя белого человека*: от художественного текста к политическому дискурсу. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 738–750. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-738-750>

Поступила в редакцию 29.09.2025. Принята после рецензирования 19.12.2025. Принята в печать 30.12.2025.

original article

The concept of *White Man's Burden*: From Fiction to Political Discourse

Tatiana V. Savina

Siberian Institute of Management, Russian Academy of National
Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 3508-1475

<https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>

Scopus Author ID: 58482615500

savina-tav@ranepa.ru

Ekaterina A. Gomanova

Siberian Institute of Management, Russian Academy of National
Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk

Abstract: The *white man's burden* is a linguacultural concept subject to diachronic dynamics and semantic transformation. Originating in Rudyard Kipling's 1899 poem, it immediately developed a system of stable sub-frames (the missionary, the traveler, and the master) in the literature of that period. Subsequently, it underwent a complete dynamic cycle, from its detailed artistic development in literature at the turn of the 20th century, through the stage of ideological instrumentalization in colonial political discourse (W. Churchill, T. Roosevelt), to its contemporary critical reinterpretation. Combining diachronic linguacultural studies (E. V. Budaev, O. N. Kondratieva, E. A. Nakhimova, A. P. Chudinov) and discursive-cognitive analysis (A. P. Minyar-Beloruicheva), the authors identified the mechanisms and results of this radical semantic inversion. In the modern political and media environments, the geopolitical frame of the *white man's burden* has shifted from the opposition of metropolis vs. colony to the conflict between the Global North and the Global South. The axiological aspect has inverted from the rhetoric of a "civilizing mission" to the critique of neocolonialism. Visual and media representations have turned from the straightforward caricatures of the 19th century to today's complex and ironic imagery. The derivative concept of "dead white men" marks a culturological expansion that shifts the critique into the plane of deconstructing the Western cultural canon. As a linguacultural concept, the *white man's burden* serves as a representative model for studying how historical ideologemes surface with reversed semantic valence to interpret current conflicts.

Keywords: linguacultural concept, socio-political discourse, dynamic development of a concept, the white man's burden

Citation: Savina T. V., Gomanova E. A. The concept of *White Man's Burden*: From Fiction to Political Discourse. *SibScript*, 2026, 28(4): 738–750. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-738-750>

Received 29 Sep 2025. Accepted after peer review 19 Dec 2025. Accepted for publication 30 Dec 2025.

Введение

В вопросах исследования политического дискурса одним из наиболее важных аспектов является изучение концептов – единиц, «отражающих важнейшие элементы национального политического сознания» [Чудинов 2006: 43]. В настоящее время в поле политического дискурса функционирует целый ряд лингвистических концептов, которые в емкой форме представляют значимые фрагменты политического опыта общества. Научный интерес таких исследований обусловлен возможностью воссоздать «информативный слепок» [Чугунов 2022: 26] той или иной эпохи. Например, показатель роста интереса к изучению концептов, связанных с политическими потрясениями рубежа XX–XXI в.:

концепт *особые отношения*, который описывает конкурентно-партнерские отношения между США и Великобританией [Черкашина 2024], *холодная война*, напрямую связанный с идеологическим противостоянием политических систем второй половины XX в. [Ковалев 2017; Buzan 2024; Mahoney 2025], *бремя белого человека*, который апеллирует к колониальной политике Британской империи [Чугунов 2022; Wintle 2021], и целый ряд других. Новая волна актуализации тех концептов в политическом дискурсе, которые, казалось бы, уже утратили свою актуальность, вызывает интерес в первую очередь у историков и политологов, как отечественных, так и зарубежных исследователей [Дибас, Бойчук 2019;

Федотов 2020; Zamani Alavijeh 2024]. Однако обращение к методам когнитивной лингвистики позволяет проследить не только динамику развития концепта, но и его семантическую трансформацию [Гаврилова 2004].

Цель данного исследования – анализ динамического развития концепта *бремя белого человека* для выявления семантических сдвигов в его понятийном ядре и ценностных коннотаций на разных исторических этапах (колониальная эпоха, деколонизация, современность). Кроме того, анализ языковых механизмов, с помощью которых создаются новые метафорические модели, позволяет выявить экстралингвистические факторы, формирующие его актуальное восприятие.

Методы и материалы

Исследование опирается на методологию анализа динамики лингвокультурных концептов, разработанную в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (А. П. Миньяр-Белоручева, О. Н. Кондратьева, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Е. С. Кубрякова) [Будаев и др. 2016; Карасик 2002; Карасик, Слышкин 2003; Кубрякова 2010; Миньяр-Белоручева 2019]. Признавая многомерную структуру концептов (образный, понятийный, ценностный аспекты), данная работа фокусируется на их исторической изменчивости и дискурсивной актуализации [Аскольдов 1997; Карасик 2002]. Такой подход помещает исследование на стык лингвистики, истории и политологии [Кубрякова 2010]. Для изучения диахронического развития концепта *бремя белого человека* в исследовании используется метод историко-семантической реконструкции, разработанный в исследованиях Э. В. Будаева, О. Н. Кондратьевой, Е. А. Нахимовой и А. П. Чудинова [Будаев и др. 2016]. Он позволяет проследить эволюцию концепта от его генезиса до современности через анализ ключевого художественного текста – стихотворения Р. Киплинга «Бремя белого человека». Опора на художественный текст определяет ключевую исследовательскую траекторию: проследить миграцию концепта из сферы поэтической метафоры в поле идеологии и его последующую смысловую эволюцию под давлением исторических обстоятельств. Для анализа современных дискурсивных трансформаций и механизмов актуализации концепта в политическом и медийном пространстве используется дискурсивно-когнитивный подход, представленный в исследовании А. П. Миньяр-Белоручевой

[Миньяр-Белоручева 2019]. Такой подход позволяет исследовать, как концепт функционирует в условиях конкуренции интерпретаций, а именно выявить стратегии переосмысления (реабилитация, инверсия, критическая деконструкция) в публицистике, политических заявлениях и визуальных медиа (политических карикатурах).

Материалом исследования стали источники, отражающие как устойчивую, так и ситуативную репрезентацию концепта *бремя белого человека*: художественные тексты рубежа XIX–XX в. и ключевые политические выступления. Материалом для анализа современной актуализации концепта служат тексты политического и публицистического дискурса, медиатексты и визуальный контент последних десятилетий, в которых концепт получает новое прочтение. Такой комплексный подход, сочетающий историческую реконструкцию с анализом дискурсивных практик, позволяет не только описать смысловую трансформацию концепта, но и выявить социально-политические механизмы, обусловившие его возвращение в актуальный политический словарь с принципиально иным ценностным наполнением.

Ключевым для настоящего исследования является литературное происхождение анализируемого концепта, что соответствует одному из двух основных путей формирования политических концептов – от художественного текста к идеологии [Кравченко 2025]. В случае *бремени белого человека* можно наблюдать классический пример такого генезиса: концепт родился как поэтическая метафора в стихотворении Р. Киплинга (1899 г.) и был целенаправленно заимствован и инструментализирован политическим дискурсом для обоснования колониальной экспансии. Эта судьба концепта иллюстрирует общий механизм, когда емкий художественный образ, благодаря своей смысловой емкости и эмоциональной заряженности, становится готовой формулой для политической риторики. Однако дальнейшая динамика развития концепта демонстрирует более сложную траекторию. По наблюдениям Ю. В. Струевой, в XX–XXI в. средой его реактуализации становится уже не столько литература, сколько медийное и визуальное пространство [Струева 2020: 89]. Таким образом, судьба концепта *бремя белого человека* наглядно демонстрирует полный цикл трансформации: художественный текст – политическая доктрина – медийный символ, что требует для своего анализа применение как диахронических, так и дискурсивно-когнитивных методов.

Результаты

Проведенный анализ демонстрирует, что динамика концепта *бремя белого человека* представляет собой классический пример семиотической миграции и семантической инверсии лингвокультурного концепта, являющегося по происхождению художественным тропом. Не случайно актуализация концепта шла именно в литературной среде и носила исключительно широкий характер. Возникнув как заглавная метафора стихотворения Р. Киплинга (1899 г.), концепт не остался единичным поэтическим образом. Напротив, он был немедленно подхвачен и многогранно разработан современной ему художественной прозой, что свидетельствует о его глубоком резонансе в культурном сознании эпохи.

Анализ литературы рубежа XIX–XX в. позволяет выделить несколько устойчивых субфреймов, через которые концепт актуализировался и обогащался смыслами параллельно с его тотальной политической инструментализацией. Так, субфрейм *колонизатор* мгновенно появился в политическом пространстве как креолизированный текст (например, политические карикатуры В. Гиллама и У. Уокера, прямо иллюстрирующие «несение ноши»), а в художественных произведениях одновременно актуализировался субфрейм *миссионер* (например, рассказы Джека Лондона, трактующие бремя как жертвенное служение и мученичество). Субфрейм *путешественник / господин*, описывавший архетипические отношения Робинзона и Пятницы в романе Д. Дефо, или образ *pukka sahib* в романах Агаты Кристи закрепляли идею естественного патернализма, популярную в британском и американском политических дискурсах.

Таким образом, концепт прошел этап интенсивной литературной кристаллизации. Художественные тексты не использовали формулу Р. Киплинга дословно, а наполняли ее плотью конкретных сюжетов, психологических коллизий и бытовых деталей, превращая абстрактную миссию в набор узнаваемых жизненных сценариев. Эта широкая литературная актуализация обеспечила концепту тот семантический потенциал и культурную узнаваемость, которые сделали возможным его последующее заимствование и упрощение политическим дискурсом. На рубеже XIX–XX вв. концепт был оперативно инструментализирован политическим дискурсом. Его ядро, включавшее понятия расового превосходства (*белый*), морального долга

(*бремя*) и цивилизаторской миссии (*бремя белых*), использовалось для оправдания колониальной экспансии Великобритании и США (например, политическая риторика У. Черчилля (1906 г.) и Т. Рузвельта (1904 г.)).

Однако в течение XX в., в процессе деколонизации и критического пересмотра имперского прошлого, произошла кардинальная трансформация ценностного заряда и семантического наполнения концепта. В его современной актуализации произошли ключевые сдвиги:

1. География и логика противостояния. Оппозиция *метрополия – колонии* сменилась конфликтом *Глобальный Север – Глобальный Юг*. Бремя более не означает экспансию и управление, а символизирует оборонительную позицию бывшего центра в ответ на давление миграции и экономическое противостояние.

2. Инверсия ценностного поля. Цивилизаторский пафос был вытеснен дискурсом исторической вины и критики неоколониализма. Концепт теперь используется преимущественно для обличения эксплуатации и лицемерия спасательства (*white saviour complex*), а не для его оправдания.

3. Визуальная и медийная трансформация. Как показал анализ креолизированных текстов (политических карикатур), визуальные репрезентации концепта эволюционировали от образов, буквально иллюстрирующих несение ноши (В. Гиллам, 1899 г.), до сложных ироничных сценариев обратного давления.

4. Культурологическое расширение. Наиболее показательным результатом этой эволюции стало возникновение в 2000-х гг. производного концепта *мертвые белые мужчины*. Он переносит критику из политико-экономической в культурно-эпистемологическую плоскость, оспаривая универсальность западного канона и трактуя его как продукт специфической исторической и идеологической системы, требующей деконструкции.

Концепт, пройдя путь от детальной литературной разработки через этап политического лозунга, вернулся в активный дискурс с обратным семиотическим знаком. Из формулы оправдания имперской экспансии он превратился в инструмент ее критики, став ядром для осмысления современных глобальных конфликтов, неравенства и продолжающейся борьбы за историческую и культурную гегемонию.

Бремя Белых

Стихотворение Джозефа Редьярда Киплинга «Бремя белого человека» было опубликовано в 1899 г. На рубеже веков «Вторая» Британская империя, с одной стороны, находилась на пике своего господства над странами Африки, Азии и Океании, с другой – уже стремилась к своему закату [Watts 2007]. Концепт создавал несколько смысловых фреймов: оправдание господства европейцев над «отсталыми» народами, подчеркивание миссии «высших» рас нести христианство, технологический прогресс, законность и культурное развитие неевропейским народам в своих колониях. Идея бремени проходила красной нитью в некоторых литературных произведениях, политических лозунгах и нарративах, становясь идеологической базой британского империализма [Wintle 2021].

С точки зрения анализа понятийной стороны этого концепта значим выбор Р. Киплингом языковых средств: существительное *бремя* и словосочетание *белый человек*. *Burden* – это не просто *ноша*, это действительно *бремя*. Согласно Большому толковому словарю русского языка, основное значение слова *бремя* – тяжелая ноша, груз¹, как моральный, так и физический, который человек ввиду обстоятельств обязан нести. В английском языке ядерным значением является сема *something difficult or unpleasant that you have to deal with or worry about*². Однако, если учитывать образную семантику существительного, то значение *бремя* чаще несет в себе оттенок принятия, стоицизма, неизбежности (например, *бремя прошлого*, *бремя страха*, *бремя вины* и т.д.). Его *несут*, с ним можно смириться, т.к. оно правильное, которое редко бывает легким. В то же время *burden* ассоциируется с негативом, с грузом, от которого хочется избавиться (например, *to relieve a burden*, *to place a burden on someone* и т.д.).

Р. Киплинг использует метафору бремени как тяжелой миссии, которая лежит на плечах белых людей – представителей европеоидной расы – ради помощи и прогресса других неевропейских народов: *to serve your captives' need*³. В стихотворении

часто используется императивное наклонение, которое выражает особую необходимость взять на себя эту ношу самопожертвования и жертвенности: *take up the white man's burden*⁴. В. Н. Топоров, работая над переводом стихотворения Р. Киплинга, выбрал именно русское слово *бремя*, а не *ноша* или *груз*, не только для того, чтобы сохранить высокий стиль оригинала, но и подчеркнуть колоссальную историческую и цивилизационную ответственность народа: *Твой жребий – Бремя Белых! / Как в изгнание, пошли / Своих сыновей на службу / Темным сынам земли*⁵. Интересно, что и другие переводчики стихотворения (А. Я. Сергеев, М. А. Фроман и С. Степанов) используют в переводе именно слово *бремя*.

Однако в стихотворении также присутствует дуализм [Проскурин, Проскурина 2024] идеи бремени. С одной стороны, это миссия, тяжелая ноша, обязательство и необходимость, с другой – господство и эксплуатация над другими народами. Образ бремени связывает идею о моральном обязательстве, которое должны выполнять европейцы, и мысль о превосходстве европеоидной расы над другими. Стихотворение Р. Киплинга является ярким примером идеологии высокого империализма конца XIX в. Он верил в идею превосходства англосаксонской расы над другими народами, которых он называл *half-devil and half-child*⁶ (полудьяволы и полудети).

Что касается использования Р. Киплингом словосочетания *White Man*, то необходимо учитывать, что на конец XIX – начало XX в. была актуальна оппозиция *белый – желтый* в отношении азиатских колоний Великобритании, а вовсе не *белый – черный*, которая апеллирует к колониальной и рабовладельческой Америке. При этом оппозиция *белый – черный* имеет несколько другие коннотации: белый господин и черный раб (как в стихотворении В. Маяковского «Черное и белое»: *Белую работу делает белый, черную работу – черный*). Именно поэтому предметно-образный элемент концепта должен включать оппозицию не столько по цвету вообще, сколько по цвету кожи и расовой принадлежности – белые европейцы и желтые азиаты или черные африканцы,

¹ Бремя. Большой толковый словарь русского языка, гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=бремя&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=бремя&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.08.2025).

² Burden. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/burden> (accessed 20 Aug 2025).

³ Kipling R. Collected Poems. Wordsworth Poetry Library, 1994. P. 269.

⁴ Ibid.

⁵ Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л.: Худ. лит., 1989. 368 с.

⁶ Kipling R. Collected Poems. P. 268.

т.е. *темные сыны земли*, как в переводе В. Н. Топорова. Темные здесь скорее не по цвету кожи, а в значении *дикие, непросвещенные*.

В политическом дискурсе рубежа XIX–XX вв. концепт использовался прямо и без иронии, как идеологическое обоснование колониализма, экспансионизма и расового превосходства. Анализ когнитивной структуры всего концепта позволяет выделить несколько смысловых субфреймов, актуализировавших этот концепт в русле идей бремени и миссии.

1. Белый человек – это не просто расовая принадлежность, это **колонизатор**, т.е. представители администрации и армии метрополии. В этом смысле интересны политические карикатуры, отражающие предметно-образное наполнение концепта. Одна из самых известных карикатур Виктора Гиллама (рис. 1⁷) была опубликована в американском журнале *Judge* в 1899 г., сразу после публикации стихотворения Р. Киплинга. Обращение к разным типам текстов – вербальному (стихотворение Р. Киплинга) и креолизованному (карикатуры) – требует учета специфики их семиотических систем, особенно в контексте политического дискурса [Креолизованный текст... 2020]. Вербальный текст оперирует линейной, последовательной структурой, где смысл конструируется через лексику, синтаксис и стилистические приемы. В случае концепта *бремя белого человека* на первый план выходит

метафора (бремя как миссия), коннотация (белый как цивилизатор), императивная конструкция (*take up the burden*). Такие тексты требуют интерпретации через призму культурного и исторического контекста, позволяя отслеживать тонкие семантические сдвиги. Креолизованный текст, например политическая карикатура, функционирует иначе: он синхронен, пространственен и основан на взаимодействии визуального и вербального компонентов. Здесь концепт материализуется через визуальные аллегории (Джон Буль, олицетворяющий Британию), гиперболу (гигантская ноша на плечах колонизаторов) и символы (путь от Варварства к Цивилизации). Воздействие такого текста часто мгновенно и эмоционально, т.к. используется гротеск, ирония или сатира для упрощения сложных идей. Иными словами, вербальный текст интерпретирует реальность через язык, создавая концепт как идею, в то время как креолизованный текст овеществляет эту идею, превращая ее в зримый сценарий, где политические отношения буквально «разыгрываются» в кадре. Их сочетание позволяет показать, как концепт живет не только в словах, но и в коллективном воображении, оформляясь в устойчивые визуальные мифы [Kress, Van Leeuwen 1996]. В случае *бремени белого человека* карикатура не иллюстрирует стихотворение, а дает ему публичную, упрощенную и часто полемическую версию, что необходимо для понимания его роли в политическом дискурсе.

В карикатуре В. Гиллама на переднем плане изображены две фигуры – антропоморфные образы США и Великобритании. Джон Буль тащит на плечах индусов и китайцев, а Дядя Сэм – негров и индейцев. Темнокожие африканец, кубинец, филиппинец, гаваец и индус карикатурно изображены как дикари, в набедренных повязках, полуобнаженные. На заднем фоне виднеется путь, который должны пройти колонизаторы: от мрачного дикого леса *Barbarism* (Дикость) к сияющему городу на холме, над которым виднеется слово *Civilization* (Цивилизация).

Еще один пример – карикатура Уильяма Уокера (1899 г.) для журнала *Life* (рис. 2⁸). На ней изображены те же герои, Дядя Сэм и Джон Буль, которые «несут свое тяжелое бремя». На самом деле

Рис. 1. Бремя белого человека (В. Гиллам), *Judge*, 1899

Fig. 1. The White Man's Burden by Victor Gillam, *Judge*, 1899

⁷ Gillam V. The White Man's Burden. *Judge*. 1899. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бремя_белого_человека#/media/Файл:The_White_Man's_Burden_Judge_1899.png (accessed 20 Aug 2025).

⁸ Walker W. The White Man's Burden. *Life*. 1899. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бремя_белого_человека#/media/Файл:The_white_mans_burden.gif (accessed 20 Aug 2025).

Рис. 2. Бремя белого человека (У. Уокер), Life, 1899
Fig. 2. The White Man's Burden by William Walker, Life, 1899

их на своих спинах несут изможденные негр и индус. Креолизованный текст апеллирует непосредственно к эмоционально-образному восприятию через иронию, гротеск или критику, минуя логические цепочки. Карикатура У. Уокера транслирует идею, что настоящее бремя несли не метрополия, а доминионы. Риторика о цивилизаторской миссии была скорее прикрытием для жесткой эксплуатации местного населения. В данном случае – нет ни миссии, ни долга, только грубая сила⁹.

Президент США Теодор Рузвельт был, пожалуй, главным политическим проводником идей, идентичных концепту *бремя белого человека*, на высшем уровне власти США. Его «Следствие из доктрины Монро» (1904 г.) прямо утверждало право США на военное вмешательство в дела стран Латинской Америки для поддержания порядка: "Chronic wrongdoing, or an impotence which results in a general loosening of the ties of civilized society, may in America, as elsewhere, ultimately require intervention by some civilized nation"¹⁰ (Хронические правонарушения или

бессилие, приводящее к общему ослаблению связей цивилизованного общества, в Америке, как и везде, в конечном итоге могут потребовать вмешательства какой-либо цивилизованной нации).

2. Второй субфрейм – **миссионер**. В этом случае политическая семантика не настолько очевидна, т.к. в понятийном поле концепта доминирует ценностный аспект. Белый человек в колониях нес слово Божье, часто сам становясь жертвой болезней и насилия со стороны местного населения. Акцентировалась семантика милосердия и просвещения с доминированием семы *долг*. Этот субфрейм напрямую связывает концепт *бремя белого человека* с идеями патернализма. Р. Киплинг восклицает: *Возьми на себя ношу белого человека, дикие войны за мир – наполни уста голода и дай болезни прекратиться*. Эта тема часто появляется во многих произведениях художественной литературы. Известный рассказ Джека Лондона «Бог его отцов» (1902 г.) о миссионерах в диких местах предвещает победу сынам белокурой, голубоглазой и неугомонной нации, хотя через испытания и лишения: *Они умирали, но за ними шли другие, которым, в свою очередь, предстояло либо умереть, либо победить. Великое, неведомое племя добьется своего, ибо так указано в книге его судьбы*¹¹. Не менее известный рассказ Джека Лондона «Зуб кашалота» (1908 г.) описывает страшную судьбу миссионера Джона Стархерста, которого съели дикари острова Фиджи.

Политический дискурс неустанно подчеркивал миссионерскую деятельность колонизаторов. Так, премьер-министр Великобритании У. Черчилль в выступлении в Палате общин в 1906 г. в ходе дебатов о колониальной политике в Южной Африке соединил религиозно-этическую риторику (посланники милосердия, исцеление) с политико-экономической практикой (*охрана интересов, безопасность, благосостояние*) [Тоуе 2010: 86].

3. Третий субфрейм – **путешественник**. Он характерен для художественных текстов, хотя пример Давида Ливингстона, шотландского миссионера и путешественника, свидетельствует о политической подоплеке многих экспедиций в страны Африки. Интересно, что в произведениях художественной

⁹ Immerwahr D. How the U.S. Has Hidden Its Empire. *The Guardian*. 15 Feb 2019. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/feb/15/the-us-hidden-empire-overseas-territories-united-states-guam-puerto-rico-american-samoa> (accessed 20 Aug 2025).

¹⁰ Theodore Roosevelt's Corollary to the Monroe Doctrine (1905). URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/roosevelt-corollary> (accessed 20 Aug 2025). Перевод выполнен авторами статьи.

¹¹ Лондон Д. Бог его отцов. In: Лондон Д. *Собрание повестей и рассказов (1900–1911)*. М.: Престиж Бук, 2010. С. 169.

литературы конца XIX – начала XX в. белый путешественник или сам спасает дикаря, или получает спасение от него, но обе стороны всегда находятся в неравных отношениях. Например, роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719 г.): история взаимоотношений Робинзона и дикаря Пятницы на необитаемом острове демонстрирует стандартную модель: дикарь учит английский язык и приобщается к благам европейской цивилизации [Чугунов 2022]. Другой пример – попавшие в плен к новозеландским маори путешественники из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта» (1867 г.). И шотландец лорд Гленарван, и француз Жак Паганель воспринимаются дикарями как проклятые англичане, но при этом вожди дикарей говорят на беглом английском и стреляют из ружей.

4. Четвертый субфрейм – **господин / белый господин**. В нем отчетливо проявляется патерналистский мессидж как в политическом, так и в бытовом смысле. В произведениях Агаты Кристи множество сюжетов описывает белого господина и его туземного слугу. В одном из самых известных романов «Убийство в Восточном экспрессе» Агата Кристи, описывая одного из главных героев, дает ему краткое определение – *pukka sahib* (белый господин или настоящий джентльмен), как туземные слуги в Индии называли своих белых хозяев. В качестве определения *pukka sahib* означало как комплимент сдержанности и воспитанности, так и упрек в чопорности и высокомерии британцев. Его значение выходило за рамки быта: он формировал поведенческий стандарт для управленцев Империи, подразумевая не только хорошие манеры, но и неоспоримый авторитет, дистанцию от туземного населения и чувство ответственности, проистекающее из расового и цивилизационного превосходства [Cannadine 2002].

Сейчас этот субфрейм стал включать в себя дополнительный образ белого спасителя (*white saviour*). Это белый человек, как правило, европеец, который изображается освобождающим, спасающим или возвышающим небелых людей. Он важен в том смысле, что описывает такую модель взаимоотношений, в рамках которой цветные люди в экономически неразвитых странах, где большинство населения небелое, лишены возможности действовать

и рассматриваются как пассивные получатели благосклонной помощи белого человека, как, например, карго-культы в Меланезии¹². Этот образ получил особенно большую популярность в кинематографе [Ибраев 2016]. Самые яркие примеры – фильмы «Аватар» и «Последний самурай». Очевидно, что концепты *белый спаситель*, *благородный дикарь*, *волшебный негр* в литературе и кинематографе и движение «Жизни темнокожих имеют значение» в политическом дискурсе тесно связаны.

Критическая переоценка и деконструкция

В современной ситуации трансформации мирового порядка, всплеск национализма и расизма, когда бывшие колонии «пришли» в метрополию в новом качестве, концепт *бремя белого человека* получил вторую жизнь [Zamani Alavijeh 2024: 8]. Причем речь идет не только о постколониальном дискурсе и его попытках осмыслить колониальное прошлое государств, но и о межгосударственных отношениях экономически неравных стран, а также в целом о пересмотре представлений, существующих в качестве канона. Многомерная природа концепта значительно влияет на его связи с другими концептами, родственными ему не только в рамках единой вербализации (например, использование оппозиции *белый – черный*), но и в понятийном поле.

В результате влияния экстралингвистических факторов концепт *бремя белого человека* существенно изменил свою семантическую наполненность. В силу своей синхронной природы именно креолизованный текст наглядно демонстрирует движение семантики в понятийном поле концепта *белый человек*. Сейчас этот концепт редко используется в открытой и прямой форме, поскольку считается идеологически токсичным и устаревшим. Но его переосмысленные и критические визуальные реинкарнации широко присутствуют в медийном пространстве. Если классическая карикатура 1899 г. В. Гиллама показывала Дядю Сэма и Джона Булля, несущих дикарей к цивилизации, то современный аналог, например карикатура, где чернокожий иммигрант пытается удержаться за поверхность, покрытую европейским флагом, это прямое толкование понятия *бремени* в современном контексте (рис. 3¹³).

¹² Карго-культы возникли в Меланезии как группы религиозных движений, где люди поклоняются западным товарам и технологиям, веря, что их можно получить с помощью ритуалов, имитирующих действия белых людей.

¹³ Del Rosso E. Europe. URL: <https://www.cartoonmovement.com/cartoon/europe-11?collection=/collection/migration-and-refuge> (accessed 20 Aug 2025).

Рис. 3. Европа (Э. дель Россо)
Fig. 3. Europe by Emanuele Del Rosso

Также образ белого спасителя в современной политической карикатуре является наследником концепта *бремя белого человека*. Множество карикатур высмеивают этот троп – например, самодовольного западного путешественника или волонтера, позирующего на фоне голодающих детей (рис. 4¹⁴) (обратите внимание на слово *волонтуризм*: *voluntourism* (англ.) – ироничная контаминация двух слов: *voluntarism* (волонтерство) и *tourism* (туризм)). Таким образом, современная карикатура не цитирует концепт белого человека напрямую, но активно использует его концептуальный каркас, наполняя новым политическим и моральным содержанием. Вместо цивилизаторской миссии теперь говорят о бремени ответственности (или бремени вины), а вместо диких народов теперь речь идет о мигрантах, климатических беженцах или целых континентах, требующих исторической справедливости.

Актуализация семантики *господин* в политическом дискурсе скрывается рядом синонимов, которые тем не менее транслируют идею превосходства белой расы. Церемониальные визиты британских монархов в бывшие колонии (Кении, Индии, Ямайки) – яркая современная иллюстрация, как семантика белого господина продолжает воспроизводиться, хотя и в сильно смягченной и закамуфлированной форме. Эти визиты, формально позиционируемые как жесты дружбы и общего наследия в Содружестве,

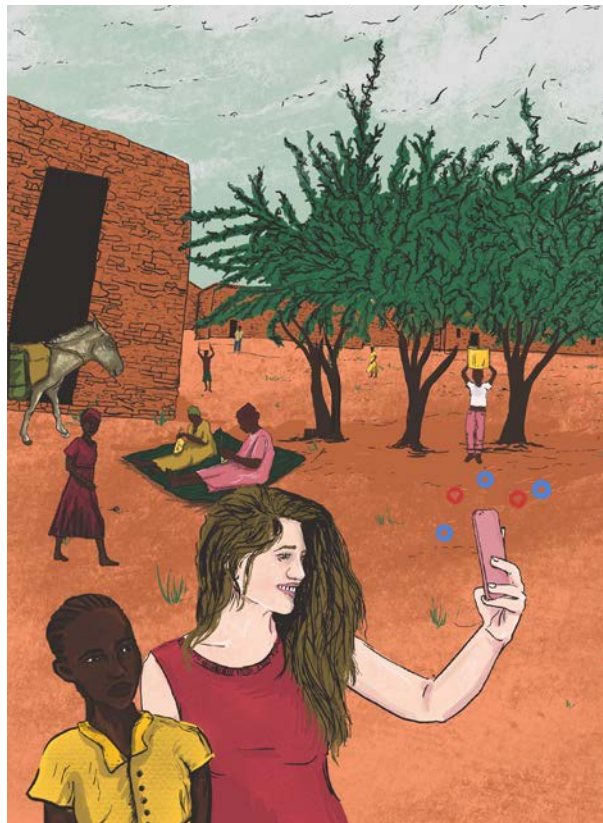

Рис. 4. Волонтуризм и белый спаситель (Х. Джойнер)
Fig. 4. Voluntourism and the White Saviour by Hollie Joiner

часто воспринимаются и разыгрываются через призму исторической иерархии. Визит принца Уильяма и Кейт Миддлтон в страны Карибского бассейна (2022 г.), приуроченный к Платиновому юбилею королевы Елизаветы II, воспроизводил колониальный сценарий: фотографии, где члены королевской семьи в белых костюмах с непокрытой головой (символ цивилизованности) наблюдают за выступлениями местных детей в традиционных нарядах или пожимают руки через проволочное ограждение, вызвали ассоциации с образами колониальных администраторов, inspectирующих туземное население. В ответ на критику представители королевской семьи и британские дипломаты были вынуждены активно дистанцироваться от образа господина, делая акцент на партнерстве, слушании и глубоком уважении¹⁵.

¹⁴ Guiz I. Voluntourism and the White Saviour (Illustration by Hollie Joiner). *The Columnist*. 3 Feb 2019. URL: <https://columnistmagazine.wordpress.com/2019/02/03/voluntourism-and-the-white-saviour/> (accessed 20 Aug 2025).

¹⁵ Robinson M. Royal expert blames 'incompetent' Foreign Office for William and Kate's 'embarrassing' Caribbean tour that saw them ambushed by Jamaican PM and meet islanders behind fences... but others say couple 'had to expect dissent' because 'times have changed'. *The Guardian*. 25 Mar 2022. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10651817/Incompetent-Foreign-Office-blamed-William-Kates-embarrassing-Caribbean-tour.html> (accessed 20 Aug 2025).

Иными словами, субфрейм *белый господин* активно переупаковывается в более приемлемые для XXI в. концепты мягкой силы и культурной дипломатии.

Кроме того, изменилось пространство функционирования этого концепта – он практически исчез из поля художественной литературы. Вернее сказать, трансформировался в сюжет о борьбе черного и цветного населения за свои гражданские права. Из структуры концепта постепенно исчезает семантика превосходства белой расы над всеми остальными народами, при этом развивается значение *black lives matter* (жизни темнокожих имеют значение). Белый спаситель при этом выполняет прежние функции – спасает или поддерживает финансово или иным образом чернокожего пострадавшего. Однако заметным явлением стал выход в свет в 2008 г. романа швейцарского писателя Лукаса Берфуса «Сто дней», в котором цивилизованные швейцарцы в начале XXI в. в составе гуманитарной миссии пытались внедрить среди африканского населения европейские ценности и европейский образ жизни. Закономерно, что роман завершается мятежом туземцев и горьким прозрением главного героя. Все отчетливее звучит мысль о том, что *бремя белого человека* – это невыполнимая и потому безнадежная миссия. В политическом пространстве проекты помощи через МВФ или Всемирный банк часто критикуются за то, что они, по сути, являются современной версией бремени белого человека, поддерживая имидж доброжелательного Запада при сохранении существующего дисбаланса сил и богатства.

Переключившись практически полностью в поле политического и общественного дискурсов, концепт изменил и фрейм географии. Если на рубеже XIX–XX вв. речь шла прежде всего об отношениях метрополии и доминионов, то в современном политическом дискурсе на первый план выходит противостояние «стареющего и сокращающегося населения» условного Запада и «молодых, многочисленных и все более агрессивных выходцев с "мирового Юга"» [Иваненко 2024: 45], при этом оппозиция *белый – желтый / черный* трансформировалась в оппозицию *белый – не белый*, а скорее – *не европеец*. Из колониальной модели *метрополия – доминионы* он перешел

в логику глобального демографического и культурного противостояния.

Кроме того, значительно изменилась ключевая семантика самого противостояния. Если раньше доминировала оппозиция *дикость – цивилизация*, то в настоящий момент речь идет о противостоянии экономическом и технологическом. С одной стороны, роль главного финансового регулятора (финансового гегемона) позволяет условному центру брать под контроль страны периферии, которые выступают в роли поставщиков ресурсов дешевой рабочей силы [Федотов 2020]. С другой стороны, миссия белого человека, т. е. помощь экономически развитых стран, чревата порождением паразитизма и стагнацией экономик бедных регионов.

Как и на рубеже прошлых веков, в настоящее время в концепте *бремя белого человека* доминирует эксплицитная негативная оценочность, которая, однако, имплицитно добавляет напряжение в это противостояние. Риторика о волнах, потоках, нашествиях с Юга – это прямая инверсия бремени. Теперь отсталые не пассивно ждут цивилизации у себя, а активно несут свои проблемы в сердце Европы. Бремя – содержать и контролировать их. Условные *белые* не считают себя обязанными нести бремя, в то время как *не белые* идут в метрополию. Современный многонациональный и мультикультурный состав населения Великобритании, например, целиком и полностью определен колониальным прошлым страны. Согласно переписи населения 2021 г., черные / африканцы / карибские / чернокожие британцы составляли 4 %, а азиаты / азиатские британцы и индийцы – 9,3 %¹⁶. Таким образом, современное бремя белого человека – это уже не груз сахарного тростника или дикарей, которые не могут сами идти к прогрессу, а груз мигрантов, требований и исторической вины, которые сами идут к его порогу¹⁷.

И, наконец, необходимо обратить внимание на относительно новый, появившийся в конце 2000-х гг. концепт *мертвые белые мужчины* (*white dead men / males*), который является частью западной культурной повестки и напрямую связан с концептом *бремя белого человека* и в образно-понятийном, и в ценностном аспектах. Прямым

¹⁶ Ethnicity facts and figures. Gov.uk. <https://www.ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/#:~:text=Government%20data%20about%20the%20UK's%20different%20ethnic,people%20from%20a%20variety%20of%20ethnic%20backgrounds> (accessed 20 Aug 2025).

¹⁷ African leaders push for recognition of colonial crimes and reparations. *The Guardian*. 30 Nov 2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/nov/30/african-leaders-push-for-recognition-of-colonial-crimes-and-reparations> (accessed 20 Aug 2025).

интеллектуальным мостом, соединяющим концепт *бремя белого человека* XIX в. и современную критику *мертвых белых мужчин*, является исследование Эдварда Саида «Ориентализм» (1978 г.). Основной посыл Э. Саида заключается в том, что Восток (*Orient*) – это не столько географическая реальность, сколько западная конструкция, созданная с позиции превосходства [Саид 2016]. Ученые, писатели, чиновники (белые мужчины) создали огромный корпус текстов, где Восток изображался как иррациональный, деспотичный, чувственный, отсталый, т. е. как антитеза рациональному, свободному, прогрессивному Западу. Этот дискурс был интеллектуальным и культурным инструментом бремени: чтобы нести цивилизацию, нужно было сначала научно и художественно доказать, что объект миссии – это дикарь, нуждающийся в руководстве.

Э. Саид продемонстрировал, что колониализм не закончился с уходом колониальной администрации. Он продолжается в форме культурной гегемонии, когда бывшие колонизированные народы по-прежнему смотрят на себя глазами западного ориенталистского канона. Борьба с *мертвыми белыми мужчинами* – попытка разорвать эту гегемонию, деколонизировать само сознание, Концепт *мертвые белые мужчины* возник как отрицание устоявшихся теорий, идей и знаний, являющихся культурным багажом западной цивилизации. В первую очередь это борьба против канона в современном культурологическом и феминистском дискурсах. Если оставить в стороне феминистский посыл, заключенный в слове *мужчины*, то основной акцент можно сделать на семантике слова *белый*. Другими словами, миссия белого человека и его бремя – это распространять по всему миру канонические основы знаний и культуры, созданные белыми отцами-основателями. Критика, эксплицитно выражаемая в слове *мертвый*, свидетельствует о том, что в культурологическом пространстве меняется взгляд на западную культуру и так называемую высокую культуру как на единственную достойную внимания и определяющую прогресс всего человечества [Shalhope 2005]. Сегодняшний спор о *мертвых белых мужчинах* свидетельствует о глубинном эпистемологическом сдвиге в попытке оспорить право Запада быть единственным творцом, хранителем и судьей всемирного культурного наследия.

Заключение

Концепт *бремя белого человека* является репрезентативной моделью для изучения диахронической динамики лингвокультурных концептов. Жизненный цикл концепта от литературной метафоры, развернутой в художественном тексте, через идеологический инструмент к объекту критики и культурной рефлексии наглядно демонстрирует, как укорененные языковые формулы способны кардинально менять свое ценностное наполнение в ответ на глобальные исторические сдвиги, а многомерная структура лингвистических концептов активно подключает ассоциативный (фреймовый) компонент при актуализации в дискурсивном поле политики [Думов и др. 2019]. Семантическая трансформация концепта прослеживается по трем основным векторам: метафорическому значению (от *белого человека* к *мертвым белым мужчинам* через критику идеи расового превосходства), геополитическому (от *метрополия – колонии* к *Север – Юг* через экономическое и культурное противостояние) и аксиологическому (от *миссии* к *вине / ответственности* через постколониальный дискурс).

Изучение подобных концептов перестает быть сугубо историко-лингвистической задачей. Оно становится ключом к пониманию того, как язык прошлого конструирует политические нарративы настоящего, а следовательно, и к прогнозированию идеологических конфликтов будущего.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. В. Савина – концептуализация, методология, написание текста статьи. Е. А. Гоманова – написание оригинального черновика, визуализация.

Contribution: T. V. Savina developed the research concept, designed the methodology, and wrote the manuscript. E. A. Gomanova drafted the manuscript and provided the visualization.

Литература / References

- Аскольдов С. А. Концепт и слово. *Русская словесность: От теории словесности к структуре*, ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 1997. С. 267–280. [Askoldov S. A. Concept and word. *Russian literature: From the theory of literature to structure*, ed. Neroznak V. P. Moscow. Academia, 1997, 267–280. (In Russ.)]
- Будаев Э. В., Кондратьева О. Н., Нахимова Е. А., Чудинов А. П. Методика диахронического анализа политической метафоры. *Политическая лингвистика*. 2016. № 6. С. 18–31. [Budaev E. V., Kondratyeva O. N., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Methods of diachronic analysis of political metaphors. *Political Linguistics*, 2016, (6): 18–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqzqln>
- Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Полис. Политические исследования*. 2004. № 3. С. 127–139. [Gavrilova M. V. Political discourse as object of linguistic analysis. *Polis. Political studies*, 2004, (3): 127–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13>
- Дибас О. А., Бойчук С. С. Конфликт императивов создания империи и национальных традиций в английском обществе второй половины XIX – начала XX столетий. *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 3. С. 29–37. [Dibas O. A., Boichuk S. S. The conflict of imperatives in creating an empire and national traditions in English society during the second half of the 19th – early 20th centuries. *History magazine – Researches*, 2019, (3): 29–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2019.3.29851>
- Думов А. В., Кудашов В. И., Личаргин Д. В. Соотношение концептов информация и отражение: коллизии и пути их разрешения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 3. № 4. С. 348–354. [Dumov A. V., Kudashov V. I., Lichargin D. V. "Information" vs. "relationship": Collisions and Solutions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(4): 348–354. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-4-348-354>
- Ибраев Е. Е. Эволюция «бремени белого человека» в британском кинематографе XX века. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 4. С. 26–36. [Ibraev E. E. Evolution of the concept of "white man's burden" in the British cinema in 20th century. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, (4): 26–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxokff>
- Иваненко В. Бремя белого человека: в погоне за миражом. *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 30–46. [Ivanenko V. The white man's burden: Chasing a mirage. *Russia in Global Affairs*, 2024, (3): 30–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-30-46>
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания. *Методология современной психолингвистики*, ред. В. А. Пищальникова. М. ИЯз РАН, 2003. С. 50–56. [Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvocultural concept as an element of linguistic consciousness. *Methodology of modern psycholinguistics*, ed. Pichshalnikova V. A. Moscow: IL RAS, 2003, 50–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wenxyn>
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugqamp>
- Ковалев Н. А. Развитие концепта «холодная война» в политическом дискурсе (на материале американских СМИ). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 7-1. С. 98–102. [Kovalev N. A. Developing the "Cold War" concept in political discourse (by the material of the American mass media). *Philology. Theory & Practice*, 2017, (7-1): 98–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqeefl>
- Кравченко М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 85–96. [Kravchenko M. A. Metalanguage reflection in fiction: From the object of reflection to the typology of reflexives. *SibScript*, 2025, 27(1): 85–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-85-96>
- Креолизованный текст: Смысловое восприятие, отв. ред. Вашунина И. В. М.: ИЯз РАН, 2020. 206 с. [Creolized text: *Semantic perception*, ed. Vashunina I. V. Moscow: IL RAS, 2020, 206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lyuump>
- Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира. *Когнитивные исследования языка*. 2010. № 7. С. 13–18. [Kubryakova E. S. On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes. *Cognitive studies of language*, 2010, (7): 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pngwhv>

- Миньяр-Белоручева А. П. Парадигмальная обусловленность метафоры политического дискурса как предмет междисциплинарного исследования. *МАГИЯ ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике*, ред. Д. Н. Новиков. М.: МГИМО, 2019. Т. 1. С. 170–176. [Minyar-Beloroucheva A. Paradigm-dependent political discourse metaphors as a subject of interdisciplinary research. *MAGIA INNO: Integrative tendencies in linguistics and linguistic didactics*, ed. Novikov D. N. Moscow: MGIMO, 2019, vol. 1, 170–176. (In Russ.)]
- Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 37–48. [Proskurin S. G., Proskurina A. V. Duality in language and culture: Values and meta-concepts. *SibScript*, 2024, 26(1): 37–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-37-48>
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Русский Мир, 2016. 671 с. [Said E. *Orientalism. Western conceptions of the orient*. 2nd ed. St. Petersburg: Russkii Mir, 2016, 671. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlbush>
- Струева Ю. В. Эволюция образов имперского мифа Р. Киплинга в кинематографе XX в. *Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования*: Междунар. конф. (Ярославль, 5–6 марта 2020 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2020. Ч. 2. С. 88–97. [Strueva Yu. V. The evolution of images of R. Kipling's imperial myth in 20th-century cinema. *Issues of Russian and foreign history, political science, sociology, and education*: Proc. Intern. Conf., Yaroslavl, 5–6 Mar 2020. Yaroslavl: YSPU, 2020, pt. 2, 88–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrzbvf>
- Федотов А. А. «Бремя белого человека» и «Последняя молитва». *На пути к гражданскому обществу*. 2020. № 1. С. 3–6. [Fedotov A. A. "The White Man's Burden" and "The Last Prayer". *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2020, (1): 3–6. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhihvx>
- Черкашина Т. Н. «Особые отношения» Великобритании и США: испытание временем. *Власть истории и история власти*. 2024. Т. 10. № 5. С. 47–57. [Cherkashina T. N. The "special relationship" of the UK and the USA: The test of time. *The Power of History – the History of Power*, 2024, 10(5): 47–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/einggb>
- Чугунов Д. А. «Бремя белого человека» в свете интеркультурной герменевтики. *Новое прошлое*. 2022. № 3. С. 24–36. [Chugunov D. A. "The white man's burden" in light of intercultural hermeneutics. *The New Past*, 2022, (3): 24–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-3-24-37>
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с. [Chudinov A. P. *Political linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdqkxt>
- Buzan B. A new cold war? The case for a general concept. *International Politics*, 2024, 61(2): 239–257. <https://doi.org/10.1057/s41311-024-00559-8>
- Cannadine D. *Ornamentalism: How the British saw their empire*. Penguin Books, 2002, 263.
- Kress G., Van Leeuwen T. *Reading images: The grammar of visual design*. New York: Routledge, 1996, 288.
- Mahoney J. The Cold War as a label, meaning, and referent. *Social Science History*, 2025, 49(4): 1007–1024. <https://doi.org/10.1017/ssh.2024.41>
- Shalhope R. E. Resurrecting Dead White Males. *Reviews in American History*, 2005, 33(2): 162–168.
- Toye R. *Churchill's Empire: The world that made him and the world he made*. Henry Holt and Co., 2010, 464.
- Watts C. P. 'Pax Britannica'. *Encyclopedia of the Age of Imperialism, 1800–1914*, ed. Hodge C. C. Westport, CT: Greenwood Press, 2007, vol. II, 547–550.
- Wintle M. J. *Eurocentrism: History, identity, white man's burden*. London-New York: Routledge, 2021, 291.
- Zamani Alavijeh H. Racial ideologies and imperial discourses: A new historicist reading of Kipling's "The White Man's Burden". *Journal of Critical Studies in Language and Literature*, 2024, 5(3): 7–13. <https://doi.org/10.46809/jcsll.v5i3.263>

оригинальная статья

eLibrary EDN: RUBKSH

Отражение конфликтных зон межкультурного взаимодействия в языковом сознании носителей русского языка

Самкова Мария Андреевна

Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск

eLibrary Author SPIN: 9066-9539

<https://orcid.org/0000-0001-6803-2701>

Scopus Author ID: 57110296000

degi@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблематика конфликтности межкультурного взаимодействия в аспекте обыденного языкового сознания. Выявленный по результатам ассоциативного эксперимента комплекс негативных коннотаций свидетельствует о том, что слово *мигрант* имеет устойчивое дополнительное оценочное значение, которое вступает в семантический диссонанс с нейтральным значением, зафиксированным в словарях. Многочисленность коннотаций обуславливает потребность их включения в описание семантики слова и фиксации в соответствующих словарях социальной лексики с пометами, указывающими на ассоциативное значение. Цель – сконструировать семантический гештальт ассоциативного поля *мигрант* и определить конфликтные языковые единицы, семантика которых допускает формирование нежелательного смысла социально значимого для современной России понятия *мигрант*. Концепция «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова используется для систематизации и структурирования ассоциативного поля *мигрант*, а также для определения этнокультурной специфики русского обыденного языкового сознания и упорядочения наивной языковой картины мира. Материал исследования – 1299 реакций, которые были получены в результате ассоциативного эксперимента. Обнаружено пять семантических зон, три из которых указывают на зоны возможного конфликта. Конфликтность зон «Общественные нормы», «Адаптация» и «Труд и социальные льготы» связана с экономической ситуацией и этническими различиями в ценностях, нормах и моделях поведения и общения. Существование данных различий является предпосылкой формирования этнической интолерантности в современном российском обществе. Однако проявление принятия и уважения в реакциях может служить отправной точкой для дальнейшего исследования взаимной этнокультурной адаптации. В перспективе планируется мониторинг динамики ассоциативного поля, который поможет дополнить лексикографическую базу и оценить влияние миграционной политики на изменение отношения российского общества к трудовой миграции.

Ключевые слова: обыденное языковое сознание, носители русского языка, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, конфликт, конфликтная зона, мигрант

Цитирование: Самкова М. А. Отражение конфликтных зон межкультурного взаимодействия в языковом сознании носителей русского языка. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 751–762. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-751-762>

Поступила в редакцию 29.09.2025. Принята после рецензирования 15.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Conflict-Prone Zones of Intercultural Interaction: Reflection in the Naive Consciousness of Native Russian Speakers

Maria A. Samkova

Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

eLibrary Author SPIN: 9066-9539

<https://orcid.org/0000-0001-6803-2701>

Scopus Author ID: 57110296000

degi@mail.ru

Abstract: Intercultural conflict potential can be studied based on the naive consciousness of Russian speakers. The concept of migrant is socially significant for contemporary Russia. This associative experiment identifies negative connotations associated with the word *migrant*. These negative connotations lend the word an additional evaluative meaning that semantically contradicts the neutral meaning recorded in dictionaries. This new semantics should be recorded in dictionaries of social vocabulary. The resulting semantic gestalt of the associative field *migrant* makes it possible to identify conflict-generating linguistic units whose semantics can form an undesirable meaning of the migrant concept. Yu. N. Karaulov's theory of semantic gestalt was used to systematize and structure the associative field of migrant, as well as to determine the ethnocultural specificity of the Russian naive consciousness and linguistic worldview. The associative experiment, which yielded 1,299 responses, revealed five semantic zones. Three of them indicate areas of potential conflict: social norms, adaptation, and labor and social benefits. The conflict potential of these zones is linked to the economic situation and differences in values, norms, and models of behavior and communication. These differences serve as a prerequisite for ethnic intolerance. However, responses showing acceptance and respect can serve as a starting point for further research into mutual ethnocultural adaptation. The dynamics of the associative field may supplement the lexicographic database and help assess the impact of migration policy on Russian society's attitude toward labor migration.

Keywords: naive consciousness, native Russian speakers, association experiment, semantic gestalt, conflictogenic unit, conflictogenic zone, migrant

Citation: Samkova M. A. Conflict-Prone Zones of Intercultural Interaction: Reflection in the Naive Consciousness of Native Russian Speakers. *SibScript*, 2026, 28(4): 751–762. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-751-762>

Received 29 Sep 2025. Accepted after peer review 15 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

В настоящей статье представлено экспериментальное описание конфликтности межкультурного взаимодействия в аспекте обыденного языкового сознания. Согласно данным Международной организации по миграции за 2020 г., число международных мигрантов составило 281 млн, из которых свыше 87 млн находятся в Европе и свыше 86 млн – в Азии¹. Число международных мигрантов

составляет примерно 3,5 % от всех людей, населяющих Землю.

Концепция многонационального народа и поддержка этнокультурного многообразия закреплены в статьях 3, 19 и 69 Конституции РФ². Поэтому мирное сосуществование представителей различных этносов и народов выступает важным условием развития этнически и культурно разнообразного

¹ Мигранты. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/fight-racism/vulnerable-groups/migrants> (дата обращения: 13.09.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 13.09.2025).

российского общества. Однако проблема этнической нетерпимости до сих пор является актуальной, о чем свидетельствуют результаты всероссийского опроса 2020 г.³ и анкетирования студенческой молодежи 2024 г. [Чистяков, Макалова 2025]. Миграционные процессы повлияли на становление нового направления в парадигме гуманитарных наук – миграционной лингвистики.

Актуальность настоящего исследования, поднимающего вопросы конфликтного компонента гештальта *мигрант*, обусловлена развитием ассоциативной аксиологии в миграционной лингвистике, которая изучает потенциальную конфликтность, связанную с константами этнического сознания, картиной мира и ярко выраженной этнокультурной дифференцированностью. Этничность потенциально конфликтна в силу культурных, поведенческих, языковых, физических и других различий. Однако именно социально-экономическая и политическая ситуации активизируют конфликтный потенциал этничности [Буянова 2007]. В современной России внешняя трудовая миграция поднимает вопрос этнокультурных различий и намечает проблему этнической нетерпимости или интолерантности⁴. Данная проблема является разноаспектной. Настоящее исследование находит наиболее важными следующие аспекты: социально-философские [Барышная 2014; Липская 2018; Мамырганов 2014; Тихвинский 2015], психологические [Коровина, Кохан 2025; Мышкина 2014; Русских 2024; Фомина 2015; Чеботарева 2015] и лингвистические [Постоечко 2018; Рогозина, Бухнер 2017; Стернин и др. 2006]. Аспекты этнической нетерпимости выявляются в молодежной среде [Захарова, Сидорова 2024; Иванова, Ваднева 2019; Коробкова и др. 2015; Малеев 2016; Фоминых, Смирнова 2023; Ухабина и др. 2013], в языке СМИ [Иссерс, Рахимбергенова 2007; Смирнова 2019; Шмелева 2010; Шулумба 2013] и в социальных сетях [Кушнерук 2025; Самкова 2025].

Будучи детерминированной культурой, разница в ценностях, знаниях и оценках может затруднять бесконфликтное межкультурное взаимодействие. Наряду с культурой, язык влияет на содержание образов обыденного языкового сознания. В настоящем

исследовании мы рассматриваем психологически реальные значения слова *мигрант* и сочетания с данным словом, которые входят в языковое сознание рядового носителя русского языка. Автором выдвигается гипотеза о том, что ядро семантического гештальта *мигрант* в обыденном языковом сознании носителей русского языка формируется не только денотативными признаками, но и устойчивыми оценочно-характеризующими значениями, указывающими на аксиологическую маркировку концепта *мигрант*.

Цель исследования – сконструировать семантический гештальт ассоциативного поля *мигрант* и определить конфликтные языковые единицы, семантика которых допускает формирование нежелательного смысла социально значимого для современной России понятия *мигрант*. Задачи:

- 1) провести ассоциативный эксперимент для выявления образных характеристик концепта *мигрант*, которые закреплены в сознании носителей русского языка;
- 2) распределить ассоциаты по зонам и субзонам семантического гештальта;
- 3) подсчитать общее количество слов-реакций, найти процентное отношение ассоциатов в каждой семантической зоне;
- 4) определить языковые единицы, которые являются потенциальными носителями конфликтной информации.

Полученные результаты мотивируют выделение научной значимости, связанной с определением гештальт-когнитивной обусловленности семантической структуры концепта *мигрант* и выявлением значений, распределяющихся в диапазоне от нейтральной до яркой отрицательной оценочности. Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в дальнейшее развитие вопросов, связанных с лингвоконфликтологическим аспектом изучения языкового сознания в обыденной семасиологии и ассоциативной аксиологии. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в лексикографии для формирования и дополнения статьи «Мигрант» в ассоциативных словарях и словарях социальной

³ Проект «Мы считаем»: «Толерантность: Россия за или против?». Михайлов и партнёры. Аналитика. URL: <https://m-p-a.ru/proekt-myi-schitaem-tolerantnost-rossiya-za-ili-protiv.html> (дата обращения: 13.09.2025).

⁴ Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций. РСМД. 17.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения: 13.09.2025).

лексики, а также в разработке на основе выявленных конфликтогенных зон практических рекомендаций и коммуникативных стратегий для СМИ и модераторов социальных сетей, направленных на предупреждение этнической интолерантности.

Методы и материалы

Исследование конфликтогенных зон обыденного языкового сознания выявляет «комплекс представлений о ценностях культуры», выраженных средствами русского языка [Балясникова, Уфимцева 2020]. Материалом исследования послужили полученные в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента реакции. В эксперименте приняли участие 130 информантов обоих полов (53 % женщин и 47 % мужчин), преимущественно в возрасте 18–29 лет (67 %) и 30–39 лет (17 %). Молодежь рассматривается как социально перспективная группа. Взгляды и ценности молодого поколения определяют будущие социальные тенденции [Белоусов, Ерофеева 2015]. Уровень образования значительного числа информантов – высшее (39 %) и неполное высшее (23 %) по таким направлениям профессиональной деятельности, как общегуманитарное (54 %) и политехническое (31 %). Основная часть информантов – из Уральского (53 %) и Приволжского (34 %) федеральных округов. В результате было получено 1299 реакций, что достаточно на данном этапе исследования. Психолингвистические исследования отмечают, что при выборках более 100 информантов по мере возрастания числа респондентов соотношение вариантов реакций изменяется незначительно [Черкасова 2005].

Ассоциативный эксперимент включает как свободные, так и направленные элементы. Задания типа *Напишите слова, которые приходят Вам на ум, после того как Вы читаете или слышите слово «мигрант». Перечислите их через запятую и Продолжите фразу «Трудовой мигрант – это...»* создают условия отсутствия ограничений на выбор ответов. А задания типа *Опишите типичных мигрантов. Мигранты – они какие? и Заполните пропуски «Он на то и мигрант, чтобы __»* задают ограничивающие условия: синтаксическая структура предложения предполагает использование определенной части речи.

Ведущим способом определения этнокультурной специфики обыденного языкового сознания является концепция «семантического гештальта» как структуры, стоящей за ассоциативным полем [Караулов 2015]. Данная концепция позволяет

систематизировать и структурировать ассоциативное поле и упорядочить наивную языковую картину мира.

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, выделяются несколько семантических зон, объединяющих в языковом сознании носителей конкретного языка типичные признаки понятия: (1) кто или субъект; (2) что или объект; (3) какой или характеристика; (4) что делает или действие; (5) как, каково или состояние; (6) где или место; (7) прочие [Караулов 2015]. Данные зоны могут подразделяться на субзоны. Концепция Ю. Н. Караулова успешно применяется лингвистами [Балясникова, Уфимцева 2018; Иванова, Поскачина 2022; Цзя 2021].

Результаты

На основании семантической классификации реакций, входящих в ассоциативное поле *мигрант*, конструируется семантический гештальт, состоящий из семи зон. Зоны делятся на субзоны. В отдельных субзонах можно наблюдать конфликтогенные языковые единицы. Результаты представим в виде таблицы, в которой приведены ассоциаты, упоминавшиеся пять и более раз, указано общее количество слов-реакций и процентное отношение ассоциатов в каждой семантической зоне к общему количеству слов-реакций на слово-стимул *мигрант* (табл.).

Концепция семантического гештальта позволила упорядочить многочисленные ассоциаты, входящие в ассоциативное поле *мигрант*. Множество субзон может свидетельствовать о наличии различных признаков изучаемого поля. Обнаружено, что ассоциаты семантически тяготеют к наименованию и характеристике объекта исследования, а также к указанию действий, которые совершаются или приписываются мигрантам. Выявлены высокие показатели частотности негативной коннотации, которые указывают на конфликтогенные зоны.

Исходя из частотности и стилистической окрашенности слов-реакций, наиболее конфликтогенной зоной является «Общественные нормы». Самыми частотными характеристиками оказываются малограмотность, наглость и враждебность. Первая характеристика выражена такими реакциями, как: *необразованные, неграмотные, малограмотные, плохо говорящие по-русски; неговорящие по-русски, говорящие с акцентом, говорящие на своем языке* (прим. – здесь и далее указывается количество упоминаний – 37). Грамотность представляет ценность, т.к. характеризует уровень развития общества.

Табл. Ассоциативное поле *мигрант*
Tab. Associative-verbal field *migrant*

Семантическая зона	%	Субзона	Ассоциаты	Количество ассоциатов
Субъект	26 %	обобщающие номинации и номинации социальных субъектов	человек	112
			люди	37
			мигрант / мигранты (не как стимул)	35
			работник	24
			гастарбайтер	19
			рабочий	16
			гражданин	14
			специалист	8
			беженец	7
			приезжий	7
			иностранец	6
			личность	5
		название профессий и социальных статусов	строитель	13
			водитель	12
			насяльника (из мема)	6
			преступник	5
		этнонимы	таджик	20
			узбек	16
			русский	15
		этнофолизмы и зооморфные метафоры	чурка / чурки	67
			тараканы	11
			мухи	6
		местоимения	свой / свои	22
			они	21
			наш / наша	18
			их	8
			мы	7
Объект	18 %	конкретные объекты (физические и материальные)	документы (паспорт, прописка)	9
			деньги (зарплата, доход, копейки, гроши)	8
			еда (шаурма, овощи)	8
			транспорт (маршрутка, автобус, такси)	7
			одежда (рабочая роба, хиджаб)	5
			жилье (общежитие, квартира)	5

Семантическая зона	%	Субзона	Ассоциаты	Количество ассоциатов
		абстрактные понятия, явления, процессы	работа / труд (зарплаток, рабочие места, черная работа)	121
			закон / правила / нормы	47
			культура / традиции / обычаи	38
			язык (русский, родной, акцент)	33
			экономика (экономическая ситуация, рост, демография)	16
			образование (необразованность, низкая квалификация)	11
			граница (государственная)	9
			религия (ислам, мусульманство)	9
			власть (правительство, пособия, налоги)	8
			преступление	7
Характеристика	30 %	отрицательная	наглые	13
			не говорят на местном языке / плохо говорят по-русски	12
			грубые / невежливые / невоспитанные / бескультурные	9
			грязные	8
			необразованные / неграмотные / малограмотные	8
			громкие / шумные	7
			говорят на своем языке / с акцентом	6
			агрессивные	5
		нейтральная	разные	8
			обычные / обыкновенные люди	7
			нерусские	5
		положительная	трудолюбивые / работающие	7
Действие	12 %	отрицательное действие, которое совершается или приписывается мигрантам	говорить плохо / на своем языке / с акцентом	33
			вести себя плохо / агрессивно / нагло / неадекватно	21
			нарушать	18
			создавать / приносить проблемы / напряженность	14
			навязывать	11
			пользоваться льготами / услугами государственных учреждений	11
			насилловать	9
			совершать преступления	7
			убивать	6
			грабить	5
			загрязнять	5
			бежать (от угроз)	5

Семантическая зона	%	Субзона	Ассоциаты	Количество ассоциатов
		нейтральное действие, которое совершается или приписывается мигрантам	работать	95
			переезжать	24
			жить	19
			искать работу / лучшую жизнь	15
			зарабатывать	11
			заполнять рабочие места	9
			мигрировать	9
			изучать язык / культуру	8
			адаптироваться	7
			следовать законам / правилам / обычаям	6
			выживать	6
			привыкать	5
			собираться / кучковаться	5
		положительное действие, которое совершается или приписывается мигрантам	трудиться (в положительном контексте)	10
			помогать стране	7
			развивать страну	6
			уважать	6
		действие, которое совершается по отношению к мигрантам	относиться с пониманием / враждебно	12
			использовать как рабочую силу	9
			принимать	5
Место	8 %	название стран и регионов	Россия	78
			страны СНГ / бывшего СССР	32
			Средняя / Центральная Азия	28
			Ближнее зарубежье	11
			Узбекистан	10
			Таджикистан	7
			Европа	6
			южные республики	5
		границы и перемещение	другая страна / чужая страна / неродная страна	41
			граница	9
			переезд	7

Знание языка принимающей страны является важным ресурсом для адаптации и интеграции мигрантов [Соколова 2016]. Тогда как незнание, тесно связанное с непониманием, может привести к конфликтам и служить препятствием реализации трудового и иного потенциала работников.

Вторая характеристика – наглость – является отрицательным качеством и имеет широкий спектр способов репрезентации. В реакциях информантов субъект выражен этнофолизмом *чурка* и собирательным экспрессивным этнонимическим понятием *нерусский*. На «чужого» как члена аксиологической оппозиции *свой – чужой* направлен отрицательный оценочный вектор. Прилагательные с семантикой наглости преобладают по численности над глаголами. К основным компонентам наглости отнесем выделенную информантами разницу в нормах и моделях поведения и общения: *грубые, грубят, невежливые, невоспитанные, бескультурные, не уважают русскую культуру, бестактные, громкие, шумные, дерзкие* (41). Речь идет о чрезмерном проявлении неуважительного поведения и общения. Однако стоит отметить, что эксперимент выявил наличие у носителей русского языка представлений о положительных качествах трудовых мигрантов: *тихие, вежливые, дружелюбные, добрые, уважающие старших* (8). Диспропорция позитивных и негативных представлений, а также разнообразие репрезентаций наглости свидетельствуют о наличии конфликтного потенциала данной зоны.

Третья характеристика – враждебность – наиболее конфликтноопасна. Она имеет разветвленную семантико-синтаксическую структуру, состоящую из адъективных, субстантивных и глагольных компонентов, и включает враждебные качества и наименования преступлений: *агрессивные, опасные, нарушающие устои и законы, плюющиеся, матерящиеся, вандалы, беспредельщики, наркоманы, насильники, педофилы, зоофилы, нацисты, грабят, домогаются, насилуют, убивают* (57). Превалирование негативных оценок свидетельствует о стигматизации образа мигранта. В обыденном языковом сознании стигматизированный образ соотносится с конкретными этническими группами, определенной религией и с непосредственными атрибутами внешности. В случае масштабной самоорганизации общества в активистские движения по противодействию миграции социальная стигматизация может привести к применению санкций спонтанного социального контроля или

к несанкционированным действиям со стороны местного населения.

С зоной «Общественные нормы» связана зона «Адаптация». Несоблюдение законов и норм наряду с языковым барьером выступают основными катализаторами негативных ожиданий и трудностей адаптации к российскому обществу. Но также выделяются иные культурные различия, которые могут привести к трудностям адаптации и интеграции. В частности, стоит отметить изолированность этнических групп: *живут в диаспорах* (3), *анклавах* (1) – и поддержание своей культурной самобытности: *живут общинами, собираются в свои группы, кучкуются* (7). К положительным ожиданиям относятся реакции, указывающие на необходимость взаимодействия этносов: *адаптироваться, ассимилироваться, интегрироваться, привыкать к новой стране* (11).

Адаптация, будучи двусторонним процессом, предполагающим взаимное приспособление разных культур, обнаруживает конфликтные установки принимающего общества – враждебное отношение, отвержение, дискриминацию, которые выявляются в следующих реакциях: *воспринимаются враждебно; испытывают давление; раздражают коренное население; отношусь с осторожностью; не могу доверять; квартиру сдаю только славянам; чем меньше мигрантов, тем лучше; мигранты не нужны* (28). Однако некоторые реакции демонстрируют толерантное отношение: *нужно относиться с уважением / пониманием; мы научились принимать и уважать отличающихся от нас; такие же люди, как и мы; нормальные люди* (11). Адаптация возможна в случае взаимного принятия этнокультурных и языковых различий приезжающей и принимающей стороны.

Менее репрезентативной, но не менее значимой является конфликтногенная зона «Труд и социальные льготы». Первая составляющая – **конкуренция** – представлена реакциями, указывающими на проблему в целом: *заполнение востребованных рабочих мест* (9), *большой трудовой ниши* (1). Основная причина видится в удешевлении труда из-за *готовности трудиться за низкую оплату* (7), *ведения нелегального бизнеса* (2) и *получения теневого дохода* (2). Немногочисленные реакции имеют негативную окраску и указывают на большое количество – *наплыв* (1), *засилие* (1).

Вторая составляющая – **низкий уровень ответственности и несоблюдение правил** – обнаруживается в следующих реакциях: *водители, не соблюдающие правила* (2), *продавцы на рынках, считающие*

своим долгом обсчитать местное население (1). Реакции указывают на женщин (3) как наиболее подверженную опасности со стороны трудовых мигрантов группу.

Третья составляющая – **социальные льготы**. Основная эмоция, выраженная информантами, – раздражение возможностью трудовых мигрантов *получать льготы (8), пользоваться услугами образовательных и медицинских учреждений (3), получать те же права, что и граждане (1), использовать ресурсы страны (1)*.

Трудовые и социальные отношения видятся потенциальными зонами конфликта из-за определенного правового статуса трудового мигранта в России.

Заключение

Будучи исторически сформированной как полиэтническая страна, современная Россия испытывает трудности при формировании толерантного отношения к этническим различиям. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента. Применяв концепцию Ю. Н. Караулова к анализу данных эксперимента, удалось сформировать семантический гештальт для ассоциативного поля *мигрант*. Содержание пяти семантических зон определяется характером полученных результатов. Исходя из статистических данных, основной зоной семантического гештальта является «Характеристика». Преобладание негативной коннотации свидетельствует о том, что слово *мигрант* имеет устойчивое дополнительное оценочное значение, а образ стигматизирован из-за характеристик, которые считаются в российском обществе нежелательными.

Выявлены три конфликтогенные зоны межкультурного взаимодействия в русском быденном языковом сознании: общественные нормы, адаптация, труд и социальные льготы. Конфликтогенность данных зон связана с культурными и языковыми различиями, с ожиданиями принимающего общества относительно мигрантов: уважение, законопослушание и ненавязчивость. Исходя из частотного и стилистического анализа реакций информантов, сфера «Общественные нормы» обладает наибольшим потенциалом для возникновения конфликта. Предпосылками для потенциальных конфликтов

являются малограмотность, неуважительное поведение и враждебность. Степень конфликтогенности определяется количественным путем: отрицательные реакции в отношении общественных норм составляют 59 %, нейтральные – 29 %, положительные – 11 %. А также учитываются качественные показатели – представления о различиях в ценностях, нормах и моделях поведения и общения.

Непринятие данных различий порождает конфликтогенную зону «Адаптация», в которую вошли реакции, свидетельствующие о враждебном и настроенном отношении российского общества и изолированности этнических мигрантов. Наконец, правовой статус трудовых мигрантов в России выступает катализатором эмоциональной напряженности из-за конкуренции на рынке труда и социальных услуг.

Существование этнических различий является предпосылкой формирования этнической интолерантности в современной России. Однако наличие принятия и уважения в некоторых реакциях может служить отправной точкой для дальнейшего исследования взаимной этнокультурной адаптации.

Перспективой исследования является мониторинг динамики ассоциативного поля в течение пяти лет для оценки влияния миграционной политики, согласно новой Концепции РФ⁵ на 2026–2030 гг., на изменение социальных стереотипов и межкультурного взаимодействия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134 «Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в цифровой текстуальности Telegram», <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00134: Indicators of intercultural conflict potential in the digital textuality of Telegram, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00134/>

⁵ О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738. СЗ РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

Литература / References

- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2020. Т. 19. № 1. С. 28–40. [Balyasnikova O. V., Ufimtseva N. V. "Conflictogenic zones" of language consciousness in intercultural communication. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2020, 19(1): 28–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. Стратегии актуализации категории эго в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента). *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 38. С. 14–33. [Balyasnikova O. V., Ufimtseva N. V. The strategy of actualization of ego-category in the Russian language consciousness (an associative experiment data analysis). *Journal of Psycholinguistics*, 2018, (38): 14–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrnnxf>
- Барышная Н. А. «Социальное гражданство» этнических мигрантов в современном городском пространстве. *European Social Science Journal*. 2014. № 1-2. С. 460–467. [Baryshnaya N. A. "Social citizenship" of ethnic migrants in the contemporary urban space. *European Social Science Journal*, 2014, (1-2): 460–467. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdjzez>
- Белоусов К. И., Ерофеева Е. В. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов). *Политическая лингвистика*. 2015. № 3. С. 80–90. [Belousov K. I., Erofeeva E. V. Semantic models of popular images of Russia (based on psycholinguistic experiments of various kinds). *Political linguistics*, 2015, (3): 80–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unfgtl>
- Буянова Н. В. Специфика и причины этнополитического конфликта. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. Т. 149. № 3. С. 20–39. [Buyanova N. V. Specifics and causes of ethnopolitical conflict. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2007, 149(3): 20–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jjtqqz>
- Захарова Е. М., Сидорова А. А. Исследование этнической толерантности и этнической идентичности у студентов университета. *Проблемы формирования ценностных ориентаций у детей и молодежи в процессе непрерывного образования: Всерос. (с Междунар. уч.) педагогические чтения*. (Курган, 27 октября 2023 г.) Курган: КГУ, 2024. С. 107–116. [Zakharova E. M., Sidorova A. A. Research of ethnic tolerance and ethnic identity among university students. *Problems of forming value orientations in children and young people in the process of continuing education: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Pedagogical Readings*, Kurgan, 27 Oct 2023. Kurgan: KSU, 2024, 107–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iaarcn>
- Иванова М. Н., Поскачина Е. Н. «Семантический гештальт» концепта «Арктика» в языковом сознании носителей русского языка. *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2022. № 4. С. 99–107. [Ivanova M. N., Poskachina E. N. "Semantic gestalt" of the concept "arctic" in the linguistic consciousness of the Russian language's native speakers. *Arctic XXI Century. Humanities*, 2022, (4): 99–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.99.71.008>
- Иванова Н. В., Ваднева В. Д. Особенности межэтнической коммуникации и толерантности студентов. *Форум молодых ученых*. 2019. № 2. С. 725–731. [Ivanova N. V., Vadneva V. D. Features of interethnic communication and tolerance of students. *Forum molodyh uchenykh*, 2019, (2): 725–731. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxhoty>
- Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы). *Политическая лингвистика*. 2007. № 3. С. 90–96. [Issers O. S., Rakhimbergenova M. H. Image of ethnic "alien" in modern Russian press. *Political linguistics*, 2007, (3): 90–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvmqxn>
- Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 25. С. 14–35. [Karaulov Yu. N. Association analysis: The new approach to the literary text interpretation. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (25): 14–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udlhcb>
- Коробкова Н. П., Дерендяева А. Д., Казанцев Д. А. Индекс этнической толерантности как методика изучения межнациональных отношений в среде студенческой молодежи (на примере Алтайского государственного университета). *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 2-1. С. 231–236. [Korobkova N. P., Derendyaeva A. D., Kazantsev D. A. The index of ethnic tolerance as a method of the student-age population interethnic relations study: Altai state university case study. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2015, (2-1): 231–236. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)2.1-43](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)2.1-43)
- Коровина А. М., Кохан Ж. С. Организация психологического сопровождения развития коммуникативной толерантности современных подростков. *Форум*. 2025. № 1. С. 93–97. [Korovina A. M., Kokhan Zh. S. Organization

- of psychological support for the development of communicative tolerance in modern adolescents. *Forum*, 2025, (1): 93–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gifxjm>
- Кушнерук С. Л. Проблема систематизации индикаторов конфликтогенности межкультурного взаимодействия в политических телеграм-каналах. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2025. № 2. С. 94–101. [Kushneruk S. L. Markers of the conflictogenicity of intercultural interaction on political telegram channels: Problem of systematization. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2025, (2): 94–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2025-56-2-94-101>
- Липская О. Г. Этническая толерантность как философская проблема. *Актуальные проблемы науки: XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Кузнецк, 26 мая 2018 г.)* Кузнецк: ПГУ, 2018. С. 96–99. [Lipskaya O. G. Ethnic tolerance as a philosophical problem. *Current problems of science: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Kuznetsk, 26 May 2018*. Kuznetsk: PSU, 2018, 96–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuosvv>
- Малеев А. Л. Исследование межэтнических отношений современных подростков. *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 8-2. С. 348–352. [Maleev A. L. The study of interethnic relations of modern teenagers. *Modern high technologies*, 2016, (8-2): 348–352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whktgf>
- Мамырканов М. А. «Моя неласковая Русь» (о проблеме защиты прав кыргызстанских трудовых мигрантов от проявлений ксенофобии и мигрантофобии в России). *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2014. Т. 14. № 1. С. 60–64. [Mamyrganov M. A. "My ungente Russia": Protecting Kyrgyz labor migrants from xenophobia and migrant phobia in Russia. *Vestnik KRSU*, 2014, 14(1): 60–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxocvh>
- Мышкина М. С. Особенности этностереотипов в условиях предъявления стимулов разных видов. *Вестник Самарского государственного университета*. 2014. № 1. С. 224–233. [Myshkina M. S. Peculiarities of ethnic stereotypes in conditions of showing different kinds of impetuses. *Vestnik of Samara State University*, 2014, (1): 224–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzceoh>
- Постоечко И. А. Этнокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. № 3. С. 16–18. [Postonenko I. A. Ethnocultural stereotypes in intercultural communication. *Ivanovo State University Bulletin. Series The Humanities*, 2018, (3): 16–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynvegd>
- Рогозина И. В., Бухнер Н. Ю. Использование методики «вопроса о соседях» для ранжирования этнической толерантности: прикладное исследование. *Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2017: Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 30 июня 2017 г.)* Барнаул: АлтГТУ, 2017. С. 5–13. [Rogozina I. V., Bukhner N. Yu. Using the "neighborhood question" method to rank ethnic tolerance: An applied study. *Contemporary humanities research: A multidisciplinary approach-2017: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 30 Jun 2017*. Barnaul: AltSTU, 2017, 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zviwej>
- Русских Л. В. Этническая толерантность студентов Челябинска. *Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: 76-я науч. конф. (Челябинск, 16–17 апреля 2024 г.)* Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 116–120. [Russikh L. V. Ethnic tolerance among students in Chelyabinsk. *Science of South Ural State University. Social sciences and humanities section: Proc. 76th Sci. Conf., Chelyabinsk, 16–17 Apr 2024*. Chelyabinsk: SUSU, 2024, 116–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qekqow>
- Самкова М. А. Конфликтогенность телеграм-постов в контексте аксиологической оппозиции «свой – чужой». *Медиалингвистика: IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.)* СПб.: Медиапир, 2025. С. 412–416. [Samkova M. A. Conflictogenicity in telegram posts from the perspective of the 'friend – foe' axiological opposition. *Media Linguistics: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 25–28 Jun 2025*. St. Petersburg: Media paper, 2025, 412–416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muomfr>
- Смирнова А. С. Презентация темы этнической и расовой нетерпимости в отечественных и зарубежных СМИ. *Этос: естественное и искусственное совершенствование человека: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 3–4 апреля 2019 г.)* Тверь: ТвГТУ, 2019. С. 351–353. [Smirnova A. S. Presentation of the topic of ethnic and racial intolerance in domestic and foreign media. *Ethos: Natural and artificial human enhancement: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Tver, 3–4 Apr 2019*. Tver: TvSTU, 2019, 351–353. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cmymbkh>
- Соколова В. М. Знание языка как ресурс интеграции мигрантов. Опыт Испании. *Вестник Института социологии*. 2016. № 3. С. 195–213. [Sokolova V. M. Knowing a language as a resource for migrants' integration.

- Spain's experience. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2016, (3): 195–213. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.422>
- Стернин И. А., Шилихина К. М., Прохоров Ю. Е. и др. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: УрГУ, 2006. 561 с. [Sternin I. A., Shilikhina K. M., Prokhorov Yu. E. et al. *The language of hostility and the language of harmony in the sociocultural context of modernity*. Ekaterinburg: USU, 2006, 561. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siqgnx>
- Тихвинский П. Н. Социально-философские аспекты феномена ксенофобии. *Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник*. 2015. Т. 19. № 4. С. 169–174. [Tihvinsky P. N. Social-philosophical aspects of the phenomenon of xenophobia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoj vestnik*, 2015, 19(4): 169–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttzlsr>
- Ухабина Т. Е., Мартынова Е. А., Черемисина Е. В. Современная молодежь и многонациональное общество: проблемы и пути решения. *Академический вестник*. 2013. № 2. С. 229–232. [Ukhabina T. E., Martynova E. A., Cheremisina E. V. Modern youth and multinational society: Problems and solutions. *Akademicheskie Vestnik*, 2013, (2): 229–232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qajdxn>
- Фомина Ю. И. Ценности этнически толерантной и этнически нетерпимой личности. *В мире научных открытий*. 2015. № 7-1. С. 525–536. [Fomina Y. I. Values of ethnically tolerant and ethnically intolerant personality. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2015, (7-1): 525–536. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udsdmx>
- Фоминых Н. М., Смирнова Т. В. Межэтническое восприятие и взаимопонимание людей на примере межэтнических взаимодействий в университетах РМЭ. *Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературе*: VII Междунар. науч. конф. (Курган, 24 марта 2023 г.) Курган: КГУ, 2023. С. 80–89. [Fominykh N. M., Smirnova T. V. Interethnic perception and mutual understanding of people on the example of interethnic communication at universities of Mari El Republic. *The universal and the culturally specific in languages and literature*: Proc. VII Intern. Sci. Conf., Kurgan, 24 Mar 2023. Kurgan: KSU, 2023, 80–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ifbnyu>
- Цзя Ш. Образ врача в языковом сознании носителей русского и китайского языков. *Вопросы психолингвистики*. 2021. № 1. С. 160–169. [Jia Sh. The image of a doctor in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Chinese. *Journal of Psycholinguistics*, 2021, (1): 160–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169>
- Чеботарева Е. Ю. Коммуникативная личность представителей миноритарной культуры в ситуациях межкультурного взаимодействия. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 39. [Chebotareva E. Ju. Communicative personality of minority culture representatives in intercultural situations. *Psychological studies*, 2015, 8(39). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.565>
- Черкасова Г. А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей. *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация*, ред. В. А. Виноградов. М.: ИЯз РАН, 2005. С. 227–244. [Cherkasova G. A. Quantitative research on associative dictionaries. *Communication. Language Awareness. Intercultural communication*, ed. Vinogradov V. A. Moscow: IL RAS, 2005, 227–244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/skzzqp>
- Чистяков В. А., Макалова У. Н. Проблема формирования этнической толерантности студенческой молодежи. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2025. Т. 9. № 2. С. 137–145. [Chistyakov V. A., Makalova U. N. The problem of formation of ethnic tolerance among students. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2025, 9(2): 137–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-2-137-145>
- Шмелева Е. В. Этно-психологические установки журналистов (на примере Санкт-Петербурга). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2010. № 1. С. 307–312. [Shmeleva E. V. Social and psychological standpoint of Saint Petersburg journalists and their role in developing ethnic intolerance in media audiences. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 2010, (1): 307–312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvubup>
- Шулумба Б. В. СМИ и этничность: от языка вражды к языку толерантности. *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 5. С. 56–63. [Shulumba B. V. Media and ethnicity: From the "hate speech" to the language of tolerance. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2013, (5): 56–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcfnxy>

оригинальная статья

eLibrary EDN: SWJXAO

Деривационно активные вторичные глагольные префиксы в современном русском языке: психолингвистическое исследование

Серышева Юлия Вячеславовна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 4850-6212

<https://orcid.org/0009-0004-9893-0704>

Scopus Author ID: 58758545900

serysheva@tpu.ru

Охорзина Юлия Олеговна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8461-1415

<https://orcid.org/0000-0002-7763-6643>

Scopus Author ID: 57218094844

Вострова Юлия Александровна

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 6480-9745

<https://orcid.org/0009-0007-9727-8250>

Scopus Author ID: 57221806139

Аннотация: Цель – определить статус вторичных глагольных префиксов в языковом сознании носителей русского языка как деривационно активных средств словообразования. В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте 17–50 лет. В статье описаны результаты проведенного психолингвистического эксперимента, направленного на выявление сочетаемости 30 видовых пар одноприставочных глаголов разных лексико-семантических групп с вторичными префиксами (*до-*, *недо-*, *при-*, *под-*, *по-*, *пере-*, *на-*, *за-*, *пред-*, *раз-*); представлены лексико-семантические группы глаголов, к которым респонденты присоединяли вторичный префикс, а также определен деривационный потенциал каждого вторичного словообразовательного форманта. Новизна исследования состоит в том, что впервые на основе данных психолингвистического эксперимента было определено наличие / отсутствие деривационной активности вторичных глагольных префиксов на современном этапе развития русского языка. Полученные результаты показали, что степень деривационной активности префиксов изменяется со временем. В настоящее время деривационно активными вторичными глагольными префиксами являются *при-*, *под-*, *по-*, *до-*, *недо-*, *пере-*, *на-*, носители русского языка устойчиво осознают значения данных приставок и активно используют их в речевой практике, тогда как приставки *за-*, *раз-*, *пред-* остаются непродуктивными средствами глагольного словообразования.

Ключевые слова: глагольная полипрефиксация, приставка, деривационная активность префиксов, словообразование, психолингвистический эксперимент, продуктивность словообразовательных аффиксов, лексико-семантические группы глаголов

Цитирование: Серышева Ю. В., Вострова Ю. А., Охорзина Ю. О. Деривационно активные вторичные глагольные префиксы в современном русском языке: психолингвистическое исследование. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 763–775. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-763-775>

Поступила в редакцию 23.10.2025. Принята после рецензирования 15.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Derivationally Active Secondary Verb Prefixes in Modern Russian: Psycholinguistic Research

Yuliya V. Serysheva

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 4850-6212

<https://orcid.org/0009-0004-9893-0704>

Scopus Author ID: 58758545900

serysheva@tpu.ru

Yuliya O. Okhorzina

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8461-1415

<https://orcid.org/0000-0002-7763-6643>

Scopus Author ID: 57218094844

Yuliya A. Vostrova

Tomsk State University of Architecture and Construction, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 6480-9745

<https://orcid.org/0009-0007-9727-8250>

Scopus Author ID: 57221806139

Abstract: This study determines the status of secondary verb prefixes in the linguistic consciousness of native Russian speakers as derivationally active means of word formation. Based on a psycholinguistic experiment, the authors determined the presence or absence of derivational activity of secondary verb prefixes in the contemporary Russian language. The psycholinguistic experiment ($n = 100$; age range: 17–50 years) aimed at identifying the combinability of 30 aspectual pairs of verbs of different lexico-semantic groups with secondary prefixes (*до-*, *недо-*, *пу-*, *под-*, *по-*, *пере-*, *на-*, *за-*, *пред-*, *раз-*). It revealed the lexico-semantic groups of verbs to which respondents attached a secondary prefix and the derivational potential of each secondary word-formation formant. The level of derivational activity of prefixes proved to vary with time. Currently, *are пу-*, *под-*, *по-*, *до-*, *недо-*, *пере-*, and *на-* are derivationally active secondary verb prefixes. Native Russian speakers are aware of their meaning and actively use them in speech practice. On the contrary, the prefixes *за-*, *раз-*, and *пред-* remain an unproductive means of verbal word-formation.

Keywords: verbal polyprefixation, prefix, derivational activity of prefixes, word formation, psycholinguistic experiment, productivity of word-forming affixes, lexical-semantic groups of verbs

Citation: Serysheva Yu. V., Vostrova Yu. A., Okhorzina Yu. O. Derivationally Active Secondary Verb Prefixes in Modern Russian: Psycholinguistic Research. *SibScript*, 2026, 28(4): 763–775. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-763-775>

Received 23 Oct 2025. Accepted after peer review 15 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

Современное словообразование является продуктом исторического развития и представлено продуктивными и непродуктивными словообразовательными типами [Шанский 1959]. Это относится и к словообразовательным типам русских многоприставочных глаголов, поэтому понятие продуктивности морфемы следует отличать от понятия ее деривационной активности в языке, несмотря на их относительную близость. Деривационная активность морфемы характеризует регулярность ее функционирования в качестве словообразовательной модели на протяжении определенного отрезка времени в сравнении с другими морфемами. Продуктивные

морфемы являются деривационно активными, т. к. они активно производят новые слова и несут в себе информацию о потенциальной возможности возникновения новых единиц [Там же]. «Что же касается непродуктивных аффиксов, то было бы неправильным считать их все в то же время и нерегулярными, среди них немало имеется и таких, которые принадлежат к категории регулярных (например... суффикс *-изна*)» [Там же: 65].

В настоящей работе мы исследуем многоприставочные глаголы. В фокусе исследования находятся вторичные префиксы как формально-семантические компоненты рассматриваемых

единиц. Полипрефиксальные глаголы характеризуются агглютинативным принципом присоединения приставок к основе, что обуславливает потенциальный характер данных композитов. Они легко образуются в речи по действующим в языке словообразовательным моделям и легко воспринимаются носителями языка, имеют более конструктивный характер, чем одноприставочные глаголы. Следует отметить, что в силу своей потенциальности большинство таких единиц не зафиксированы в словарях. Зачастую на образование / употребление подобных единиц влияет как контекст, так и лексико-деривационное пространство в целом (предыдущая реплика собеседника, употребление ранее единицы, совпадающей по морфемному показателю или противоположной по значению), которые провоцируют использование композитов [Земская и др. 1981: 131]. Например:

– Ты сегодня столько дел в квартире **попеределала!**
 – Да, я **поперестирала** всю одежду, **поперемыла** окна...

На современном этапе развития русского языка полипрефиксация по-прежнему является актуальным способом образования новых глагольных единиц, о чем свидетельствует их активное использование в разговорной речи русскоговорящими, в средствах массовой информации и интернет-ресурсах. Присоединение вторичного префикса к глагольной основе имеет преимущественно агглютинативный характер, вследствие чего многоприставочные глаголы легко образуются в речи по действующим в языке словообразовательным моделям. Относительная самостоятельность вторичных префиксов обуславливает потенциальный характер полипрефиксальных единиц, поэтому есть основания считать, что количество незафиксированных в словарях композитов в настоящее время значительно возросло. В этой связи актуальным и перспективным представляется экспериментальное исследование степени продуктивности вторичных глагольных префиксов, т.к. «построение синхронной системы словообразования невозможно без предварительного анализа активности моделей. Последний производится при помощи различных приемов исследования, выбор которых обусловлен значением и структурой модели, условиями ее функционирования, ее языковым окружением» [Арутюнова 2007: 32].

В отечественной лингвистике накоплен огромный лексикографический опыт описания префиксальных глаголов [Земская 1955; Королева 2005; Лебедева 1999; Соколов 1991; Тихонов 1964; Улуханов 1977; Черепанов 1986], в то время как количество словарно незафиксированных единиц и деривационно активных префиксов в настоящее время существенно возросло. Об этом свидетельствуют работы, в которых предметом исследования становятся функционально-семантические особенности глагольных префиксов и их роль в развитии глагольного словообразования (модификационные и мутационные словообразовательные значения) в русском литературном языке и народных говорах, а также сравнительно-сопоставительный анализ данного аспекта с другими языками [Борисова 2024; Зибукаева 2023; Любезнова 2020; Садченко 2024; Стойнова 2019; Третьякова 2021; Усманова, Семенова 2023]. При этом одним из актуальных направлений психолингвистики является изучение процессов и механизмов опознавания слов. В рамках этого направления особое внимание уделяется специфике поэлементного восприятия носителями языка полиморфемных слов [Залевская 1990; Сазонова 1994; Stemberger 1985]. Ученые предполагают и экспериментально доказывают, что носители языка производят морфологический анализ воспринимаемых слов и извлекают из памяти лексические «файлы», связанные с содержанием данных морфем. Для выявления принципов организации единиц лексикона человека исследователь должен иметь в своем распоряжении убедительный фактический материал, полученный «путем обращения к информантам – носителям исследуемой речевой организации. Последние должны быть поставлены в такую экспериментальную ситуацию, которая позволила бы по результатам некоторой деятельности испытуемых установить те признаки слов и те связи между словами, которыми оперирует носитель языка при идентификации воспринимаемой речи и при поиске слов в процессах говорения» [Залевская 1990: 9]. В этой связи перспективным представляется исследование деривационной активности вторичных глагольных префиксов на современном этапе развития русского языка с применением метода психолингвистического эксперимента. Обращение к данному методу является научно оправданным, т.к. представленные в отечественной лингвистике исследования с позиции языкового сознания

показали эффективность психолингвистического подхода к языковым явлениям [Блинова, Ростова 1985; Борисова 2024; Дьяконова 2022; Дьяконова, Федосова 2023; Махаев, Стернин 2021; Разумкова и др. 2023; Шевченко 2020].

Цель исследования – определить статус вторичных глагольных префиксов в языковом сознании носителей русского языка как деривационно активных средств словообразования. Задачи:

1. Разработать и провести психолингвистический эксперимент, позволяющий выявить словообразовательный потенциал вторичных глагольных префиксов *до-, недо-, при-, под-, по-, пере-, на-, за-, пред-, раз-*.

2. На основе экспериментальных данных количественно оценить продуктивность исследуемых префиксов: а) подсчитать абсолютное количество образованных респондентами двухприставочных глаголов с каждым префиксом; б) определить степень их деривационной активности через анализ количества задействованных с каждым префиксом глаголов-стимулов разных лексико-семантических групп (ЛСГ).

3. Проанализировать полученные в ходе эксперимента контексты употреблений образованных респондентами глаголов и выявить компоненты значений вторичных префиксов, осознаваемых носителями русского языка.

4. Выявить лингвистические причины, влияющие на продуктивность и деривационную активность вторичных глагольных префиксов.

Новизна исследования заключается в том, что впервые на основе данных психолингвистического эксперимента было определено наличие / отсутствие деривационной активности вторичных глагольных префиксов на современном этапе развития русского языка.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать полученные результаты при разработке специальных курсов по глагольному словообразованию, а также в области психолингвистических исследований. Кроме того, полученные экспериментальные данные могут применяться при создании психолингвистического семантического словаря многоприставочных глаголов в русском языке.

Методы и материалы

Материалом исследования являются: 10 русских вторичных префиксов, которые в научной литературе характеризуются как префиксы, обладающие разной степенью продуктивности (*до-, недо-, при-,*

под-, по-, пере-, на-, за-, пред-, раз-); 30 видовых пар одноприставочных глаголов разных ЛСГ (*вкусить / вкушать, пережить / переживать, забыть / забывать, ободрать / обдирать, соединить / соединять, проверить / проверять, укрепить / укреплять, растерять, вычислить / вычислять, подписать / подписывать*); 1399 реакций респондентов (двухприставочных глаголов).

Теоретической базой работы выступили научные труды, в которых основным методом являлся психолингвистический эксперимент [Голев 2000; Залевская 1990; Стернин 2005], а также исследования в области словообразования [Шанский 1959], глагольной префиксации и полипрефиксации [Земская и др. 1981; Королева 2005; Янко-Триницкая 1975].

Основной исследовательский метод работы – метод психолингвистического эксперимента приемом свободного выбора.

В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте 17–50 лет: студенты Инженерной школы природных ресурсов Томского политехнического университета, филологического факультета Томского государственного университета, лечебного факультета Сибирского государственного медицинского университета, а также медперсонал Городской клинической больницы № 3 им. Б. И. Альперовича г. Томска. Участникам эксперимента была предложена анкета, состоящая из двух заданий. На рисунке представлен образец анкеты (рис.).

При обработке результатов эксперимента применялись приемы количественного подсчет данных, интерпретации и интроспекции.

Задание: 1) образуйте двухприставочные глаголы с приставками из левого столбика и глаголами из правого столбика; 2) запишите примеры предложений с образованными Вами двухприставочными глаголами.

до-	вкусить / вкушать
недо-	пережить / переживать
при-	забыть / забывать
под-	ободрать / обдирать
по-	соединить / соединять
пере-	проверить / проверять
на-	укрепить / укреплять
за-	растерять
пред-	вычислить / вычислять
раз-	подписать / подписывать

Рис. Образец анкеты эксперимента приемом свободного выбора

Fig. Sample questionnaire (free choice)

Результаты

Эксперимент методом свободного выбора позволяет продемонстрировать живые тенденции в деривационной деятельности носителей языка, стимулировать участников эксперимента на образование единиц с осознаваемыми ими структурными компонентами слов. Обратимся к результатам эксперимента, направленного на определение статуса вторичных префиксов в языковом сознании носителей русского языка как деривационно активных средств глагольного словообразования.

Согласно нашей гипотезе, большее количество единиц должно быть образовано посредством префиксов *по-*, *при-*, *под-*, *пере-*, *на-*, считающихся на современном этапе развития русского языка деривационно активными. Как отмечалось ранее, единицы с данными приставками потенциально по своей сути и должны легко создаваться носителями языка по отработанным моделям.

В результате проведенного эксперимента респонденты образовали 1399 двухприставочных глаголов. Следует отметить, что при интерпретации результатов эксперимента мы учитывали не только количество употреблений предложенных в анкете вторичных префиксов, но и количество задействованных с данной приставкой слов-стимулов, т. к. приставку можно считать деривационно активной, если по ее модели создано большое количество лексических единиц и она несет информацию о возникновении новых многоприставочных композитов. Так, при практически равном количестве образованных единиц с помощью префиксов *на-* и *раз-* первая приставка представляется более активной в словообразовательном плане, т. к. информантами задействовано 23 глагола для образования новых многоприставочных глаголов с *на-*, в то время как для образования полипрефиксальных глаголов с *раз-* использовано 7 одноприставочных единиц.

Необходимо подчеркнуть, что в ходе проведения эксперимента испытуемые задействовали с разными вторичными префиксами разное количество глаголов-стимулов. В результате наибольшую продуктивность показали вторичные префиксы *до-* (234 двухприставочных глагола) и *недо-* (205 двухприставочных глаголов).

Для образования двухприставочных глаголов с вторичным префиксом *до-* респонденты задействовали 25 пар глаголов-стимулов: *дорассказать* (30) / *дорассказывать* (5), *допроверить* (18) / *допроверять* (12), *доукрасить* (20) / *доукрашать* (7), *дозаправить* (19) / *дозаправлять* (3), *доубрать* (13) / *доубрать* (1), *доупаковать* (9) / *доупаковывать* (5), *доразрушить* (11) / *доразрушать* (1), *досписать* (3) / *досписывать* (6), *доободрать* (4) / *дообдирать* (4), *дооткрыть* (4) / *дооткрывать* (4), *досоединить* (5) / *досоединять* (2), *довычислить* (2) / *довычислять* (4), *донарядить* (1) / *донарядать* (4), *доукрепить* (5) / *доукреплять* (1), *дооценить* (3) / *дооценивать* (2), *доподписать* (2) / *доподписывать* (3), *дорастерять* (5), *дозакрыть* (3) / *дозакрывать* (1), *довыращивать* (3), *дозабыть* (1) / *дозабывать* (1), *довкушать* (1), *допереживать* (1), *доподдавать* (1), *доузнать* (1), *доутихать* (1).

Носители русского языка устойчиво осознают семантику вторичного префикса *до-*, что подтверждается контекстами респондентов:

1) действие, доведенное до конца или до какого-нибудь предела (165 реакций из 234): *Наконец-то я довычислил все примеры; Мы успели доубрать комнату до прихода родителей; Нужно допроверить работы до начала урока; Он подошел к нам на перемене, чтобы дорассказать свою историю и др.¹;*

2) действие, совершенное дополнительно (69 реакций из 234): *Мы доукрепили шалаш бревнами; Донарядить елку игрушками; Мужчина понял, что налил слишком мало бензина в бак, и решил его дозаправить; Мне пришлось доукрасить стенгазету и др.*

Деривационная активность и высокая словообразовательная продуктивность вторичного префикса *до-* обусловлены, во-первых, семантикой самой приставки: значение завершенности действия сближает данную морфему с выражением категории аспектуальности русского глагола, что позволяет приставке сочетаться с широким кругом одноприставочных единиц разных ЛСГ (глаголами речевой деятельности, физического воздействия на объект, покрытия объекта и др.²). Во-вторых, высокая продуктивность приставки объясняется свободной сочетаемостью данной морфемы с разными

¹ Здесь и далее значения анализируемых приставок взяты из следующего источника: Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 792 с.

² Здесь и далее классификация ЛСГ представлена согласно следующему источнику: Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание, английские эквиваленты, синонимы, антонимы, ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. 693 с.

первичными префиксами: *раз-*, *под-*, *на-*, *у-*, *от-*, *за-*, *в-*, *про-*, *о-* и др.

Обратимся к результатам эксперимента по глаголам с приставкой **недо-** (205 двухприставочных глаголов). Из предложенных в анкете 30 однопоставочных глаголов-стимулов респонденты задействовали 27 пар глаголов-стимулов для образования полипрефиксальных единиц с вторичной приставкой **недо-**: *недооценить* (20) / *недооценивать* (9), *недорассказать* (19) / *недорассказывать* (1), *недопроверить* (12) / *недопроверять* (8), *недозаправить* (15) / *недозаправлять* (2), *недоукрепить* (10) / *недоукреплять* (2), *недоукрасить* (9) / *недоукрашать* (2), *недодобрать* (5) / *недодобирать* (4), *недовырастить* (5) / *недовыращивать* (3), *недоподписать* (7) / *доподписывать* (1), *недосписать* (6) / *недосписывать* (2), *недоупаковать* (8), *недообдирать* (4) / *недоободрать* (3), *недоостудить* (6), *недосоединить* (5) / *недосоединять* (1), *недовкусить* (4) / *недовкушать* (1), *недовычислить* (5), *недооткрыть* (4) / *недооткрывать* (1), *недопережить* (3) / *недопереживать* (1), *недоразрушить* (4), *недорастерять* (3), *недоузнать* (2) / *недоузнавать* (1), *недозакреть* (2), *недонарядить* (1) / *недонаряжать* (1), *недозабывать* (1), *недоприехать* (1), *недоприметить* (1), *недоутихнуть* (1).

Полученные данные свидетельствуют о высокой словообразовательной продуктивности и деривационной активности исследуемой морфемы на современном этапе развития русского языка: приставка **недо-** сочетается с широким спектром однопоставочных глаголов разных ЛСГ (глаголами речевой и интеллектуальной деятельности, физического воздействия на объект, проявления признака и др.), а также с разными первичными приставками: *с-*, *от-*, *за-*, *о-*, *вы-*, *раз-*, *у-*, *про-*, *пере-*, *при-*, *на-* и др.

Приведенные респондентами контексты употребления многоприставочных глаголов с **недо-** свидетельствуют о высокой степени осознанности семантики незавершенности действия (121 реакция из 205): *Недосписывать до конца; Мы недоукрасили эту стену справа; Недоукрепить крепость из-за нехватки времени; Недорассказать сюжет романа; Меня недооценили на собеседовании и не позвонили мне на следующий день* и др.

Таким образом, проведенный эксперимент позволил выявить деривационную активность вторичных префиксов **до-** и **недо-** на современном этапе развития русского языка, которые ранее рассматривались в отечественной лингвистике

как малопродуктивные. Так, в словарном комплексе Ю. В. Королевой было зафиксировано 14 многоприставочных глаголов с приставкой **недо-** (*недовырабатывать*, *недопонять*, *недосообразить* и др.) и 25 – с приставкой **до-** (*додобрать*, *донакопить*, *допродать* и др.) [Королева 2005].

Проанализируем результаты эксперимента по вторичному префиксу **при-**. Респонденты образовали 204 многоприставочных глагола с **при-**, задействовав однопоставочные глаголы-стимулы разных ЛСГ (глаголы физического воздействия, прекращения действия, интеллектуальной и речевой деятельности, качественного состояния и др.). Из предложенных в анкете 30 однопоставочных глаголов-стимулов респонденты задействовали 17 пар глаголов-стимулов для образования двухприставочных композитов с **при-**: *приукрасить* (47) / *приукрашать* (3), *приоткрыть* (29) / *приоткрывать* (5), *присоединить* (21) / *присоединять* (4), *принарядить* (21) / *принаряжать* (3), *приутихнуть* (14) / *приутихать* (2), *приубрать* (14) / *приубирать* (1), *призакреть* (9) / *призакрывать* (1), *призабыть* (8), *приостудить* (4) / *приостуживать* (1), *привкусить* (2) / *привкушать* (2), *приподдать* (3) / *приподавать* (1), *приободрать* (3), *приоценить* (1) / *приоценивать* (1), *привосхитить* (1), *призаправить* (1), *приукрепить* (1), *приупаковать* (1). Последние единичные реакции, на наш взгляд, являются ошибочными или окказиональными, т. к. респонденты не привели контексты употреблений данных глаголов.

Высокий словообразовательный потенциал вторичной приставки **при-** обусловлен тем, что исследуемая приставка сочетается с широким спектром первичных префиксов: *под-*, *от-*, *у-*, *о-*, *за-*, *с-*, *на-*, *вос-* и др.

Приведенные респондентами контексты с образованными многоприставочными композитами свидетельствуют об осознании носителями языка следующих значений приставки **при-**:

1) действие, совершенное слегка, не полностью, или действие, ограниченное во времени (91 реакция из 204): *Перед званым ужином она решила принарядиться; Приутихнуть во время игры; Я хотела немного приубрать свою комнату; Мне нужно немного приостудить чай, потому что он весьма горячий* и др.;

2) действие, совершенное дополнительно (18 реакций из 204): *Приподдать еще за плохое поведение; Присоединить крепление к доске; Я решила приукрасить свою речь поговорками* и др.

Таким образом, результаты эксперимента подтвердили выдвинутую гипотезу о высокой деривационной активности вторичной приставки *при-* на современном этапе развития русского языка, что согласуется с выводами отечественной лингвистики.

Проанализируем результаты эксперимента по вторичной приставке *пере-*. Респонденты образовали 187 двухприставочных глаголов с указанным префиксом, задействовав 19 пар глаголов-стимулов: *переоценить* (30) / *переоценивать* (10), *перепроверить* (28) / *перепроверять* (5), *перепаковать* (21) / *перепаковывать* (6), *перезаправить* (12) / *перезаправлять* (3), *перерассказать* (12) / *перерассказывать* (3), *перенарядить* (7) / *перенаряжать* (1), *переостудить* (8), *переукрасить* (6) / *переукрашать* (2), *переподписать* (7), *перевырастить* (4) / *перевыращивать* (1), *перевычислить* (3) / *перевычислять* (1), *перезаккрыть* (3) / *перезаккрывать* (1), *пересоединить* (3) / *пересоединять* (1), *перееукрепить* (3), *перерастерять* (2), *перевосхитить* (1), *перееободить* (1), *перееоткрыть* (1), *переразрушить* (1).

Префикс *пере-* сочетается с глаголами разных ЛСГ (глаголами физического воздействия, интеллектуальной и речевой деятельности, изменения качественного признака и др.). Участники эксперимента присоединяли префикс *пере-* к одноприставочным глаголам-стимулам с разными первичными приставками (чаще в общезначимом или пространственном значениях): *вы-*, *раз-*, *за-*, *у-*, *от-*, *под-*, *на-*, *про-*, *с-* и др.

Вторичный глагольный префикс *пере-* является продуктивным и деривационно активным средством глагольного словообразования, что подтверждается большим количеством многоприставочных глаголов, образованных респондентами от глаголов разных ЛСГ, а также контекстуальными примерами. Проанализировав контексты респондентов, можно утверждать, что носители русского языка осознают следующие оттенки значений приставки *пере-*:

1) действие, совершенное заново, повторно, иначе (47 реакций из 187): *Работник почты решил перепаковать принесенную посылку; Она перерассказала текст своими словами; Ей удалось перезаккрыть окно; Мне надо перезаправить картридж; Пришлось перепаковать сумку заново и др.;*

2) интенсивное действие, совершенное чрезмерно, сверх нормы (27 реакций из 187): *Мы слишком перенарядили елку, на ней слишком много украшений; Студенты переоценили свои силы; Он явно переоценил возможности своего оппонента и др.;*

3) действие, совершенное многократно (25 реакций из 187): *Я несколько раз перепроверил контрольную работу; Она перенаряжалась на свидание три раза; Мы перепаковали все новогодние подарки и др.*

Следует отметить, что такие значения префикса *пере-*, как *действие, совершенное заново, повторно, иначе, и действие, совершенное многократно*, в языковом сознании испытуемых пересекаются, и их взаимосвязь можно проследить в контексте: *Директор переподписал все исправленные дипломы.*

Таким образом, выдвинутая гипотеза о деривационной словообразовательной активности вторичного префикса *пере-* на современном этапе развития русского языка подтвердилась.

С вторичной глагольной приставкой *под-* всего респондентами было образовано 146 двухприставочных композитов от 16 одноприставочных глаголов-стимулов разных ЛСГ (глаголы физического воздействия на объект, интеллектуальной деятельности, физиологического состояния, изменения качественного признака, прекращения действия и др.): *подзабыть* (28) / *подзабывать* (3), *подсоединить* (20) / *подсоединять* (5), *подукрасить* (26), *подзаправить* (12) / *подзаправлять* (2), *подутихнуть* (12), *поднарядить* (10) / *поднаряжать* (1), *подрастерять* (10), *подукрепить* (5) / *подукреплять* (1), *подостудить* (4), *подразрушить* (3), *подузнуть* (3), *подубрать* (2), *подоткрыть* (1) / *подоткрывать* (1), *подприметить* (1), *подпроверить* (1), *подписать* (1).

Вторичный префикс *под-* сочетается с первичными приставками в пространственных значениях или значениях качественного изменения объекта: *у-*, *за-*, *с-*, *от-*, *на-*, *про-*, *о-*, *раз-*. При этом префикс *под-* модифицирует значение первичной приставки, привнося в семантику глагола дополнительные оттенки значений, о чем свидетельствуют контексты, приведенные респондентами:

1) действие, совершенное с незначительной интенсивностью (42 реакции из 152): *Немного подостудить чай; Автогонщик подрастерял водительские навыки после аварии; Я подрастерял опыт за время своей болезни; Я немного подзабыла материал прошлой лекции; Я немного подзабыла, как он выглядит и др.;*

2) действие, совершенное дополнительно и, как правило, с незначительной интенсивностью (14 из 152): *Дети подукрепили шалаш досками; Комнату нужно еще подукрасить; Подукрасить елку гирляндой; Чтобы монитор работал, нужно подсоединить его к процессору и др.;*

3) действие, доведенное до результата (7 реакций из 152): *Я совсем подзабыла то, чему меня учили в начальной школе; Перед праздником мы решили хорошенько подукрасить нашу квартиру; Я совсем подзабыла о времени нашей встречи; Я успела подзабыть все правила и др.*

Результаты эксперимента показали, что носители русского языка осознают диминутивное, дополнительное и результативное значения вторичного префикса *под-*, но отмечается сужение круга мотивирующих глагольных основ, используемых для образования двухприставочных глаголов, что свидетельствует о меньшей продуктивности данного префикса в сравнении с приставками *до-* и *недо-*.

Проанализируем полученные результаты эксперимента по словообразовательной активности вторичной приставки *по-*. С данным префиксом респонденты образовали 125 двухприставочных глаголов, задействовав 25 пар одноприставочных глаголов-стимулов, что является признаком высокой деривационной активности рассматриваемой морфемы: *позабыть* (26) / *позабывать* (2), *поободрать* (6) / *пообдирать* (6), *порастерять* (9), *поутихнуть* (7) / *поутихать* (2), *попереживать* (7), *пописывать* (7), *поукрашать* (7), *порассказывать* (5), *побирать* (4) / *поубрать* (1), *повыращивать* (4), *повычислять* (1) / *повычислять* (3), *позакрывать* (4), *поразрушить* (2) / *поразрушать* (2), *понарывать* (3), *попроверять* (2), *поукрепить* (1) / *поукреплять* (1), *повкушать* (1), *повосхищать* (1), *позаправлять* (1), *пооткрывать* (1), *поприметить* (1), *поподписывать* (1), *посоединить* (1), *поузнавать* (1), *поупаковывать* (1).

Деривационная активность вторичной приставки *по-* обусловлена способностью данной морфемы сочетаться с широким кругом первичных префиксов (*за-*, *об-*, *раз-*, *у-*, *пере-*, *с-*, *вы-*, *на-*, *про-*, *в-*, *от-*, *при-*) и с одноприставочными глаголами разных ЛСГ (глаголами физического состояния, интеллектуальной и речевой деятельности, прекращения действия, однонаправленного движения и др.). Следует отметить, что респонденты в большинстве реакций присоединяли префикс *по-* к одноприставочным глаголам несовершенного вида, что объясняется высокой степенью осознаваемости русскоговорящими диминутивного значения приставки: префикс *по-* конкретизирует характер протекания действия (временное ограничение длительности действия), в то время как для выражения процессуального аспекта характерны глаголы несовершенного вида (*попроверять*, *попереживать*, *поукрашать*).

Рассмотрев контексты респондентов, мы выделили несколько значений, с которыми носители русского языка соотносят содержание вторичной глагольной приставки *по-*:

1) действие, совершенное с незначительной интенсивностью (21 реакция из 125): *Шум немного поутих; Мы немного поубирались в комнате; Я немножко поободрал обою, но мне это быстро наскучило и др.;*

2) действие, совершенное многократно, последовательно над всеми объектами (15 реакций из 125): *Маша порастеряла все свои вещи; Пописывать все подряд; Повычислять все примеры; При плохой погоде нужно позакрывать все окна и ставни; Мне нужно несколько дней поприезжать к тебе в гости; Опять все окна пооткрывали!;*

3) действие, ограниченное во времени (17 реакций из 125): *Кто может меня попроверять 5 минут?; Она попереживала недолго о расставании с ним.* Подчеркнем, что в языковом сознании испытуемых во многих контекстах неполнота действия предполагает его ограниченность во времени, поэтому первое и третье значения семантически пересекаются (*Не расстраивайся, всем приходится немного попереживать перед экзаменами*).

Наличие большого количества реакций респондентов и приведенные контексты употребления глаголов с *по-* указывают на то, что вторичная приставка *по-* сохраняет деривационную активность и продуктивность в глагольном словообразовании.

Проанализируем результаты эксперимента по глаголам с приставкой *на-* (110 двухприставочных глаголов). Из предложенных в анкете 30 одноприставочных глаголов-стимулов респонденты задействовали 23 пары глаголов-стимулов для образования многоприставочных композитов с вторичной приставкой *на-*: *наподдать* (12) / *наподдавать* (10), *нарасказывать* (15) / *нарасказать* (2), *навыращивать* (12), *наприметить* (5) / *напримечать* (1), *наоткрыть* (1) / *наоткрывать* (5), *наподписывать* (5), *наукрашать* (5), *навычислять* (4), *назакрывать* (4), *написывать* (4), *наобдирать* (3), *напроверять* (3), *наразрушать* (3), *назабывать* (2), *напереживать* (2), *наприехать* (1) / *наприезжать* (1), *насоединять* (2), *наубирать* (2), *наукреплять* (2), *наупаковывать* (2), *навкушать* (1), *нарастерять* (1), *наузнавать* (1).

Вторичная приставка *на-* сочетается с широким спектром первичных префиксов (*под-*, *раз-*, *вы-*, *при-*, *от-*, *у-*, *за-*, *с-*, *об-*, *про-*, *пере-*) и одноприставочными глаголами-стимулами разных ЛСГ

(глаголами речевой и интеллектуальной деятельности, однонаправленного движения, физиологического действия, графической передачи информации и др.).

В результате анализа контекстов респондентов были выявлены следующие оттенки значений, которые соотносятся в языковом сознании носителей русского языка с вторичным префиксом *на-*:

1) интенсивное действие с целью получить значительный результат (54 реакции из 110): *Напереживаться сильно; Он понял, что опаздывает, и наподдал газу* и др.;

2) действие с большим количеством объектов (18 реакций из 110): *Если, например, учитель любит свою работу и имеет опыт, ему не сложно за вечер с удовольствием напроверять гору сочинений своих учеников; Инспекция назакрывала много магазинов; Мы навыващивали много цветов; Зачем ты столько банок наоткрывала?*

Результаты проведенного эксперимента подтвердили гипотезу о высокой деривационной активности вторичного префикса *на-* на современном этапе развития русского языка.

Рассмотрим результаты эксперимента по глаголам с вторичными префиксами *раз-*, *за-*, *пред-*. Респонденты образовали:

- 79 двухприставочных глаголов с префиксом *раз-* от 7 глаголов-стимулов: *разукрасить* (36), *разузнать* (13), *рассоединить* (8), *разупаковать* (7), *разукрепить* (2), *разнарядить* (2), *разутихнуть* (1);
- 52 двухприставочных глагола с префиксом *за-* от 10 пар одноприставочных глаголов-стимулов: *заприметить* (22), *заупаковать* (11) / *заупаковывать* (2), *запереживать* (4), *заукрасить* (1) / *заукрашать* (3), *запроверять* (3), *заутихать* (2), *заобдирать* (1), *занаряжать* (1), *засоединять* (1), *завычислять* (1);
- 51 двухприставочный глагол с вторичным префиксом *пред-* от 9 пар глаголов-стимулов: *предвосхитить* (14) / *предвосхищать* (8), *предвкусить* (4) / *предвкушать* (9), *предукрасить* (5) / *предукрашать* (1), *предостудить* (3), *предутихнуть* (2) / *предутихать* (1), *предоткрыть* (1), *предподдать* (1), *предразрушить* (1), *предрасказать* (1).

Результаты эксперимента демонстрируют низкую префиксальную сочетаемость вторичных приставок *раз-*, *за-*, *пред-*, а также большое количество единичных реакций, среди которых многие образованные

двухприставочные глаголы носят окказиональный (искусственный) характер, например: *разупаковать*, *разукрепить*, *разутихнуть*, *завычислять*, *занаряжать*, *предразрушить*, *предрасказать* и др. Следует отметить, что в русском литературном языке количество словарно зафиксированных двухприставочных глаголов с вторичными префиксами *раз-*, *за-*, *пред-* незначительно, большая часть данных единиц встречается в говорах.

Таким образом, реакции респондентов подтверждают гипотезу о том, что на современном этапе развития русского языка вторичные префиксы *раз-*, *за-*, *пред-* не являются деривационно активными средствами глагольного словообразования.

Заключение

В результате эксперимента были выявлены деривационный статус и продуктивность вторичных глагольных префиксов *на-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *за-*, *недо-*, *до-*, *раз-*, *пред-* на современном этапе развития русского языка. Полученные результаты на основе показаний языкового сознания русскоговорящих позволили скорректировать лингвистические данные, имеющиеся в лексикографических источниках: была установлена высокая деривационная активность вторичных префиксов *до-* и *недо-*, считавшихся ранее непродуктивными средствами глагольного словообразования.

Используя прием количественного подсчета данных, было зафиксировано 1399 двухприставочных глаголов, образованных респондентами. Высокие количественные показатели являются результатом свободной комбинаторной сочетаемости вторичных префиксов с глагольной основой в силу агглютинативного типа связи: вторичные префиксы осознаются носителями языка как отделяемые структурные составляющие глагола, соотносимые с определенным смысловым содержанием. Количественный и сравнительно-сопоставительный анализ задействованных с каждым префиксом глаголов-стимулов разных лексико-семантических групп позволил определить продуктивность вторичных приставок:

1. Высокопродуктивными и деривационно активными являются вторичные глагольные префиксы *до-*, *недо-*, *по-*, *на-*: респонденты присоединили их более чем к 20 одноприставочным глаголам из 30 предложенных (27 пар глаголов-стимулов с приставкой *недо-*, 26 – *по-*, 25 – *до-*, 23 – *на-*). Причина высокой продуктивности данных префиксов – обобщенно-аспектуальный или модифицирующий характер

их значений (завершенность, незавершенность, многократность, накопление результата): рассматриваемые вторичные приставки обладают свободной лексической сочетаемостью с одноприставочными глаголами разных лексико-семантических групп, не вступая с ними в «семантический конфликт» (например, лексико-семантические группы глаголов физического воздействия на объект, интеллектуальной и речевой деятельности, изменения качественного признака, графической передачи информации, однонаправленного движения и т.д.; с первичными приставками *раз-*, *вы-*, *от-*, *у-* и др.).

2. Среднепродуктивными и менее деривационно активными являются вторичные глагольные префиксы *при-*, *пере-*, *под-*, которые были соотнесены с 16–19 одноприставочными глаголами (19 пар глаголов-стимулов с приставкой *пере-*, 17 – *при-*, 16 – *под-*). Семантика данных префиксов является более конкретной (ограниченность во времени, повторность, чрезмерность, дополнительность, незначительная интенсивность), что накладывает ограничения на лексическую сочетаемость с глагольной основой и первичной приставкой.

3. Малопродуктивными вторичными префиксами являются *пред-*, *за-*, *раз-*, обладающие низкой сочетаемостью с 7–10 одноприставочными глаголами (10 пар глаголов-стимулов с приставкой *за-*, 9 – *пред-*, 7 – *раз-*), что объясняется семантикой данных аффиксов. Значения *начало действия / действие, совершенное заранее / разделение* противоречат результативным значениям одноприставочных глаголов (ср. *занарядить / предвырастить / разоткрыть*), вследствие этого круг лексико-семантических групп глаголов, к которым присоединяются исследуемые префиксы, снижается (глаголы изменения качественного признака, интеллектуальной и речевой деятельности, графической передачи информации). Подчеркнем, что большинство образованных респондентами глаголов с непродуктивными вторичными префиксами *за-*, *пред-*, *раз-* являются окказионализмами.

Анализ приведенных респондентами контекстов позволил установить взаимосвязь между продуктивностью вторичных глагольных префиксов и степенью осознаваемости их семантики носителями русского языка. Для глаголов с продуктивными вторичными префиксами информанты приводили контексты, демонстрирующие осознание широкого спектра значений вторичных приставок. Напротив, для глаголов с малопродуктивными аффиксами

респонденты часто отказывались приводить контексты, что свидетельствует о низкой частотности употребления данных единиц в речи русскоговорящих и об отсутствии их востребованности в качестве продуктивного словообразовательного средства в современном русском языке.

Таким образом, проанализировав результаты эксперимента по словообразовательной активности вторичных глагольных префиксов, можно выделить несколько лингвистических причин, влияющих на продуктивность исследуемых аффиксов:

1. Продуктивность вторичного префикса зависит в первую очередь от его функционально-семантических особенностей: префиксы, выражающие обобщенно-аспектуальный характер действия, свободно присоединяются к широкому кругу одноприставочных глаголов, не вступая с ними в семантический конфликт; префиксы, привносящие в семантику глагола пространственно-временное значение, ограничены сочетаемостью с рядом одноприставочных глаголов. Чем больше дополнительных оттенков значений способен привнести вторичный префикс, тем более ограниченным оказывается круг глагольных основ, с которыми он может сочетаться.

2. Деривационная активность вторичных префиксов зависит от семантики первичной приставки: первичные префиксы, выражающие результативное (предельное) значение, свободно сочетаются с обобщенно-аспектуальными вторичными приставками, конкретизирующими характер достижения этого результата (предела).

3. Семантика производящего глагола в меньшей степени влияет на продуктивность и деривационную активность вторичных префиксов в силу агглютинативного типа присоединения аффикса к глагольной основе.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении деривационной активности вторичных глагольных префиксов на материале русских народных говоров, для которых глагольная полипрефиксация является характерным стилиобразующим средством.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: ЯСК, 2007. 288 с. [Arutiunova N. D. *Problems of morphology and word formation in the Spanish language*. Moscow: IaSK, 2007, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suqgoz>
- Блинова О. И., Ростова А. Н. Явление мотивации слов по данным языкового сознания носителей диалекта. *Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения*, отв. ред. Л. И. Баранникова. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 25–33. [Blinova O. I., Rostova A. N. The phenomenon of word motivation based on the Linguistic consciousness of dialect speakers. *Vocabulary and phraseology of dialects in late-settlement territories*, ed. Barannikova L. I. Kemerovo: KemSU, 1985, 25–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrkxrn>
- Борисова В. А. Противопоставление лексических и супралексических глагольных префиксов в русском языке: экспериментальное исследование. *Рема*. 2024. № 4. С. 67–88. [Borisova V. A. Opposition of lexical and superlexical verbal prefixes in Russian: An experimental study. *Rhema*, 2024, (4): 67–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2024-4-67-88>
- Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка. In: Ширяев Е. Н., Матвеева Т. В., Крысин Л. П. и др. *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург: УрФУ, 2000. С. 338–348. [Golev N. D. Everyday metalinguistic consciousness and the school course of Russian. In: Shiryayev E. N., Matveeva T. V., Krysin L. P. et al. *The cultural and speech situation in modern Russia*. Ekaterinburg: UrFU, 2000, 338–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rripiyx>
- Дьяконова Е. А. Психолингвистический подход в практике преподавания РКИ (использование результатов психолингвистических экспериментов). *Актуальные проблемы преподавания РКИ: Междунар. науч.-практ. и науч.-метод. конф. (Петрозаводск, 28 сентября 2021 г.)* Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 74–78. [Dyakonova E. A. A psycholinguistic approach to teaching Russian as a foreign language: Psycholinguistic experiments. *Current issues in teaching Russian as a foreign language: Proc. Intern. Sci.-Prac. and Sci.-Method. Conf.*, Petrozavodsk, 28 Sep 2021. Petrozavodsk: PetrSU, 2022, 74–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tuohpa>
- Дьяконова Е. А., Федосова В. И. Психолингвистические значения предлогов «в», «из», «на» (по результатам психолингвистического эксперимента). *Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка*, ред. А. В. Рудакова. Воронеж: Ритм, 2023. С. 19–23. [Dyakonova E. A., Fedosova V. I. Psycholinguistic meanings of the prepositions "в", "из", "на": Psycholinguistic experiment. *Meaning as a phenomenon of the actual linguistic consciousness of a native speaker*, ed. Rudakova A. V. Voronezh: Rhythm, 2023, 19–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylbryi>
- Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: ВГУ, 1990. 208 с. [Zalevskaya A. A. *The word in the human lexicon: A psycholinguistic study*. Voronezh: VSU, 1990, 208. (In Russ.)]
- Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. *Исследования по грамматике русского литературного языка*, отв. ред. Н. С. Пospelov, Н. Ю. Шведов. М.: АН СССР, 1955. С. 5–41. [Zemskaya E. A. Types of single-aspect prefixed verbs in modern Russian. *Research on the grammar of the Russian literary language*, eds. Pospelov N. S., Shvedov N. Yu. Moscow: AS USSR, 1955, 5–41. (In Russ.)]
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с. [Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russian colloquial speech: General issues. Word formation. Syntax*. Moscow: Nauka, 1981, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sioeuf>
- Зибукеева З. С. Роль префиксов в словообразовании и словоизменении русского и чеченского глаголов (на материале глаголов с префиксом *по-* русского языка и их семантических аналогов в чеченском). *Власть истории и история власти*. 2023. Т. 9. № 7. С. 76–83. [Zibukaeva Z. S. Russian and Chechen verbs: The role of prefixes in word formation and inflection of Russian and Chechen verbs (based on the material of verbs prefixed *po-* in Russian and their semantic analogues in Chechen. *The Power of History – the History of Power*, 2023, 9(7): 76–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pedgsu>

- Королева Ю. В. Глагольная полипрефиксация в русском литературном языке и в русских говорах. *Язык и культура в Евразийском пространстве: XVII Междунар. науч. конф.* (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2004 г.) СПб., 2005. Т. 1. С. 75–80. [Koroleva Yu. V. Verbal polyprefication in the Russian literary language and in Russian dialects. *Language and culture in the Eurasian space: Proc. XVII Intern. Sci. Conf.*, St. Petersburg, 19–20 Apr 2004. St. Petersburg, 2005, vol. 1, 75–80. (In Russ.)]
- Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999. 262 с. [Lebedeva N. B. *Polysituativity of verbal semantics (based on Russian prefixal verbs)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 1999, 262. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qddokx>
- Любезнова Н. В. Явление синтагматической мотивированности в префиксальном глагольном словообразовании русского языка. *Филология: научные исследования*. 2020. № 2. С. 101–108. [Lyubeznova N. V. The phenomenon of syntagmatic motivation in prefix verb derivation in the Russian language. *Philology: Scientific Researches*, 2020, (2): 101–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.2.29207>
- Махаев М. Р., Стернин И. А. Исследование семантики имени собственного как феномена языкового сознания (по данным психолингвистических экспериментов). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 2. С. 228–239. [Makhaev M. R., Sternin I. A. Investigation of the semantics of the proper name as a phenomenon of linguistic consciousness (according to psycholinguistic experiments). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, (2): 228–239. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-228-239>
- Разумкова А. В., Брускова Е. А., Дубова Л. А. Динамика психолингвистического значения лексемы «друг» (на материале ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента). *Дневник науки*. 2023. № 6. [Razumkova A. V., Bruskova E. A., Dubova L. A. The dynamic of the psycholinguistic meaning of the lexeme "friend" (based on the material of the associative dictionaries and the free associative experiment). *Dnevnik nauki*, 2023, (6). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndjvar>
- Садченко В. Т. Глагольные дериваты с приставкой на- в русских говорах приамурья. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 3. С. 15–21. [Sadchenko V. T. Verbal derivatives with the prefix на- in the Russian dialects of the amur region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2024, (3): 15–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21>
- Сазонова Т. Ю. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова. *Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики*, отв. ред. А. А. Залевская. Тверь: ТвГУ, 1994. С. 65–70. [Sazonova T. Yu. Reliance on formal elements in the identification of a new word. *Word and text: Current problems of psycholinguistics*, ed. Zalevskaya A. A. Tver: TverSU, 1994, 65–70. (In Russ.)]
- Соколов О. М. Актантная распределенность семантики русских глаголов в мотивационно-словообразовательном аспекте. *Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики*, отв. ред. М. Н. Яценецкая. Томск: ТГУ, 1991. С. 11–16. [Sokolov O. M. Actantial distribution of semantics of Russian verbs in the motivational-derivational aspect. *Word formation issues in Indo-European languages. Problems of semantics*, ed. Yantsenetskaya M. N. Tomsk: TSU, 1991, 11–16. (In Russ.)]
- Стернин И. А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? *Язык и национальное сознание*, ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2005. С. 4–10. [Sternin I. A. Concept and meaning: To what kind of consciousness do they belong? *Language and national consciousness*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2005, 4–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udtraz>
- Стойнова Н. М. Вариативность в глагольной префиксации: дериваты на до- и пере-. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019. № 4. С. 284–300. [Stoynova N. M. Variation in verbal prefixation: Russian до- and пере-. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, (4): 284–300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ybketn>
- Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. *Вопросы языкознания*. 1964. № 1. С. 42–52. [Tikhonov A. N. Pure-aspectual prefixes in the system of Russian aspect-formation. *Voprosy Jazykoznanija*, 1964, (1): 42–52. (In Russ.)]
- Третьякова Ю. Р. Семантические характеристики префикса на- в рамках литературного и диалектного словообразования эмотивных глаголов. *Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*. 2021. № 3. С. 95–99. [Tretiakova Y. R. Semantic characteristics

- of prefix на- within the framework of literary and dialect word formation of emotive verbs. *Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology*, 2021, (3): 95–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqrptu>
- Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с. [Ulukhanov I. S. *Word-formation semantics in the Russian language and principles of its description*. Moscow: Nauka, 1977, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdclpz>
- Усманова З., Семенова М. Особенности глагольного приставочного образования в русском языке. *Society and Innovations*. 2023. Т. 4. № 3/S. С. 362–368. [Usmanova Z., Semenova M. Features of verbal prefix formation in the Russian language. *Society and Innovations*, 2023, 4(3/S): 362–368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol4-iss3/s-pp362-368>
- Черепанов М. В. Словообразовательные способы объективации семантики интенсивного протекания действия. *Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка*, ред. Р. Н. Попов. Курск: КГПУ, 1986. С. 15–18. [Cherepanov M. V. Word-formation methods of objectifying the semantics of intensive action. *Language and speech units in the lexicon and phraseology of the Russian language*, ed. Popov R. N. Kursk: KSPU, 1986, 15–18. (In Russ.)]
- Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 245 с. [Shansky N. M. *Essays on Russian word-formation and lexicology*. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 245. (In Russ.)]
- Шевченко С. Н. Факторы формирования лексических поэтических коннотаций (результаты психолингвистического эксперимента). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 16–24. [Shevchenko S. N. Factors of developing lexical poetic connotations (the results of the psycholinguistic experiment). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2020, (1): 16–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2726>
- Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение. *Развитие современного русского языка: 1972. Словообразование. Членимость слова*, отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1975. С. 253–260. [Yanko-Trinitzskaya N. A. Interword overlap. *Development of the modern Russian language: 1972. Word-formation. Word divisibility*, ed. Zemskaya E. A. Moscow: Nauka, 1975, 253–260. (In Russ.)]
- Stemberger J. P. *The lexicon in a model of language production*. New York: Garland, 1985, 299.

оригинальная статья

eLibrary EDN: VJYQZN

Баллада У. Б. Йейтса «Плащ, корабль и башмачки», ее жанровая специфика и мифопоэтическая символика

Карпухина Тамара Петровна

Тихоокеанский государственный университет имени М. П. Даниловского, Россия, Хабаровск

eLibrary Author SPIN: 4243-2284

<https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

tkarpukhina1@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты анализа стиховой текстуры балладного произведения, демонстрирующие применение разноуровневых языковых средств, содействующих усилению изобразительно-выразительного потенциала и упорядоченности стихового текста. Цель – определить жанровое своеобразие баллады У. Б. Йейтса «Плащ, корабль и башмачки» (*The Cloak, the Boat, and the Shoes*), отличающее ее от баллады народной, и выявить в тексте произведения мифопоэтическую символику. Актуальность работы обусловлена включенностью заявленной темы в проблематику современных филологических изысканий, требующих междисциплинарного подхода. Комплексный подход к изучению балладного текста предопределил использование методов литературоведческих (жанрологический, компаративный, мифопоэтический и герменевтический анализ) и лингвистических (дефиниционный, контекстуальный и стилистический анализ). Научная новизна работы состоит в осуществлении комплексного подхода к анализу баллады, ранее не подвергавшейся специальному исследованию. Впервые описаны ее основные характеристики, доказывающие как сходство с традиционной балладой, так и отличие от нее. В ходе исследования установлена жанровая специфика баллады У. Б. Йейтса, свидетельствующая об авторском отступлении от фольклорного канона, проявляющаяся в потенциальном присутствии в тексте двух смысловых пластов разной глубины. В работе обосновывается двойственное толкование смысла произведения, опирающееся на амбивалентную сущность персонажа-странника *Sorrow*, раздваивающегося на антропоморфные образы человеческой печали и смерти. Многочисленные отсылки к образной модели мира в архаичной культуре, выявленные в ходе анализа ритуально-мифологического субстрата текста, свидетельствуют о значимой роли мифопоэтической составляющей в балладе. Мифопоэтические символы, включенные в танатопозитический сюжетный мотив странствия персонажа-смерти по водным просторам, соотнесены с архаическими ритуалами погребения и инициации-загадки. Мифопоэтическая символика заключена также в троичности строфической композиции баллады и в запрете на прямую номинацию смерти как мифологического объекта. Результаты исследования доказывают, что обращение к мифопоэтической символике, извлекаемой из языковой ткани баллады, способствует расширению смысловых горизонтов произведения.

Ключевые слова: литературная баллада, ритуально-мифологический субстрат, мифопоэтическая символика, амбивалентный персонаж, двойственность смысла, танатопозитический мотив странствия, антропоморфный образ, образ Печали / Смерти, языковое воплощение мифопоэтики

Цитирование: Карпухина Т. П. Баллада У. Б. Йейтса «Плащ, корабль и башмачки», ее жанровая специфика и мифопоэтическая символика. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 776–791. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-776-791>

Поступила в редакцию 29.01.2026. Принята после рецензирования 14.04.2026. Принята в печать 27.04.2026.

original article

W. B. Yeats's Ballad "The Cloak, the Boat, and the Shoes", its Genre Peculiarities and Mythopoetic Symbolism

Tamara P. Karpukhina

M. P. Danilovskiy Pacific National University, Russia, Khabarovsk

eLibrary Author SPIN: 4243-2284

<https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

tkarpukhina1@mail.ru

Abstract: William Butler Yeats's ballad *The Cloak, the Boat, and the Shoes* differs from folk ballads in its literary genre and mythopoetic symbolism. This comprehensive, multidisciplinary study investigates the poem's linguistic and literary aspects by integrating methods of literary criticism (genre, comparative, mythopoetic, and hermeneutic analysis) with linguistic approaches (analysis of dictionary definitions, as well as contextual and stylistic analysis). The findings demonstrate both similarities to and differences from the poem's folk roots. The major difference is that the poet transcends the limitations of the traditional genre, imparting two semantic layers of varying depth. This duality stems from the ambivalent essence of the wanderer called Sorrow, who is divided into anthropomorphic images of human grief and death. The ritual-and-mythological substratum of the text reveals numerous references to an archaic world model, testifying to the key role of the mythopoetic component. The thanatological plot motif of the seafarer who personifies death is full of mythopoetic symbols that correlate with archaic burial rituals and initiation riddles. Mythopoetic symbolism also manifests itself in the trinity of the composition and the prohibition on the direct nomination of death as a mythological object. The multi-level linguistic devices enhance the figurative and expressive structure of the poetic text. The mythopoetic symbolism extracted from the ballad's linguistic fabric expands its semantic horizons.

Keywords: literary ballad, ritual-mythological substratum, mythopoetic symbolism, ambivalent personage, semantic ambiguity, thanatopoetic motif of rovery, anthropomorphic image, image of Sorrow / Death, linguistic manifestation of mythopoetics

Citation: Karpukhina T. P. W. B. Yeats's Ballad "The Cloak, the Boat, and the Shoes", its Genre Peculiarities and Mythopoetic Symbolism. *SibScript*, 2026, 28(4): 776–791. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-776-791>

Received 29 Jan 2026. Accepted after peer review 14 Apr 2026. Accepted for publication 27 Apr 2026.

Введение

В последнее время в гуманитарной сфере знания заметно возрос интерес исследователей к балладе, как народной, так и литературной. Существует значительное число работ, объектом рассмотрения которых является баллада. Особенно активно научные изыскания велись в отношении баллады первого типа, именуемой также фольклорной, традиционной, популярной. Этот жанр привлекал внимание отечественных и зарубежных ученых [Гугнин 1983; Жирмунский 1973; Сильман 1977; Beatty 1914; Laws 1980].

В англистике предметному анализу подвергались отдельные аспекты фольклорной баллады, в частности, специфика ее жанра [Анисимова 2019]; особый характер образности, включая образы-символы

[Вавилова 2019]; особенности концептуальной картины мира [Воронцова 2002].

Неизменно растет интерес к индивидуально-авторской, литературной балладе, расцвет которой пришелся на эпоху романтизма. При этом исследователи считают важным изучить как отдельно взятое произведение одного автора [Гочаков 2017; Назарова 2023], так и балладное наследие популярного автора, не обязательно являющегося профессиональным литератором [Пикулева 2007]. В поисках литературных параллелей и пересечений проводилось сопоставление двух баллад, принадлежащих перу разных авторов [Жаткин, Рябова 2013; Ибрагимова 2025; Корбанкова 2024]. Вместе с тем практически не изученным остается балладное творчество

Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939 гг.), выдающегося ирландского поэта и драматурга, нобелевского лауреата по литературе (1923 г.), политического деятеля, одного из основоположников Гэльского национального возрождения [Шестакова 2023]. Балладное творчество поэта в самых общих чертах представлено лишь в единичных работах [Приходько 2007; Argoff 1980; Meir 1974], при том что его лирические произведения не обойдены вниманием исследователей [Бегишева 2024; Маркова 2019; Петрунина 2015; Толмачёв 2021; Холина 2011; Iseni 2022; Kheder 2023].

Британские ученые отдают должное балладному творчеству У. Б. Йейтса, отмечают влияние балладного стиля на его лирику в целом, обосновывая его интерес к балладе романтическими воззрениями на фольклор как кладезь человеческого опыта и визионерского, эзотерического знания [Pethica 2007; Vendler 2007]. Поэт, принявший непосредственное участие в поисках, сборе и издании трех томов ирландских фольклорных текстов, видел в народном творчестве почвенную суть, первоначальную соль древней, мифологической традиции ("the soil" of tradition, "ancient salt"), задающей важнейшие темы, передаваемые предыдущими поколениями человечеству: "What counted, in his view, was that tradition should provide a "subject-matter"... received from generations" [Pethica 2007: 139]. У. Б. Йейтс считал, что сокровенное знание предков, утерянное современной культурой, сохраняется в фольклорном повествовании ("traditional models of story-telling") в метафорической или аллегорической форме ("expressed in metaphorical or allegorical forms") [Ibid.: 129]. Иносказательная форма, в которую облечено содержание фольклора, не позволяет современному человеку приобщиться к опыту предков с их мистическим, мифологическим восприятием мира. Согласно романтическому представлению о «жреческой роли поэта», а У. Б. Йейтс считал себя «одним из последних романтиков», это возможно осуществить не с помощью обычного, «профанного» языка, а исключительно посредством поэзии, позволяющей «причаститься высшей гармонии» [Кружков 2008: 136]. Особенно ярко эти воззрения проявились в ранний период литературного творчества поэта, когда были созданы баллады, вошедшие в сборник "Crossways" («Перекрестки») (1889 г.). В стихотворениях этого цикла «еще нет политических и социальных тем», которые зазвучат позже, эти «стихи лиричны,

проникновенны», они «полны смутного томления, юношеской меланхолии и неясного стремления к чему-то далекому и несбыточному, что сочетается с фольклорной традицией и кельтскими аллюзиями» [Приходько 2007: 187].

В центре внимания настоящей статьи находится балладное наследие У. Б. Йейтса. Объектом исследования является баллада раннего периода творчества ирландского поэта. В статье анализируется баллада "The Cloak, the Boat, and the Shoes" («Плащ, корабль и башмачки») из цикла "Crossways", ранее не подвергавшаяся специальному исследованию. Предмет рассмотрения составляет жанровая поэтика баллады и ее мифологическая составляющая.

Цель – определить жанровое своеобразие указанной баллады, отличающее ее от баллады фольклорной, и выявить в произведении мифопоэтическую символику. Задачи:

- 1) представить канонические признаки балладного жанра;
- 2) опираясь на жанрообразующие признаки, сопоставить балладу У. Б. Йейтса с балладами народными, чтобы установить как ее соответствие балладному канону, так и отступления от него;
- 3) рассмотреть балладу У. Б. Йейтса на предмет наличия в ней мифопоэтической символики;
- 4) проанализировать текст баллады с лингвистических позиций, чтобы определить образительно-выразительные средства, участвующие в формировании мифопоэтической символики.

Актуальность работы определяется включенностью заявленной темы в проблематику современных филологических изысканий, требующих междисциплинарного подхода, с рассмотрением литературоведческих и лингвистических аспектов балладного произведения. К настоящему времени назрела настоятельная потребность комплексного, системного анализа литературной баллады, исходящего из предпосылки о смыслопорождающем взаимодействии всех составляющих произведения, особое место в котором занимает мифопоэтическая символика.

Теоретическая значимость работы видится во вкладе в дальнейшую разработку методики сопоставительного, генетико-типологического анализа литературной и традиционной баллад, смещающей акцент с константных жанровых признаков на признаки переменные, что может способствовать уточнению общетеоретических положений об эволюции балладного жанра и о присутствии / отсутствии

в литературной балладе признаков деканонизации. Практическая значимость связана с возможностью применения результатов и материалов в практике преподавания и сопоставительных исследованиях.

Методы и материалы

Материалом исследования послужил текст баллады Уильяма Батлера Йейтса "The Cloak, the Boat, and the Shoes"¹. О значимости баллады свидетельствует постоянное обращение к ней профессиональных переводчиков, см., например, классический перевод Г. Кружкова².

Методология основана на комплексном подходе, интегрирующем методы литературоведения (жанрологии, компаративистики, герменевтики, мифопоэтики, анализирующих балладу как художественное произведение особого жанра) и лингвистики (дефиниционный, стилистический и контекстуальный анализ текста баллады как ее вербальной составляющей). Жанрологический подход, рассматривающий стихотворение У. Б. Йейтса в аспекте жанровой поэтики, позволяет обозначить несущие конструкции жанровой модели баллады и ее жанровое своеобразие. Компаративный метод, опирающийся на сопоставление анализируемой баллады с балладой традиционной, использовался для выявления, наряду со сходством, и различий между ними, с введением в исследовательский фокус несовпадающих, отличительных признаков рассматриваемой баллады, свидетельствующих об отступлении от фольклорного канона. Мифопоэтический анализ осуществлялся для выявления мифопоэтической символики, наделяющей новыми, дополнительными смыслами балладное произведение. Герменевтический метод способствовал пониманию и истолкованию как явных, эксплицитно выраженных, так и скрытых, имплицитных смыслов, заложенных в балладу. Дефиниционный анализ, опирающийся на словарное толкование лексических единиц, применялся для определения семантики ключевых слов, воплощающих важнейшие смыслы, заложенные в тексте³. Для уточнения значения слов,

которое в существенной мере определяется языковым окружением, использовался контекстуальный анализ. Стилистический анализ позволил обнаружить стилистические приемы, содействующие созданию и усилению мифопоэтической образности, заложенной в стиховом тексте баллады.

Результаты

Баллада как жанр и ее отличительные, жанрообразующие признаки

В настоящей статье, посвященной изучению англоязычной баллады, за основу принимается понятие баллады, трактуемое ее прежде всего как фольклорный гибридный жанр, возникший в Англии и Шотландии в позднем Средневековье, в XIV–XVI вв., отличающийся особым сюжетом, композицией и тематикой: «Английская баллада – это, по существу, сюжетная лиро-эпическая поэма строго строфической формы (обычно четверостишия); строится она на фантастическом, легендарно-историческом или бытовом материале»⁴. Согласно Литературной энциклопедии, народная баллада характеризуется «трагизмом, таинственностью, отрывистым повествованием, драматическим диалогом»⁵.

Обзор трудов, связанных с проблематикой традиционной баллады, позволил выделить также следующие устойчивые балладные признаки: необычайное событие-встреча, как правило, с пришельцем из иного мира, заканчивающееся трагическим финалом для человека; отсутствие пейзажных описаний и развернутых персонажных характеристик; соотносительность действия с недатируемым прошлым; пространственная локализованность с основным локусом могилой; безоценочное, неэмоциональное повествование; отсутствие декоративности и гиперболизации. Исследователями подчеркивается, что большинство из присущих народной балладе жанровых признаков обнаруживается и в балладе литературной, в чем проявляется ее глубинная связь со своим прародителем, фольклором. Эти устойчивые признаки свидетельствуют о сформированности жанровой

¹ Yeats W. B. The Collected Poems. Third Printing. New York: The Macmillan Company, 1951. P. 9–10.

² Йейтс У. Б. Винтовая лестница: Поэзия, пер. с англ., сост., вступ. ст., коммент. Г. Кружкова. М.: Книжный Клуб Книголек, 2012. С. 17.

³ Дефиниционный анализ осуществлялся на основе словаря: Longman Dictionary of Contemporary English. New ed. Nungay: Richard Clay Ltd., 1988. 1229 p. При переводе на русский язык использовался словарь: Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 880 с.

⁴ Квятковский А. П. Школьный поэтический словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2000. С. 64.

⁵ Гаспаров М. Л. Баллада. Литературная энциклопедия терминов и понятий, ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 70. <https://elibrary.ru/ystcxz>

модели баллады, обладающей памятью жанра: «несомненно, что каждый "новорожденный" жанр постепенно формирует свою память – это память об устойчивой системе условностей, посредством которой произведение превращается в целостную модель мира ("сокращенную Вселенную"). <...> В процессе своего бытования индивидуальная жанровая модель становится конструктивным инвариантом, который входит в арсенал художественной культуры» [Лейдерман 2010: 84–85]. Именно память жанра, хранящая комплекс указанных выше балладообразующих признаков, формирующих жанровую модель баллады, позволяет рассматривать память жанра не как «музейный экспонат, а постоянно действующий механизм художественного творчества» [Там же: 87].

Литературная баллада "The Cloak, the Boat, and the Shoes", ее основные характеристики в сопоставлении с балладой народной

Сюжетно-тематическое своеобразие баллады и ее мифопоэтическая символика

Сюжет баллады У. Б. Йейтса можно пересказать так: некто последовательно обращается к неназванным собеседникам, вопрошая, над чем они работают, и те ему отвечают. Из ответов ясно, что это портной, корабельщик и обувщик. Один изготавливает плащ (*cloak*), другой – лодку (*boat*), третий – обувь (*shoes*). Все это предназначено для центрального героя, названного странником, бродягой (*rover*) по имени *Sorrow* (печаль). Мастера стараются приготовить ему наилучшее снаряжение, которое будет служить герою в его странствиях.

В балладе со всей очевидностью проступает мотив как «простейшая динамическая единица» сюжетного повествования, «характеризуемая обычно наличием глагола или его эквивалента» [Реформатский 2001: 489], обладающая «повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [Хализев 2009: 367]. Таковым оказывается повторяющийся, ведущий мотив странствий главного героя по морским просторам (*seas* – моря, океан), выраженный глаголом (*sail* – плывет под парусами) и существительными (*rover* – странник, скиталец; *flight* – полет) с семантикой движения, переданной им производными глаголами (*rove* – бродить, скитаться, *fly* – летать, спешить).

Этому лейтмотиву подчинен мотив изготовления снаряжения для предстоящего странствия (плаща, лодки, обуви), выраженный глаголами *make* (делать),

build (строить), *weave* (плести, вязать). Указанные мотивы связаны с центральным героем, которому присвоено персонифицированное обозначение человеческой эмоции (*Sorrow* – печаль, скорбь). И при первом приближении к тексту перед взором читателя возникает антропоморфный образ Печали, которая, как всякая эмоция, неподвластная человеческой воле, может, скитаясь, внезапно настичь человека, прийти и так же легко и быстро уйти.

Но помимо поверхностного, очевидного смыслового слоя, заданного прямым значением слов, в балладе просматривается и иной, мифопоэтический смысловой пласт, путь к которому лежит через ритуально-мифологическое осмысление произведения. Мифопоэтический подход с позиции археопозитики [Тюпа 2011: 123] обусловлен самой природой народной баллады, которая, «уходя корнями в родовые обычаи и верования», связана своими истоками с «языческой (дохристианской) мифологией и сопутствующими ей обрядами» [Гугнин 1983: 11]. Разные слои и напластования, сохранившие архаическое, мифологическое мышление древнего человека, подспудно живущие в фольклорной балладе, заимствуются затем балладой литературной.

Смысловой пласт, возвращающий к глубинам архаики, проявляется, если обратить внимание на содержащиеся в балладе отсылки к первобытным ритуалам, воспроизводившим в обрядовой практике структуру мифа, представлявшего собой образную модель мира. Вновь возвращаясь к понятию памяти жанра, подчеркнем полное соответствие литературной баллады следующему утверждению: «Структура огромного количества жанров хранит память о своем генезисе из архаических жанров, а в архаических архетипах модели мира окаменела память о мифологическом космосе» [Лейдерман 2010: 84].

Мифологическая модель мира, фиксирующая фундаментальные законы мироустройства, космологизирована, упорядочена в соответствии с основными параметрами Вселенной, представленными в виде бинарных противопоставлений: верх / низ, правое / левое, далекое / близкое, свет / тьма, мужское / женское, добро / зло, свой / чужой, живое / мертвое и др. [Иванов, Топоров 1965], с главенствующей оппозицией жизнь / смерть, определяющей все существование человека.

К балладе, с ее лаконичным повествованием, в полной мере приложимо следующее

высказывание: «В жанрах, не отличающихся развернутостью повествования, элементы мифологической модели мира всплывают разрозненными деталями, подчас в сильно трансформированном виде» [Путилов 2003: 151].

Подобные элементы мифологической модели мира обозначены в балладе теми же лексическими единицами, о которых говорилось выше. Ключевыми выступают слова, усиленные многократным повтором и написанием с заглавной буквы: *Sorrow*, *Cloak*, *Boat*, *Shoes*. Индексальным маркером, указывающим на мифопоэтическую семантику, скрывающуюся за прямым значением лексем, является наделение неодушевленных объектов именем собственным. Персонификация возвращает читателя в эпоху первобытного анимизма, присущего мифологическому мышлению, воспринимавшему, переживавшему действительный мир через чувственно-наглядные образы, считавшиеся реальными и живыми. Мифопоэтическая символика указанных номинаций проясняется при рассмотрении их через ритуально-мифологическую призму. И тогда становится ясным, что слова *Cloak*, *Boat*, *Shoes*, предъявленные в названии баллады, являются не чем иным, как иносказательными, метафорическими обозначениями вещей, изготовляемых для совершения погребального ритуала, а именно савана, ладьи и башмачков.

С этим ритуалом связан целый ряд слов, указывающих на детали погребения усопшего в водной пучине, что нашло выражение в акватической символике: в образе ладьи (*boat*), снабженной парусами (*sails*), стремительно (*swift*) движущейся (*saileth*) по морским просторам (*the seas*). (Напомним, что эта же лексика, не соотносимая прежде с погребальным ритуалом, описывала морские странствия персонифицированной эмоции печали.) В основе ритуала погребения в водах, которыми «отделяется земля, жилище человеческое, от таинственной страны неземной жизни», лежит мифологическое представление о цикличности человеческого существования, когда «Рождающийся приплывает из этой неведомой страны в жилище смертных, умирающий уплывает обратно» [Буслаев 2003: 117]. Заметим в этой связи, что для У. Б. Йейтса, увлекавшегося индуистскими верованиями и мистицизмом [Harper 2007: 161–163; Kurrey, Thakur 2025: 469], этот ритуал

мог быть известен как актуальный и реально бытующий в современной ему Индии. Неслучайно баллада "The Cloak, the Boat, and the Shoes" размещена им в начале раздела *Indian Poems* (Индийские поэмы) книги "Crossways" [Watson 2007: 46].

Все ранее отмеченное относится к скитальцу *Sorrow*, выступающему уже в мифопоэтической ипостаси. Ему предстоит совершить иное странствие: отправиться по завершении земного пути в новом облачении, с новым снаряжением в иной мир, в обитель мертвых. В таком прочтении слово *Sorrow* предстает метонимическим обозначением смерти. Подобно тому, как отвлеченное обозначается более конкретным (страдание как род болезни) [Мелетинский 2018: 163], в балладе происходит метонимическое отождествление причины (смерти как более отвлеченного понятия) со следствием (эмоцией печали, скорби, т. е. с более конкретным понятием). И тогда получается, что в глубинном смысловом слое баллады образ смерти подменен образом эмоции, являющейся ее вечной спутницей. *Sorrow* (печаль, скорбь), таким образом, в мифопоэтическом смысле это личина, маска смерти.

Если совместить два смысловых плана, прямой и иносказательный, то лексема *Sorrow* референциально соотносится с двумя сущностями, и с печалью, и со смертью. Так в балладе создается антропоморфный амбивалентный образ Печали / Смерти, который базируется на метонимии, точнее на механизме парциально-синекдохического отделения, мысленного отчуждения от человека его неотъемлемых, сущностных атрибутов.

Подчеркнем: рассмотренные лексические единицы, формирующие ритуально-мифологический субстрат, нагружены мифопоэтической символикой. Они приобретают мифологичность, потому что их предметное, бытовое значение в ритуале как бы стирается из памяти: «Чтобы известные имена стали мифологичны, нужно, чтобы коренное их значение затемнилось и пришло в забвение в данном языке» [Потебня 2003: 322]. Такого рода символика, передаваемая словами *Cloak*, *Boat*, *Shoes*, *the seas* и т. п., не имеющая системно-языкового статуса, не получает лексикографической фиксации⁶.

«Мифическое сознание», а значит, и мифологическая символика, «оперирует только с реальными объектами», причем особым образом: «Вещи в мифе,

⁶ Longman Dictionary of Contemporary English...; Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1774 p.

оставаясь теми же, приобретают совершенно особый смысл, подчиняются совершенно особой идее, которая делает их отрешенной» [Лосев 2018: 56, 107]. Подобное слияние наглядно-материального, чувственного и идеально-отрешенного, сверхчувственного и порождает в итоге наполненный символ, обладающий способностью через конечное, предельное прорваться в бесконечность, беспредельность и тем самым отразить безмерные глубины мира.

Рассматриваемые через мифологическую призму приведенные слова в высшей степени поэтичны в силу поэтичности собственно мифа, который есть не что иное, как «поэтическая форма» [Потебня 2003: 322], которая «совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности» [Лосев 2018: 102]. И если гипотетически «выключить из него всякое поэтическое содержание», то миф предстанет как «только общее, простейшее, до-рефлексивное, интуитивное взаимоотношение человека с вещами» [Там же: 109].

Следовательно в сюжетно-тематическом отношении баллада "The Cloak, the Boat, and the Shoes" допускает присутствие в тексте двух планов. И в этом кроется ее жанровая специфика, расширяющая горизонты смысла посредством совмещения разных смысловых слоев, что в целом несвойственно балладе и не закреплено в памяти жанра. В основе подобной смысловой дивергенции лежит «сюжетно развернутый процесс переосмысления жанрового канона» баллады [Скрипова 2024: 103], отличающейся особой восприимчивостью к преобразованиям, новациям и даже экспериментам [Козин 2025; Черкес 2025]. В произведении ирландского поэта раздваиваются и мотив странствия, и центральный персонаж: в одном случае создается образ странствующей печали, которая может настичь, а может и миновать людей; в другом – создается образ странствующей смерти, встреча с которой является неминуемой, фатальной, означающей завершение человеком своего земного пути.

Следует отметить спаянность двух сюжетно-тематических планов, непротиворечивость друг другу, подобно тому, какими слитыми были в архаичном ритуале планы собственно ритуально-мифологический и житейский, конкретно-бытовой. Например, дверь в свадебном обряде представлялась символически как вход в дом невесты через огонь или через пасть чудовища-поглотителя [Путилов 2003: 107]. В таком мифологическом понимании образ возвышается до символа, обладающего

большим энергетическим потенциалом: символ «как бы аккумулирует *энергию мифа*, одной из эманаций которого, как правило, выступает» [Бычков 2004: 273].

Именно мифопоэтическая символика, таящаяся в ритуально-мифологических глубинах баллады, является носителем ее доминирующего смысла. В мифопоэтическом прочтении мотивно-сюжетной основой баллады У. Б. Йейтса оказывается вечное странствие по волнам человеческой жизни ее неизменного спутника-антагониста – смерти. Так в произведении находит свое художественное, мифопоэтическое, символическое воплощение базовая, экзистенциальная оппозиция жизнь / смерть, о которой упоминалось выше. Иными словами, сюжетобразующим оказывается танатопоэтический мотив [Корбанкова 2024: 97]. Это важно, поскольку именно в танатологической оппозиции жизнь / смерть заложен доминирующий признак баллады как жанра, проявляющийся в таком ее качестве, как лиминарность [Геннеп 1999: 15], или лиминальность, пороговость (от латинского *limen* – порог, см.: *liminal*), означающей пребывание на границе двух миров, посястороннего и потустороннего.

Эту границу и предстоит пересечь главному персонажу; приготовления к переходу в мир иной уже ведутся, и он находится на пороге последней в своей жизни встречи. Финальная встреча человека со смертью, когда она легкой, беззвучной поступью, неожиданно (*soundless shall be the footfall light; sudden and light*) войдет в его дом, и есть то необычайное, исключительное и вместе с тем роковое событие, которое является одним из неотъемлемых, канонических признаков балладного сюжета.

Рассуждая о балладе и ее сюжете, необходимо обратиться к такой категории, как конфликт, представляющий собой «художественно значимое противоречие», которое «пронизывает всю структуру художественного произведения» и выступает в качестве двигателя сюжета [Есин 2010: 143]. Для народной баллады характерен конфликт субстанциональный, при котором «немыслимы никакие реальные практические действия, могущие разрешить этот конфликт» [Там же: 145]. В балладе реализуется именно такой конфликт, неизбежный и неразрешимый, который влечет за собой разрушительные, губительные последствия для одной из сторон.

Рассмотрим то, как проявляется конфликт в анализируемой балладе. Если отталкиваться от идеи герменевтического круга, с повторным возвращением

к уже прочитанному, вернувшись к первому наброску смысла баллады, когда действующим лицом является персонаж по имени *Sorrow* (печаль), то здесь можно усмотреть внутренний конфликт в душе человека. Но подобного рода конфликт, базирующийся на эмоциональном переживании, которое можно изжить, не является признаком балладного жанра.

Субстанциональный, экзистенциальный конфликт, свойственный традиционному балладному канону, имплицитно исключительного ритуально-мифологического субстрата баллады. Сторонами конфликта в балладе У. Б. Йейтса являются не люди или обстоятельства, а человек и мироустройство, в котором есть и жизнь, и смерть, и этот миропорядок для архаического человека не только реален, но и космологизирован и сакрален. Жизнь и смерть входят в систему подлинных, реальных ценностей, потому что они часть космической материи: «сакрализовано только то, что порождено в акте творения, входит в состав Космоса как его часть, выводимо из него, причастно ему» [Топоров 2010: 13]. Таков священный миропорядок, заключающийся в вечном, циклическом обновлении, когда жизнь завершается смертью, но последнюю при этом побеждает новая, зарождающаяся жизнь.

Эти мифологические представления были близки взглядам У. Б. Йейтса, разделявшего «пифагорейское и индуистское учения о странствовании души и ее инкарнациях», представлявшего человеческую эволюцию в виде «Великого Колеса», вращающегося круга, в котором поочередно властвуют и сменяют друг друга противоположности [Кружков 2008: 37]. Заметим, что У. Б. Йейтсу, подверженному «врожденной болезни поэтов – хронофобии (боязни времени)», был знаком ужас «времени и смерти», но своим творчеством он смог «гармонизировать и само отчаяние» [Там же: 121]. Следовательно танатопозитивский мотив баллады с его экзистенциальным конфликтом оказывается манифестацией не абсолютной конечности человеческой жизни, а импликацией ее бесконечных перевоплощений. Можно сказать, что мифологическое представление о вечном круговороте жизни и смерти примиряет поэта с бренностью человеческого существования, преодолевает разлад «между идеалом и этим миром», который «проходит через сердце поэта: как вдохновляет его, так и приносит боль» [Толмачёв 2021: 58].

Среди жанрообразующих признаков баллады необходимо также обратить внимание на такую параметрическую характеристику, как хронотоп.

Пространственно-временная организация несет «особую конструктивную нагрузку» в балладе «с ее осязаемой картиной балладного мира, ...и обычно удаленного от воспринимающего субъекта во времени и пространстве» [Лейдерман 2010: 314]. В народной балладе пространство ограничено могилой или местом, где погибает главный герой, а время обращено в прошлое, в котором происходят события.

В рассматриваемом произведении хронотоп расширяет балладные границы. Время действия – настоящее и предстоящее будущее, на что указывает личная форма глаголов (*make, build, weave, shall be*). Кажется расширенным и пространство, о его разомкнутости свидетельствует лексически обозначенный мотив странствия. Но и здесь проявляется двойственность. Финальный эпизод с легкой поступью (*the footfall light*) амбивалентного персонажа можно интерпретировать двояко: если появление *Sorrow*-Печали можно считать одним из моментов продолжающейся человеческой жизни, то поступь *Sorrow*-Смерти, которая всегда лиминально локализована, означает, что жизненное пространство с ее приходом свертывается до границы между этим и иным бытием.

Композиция баллады: мифопоэтическая символика троичности и загадки в балладном диалоге

Прежде чем анализировать композиционное членение баллады, отметим, что ее основу составляет прямая речь собеседников, что соответствует традиционному балладному канону. Анализируемая баллада представляет собой диалог между неким безымянным вопрошающим и тремя участниками. Отсутствие вступления, указания на время и место действия или сведений о собеседниках также свидетельствует о балладном типе повествования, для которого «характерна отрывочная, фрагментарная форма, начинающаяся без вступления, с самого действия, не вводящая и часто даже не называющая действующих лиц и место действия, перескакивающая от одного момента действия к другому» [Жирмунский 1973: 96].

Отдельного упоминания заслуживает то, что вопрошающий обращается именно к трем собеседникам, каждый из которых дает ответ на поставленный вопрос. В произведении, таким образом, используется троичный принцип композиции, скрепляющей воедино три части (строфы) баллады, предваряемые вопросами.

Число 3 обладало сакральной семантикой в мифологической модели мира. Для архаического сознания оно представало «как образ некоего абсолютного совершенства», имевшего «идеальную структуру с выделяемыми началом, серединой и концом» [Топоров 2010: 137–138]. Особая значимость числа 3 проявляется в его указании на «символическую нагрузку, связанную с завершенностью» [Фомин, Яницкий 2025: 627]. Следы архаичной символики троичности сохранились в эпических повествованиях в числе героев, испытаний и т. п.

Представляется, что, конструируя балладу как единое художественное целое, У. Б. Йейтс осознанно воспользовался мифопоэтической символикой троичности. Последняя ясно просматривается не только в числе строф или в количестве мастеров, но и в содержании ответов, где, по сути, представлена в завершенном виде трехэтапная подготовка похоронного снаряжения: вначале делается саван, затем ладья и, наконец, башмачки.

Строфическая композиция баллады соотносится с мифопоэтическим мировосприятием не только через архаичную символику троичности, но и своей диалогической, вопросно-ответной формой. Существенно важно то, что балладный диалог вновь отсылает нас к глубокой древности и мифологической модели мира, где особую роль исполняла загадка. Важно и то, что диалог имеет стиховую форму: «сама "стиховая" природа загадки (по крайней мере в их архаичном ядре) делает очень вероятным предположение о сакральности этого типа текстов и об их использовании в ритуалах» [Топоров 2010: 180]. Напомним, что загадки применялись при прохождении испытаний в обряде инициации⁷. В доисторическую эпоху загадка осуществляла функцию познания мира. Загадки объясняли мир, они были тем сакральным знанием, которым владели и которое рассказывали мудрецы / старейшины первобытного племени, посвящая в это знание юношей. Неслучайно ответы на загадки выучивались соплеменниками наизусть [Beatty 1914: 495].

Любопытно, что в английском языке сохранились архаические следы в семантике загадки, которую не спрашивают, не загадывают (*ask*), а именно

рассказывают (*tell*), как рассказ (*tale*) или шутку (*joke*) [Jansen 1980: 235].

Уильям Батлер Йейтс строит свою балладу как диалог, напоминающий некое ритуальное действо с повторяющимися вопросами-ответами, имеющими «окаменевшую», «формульную» структуру. В этом диалоге просматривается древний ритуал инициации, в котором, согласно архетипической схеме, за вопрошанием непосвященного, профана следовал ответ знатока, мудреца, хранителя мифологического знания. Ответ, по сути, представляет для неопита загадку, в которой излагается содержание мифа, причем мифологический объект (смерть) называется не прямо, а путем перечисления его основных атрибутов и действий. Так проходит испытание, в процессе осуществления которого неопит овладевает новым, сакральным знанием.

Как уже отмечалось, одной из загадок в балладе является ключевое слово *Sorrow* (печаль, скорбь), которое служит иносказательным наименованием смерти. Ранее мы говорили о персонификации, метафоре и метонимии, задействованных в иносказательной, «маскировочной» номинации этого явления. Не исключено при этом и влияние древнего запрета называть истинное имя мифологического объекта, обладающего экзистенциальной значимостью, заменяя прямое имя иносказанием. К таковым относится и сакральное явление смерти. Вот почему в балладе облачают и обряжают не усопшего человека, т. е. смерть, а горющую печаль, скорбь.

В любом случае ясно, что композиция баллады строится на мифопоэтической символике, причем эта глубоко архаичная символика, восходящая к доисторическим временам родоплеменного общества, открывается читателю далеко не сразу. Требуется тщательное прочтение баллады, чтобы вскрыть в ней потаенные смыслы.

Лингвостилистические особенности текста баллады

Комплексный подход, заявленный в работе, предполагает также анализ текстуры произведения⁸, что побуждает нас обратиться к лингвостилистике и ее арсеналу изобразительно-выразительных средств.

⁷ Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории, пер. с англ. Ф. С. Капицы, Т. Н. Колядич. М.: Центрполиграф, 2007. С. 171. <https://elibrary.ru/quguhp>

⁸ Согласно энциклопедическим источникам, термин *текстура* в «современном западном литературоведении означает художественное качество поэзии, ее образности, в отличие от темы, идеи, композиции» (Литературная энциклопедия терминов и понятий, ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 1066.)

Сосредоточимся на основных характеристиках стихового текста баллады, составляющих ее стилевое своеобразие. Литературная баллада, принадлежащая перу У. Б. Йейтса, пленяет изысканностью поэтического языка и, прежде всего, мастерским применением повтора на всех лингвистических уровнях, фонетическом, лексическом, синтаксическом.

Отметим вначале лексическую итерацию, обратив особое внимание на шестикратный повтор слова *Sorrow* в трех строфах произведения. Благодаря повтору, фокус восприятия переносится с атрибутов главного героя (плащ, лодка, башмаки), предъявленных в заглавии, на его имя, появляющееся позднее в тексте. Так имя персонажа-скитальца приобретает ключевой статус.

Лексический повтор поддержан итерацией на фонетическом уровне, что усиливает эффект выдвигания ключевого слова-имени. Эту роль выполняет аллитерация, в частности инициальный повтор звука [s] (*see, sight, sails, swift, seas, saileth, soundless, sudden*), с которого начинается ключевое слово *Sorrow*. К функции выделения присоединяется звуко-символическая функция, обыгрывающая звучание сильного фрикативно-щелевого согласного. Слова с повторяющимся звуком [s], не будучи, собственно, иконическими, ономотопеическими знаками, участвуют в создании слуховой образности, связанной с высокой скоростью парусника, мчащегося по морским просторам, со свистом преодолевающего встречный ветер (*swift, seas, sails, saileth*).

Слуховые образы, создаваемые с помощью звукового повтора, могут вызывать и иные ассоциации. Так, в подготовке снаряжения просматривается противопоставление в громкости, полноте звука, издаваемого в процессе работы мастеров над материалом. Один строит лодку-корабль (*build, boat*) из дерева, другой вяжет башмачки из белой шерсти (*weave, wool, white*). В первом случае повтор звонкого взрывного согласного [b] отсылает к громкому звуку удара по крепкому корабельному дереву, во втором случае повтор билабиального сонанта [w] ассоциируется с практически беззвучной, плавной работой мастера с шерстью при вязании. Попутно отметим присутствие во втором контексте и тактильного образа прикосновения к мягкой вязальной шерсти, к чему апеллирует повтор звука [w].

Указанные сенсорные образы, основанные на звуковом повторе, соотносятся и с визуальной перцепцией. Доступны зрительному восприятию и корабль (*boat*), и море (*sea*), и башмачки (*shoes*), и вязальная

шерсть белого цвета (*white wool*). Заметим, кстати, что белый цвет с его амбивалентной символикой (ср. белое свадебное платье и белый саван) здесь обозначен также неслучайно.

Сенсорная образность создается в балладе и лексическими средствами, причем, следуя фольклорной традиции, весьма лаконично и экономно. Так, воспринимаемый зрением плащ / саван для героя-странника описывается традиционными эпитетами *fair* (прекрасный, светлый, чистый), *bright* (яркий, блестящий, светлый, прекрасный), *lovely* (прекрасный, восхитительный, милый). При этом зрительный образ не только подразумевается, но и эксплицируется глаголом *видеть* – *see* (*lovely to see* – приятно видеть) и существительным *зрение, вид, зрелище* – *sight* (*in all men's sight* – у всех на виду).

Обращает на себя внимание контраст между прекрасным, чудесным облачением, на которое приятно посмотреть (*lovely to see*; см. внутреннюю форму слова *lovely* (любо-дорого), этимологически связанного с глаголом *love* – любить), и тем, кому это предназначено – скитальцу *Sorrow*, вносящему дисгармонию, страдание в жизнь человека. Объяснение коннотативному, эмоционально-оценочному несогласованию следует вновь искать в апелляции к мифопоэтическому, примирительному восприятию жизненной судьбы человека с ее неизбывным трагизмом.

Подчеркнем простоту и общеупотребительность лексики, присущие балладному стилю. Исключение составляют вкрапления архаизмов, переводящих в возвышенный регистр речевые отрезки, в которых звучат восклицания мастеров (*O lovely to see* – О, какой восхитительный вид; *O swift on the seas* – О, как же быстро (он мчится по морям)) и где используются устаревшие грамматические формы (*saileth* вместо *sails* – идет под парусами; *shall* вместо *will* – будет). Возвышенность архаизмов, поднимающая ситуацию над обыденностью, придает оттенок почтения к предмету разговора. И редкие архаизмы, и постоянные эпитеты (*bright, fair, lovely*) имплицитно позитивную оценку мастерами результатов своего труда, при отсутствии негативной оценки того, для кого готовится прекрасное снаряжение, – *Sorrow*-Смерти. Это вновь подводит нас к идее мифопоэтического мировосприятия жизни, придающего балладному произведению элегический настрой, приглушающий трагизм бренности человеческой жизни с ее неизбежным финалом. Следовательно в рассматриваемой балладе, при всей ее образности,

нет и намек на словесную эквилибристику с опорой на «самовитость» поэтического слова, его «обращенность на само себя»; напротив, реализуемую в стихотворении «образотворческую стратегию» можно назвать «стратегией архетипичности», пробуждающей «в культурной памяти читателя (или слушателя) глубинную, древнюю память о вековых бедах и гореваньях, а может, и о радостях и празднествах и о связанных с ними ритуалах» [Лейдерман 2010: 26; 28].

В начале раздела о лингвостилистических особенностях баллады была обозначена особая роль повтора в тексте произведения и рассмотрен повтор на фонетическом и лексическом уровнях. Не меньшую значимость имеет и повтор на синтаксическом уровне, а именно синтаксический параллелизм, придающий балладному диалогу эффект размеренности и упорядоченности, особенно заметный в вопросах и в первых строках ответов. Следует отметить, что в балладном диалоге используется не только синтаксический параллелизм, но и параллелизм интонационный [Томашевский 2002: 239], который проявляется вначале в единообразии вопросительной интонации вопрошающего, а затем в единой утвердительной интонации отвечающих.

Синтаксический параллелизм сопровождается лексическим, анафорическим повтором в вопросах (*What do you make?* – Что ты делаешь?; *What do you build?* – Что ты строишь?; *What do you weave?* – Что ты вяжешь?) и ответах (*I make; I build; I... weave*), что также усиливает эффект размеренности и упорядоченности. Еще большую упорядоченность придают балладе рифмованные строки, которые характеризуются как точной конечной рифмой, так и повторением во всех строках одних и тех же звуков [ai] и [t] (*bright / sight / night; flight / night / night; white / light / light*). Рифмуются строки не только смежные, контактные, но и распределенные дистантно, а именно все первые, все вторые, все третьи, все четвертые строки.

Подобная гармоническая, аполлоническая упорядоченность присуща скорее музыкальному произведению, чем продукту устного словесного творчества. Традиционные, средневековые баллады обычно не столь четко организованы. Попутно отметим, что музыкальность баллад У. Б. Йейтса была подмечена канадским исследователем [Cohen 1984].

Высокая степень упорядоченности рассматриваемого балладного текста, обусловленная синтаксическим и интонационным параллелизмом, обеспеченная разнообразным звуковым повтором, усиленная точной рифмой, «сшивающей» текст повторяющимися «стежками», – это результат кропотливой работы автора над текстом, направленной на то, чтобы добиться совершенства произведения, придав его содержанию идеальную форму. Такая деятельность, нацеленная на эстетизацию⁹ творения, с одной стороны, способствует усилению лирического начала в индивидуально-авторской балладе, с другой – содействует мощному выдвиганию на первый план ее эпического начала, сопряженного с мифопоэтическим повествованием архаического человека об экзистенциальной роли жизни и смерти в космологизированном, сакральном мироустройстве.

Заключение

Основные характеристики баллады ирландского поэта У. Б. Йейтса "The Cloak, the Boat, and the Shoes" свидетельствуют как о генетической общности с традиционной балладой, так и об авторском отступлении от сложившегося фольклорного канона. Сходство проявляется в присутствии в литературной балладе следующих жанрообразующих балладных признаков: наличие в сюжете события-встречи и конфликта, ведущих к трагическому финалу; диалоговая композиция; отрывистость повествования; отсутствие детальных описаний и персонажных характеристик, лаконичность и простота языкового выражения. Отличие обнаруживается в отступлениях от жанрового канона, видоизменяющих или трансформирующих вышеуказанные признаки.

Жанровая специфика баллады У. Б. Йейтса проявляется, прежде всего, в том, что в ней преодолеваются границы традиционного балладного повествования, сосредоточенного на одной истории-событии. Рассматриваемая литературная баллада потенциально допускает присутствие двух сюжетно-тематических планов, генерирующих смысловые пласты разной глубины. Очевидный, явный смысл задан в тексте непосредственно его вербальной составляющей, а именно значениями лексических единиц. Скрытый, мифопоэтический смысл, порождаемый ритуально-мифологическим субстратом

⁹ Об эстетизации восприятия в свете теории апперцепции применительно к повтору и синтаксическому параллелизму см. [Карпухина 2013: 216–217].

текста, извлекается из вербальной составляющей опосредованно, через соотнесенность с мифопоэтической символикой.

Главным действующим лицом в балладе является антропоморфный персонаж-странник *Sorrow*, амбивалентная сущность которого проявляется в его раздвоении на образы человеческой печали и человеческой смерти, связанные метонимическими отношениями следствия и причины.

Жанровая специфика баллады У. Б. Йейтса обусловлена также доминирующей ролью в ней мифопоэтической составляющей, отсылающей к ритуально-мифологическому субстрату. Мифопоэтическая символика, включенная в танатопоэтический сюжетный мотив странствия амбивалентного героя-скитальца *Sorrow*, обнаруживает явную связь с архаическим погребальным ритуалом.

Ритуально-мифологическая символика баллады, относящаяся к погребению, имплицитно подразумевает неразрешимый, субстанциональный конфликт между человеком и миропорядком, противостояние которых неизменно заканчивается гибелью человека. Мифопоэтический смысл баллады воплощен в образе странствия, хронотопически завершающего брэнную жизнь человека на лиминальном этапе роковой встречи-события со смертью.

Отсылка к древнему ритуалу отправления ладьи с телом усопшего в дальний водный путь отражена в балладе в мифопоэтической аквасимволике, а именно в образе парусника, пересекающего морские просторы и доставляющего усопшего в иной мир.

Отвечает мифопоэтическим воззрениям и эстетический, медитативный настрой баллады, преодолевающий трагизм брэнности земной жизни, поскольку для архаического человека оппозиция жизнь / смерть входила в качестве сакральной, фундаментальной основы в столь же сакрализованный, космологизированный миропорядок.

Мифопоэтика баллады связана также с ритуалом инициации, осуществляемым по архетипической схеме диалога между неопитом и посвященным, где ведущая роль принадлежит загадке, задающей сущностные характеристики мифологического объекта (смерти), которую в ходе испытания следует разгадать вопрошающему профану и таким способом получить новое знание о мироустройстве.

Мифопоэтическая символика заключена в троичной композиции баллады, указывающей на последовательность этапов и завершенность действия (начало, середина, конец), осуществляемого

персонажами-мастерами, готовящими похоронное снаряжение.

Представления архаического человека нашли отражение в тексте баллады в запрете на речь, на произнесение имени мифологического, сакрального объекта, каковым являлась смерть. Прямое наименование заменено косвенным, метонимическим обозначением человеческой эмоции (печали), парциально-синекдохически отделенной от человека с ее последующей персонификацией.

Результаты анализа стиховой текстуры балладного произведения демонстрируют разнообразие языковых средств, используемых для выражения мифопоэтической образности. В балладе применены средства языка, принадлежащие разным уровням – фонетическому, лексическому, синтаксическому. Важная роль принадлежит языковому воплощению сенсорных образов, апеллирующих к зрению, слуху и тактильному восприятию.

Текст литературной баллады отличается высокой степенью упорядоченности и музыкальности, свидетельствующей об усилении лирического, субъективного начала и нацеленности как на эстетизацию индивидуально-авторского творения, так и на выдвижение мифопоэтической составляющей, изначально присущей эпическому повествованию.

Проведенное исследование убеждает в том, что обращение к мифопоэтической символике, извлекаемой из языковой ткани балладного произведения, позволяет обогатить его общекультурными образами-символами, корнящимися в далекой архаике, и тем самым расширить его смысловые горизонты.

Подчеркнем, что доминирующая в балладе мифопоэтическая образность отнюдь не является самоцелью. Роль мифопоэтической составляющей не сводится также исключительно к имплицитной танатологической сюжетной канве, скрытого в лейтмотивном движении символов в анализируемой балладе. Гораздо более важным представляется тот подспудный, глубинный смысл, который генерируется мифопоэтической символикой в балладе. Вечная тема брэнности земной жизни человека, всегда волновавшая ирландского поэта-визионера, представлена в ее космической непреложности как необходимое условие человеческого существования. Вместе с тем экзистенциальная, архетипическая оппозиция жизни и смерти не предъявлена в балладе эксплицитно. Танатологическая сюжетная канва, представленная поэтом в иносказательной форме, сплетена

из мифопоэтических символов, восходящих к далекой архаике, пробуждающих в современном человеке древние мифологические представления о гармонии существующего мироустройства. Несущая позитивный заряд мифопоэтическая символика, заметно усиленная музыкальностью стихотворного текста и его лиричностью, элегически настраивает человека на примирение с конечностью проживаемого им земного цикла.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анисимова Е. Е. Жанровая модель баллады: к постановке проблемы. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 193–205. [Anisimova E. E. The genre model of the ballad: On the statement of the problem. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2019, (61): 193–205. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/61/11>
- Бегишева О. С. Сравнительный анализ переводов стихотворения "An Irish Airman Foresees his Death" У. Б. Йейтса в свете теории М. Ю. Лотмана о семантической соотнесенности элементов поэтического текста. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. № 1. С. 5–15. [Begisheva O. S. Comparative analysis of the poem "An Irish Airman Foresees his Death" by W. B. Yeats translations in the light of M. Lotman's theory of a poetic text elements semantic correlation. *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, (1): 5–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46726/H.2024.1.1>
- Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М.: Высш. шк., 2003. 400 с. [Buslaev F. I. *Popular epos and mythology*. Moscow: Vyssh. shk., 2003, 400. (In Russ.)]
- Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с. [Bychkov V. V. *Aesthetics*. Moscow: Gardariki, 2004, 556. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwfyit>
- Вавилова К. Ю. Символика в британских народных балладах. *Филология: научные исследования*. 2019. № 6. С. 217–224. [Vavilova K. Yu. Symbolism in the British folk ballads. *Philology: Scientific researches*, 2019, (6): 217–224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.6.31548>
- Воронцова Т. И. Текст баллады. Концептуальная картина мира (на материале английских и шотландских народных баллад). СПб.: РГПУ, 2002. 152 с. [Vorontzova T. I. *Ballad text. Conceptual world map: English and Scottish folk ballads*. St. Petersburg: RSPU, 2002, 152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxxwvn>
- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 198 с. [Gennepe A. van. *The rites of passage. A systematic study of rituals*. Moscow: Oriental Literature RAS, 1999, 198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thovbh>
- Гочаков С. В. Различия и взаимосвязь жанра народной и литературной баллады на примере баллады У. Вордсворта «Тёрн». *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2017. № 2. С. 26–34. [Gochakov S. V. The differences and the interrelation of popular and literary ballads in the context of W. Wordsworth's ballad "The Thorn". *Vestnik Polotsk State University. Series: Humanities*, 2017, (2): 26–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zchqqd>
- Гугнин А. А. Немецкая народная баллада: эскиз ее истории и поэтики. *Немецкие народные баллады*, сост., предисл. и коммент. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1983. С. 5–25. [Gugin A. A. German folk ballad: An overview of its history and poetics. *German folk ballads*, comp., introduction and commentary Gugin A. A. Moscow: Raduga, 1983, 5–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xstyqx>
- Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. 10-е изд. М.: Флинта; Наука, 2010. 248 с. [Esin A. B. *Principles and approaches of the analysis of literature*. 10th ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2010, 248. (In Russ.)]
- Жаткин Д. Н., Рябова А. А. Традиции «Сказания о старом мореходе» С.-Т. Кольриджа в «Балладе Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2013. № 3. С. 86–96. [Zhatkin D. N., Ryabova A. A. Traditions of "The Rime of the Ancient Mariner" by S. T. Coleridge

- in "The Ballad of Reading Gaol" by O. Wilde. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauk*, 2013, (3): 86–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvsgfr>
- Жирмунский В. М. Английская народная баллада. In: Маршак С. Я. *Английские и шотландские баллады в переводах*. М.: Наука, 1973. С. 87–103. [Zhirmunsky V. M. English folk ballad. In: Marshak S. Ya. *English and Scottish ballads in translations*. Moscow: Nauka, 1973, 87–103. (In Russ.)]
- Ибрагимова К. Р. Раннее творчество Э. Паунда и У. Б. Йейтс (Особенности лирического субъекта в стихотворении «Плащ»). *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2025. № 1. С. 192–200. [Ibragimova K. R. Early work of E. Pound and W. B. Yeats (Peculiarities of the lyrical subject in the poem "Planh"). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2025, (1): 192–200. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-15>
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с. [Ivanov V. V., Toporov V. N. *Slavic language semiotic modeling systems (Ancient period)*. Moscow: Nauka, 1965, 246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucfkjx>
- Карпухина Т. П. Эстетический аспект взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма в английской художественной прозе. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 2. С. 216–222. [Karpukhina T. P. Aesthetic aspects of the interrelation of morphemic repetition and syntactical parallelism in English artistic prose. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, (2): 216–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyabgx>
- Козин А. А. Жанр баллады как поле для эксперимента у И. В. Гёте. *Отечественная филология*. 2025. № 5. С. 86–93. [Kozin A. A. Ballad genre as J. W. Goethe's experimental field. *Russian Studies in Philology*, 2025, (5): 86–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gywawq>
- Корбанкова Д. С. Мотив оборотничества в балладах «Цыганская песнь» И. В. Гёте и «Волки» А. К. Толстого. *Art Logos*. 2024. № 2. С. 94–106. [Korbankova D. S. The motif of "Werewolf" in the ballads "The Gypsy Song" by J. V. Goethe and "Wolves" by A. K. Tolstoy. *Art Logos*, 2024, (2): 94–106. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25419803_2024_2_94
- Кружков Г. М. У. Б. Йейтс. Исследования и переводы. М.: РГГУ, 2008. 671 с. [Kruzhkov G. M. *W. B. Yeats. Research and translations*. Moscow: RSUH, 2008, 671. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtkmcp>
- Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 904 с. [Leiderman N. L. *The theory of genre: Research and analysis*. Ekaterinburg: UrSPU, 2010, 904. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhqnz>
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 320 с. [Losev A. F. *Dialectics of myth*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018, 320. (In Russ.)]
- Маркова Е. А. Романтическое и неоромантическое в поэзии У. Б. Йейтса. *Научный диалог*. 2019. № 2. С. 105–115. [Markova E. A. Romantic and neo-romantic in W. B. Yeats's poetry. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (2): 105–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-105-115>
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с. [Meletinsky E. M. *Poetics of myth*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018, 480. (In Russ.)]
- Назарова Т. В. Функции живописной образности в прерафаэлитической балладе: на примере произведения А. Ч. Суинберна «Дочь короля». *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2023. Т. 15. № 1. С. 96–102. [Nazarova T. V. The functions of pictorial imagery in pre-Raphaelite ballads through the example of A. C. Swinburne's "The King's Daughter". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2023, 15(1): 96–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2023-1-96-102>
- Петрунина Н. В. Материализующие и дематериализующие метафоры в лирике У. Б. Йейтса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-1. С. 167–172. [Petrulina N. V. Materialismus and metaphors dematerialize in the lyrics of W. B. Yeats. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-1): 167–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slevhf>
- Пикулева И. А. Жанр баллады в литературном творчестве Обри Бердсли. *Мировая литература в контексте культуры*. 2007. № 2. С. 110–123. [Pikuleva I. A. Ballad genre in literary works by Aubrey Beardsley. *Mirovaya literatura v kontekste kultury*, 2007, (2): 110–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pehhrd>

- Потебня А. А. Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. 384 с. [Potebnya A. A. *Theoretical poetics*. 2nd ed. St. Petersburg: Philological Faculty of SPbSU; Moscow: Akademia, 2003, 384. (In Russ.)]
- Приходько В. С. Сады смерти: "Murder Ballads" (1996) Н. Э. Кейва и "Crossways" (1889) У. Б. Йейтса. *Литература в диалоге культур-5*: Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–6 октября 2007 г.) Ростов н/Д: Логос, 2007. С. 187–189. [Prikhodko V. S. Gardens of death: "Murder Ballads" (1996) by N. E. Cave (1996) and "Crossways" (1889) by W. B. Yeats. *Literature in the dialogue of cultures-5*: Proc. Intern. Sci. Conf., Rostov-on-Don, 4–6 Oct 2007. Rostov-on-Don: Logos, 2007, 187–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swaacl>
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с. [Putilov B. N. *Folklore and folk culture: In memoriam*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qorutd>
- Реформатский А. А. Опыт анализа новеллистической композиции. *Семиотика: Антология*, сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект; Деловая книга, 2001. С. 486–495. [Reformatskiy A. A. Analysis of a short story composition. *Semiotics: Anthology*, comp. Stepanov Yu. S. 2nd ed. Moscow: Akad. projekt; Delovaia Kniga, 2001, 486–495. (In Russ.)]
- Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ие, 1977. 224 с. [Silman T. I. *Notes on lyrical poetry*. Leningrad: Sov. pisatel. Leningr. otd-ie, 1977, 224. (In Russ.)]
- Скрипова О. А. Традиционные жанры как объект рефлексии в лирической поэме 1920-х годов. *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 3. С. 102–108. [Scripova O. A. Traditional genres as an object of reflection in the lyrical poems of the 1920s. *Philological Class*, 2024, 29(3): 102–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-3-102-108>
- Толмачёв В. М. К пониманию литературной биографии и образности У. Б. Йейтса. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*. 2021. № 68. С. 41–65. [Tolmatchoff V. M. To the understanding of W. B. Yeats's literary biography and imagery. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya*, 2021, (68): 41–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15382/sturIII202168.41-65>
- Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с. [Tomashevsky B. V. *Theory of literature. Poetics*. Moscow: Aspekt Press, 2002, 334. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywmobs>
- Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2. 496 с. [Toporov V. N. *The world tree: Universal sign complexes*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2010, vol. 2, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzfmdr>
- Тюпа В. И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни. *Новый филологический вестник*. 2011. № 3. С. 122–137. [Tyupa V. I. The link between artist and life: Mythopoetic aspect. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2011, (3): 122–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooouxz>
- Фомин А. Г., Яницкий Б. Л. Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 621–630. [Fomin A. G., Ianitskii B. L. Polycoded aspect of Russian spoken charms. *SibScript*, 2025, 27(4): 621–630. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-621-630>
- Хализев В. Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2009. 432 с. [Khalizev V. E. *Theory of Literature*. 5th ed. Moscow: Akademia, 2009, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qulfp>
- Холина Д. А. Метафора и миф в лингвопоэтической картине мира У. Б. Йейтса. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011. № 1. С. 73–77. [Kholina D. A. Metaphor and myth in the linguo-poetic worldview of W. B. Yates. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, (1): 73–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nvxtjt>
- Черкес Т. В. Речевая сфера баллады в динамике развития жанра. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2025. Т. 35. № 2. С. 317–326. [Cherkes T. V. Speech sphere of a ballad in the dynamics of genre development. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2025, 35(2): 317–326. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-317-326>
- Шестакова Н. Ф. Образ Кухулина в исторической памяти Ирландии в эпоху Гэльского возрождения рубежа XIX–XX веков. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 1. С. 71–78. [Shestakova N. F. The image of Cu Chulainn in the Irish historical memory

- in the Gaelic revival in the 19th–20th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, 23(1): 71–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-71-78>
- Argoff N. J. Yeats's Innovations in the ballad form. *Colby Quarterly*, 1980, 16(2): 106–117.
- Beatty A. Ballad, tale, and tradition: A study in popular literary origins. *Publications of the Modern Language Association of America*, 1914, 29(4): 473–498. <https://doi.org/10.2307/457015>
- Cohen P. Words for music: Yeats's late songs. *The Canadian Journal of Irish Studies*, 1984, 10(2): 15–26. <https://doi.org/10.2307/25512604>
- Harper M. M. Yeats and the occult. *The Cambridge Companion to W. B. Yeats*, eds. Howes M., Kelly J. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 144–166.
- Iseni A. Language and style in William Butler Yeats's selected poems: "Adam's Curse", "Easter, 1916", "The Second Coming" and "Sailing to Byzantium". *ANGLISTICUM Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies*, 2022, 11(7): 109–126. <http://orcid.org/0000-0002-4502-4669>
- Jansen W. H. Riddles: "Do-it-yourself oracles". *American Folklore. Voice of America Forum Series*, ed. Coffin T. Washington D. C.: United States International Communication Agency, 1980, 231–241.
- Kheder T. A. Spatial relations in the poetry of W. B. Yeats. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 2023, (4): 98–103. <https://elibrary.ru/tclupj>
- Kurrey D., Thakur V. S. William Butler Yeats as precursor of the Modern Age. *International Journal of English Literature and Social Sciences*, 2025, 10(4): 468–472. <https://doi.org/10.22161/ijels.104.68>
- Laws G. M., Jr. Stories told in song: The ballads of America. *American Folklore. Voice of America Forum Series*, ed. Coffin T. Washington D. C.: United States International Communication Agency, 1980, 93–103.
- Meir C. *The ballads and songs of W. B. Yeats. The Anglo-Irish heritage in subject and style*. Lnd.: Macmillan Education, 1974, 141.
- Pethica J. Yeats, folklore, and Irish legend. *The Cambridge Companion to W. B. Yeats*, eds. Howes M., Kelly J. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 129–143.
- Vendler H. The later poetry. *The Cambridge Companion to W. B. Yeats*, eds. Howes M., Kelly J. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 77–100.
- Watson G. Yeats, Victorianism, and the 1890s. *The Cambridge Companion to W. B. Yeats*, eds. Howes M., Kelly J. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 36–58.

оригинальная статья

eLibrary EDN: VILNXU

Репрезентация перцептивного образа Сибири в поэтических текстах Б. Н. Климычева: лингвокультурологический аспект

Трунова Марина Васильевна

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, Томск

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8217-0896

<https://orcid.org/0009-0004-9316-7607>

Trunova87@yandex.ru

Аннотация: Цель работы – проанализировать языковые средства поэтической репрезентации образа Сибири в творчестве Б. Н. Климычева (1930–2013 гг.) в перцептивном и лингвокультурологическом аспектах. Актуальность исследования обусловлена вниманием современного языкознания к проблеме отражения в языке русской ментальности и национального характера, а также включением в проблематику всестороннего изучения региональной лингвокультуры и феномена сибирского текста. Новизна представленной работы заключается в изучении языковой репрезентации всех типов чувственного восприятия в лингвокультурологическом и лингвостилистическом аспектах на материале региональных поэтических текстов о Сибири. Образ Сибири в поэтических произведениях Б. Н. Климычева рассмотрен в контексте идиостилевого направления современной перцептивной лингвистики и определен как художественный перцептивный макрообраз, состоящий из ключевых микрообразов: *город, холод, сырость, тишина, темнота, туман, тайга* и др. Особое место в творчестве поэта занимают микрообразы растительного мира: *сосна, кедр, береза, черемуха и тополь* и др. Центральное место в семантическом пространстве стихотворений занимают высказывания *звучания* и *слухового* восприятия. В результате проведенного исследования было выявлено обилие перцептивных единиц со звуковой семантикой, соотносящейся с образом томского *трамвая*, а также доминирование перцептивных единиц с семантикой *стука* и *скрипа*, соотносящихся с образом *лошади*, что дает прямую отсылку к истории Томской губернии и является одной из ключевых особенностей идиостиля автора.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский текст, перцептивные единицы, идиостиль, лингвокультурология, региональный поэтический текст

Цитирование: Трунова М. В. Репрезентация перцептивного образа Сибири в поэтических текстах Б. Н. Климычева: лингвокультурологический аспект. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 792–803. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-792-803>

Поступила в редакцию 26.10.2025. Принята после рецензирования 15.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Perceptual Image of Siberia in Boris Klimychev's Poetry: Cultural and Linguistic Aspects

Marina V. Trunova

Tomsk State University of Architecture and Construction, Russia, Tomsk

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8217-0896

<https://orcid.org/0009-0004-9316-7607>

Trunova87@yandex.ru

Abstract: The Russian mentality and national character are reflected in cultural texts, while the regional linguacultural profile is expressed in local literature. The Tomsk poet Boris N. Klimychev (1930–2013) used a variety of linguistic means to represent the image of Siberia in his verse. This article describes the linguistic representation of all types of sensory perception within the cultural and stylistic dimensions of Siberian poetry. The image of Siberia in Klimychev's poetry is examined through the lens of his idiolect and perceptive linguistics. It forms an artistic perceptive macro-image consisting of such micro-images as the city, cold, dampness, silence, darkness, fog, and the taiga. Klimychev's poetry heavily focuses on vegetative micro-images, including the pine, cedar, birch, bird cherry, and poplar. The semantic chronotope is dominated by acoustic and auditory perception. The texts are rich in perceptual units with sound semantics, which are closely associated with the imagery of a tram, knocking, creaking, and horses. Being at the core of Klimychev's idiolect, these auditory images provide a direct reference to the history of the Tomsk Province.

Keywords: Siberia, Siberian text, perceptual units, idiolect, linguoculturology, regional poetic text

Citation: Trunova M. V. Perceptual Image of Siberia in Boris Klimychev's Poetry: Cultural and Linguistic Aspects. *SibScript*, 2026, 28(4): 792–803. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-792-803>

Received 26 Oct 2025. Accepted after peer review 15 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

Актуальным направлением современного языкознания является исследование образов регионов, представленных в различных типах дискурса. Образ Сибирского региона в современной науке (лингвокультурологии, имагологии, когнитивной лингвистике) изучается преимущественно в рамках медиа- и публицистического дискурса. О. Н. Кондратьева на основе контент-анализа российских федеральных и региональных СМИ анализирует, каким образом формируется и тиражируется коллективный стереотипный образ Сибири в медиадискурсе XXI в., и приходит к выводу, что в настоящее время медиаобраз Сибири остается в высокой степени стереотипным, мифологизированным и амбивалентным. Исследователь выявляет устойчивый набор оппозиций и клише, составляющих ядро медиаобраза региона: *Центр – Периферия, Цивилизация – Дикость / Природа, Ресурсная кладовая – Зона социальных проблем, Место ссылки / каторги – Территория свободы / воли* [Кондратьева 2019]. С. Лю и Н. Г. Нестерова

анализируют современный медиаобраз Сибири, который репрезентирован в текстах официального сайта международной выставки-форума «Россия». В отличие от стереотипных образов, авторы исследования сфокусированы на языковых средствах, используемых для презентации региона как центра науки, инноваций и высоких технологий. Сибирь представлена как драйвер технологического развития страны, что создает позитивный и прогрессивный имидж сибирского региона [Лю, Нестерова 2025].

О. В. Валько и коллеги используют полидискурсивный подход к описанию образа Кузбасса, который является субъектом Российской Федерации и располагается на юге Западной Сибири, это географическое и административное ядро Сибирского региона. Образ Кузбасса репрезентирован в различных типах дискурса: в политическом, медиадискурсе, художественном и туристическом. Авторы приходят к выводу, что единого образа Кузбасса не существует. Он предстает как «разрываемый» конфликтующими

моделями-концептами, которые доминируют в разных типах дискурса [Валько, Новоклинова 2020; Валько и др. 2020].

Историко-литературный срез исследования образа Сибири представлен в работе С. А. Курило и Е. Г. Новиковой [Курило, Новикова 2022], а также в трудах А. В. Смольянинова, посвященных исследованию образа Сибири в коллективном поэтическом сборнике «Сибирские мотивы». А. В. Смольянинов, описывая специфику поэтического изображения Сибири в региональной литературе, перечисляет ракурсы представления сибирского региона: воображаемая Сибирь (имагинативный ракурс), сибирская родина (патриотический ракурс), топография Сибири (топографический ракурс), население Сибири (антропологический ракурс) и будущее края (прогностический ракурс) [Смольянинов 2024: 116]. Ученый отмечает многогранность и неоднозначность образа Сибири: «Сибирь изображается как регион с суровой природой, как архаическое, мортальное, мифологическое пространство, поражающее, вместе с тем, своей внешней и внутренней красотой, величием и даже сакральностью, сближающими Сибирь с земным раем. При этом она предстает и как нейтральная, независимая от человека территория, не предназначенная для комфортного проживания» [Там же: 120]. Кроме этого, по мнению А. В. Смольянинова, для сибирских авторов характерно жизнеутверждающее мировосприятие, включающее гордость за родной край, верой в его культурный подъем, а также стойкостью перед прошлыми невзгодами и грядущими вызовами [Там же].

В данной работе представлен анализ перцептивного, чувственно-воспринимаемого образа Сибири, который исследуется на основе художественных (в частности, поэтических) текстов региональных авторов. Перцептивный образ Сибири актуализирует не только идеологические конструкты, но и индивидуально-авторское переживание пространства, его эмоционально-ценностное освоение. Нами предпринята попытка проанализировать, как происходит раскрытие образа Сибири в представлении регионального поэта. И. В. Савельева, анализируя лингвоперсонологические модели восприятия территории на примере Кемеровской области, приходит к выводу, что «языковая способность личности обуславливает набор языковых средств, позволяющих спроецировать способ восприятия пространства на вербальный продукт – текст»

[Савельева 2019: 372]. В. А. Маслова, исследуя влияние региональной поэзии на формирование региональной идентичности, отмечает, что поэт живет «в особой среде – в конкретном регионе – и осмысливает мир сквозь призму его языка и культуры эмоционально» [Маслова 2024: 409], в его речи есть «особый колорит, обилие региональной безэквивалентной лексики, региональных ономастических единиц» [Там же: 407]. Таким образом, в противовес внешним и стереотипным репрезентациям поэтический текст коренного жителя Сибири представляет собой особый вербальный продукт, а аутентичный взгляд «изнутри» позволяет проецировать на текст глубоко личностный и культурно-обусловленный способ восприятия пространства. В этом ключе творчество Б. Н. Климычева (сибиряка по происхождению) представляет собой уникальный материал для реконструкции перцептивного образа региона, насыщенного конкретикой локального опыта.

Региональный художественный текст традиционно рассматривается как феномен локальной лингвокультуры [Анисимов 2005; Богумил 2017; Иванова 2024; Кольчикова 2020; Мурзина 2003; Рогачева 2010; Янушкевич 2004]. Исследование поэтических текстов региональных авторов позволяет идентифицировать тот культурный фон, который стоит за языковой единицей, и соотнести поверхностные структуры языка с их глубинным содержанием. Привлечение лингвокультурологического анализа в процессе идиостилевых исследований дает возможность понять, каким образом на разных текстовых уровнях репрезентировано авторское виденье региональной культуры. Посредством создания особой языковой картины мира, которая ограничена факторами территориального единства авторов и набором отражаемых объектов, в поэтических текстах сибирских поэтов проявляется региональная идентичность. Под *региональной идентичностью* И. Я. Мурзина понимает «связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни» [Мурзина 2003: 102]. Автор соотносит понятие *региональной идентичности* с внутренним самоощущением человека и с типом личности, в деятельности которого находит отражение «дух региона». В контексте проблемы региональной идентичности И. Я. Мурзина акцентирует внимание на исторически сложившихся региональных общностях: Сибирь и сибиряки, Дон и донские казаки, Урал и уральцы [Там же: 103].

В статье представлен алгоритм лингвостилистического исследования регионального поэтического текста, включающий элементы лингвокультурологического анализа, ориентированного на изучение авторской языковой картины мира. Цель – проанализировать языковые средства поэтической репрезентации образа Сибири в творчестве Б. Н. Климычева в перцептивном и лингвокультурологическом аспектах. Актуальность исследования обусловлена его вписанностью в проблематику имагологии, лингвокультурологии и всестороннего изучения сибирского текста, а также вниманием современного языкознания к проблеме отражения в языке русской ментальности и национального характера. Новизна видится не только в выборе материала анализа (творчество региональных сибирских поэтов все еще мало изучено), но и в том, что Сибирь рассматривается нами как художественный перцептивный образ, что позволяет сфокусировать внимание одновременно на двух взаимодополняющих аспектах: лингвокультурологическом и перцептивном.

Методы и материалы

Применены следующие методы исследования:

1. Лингвостилистический анализ позволяет определить концептуальную и функционально-эстетическую значимость исследуемых языковых единиц с перцептивной семантикой, а также проанализировать особенности индивидуального стиля автора.
2. Метод лингвокультурологического комментария используется для выявления культурной информации, содержащейся в исследуемых единицах языка.
3. В рамках системно-функционального подхода к изучению языка применяется метод контекстуального анализа, позволяющий выявить функциональную специфику языковых единиц в процессе анализа регионального поэтического текста.

Материал исследования – 92 стихотворения сибирского поэта Б. Н. Климычева, вошедшие в поэтические сборники «Томские праздники»¹ (1990 г.) и «Есть ли в Томске медведи?»² (2005 г.). Методом дифференцированной выборки на первом этапе были отобраны произведения, в которых нашли отражение реалии сибирской природы и история г. Томска, на втором этапе были выделены тексты, в которых присутствует обилие языковых единиц с перцептивной семантикой.

Результаты

Каждый региональный художественный текст является хранилищем смыслов и констант культуры отдельно взятого региона России. Лингвокультурологический анализ регионального поэтического текста предполагает рассмотрение художественного произведения как феномена локальной культуры, а лингвостилистический анализ позволяет провести исследование восприятия культурной информации в языковой единице и тексте в целом. Комплексное и многомерное исследование лингвокультурного компонента позволяет выявить идиостилевые черты творчества и особенности мировосприятия поэта.

В. А. Маслова и А. Л. Дединкин отмечают, что в русской традиции «считалось неправомерным резкое размежевание между лингвистикой, культурологией и литературоведением. Этот подход – филологический – исключительно продуктивен и сейчас» [Маслова, Дединкин 2025: 110]. Соединение нескольких аспектов в одном исследовании предполагает изучение поэтического текста как целостной художественной системы, где все элементы взаимосвязаны. Ученые приходят к выводу, что лингвокультурологический анализ дает возможность интегрировать в общую систему анализа поэтического текста такие факторы, как «культурные знания, фоновые знания и другие экстралингвистические данные» [Там же: 111]. Кроме того, происходит исследование произведения как явления и феномена культуры, «это понимание конкретного стихотворения в контексте всей национальной культуры. За таким филолого-культурологическим подходом будущее» [Там же].

М. Л. Ковшова, описывая особенности лингвокультурологического анализа, обосновывает, что лингвокультурологическое исследование следует начинать с этимологии, со словарных толкований, с анализа контекстов употребления. Следующий этап лингвокультурологического исследования заключается в анализе области когнитивных описаний – «структур знания, стоящих за соответствующей языковой формой» [Ковшова 2023: 748–749], затем анализ переходит на многоаспектное описание культурных смыслов лексической единицы и ее различных коннотаций, раскрывается символика слова, которая запечатлена в сознании носителей языка

¹ Климычев Б. Н. Томские праздники. Томск: Томское книжное издательство, 1990. 111 с.

² Климычев Б. Н. Есть ли в Томске медведи? Томск: Ветер, 2005. 240 с.

определенной культуры. Лингвокультурологический анализ художественного (в частности, поэтического) текста тесно связан с лингвостилистическим. Лингвостилистический анализ ориентирован на изучение языковой и образной организации текста, а лингвокультурологический – на взаимодействие языкового и культурного аспектов в процессе текстового развертывания.

Поэтические тексты Б. Н. Климычева являются ярким проявлением лингвокультуры региона. В. Н. Яранцев называл поэта «подлинно сибирским писателем», родившимся «в самом, может быть, сибирском городе – Томске» [Яранцев 2013]. С. А. Золотцев писал: «Б. Климычев, кстати, один из лучших, на мой взгляд, писателей-историков наших дней»³. Особенности литературного творчества автора отражают культурные реалии региона, быт местных жителей, природу и климат Сибири, в связи с чем включение лингвокультурологического комментария видится необходимым условием для детального и многоаспектного лингвостилистического анализа стихотворений автора.

В предлагаемом исследовании объектом анализа выступает художественный *перцептивный образ*. *Перцептивный образ* – это «ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая» [Лаврова 2017: 44], «одна из форм субъективного образа, получающего конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта» [Там же].

Языковые средства создания перцептивных образов являются инструментом анализа поэтического текста и позволяют исследовать языковую картину мира автора, а также выявить особенности авторского идиостиля [Крюкова, Хизниченко 2023]. Поэт создает художественный мир произведения, учитывая свой культурный, социальный и языковой опыт в соответствии с индивидуальными эстетическими ценностями.

В ходе изучения перцептивного образа Сибири было отмечено, что он, с одной стороны, вписывается в традицию изображения сибирского региона в русской литературе, с другой – заключает в себе уникальную регионально-культурную специфику.

Анализ языковых единиц с перцептивной семантикой позволяет проследить, как в языке отражаются представления сибирского поэта о культуре своего региона, восприятие его истории и природного многообразия. Синтез лингвистического, стилистического, лингвокультурологического и перцептивного аспектов ориентирован на детальное изучение образа Сибири в исследуемых текстах.

Поэтическое творчество Б. Н. Климычева пронизано сибирским колоритом, историей Сибири, воспоминаниями о детстве и любовью к малой родине:

- *Не томи меня, Томск, / Не томи, не тумань, / Я влюблен в дорожную сторонку. / Где-то есть Петербург и Москва, и Тамань, / А я сроду гуляю по Томску* (Не томи меня, Томск) (прим. – здесь и далее выделено автором статьи).

Стихотворения поэта публиковались в журналах «Юность», «Смена», «Огонек», «Библиотекарь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и др., в альманахах «Томск», «Алтай», в газете «Литературная Россия» и во всесоюзном альманахе «Поэзия». В 1978 г. Б. Н. Климычев был принят в Союз писателей СССР, а постановлением городской думы от 20 июня 2001 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина Томска⁴.

Образ Сибири в поэтическом творчестве Б. Н. Климычева соотносится с образом г. Томска. Ю. С. Попруженко и В. П. Гриценко рассмотрели *образ города* как комплекс городских характеристик, запечатленных в подсознании людей, и выявили некоторые особенности *визуального образа города*, который можно представить в том числе и как текст:

- 1) визуальный образ города является итогом визуального восприятия городской среды и опирается на разные детали городского пространства;
- 2) он существует только в сознании человека;
- 3) основополагающей визуального образа города является архитектурная среда;
- 4) он зависит от социального положения, возраста и образования индивида;
- 5) в основе визуального образа города лежит не только объект, но и абстрактное понятие или событие [Попруженко, Гриценко 2018].

Образ города является многосоставным: в его состав входит и художественный образ

³ Станислава Золотцева золотой глас. *Литературный сайт писателя Б. Н. Климычева*. 19.03.2009. URL: https://carun.ucoz.ru/load/boris_klimychev_romany/boris_klimychev_statyi/19-1-0-68 (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ Автобиография Бориса Климычева. *Литературный сайт писателя Б. Н. Климычева*. URL: <https://carun.ucoz.ru/index/0-6> (дата обращения: 01.10.2025).

города, который «рождается в подсознании художника», воплощается в его произведении и воссоздается фантазией воспринимающего человека. «Художественный образ в архитектуре каждого здания или города в целом должен быть впечатляющим и эмоциональным» [Там же].

Художественный образ города, репрезентированный в стихотворениях Б. Н. Климичева, может быть определен как перцептивный, т. к. он строится на основе чувственного восприятия и индивидуального осмысления городского пространства автором. Художественный образ города является одним из ключевых микрообразов, формирующих макрообраз Сибири. В результате лингвосмыслового анализа было определено, что в поэтических текстах Б. Н. Климичева представлен сложный и многогранный образ Сибири, который моделируется как:

- образ старинного города с богатой историей: *Что ни улица, / То тень опальных, ссыльных. / Ах, каких людей Сибирь собирала сильных! / Тут – жил Батеньков, Бакунин – в этом доме. / В нашем городе живешь, как в книжном томе! (Волею судеб рожден я в Томске...); Здесь храмы науки и кедры, / И башенок древних резьба, / Здесь явственно видишь, как щедро / Наш Томск одарила судьба! (Есть ли в Томске медведи?);*
- малая родина, связь с которой сохраняется на всю жизнь: *Был я молод давно, / Жизнь прошла, как в кино, / Но прекрасен мой Томск, как и прежде: / Ароматы черемух пьянят, как вино, / Сердце бьется в наивной надежде (Не томи меня, Томск, не томи...);*
- место с уникальной природой и климатом: *Я живу за углом / Налево, / За Уралом, подать рукой, / Там, где Снежная королева / За таежной поет рекой (Я живу за углом налево...).*

Детальный анализ выявленных перцептивных единиц показал, что наиболее иллюстративными в аспекте авторского мировосприятия являются контексты, включающие описание сибирской природы и городских ландшафтов. Различные микрообразы, формирующие перцептивный образ Сибири, могут быть классифицированы по типу восприятия:

1) визуальные (темнота, туман, сырость и др.):

- *И я не раз бродил там в темноте, / И чудилось порой мне ночью вешней (Шегарское сказание);*
- *Потемнело в чащобах, / и тень на поля набежала (Купание в дождь);*
- *Я за речкой на Обрубе / Вижу девушку в тумане (Букинистка);*

- *Есть поселок за туманом у моста. / Там сапожники сидят на каждой улочке (Есть поселок за туманом у моста);*
- *Грузила брал с собой, крючки / И шел в тумане вдоль реки (Отец мой был такой рыбак...);*
- *А мы под серым зимним небом / Там хлеба ждали и войну кляли (Я помню, как завидовал я птицам...);*
- *Все так же было грязно-серым небо, / Дралось за крошку хлеба воробье (Я помню, как завидовал я птицам...);*

2) аудиальные (музыка, скрип, стук, шум, звон, тишина и др.):

- *А город весь мелодиями полон, / Транзисторы звучат и радиолы, / И выступают разные ансамбли / Но все, увы, мелодии не те (Я эту песню слышал в раннем детстве...);*
- *Так доведи до стрележской лежневки! / Там снег скрипит, стихами говорит (Курить нельзя в кабине бензовоза...);*
- *Совсем иной в округе вид: / Капель стучит, как маленький будильник (Совсем иной в округе вид...);*
- *Что-то отшумело, / Что-то отблестало. / Сырость, хоть из дома и не выходи (Дожди);*
- *Проводами, словно уздечками, / Тракт Московский в ночи звенит (Усть-шиш);*
- *Здесь подледной воды журчание, / Ты услышишь в ночную тишь («Усть-шиш»);*

3) тактильные (холод, сырость и др.):

- *В наших низинах – гиблая сырость, / Золото сеет, а всходит трава (Янко);*
- *Из Томска?... Да, что-то такое слышали / Там климат сырой / И нет от медведей покоя (Есть ли в Томске медведи?);*
- *И такт летел за тактом. / Тепло и сыро было в том саду (Танцы);*
- *Если злобный мороз под тулуп залез, / Если плюнешь, так плюнешь комочком льда (Если злобный мороз под тулуп залез...);*
- *И я вижу у роицы в пруду, / Вмерзла в лед позабытая лодка / И два желтых листочка во льду (Тополь голый торчит, как рогатка...);*

4) ольфакторные (аромат, благоуханье и др.):

- *Это чувство метанья / И запахов таянья (Как бы мне описать снега липкое месиво...);*
- *И сумрачно. Пахнет / Клеем тополей (Амбары);*
- *Давно ли свистели, с ума нас сводили метели? / Теперь каждый кустик пропах половодьем, весной (Поленницы за зиму сильно у нас похудели...).*

Центральное место в семантическом пространстве стихотворений занимают высказывания звучания и слухового восприятия. Можно предположить, это обусловлено тем, что Б. Н. Климычев обладал музыкальным слухом и играл на гитаре и других струнных инструментах, что также находит отражение и в его стихах:

- *О мацони и канцони подпеваает ветерок, / Я с гитарой иду, я играю* (Переулочек весь изогнут, словно буйволицы рог...).

В своей автобиографии поэт пишет: «Все братья Климычевы владели различными музыкальными инструментами. У всех был отличный музыкальный слух, у всех были великолепные голоса. Мама моя тоже играла на гитаре и пела»⁵. Вспоминая свое поступление в томское культпросветучилище, поэт цитирует слова экзаменатора: «Похоже – идеальный слух!»⁶

Аудиальный аспект авторской поэтической картины мира постоянно попадает в фокус внимания исследователей [Братчикова 2007; Горелов 2020; Косицына 2025; Сулименко 2009]. Отмечается, что взаимосвязь слухового восприятия и мыслительной деятельности может рассматриваться как одна из особенностей авторского мировосприятия [Корычанкова и др. 2016: 55].

В исследуемых поэтических текстах Н. Б. Климычева частотными являются языковые единицы с семантикой шума, звона, пения, музыки, скрипа, стука, журчания и шуршания, прослеживается обилие языковых единиц со звуковой семантикой на единицу текста:

- *Мир полон звуками в апреле: / Ребячий крик, галдеж, гудки, / Транзисторы и птичьи трели, / И шелест шин, и звон капели, / И милицейские свистки* (Выступление);
- *Когда трещит ночами лед на речке, / Висит село на ниточках дымков, / Родная речь журчит на русской печке / Под шелест вьюг и пение сверчков* (И вот опять роняет осень листья...);
- *Молчания мир не снесет никогда. / Стреляют грома, словно пушки, / В ручьях и речушках воркует вода, / Лепечет листва на опушке* (Вокзал Томск-1).

Лингвокультурологический анализ дает нам возможность понять, как в языковых единицах и стилистических фигурах проявляются не только

особенности мировоззрения писателя, но и глубинные слои региональной культуры. Исследуемые поэтические тексты о Сибири активизируют воображение читателя, перцептивный образ моделируется с помощью многочисленных языковых единиц с семантикой звучания, которые соотносятся не только со звуками природы, но и со звуками города и городского транспорта (трамвая):

- *Я вслушиваюсь в клавесин капели, / В трезвон ручьев, в чириканье трамваев, / В ночные скрипы в белой лунной роще, / Но сколько, сколько можно вспоминать!* (Я эту песню слышал в раннем детстве...);
- *Вечно буду помнить Лизу! / На мосту трамвай звенит* (Букинистка);
- *Обычно все: дома, трамваев скрежет, / Оград старинных черное литье* (Часы большие у почтовой будки...).

Трамвай является символом г. Томска и встречается не только в творчестве Б. Н. Климычева, но и в поэтических текстах других известных томских поэтов, например: в стихотворении Н. В. Хоничева «Баллада о томском трамвае»: *Вези, вези сквозь Томск меня, трамвай! / Пленяй, пленяй окраской снегириной!*; в поэтическом произведении М. В. Андреева «Трамвай-пятёрочка» (строки стихотворения положены в основу известной песни): *Эх, время, время, времечко / Жизни пролетело зря. / Трамвай «Пятёрочка», / Вези в Черёмушки меня* [Трунова 2025].

Среди описаний трамвая встретилось олицетворение с семантикой холода: *Трамвай обморозил колеса, / А где-то на свете – страна, / Где каждая девушка – роза, / Где вечная светит весна* (Сибирь). Обилие перцептивных единиц с семантикой холода в поэтических текстах Б. Н. Климычева является еще одной особенностью идиостиля автора:

- *Волею судеб рожден я в Томске, / Где домишки меж холмами, как в котомке, / Где обычные дела – мороз под сорок, / Где никак не хватит на зиму опорок* (Волею судеб рожден я в Томске...);
- *Что я сделал для фронта? Мне было двенадцать, / В кочегарке под домом я спал у котла. / В полшестого велел кочегар выметаться, / А зима по-сибирски колючей была!* (Венера);
- *Какое счастье расчищать снежок, / Поговорить с соседом у колодца, / Найти родник, чтоб губы*

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вам обжег, / *Прозрачной тонкой льдинкой уколется* (Какое счастье расчищать снежок...).

Перцептивные единицы с семантикой холода помогают описать окружающую действительность и передать особенности мироощущения поэта, рожденного в суровом сибирском климате:

- *А то заплутают в метели*, / *Когда месяцами пуржит*, / *Проснешься, а рядом в постели / Медведица важно лежит* (Есть ли в Томске медведи?);
- *По улице Весенней / В рождественский мороз*, / *В одно из воскресений / Я раскладушку нес* (Улица Весенняя);
- *Но в зиму, когда заматали метели* / *Иные лачуги до самой трубы*, / *О, как мы летели, и как мы хотели / И жизни иной и красивой судьбы!* (Но в зиму, когда заматали метели...).

В результате анализа поэтических текстов о Сибири Б. Н. Климычева установлено, что преобладает метафорический способ репрезентации перцептивных значений. Наиболее частотными изобразительно-выразительными средствами являются эпитеты, сравнения, олицетворения и метафоры:

- эпитеты: **Морозу злобному назло**, / *Я думаю об этой дочке* (Командировка);
- сравнения: **Как сотни труб, метель шальная пела**, / *А мы, ломая валенками наст*, / *Спешили к цирку – на фасаде белом / Светился электрический гимнаст* (Цирк);
- олицетворения: *Да по тракту бегут задыхаются*, / **По колена в снегу столбы** (Усть-шиш); *Потом сидеть в избушке лесника*, / **Что забрела в пушистый снег по пояс** (Какое счастье расчищать снежок...);
- метафоры: **Медная / К проводам примерзла луна**, / **Да сугробы стоят медведями**, / *Да звенит в ушах тишина* (Усть-шиш); **Это Север. Здесь сыплется с неба крупа** / *Вперемешку с дождями весной* (Это Север. Здесь сыплется с неба крупа...).

Неоднократно автор использует перцептивные единицы с семантикой холода в сочетании со звуковыми единицами (в частности, семантикой хруста):

- *В бор она пошла тропинкой хрусткой* / *И, ничуть мороза не боясь*, / *Так рванула переборы «Русской»*, / **Что снежинки все пустились в пляс!** (Утром дятел стукнул под окошком...);
- *И в этот вечер вымерзшие лужи / Под сапогами весело хрустят* (Точка).

Для творчества Б. Н. Климычева характерно обилие перцептивных единиц с семантикой стука

и скрипа. Используя представленные языковые единицы, автор отсылает нас к истории Томской губернии, которая напрямую была связана с лошадьми. *Лошадь* – прямой символ Томска, изображенный на гербе города:

- *Тракт навозный, стук подков*, / **Скрип телег** во всем фасаде (Самокат);
- *И лестницы скрип*, / *И потом / Стучат по настилу подковы* / *И эхо кричит под мостом* (Обвалятся скоро стропила...);
- *В глуши времен остались где-то / Разбойный свист и стук копыт*, / *И церковка спокойно эта / Среди лугов и пашен спит* (Проскоково);
- **Копыта цокали** и дождичек сипел, / *В колдобины колеса попадали*, / *Ах, только бы извозчик наш успел*, / *Ах, только бы домой не опоздали!* (Копыта цокали и дождичек сипел...).

В детальных описаниях атмосферы города послевоенных лет автор широко использует и другие языковые единицы, относящиеся к звуковому ряду, семантически связанному с образом лошади:

- *Трясла телега, тихо кони ржали*. / *Дорога поросла густой травой* («Трясла телега, тихо кони ржали»);
- **Бубенцы заливаются звоном**. / *Или сердца мне слышится звон?* (Песня).

Наряду с детальным описанием городских реалий в исследуемых поэтических текстах частотными являются и природные микрообразы, формирующие целостный художественный перцептивный образ Сибири в поэтическом творчестве Б. Н. Климычева [Трунова, Крюкова 2025]. Микрообразы растительного мира позволяют актуализировать и региональный, и перцептивный аспекты в процессе анализа авторского идиостиля:

1. **Тайга** – микрообраз представлен преимущественно языковыми единицами с перцептивной семантикой слухового восприятия:

- **Колос наклонился – время жатве**, / **А еще зовет к себе тайга** (Молоко топленое в махотке...);
- **Но слышу – тайга восклицает**: / – Ага! (Ночь на заимке).

2. **Береза** – данный микрообраз, как правило, репрезентируется языковыми единицами с семантикой цвета и света:

- *На тихой опушке, где светят березы*, / **Цветок распустился – Кукушкины слезы** (На тихой опушке, где светят березы...);
- *Там и сям догорали березы*, / **Это осень настала** (Вот, бывало, минует предместья...);

- *С берез десятки желтых телеграмм / Летят по ветру / И скрипят скворешни* (В район не едет из врачей никто...);
- *Про тихий свет берез соседской тете Мане / Под семиструнный звон на кухне я спою* (Березки на бугре, проталины в оврагах...).

3. **Черемуха** – чаще всего представленный микрообраз создается автором с помощью языковых единиц с семантикой цвета и запаха:

- *Был я молод давно, / Жизнь прошла, как в кино, / Но прекрасен мой Томск, как и прежде: / Ароматы черемух пьянят, как вино, / Сердце бьется в навной надежде* («Не томи меня, Томск, не томи...»);
- *Черемуха от инея бела, / Перед крыльцом метелка вмерзла в бочку* (Точка).

4. **Тополь** – данный микрообраз репрезентирован языковыми единицами с семантикой обоняния, осязания и зрительного восприятия:

- *И пахнет тополями, / И катится по крыше / Медалью за Терпенье / Огромная луна* («Амбары»);
- *Тень в ночном переулке касалась / Тополиных вершин головой* (Тень);
- *А тополи? Тополи в блеске зимы?! / Аж трудно от слез удержаться!* (Письмо Симеону).

5. **Сосна** и **кедр** – указанные микрообразы представлены языковыми единицами с ольфакторной семантикой и высказываниями с семантикой звучания:

- *Так пахнут щепой и сосновой корой / Лукошко и кошка, и сумрак сырой* (Ночь на заимке);
- *Сосны стонут. До дна промерз ручеек / И жучок в нем застыл, словно влез в стекло* (Если злобный мороз под тулуп залез...);
- *Над сеновалом – полная луна, / Ее держали кедры в хвойных лапах, / Роился сумрак, пела тишина, / Травинки сохли, был щемящим запах* (Сеновал).

В последнем примере автор использует прием сенсорного напряжения, который В. К. Харченко трактует как «обилие перцептивных проекций на единицу текста, нацеленное на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [Харченко 2011: 71]. Ученый описывает приемы создания сенсорного напряжения в художественном дискурсе, называя метафоры, сравнения, шквальное перечисление, одномоментный срез перцепций и др. [Там же: 71–75]. В исследуемых поэтических текстах прием сенсорного напряжения часто используется при описании природных и климатических реалий, а также быта сибиряков:

- *И в сенцы, покрытые снегом, как пухом, / Где пахнет укропом и возится мышь, / Войду и нащупаю двери, и стуком / Невольно вспугну предрассветную тишь* (Тихонько достану бадью из колодца...);
- *Светает. / Воем вьюга. / Тьма. / Пешечком, как поется в песне, / Бреду к селению Утьма* (Командировка).

Особая идиостилевая черта, проявляющаяся в языке произведений Б. Н. Климычева, – синестезия. Синестетические сочетания, встречающиеся в исследуемых поэтических текстах, демонстрируют высокую степень взаимовлияния и взаимопроникновения различных модусов перцепции:

- *Сквозь разрывы листвы небеса голубели, / И тальник горькой влагой кропил на ходу* (Вешний разлив);
- *Пускай – снегов мерцанье, / Пусть – ветхое пальто, / Не даст само названье / Замерзнуть ни за что!* (Улица Весенняя);
- *Я там был: тепло калина рдела, / Паутинка тонкая летела, / Прятались во мхах боровики* (Молоко, топленое в махотке...).

В представленных словосочетаниях происходит слияние разных типов восприятия на основе метафорической связи, наблюдается синестезия вкусового и тактильного модуса перцепции, а также зрительного и тактильного видов восприятий.

Заключение

Перцептивный образ Сибири в поэтических текстах томского автора Б. Н. Климычева в предлагаемом исследовании рассматривается в контексте идиостилевого направления перцептивной лингвистики. Лингвостилистический анализ языковых единиц с перцептивной семантикой и их осмысление через культурный контекст позволяет нам выявить отличительные черты авторского мировосприятия.

Синтез лингвостилистического и лингвокультурологического анализа при исследовании локального поэтического текста дает возможность рассмотреть произведение не только со стороны его языкового и идейного содержания, но и с точки зрения его соотнесенности с определенной культурой. В фокусе лингвокультурологического анализа находятся те языковые средства обозначения окружающей действительности, которые служат маркерами региональной картины мира.

Центральное место в семантическом пространстве стихотворений занимают высказывания *звучания* и *слухового* восприятия. В результате проведенного исследования было выявлено доминирование перцептивных единиц с семантикой *стука* и *скрипа*, соотносящихся с образом *лошади*, что дает прямую отсылку к истории Томской губернии.

Знаковый символ г. Томска, нашедший отражение в поэтическом творчестве Б. Н. Климычева, – *трамвай*. В творчестве автора образ трамвая представлен преимущественно с помощью перцептивных единиц со звуковой семантикой.

В ходе лингвостилистического анализа текста было отмечено доминирование природных микрообразов, которые обладают различными перцептивными характеристиками и традиционно составляют целостный макрообраз Сибири в творчестве региональных поэтов (*холод*, *сырость*, *тишина*, *темнота*, *туман*, *тайга* и др.). Особое место в анализируемых

текстах занимают образы растительного мира (*сосна*, *кедр*, *береза*, *черемуха* и *тополь* и др.), которые позволяют актуализировать региональный компонент в процессе анализа особенностей авторского мировосприятия.

Перцептивный образ Сибири в анализируемых поэтических произведениях включает в себя как природные, так и культурные характеристики, которые воспринимаются в неразрывном единстве и проявляются в особенностях авторского идиостиля.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков. Томск: ТГУ, 2005. 304 с. [Anisimov K. V. *Problems of poetics of Siberian literature XIX – early XX century*. Tomsk: TSU, 2005, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrpfnif>
- Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий. *Филология и человек*. 2017. № 4. С. 155–164. [Bogumil T. A. "Altai text" and literature of Altai: To the definition of concepts. *Philology & Human*, 2017, (4): 155–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwtmb>
- Братчикова Е. А. Отражение звучащей действительности в языковой картине мира (на материале англоязычной и русской поэзии начала XX века). *Альманах современной науки и образования*. 2007. № 3-3. С. 35–38. [Bratchchikova E. A. Reflection of sounding reality in the linguistic worldview: English-language and Russian poetry of the early 20th century. *Almanac of Modern Science and Education*, 2007, (3-3): 35–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peixzj>
- Валько О. В., Кузнецов Д. В., Рабкина Н. В. Поэтический образ Кузбасса в произведениях региональных авторов. In: Валько О. В., Герасимчук Д. М., Голев Н. Д. и др. *Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона*. М.: Перо, 2020. С. 226–252. [Valko O. V., Kuznetsov D. V., Rabkina N. V. The poetic image of Kuzbass in the works of regional authors. In: Valko O. V., Gerasimchuk D. M., Golev N. D. et al. *Kuzbass: Complex cognitive-discursive modeling of the region's image*. Moscow: Pero, 2020, 226–252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qciuujy>
- Валько О. В., Новоклинова А. В. Лингвокультурные особенности создания образа кузбасского города (на материале любительской поэзии). In: Валько О. В., Герасимчук Д. М., Голев Н. Д. и др. *Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона*. М.: Перо, 2020. С. 252–276. [Valko O. V., Novoklinova A. V. Linguistic and cultural features of creating an image of a Kuzbass city (based on the material of amateur poetry). In: Valko O. V., Gerasimchuk D. M., Golev N. D. et al. *Kuzbass: Complex cognitive-discursive modeling of the region's image*. Moscow: Pero, 2020, 252–276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tomiml>
- Горелов О. С. Сюрреализация звука: музыкальность, аудиальная культура и саунд в новейшей русской поэзии (В. Банников, В. Бородин, Н. Сафонов). *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 3. С. 187–193. [Gorelov O. S. Surrealization of sound: Musicality, Audial culture and sound in the modern Russian Poetry (Vadim Bannikov, Vasilii Borodin, Nikita Safonov). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, 26(3): 187–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfsnsu>

- Иванова А. В. Репрезентация языковой картины мира в региональном тексте (на материале документальной прозы Забайкалья). *Халхин-Гол: общая Победа: Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Чита, 13 сентября 2024 г.)* Чита: ЗабГУ, 2024. С. 91–95. [Ivanova A. V. Representation of the language picture of the world in a regional text (based on the material of the documentary prose of Transbaikalia). *Khalkhin Gol: A common victory: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf., Chita, 13 Sep 2024*. Chita: TbsU, 2024, 91–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vioqes>
- Ковшова М. Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. [Kovshova M. L. The role of linguocultural studies in modern times: Basic principles and method of research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, 14(3): 745–756. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756>
- Кольчикова Н. Л. Приемы изучения регионального художественного текста в школе. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. 2020. № 2. С. 126–131. [Kolchikova N. L. Methods for studying a literary text by a local author at school. *Herald of the Khakass State University*, 2020, (2): 126–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxhhww>
- Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз Сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века). *Имагология и компаративистика*. 2019. № 12. С. 222–236. [Kondratyeva O. N. The stereotypical media image of the Siberian region (based on the materials of the Russian media of the 21st century). *Imagology and Comparative Studies*, 2019, (12): 222–236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/24099554/12/11>
- Корычанкова С., Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Брно: Масариков университет, 2016. 236 с. [Korychankova S., Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. *Poetic worldview through the prism of the category of perceptivity*. Brno: Masaryk University, 2016, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtefvh>
- Косицына Н. О. Лингвосенсорика поэтических текстов В. В. Бородаевского. *Курское слово*. 2025. № 30. С. 60–65. [Kositsyna N. O. Linguistic sensorics of V. V. Borodaevsky's poetic texts. *Kurskoye slovo*, 2025, (30): 60–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xoecbk>
- Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Система перцептивных образов в поэтическом творчестве Б. Л. Пастернака (лексикографический и идиостилевые аспекты). *Отечественная филология*. 2023. № 4. С. 58–73. [Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. System of perceptual imagery in poetic work of B. L. Pasternak (lexicographic and individual style aspects). *Otechestvennaya filologiya*, 2023, (4): 58–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dcdjak>
- Курило С. А., Новикова Е. Г. Образ Сибири как российского колониального Востока в travelogue И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2022. Т. 8. № 4. С. 22–40. [Kurilo S. A., Novikova E. G. Image of Siberia as Russian colonial orient in Ivan Goncharov's travelogue the Frigate Pallada. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2022, 8(4): 22–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40>
- Лаврова С. Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец: ЧГУ, 2017. 239 с. [Lavrova S. Yu. *The speaker as an observer: Linguistic axiology*. Cherepovets: CSU, 2017, 239. (In Russ.)]
- Лю С., Нестерова Н. Г. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой презентации (на материале текстов сайта международной выставки-форума «Россия»). *Филология и человек*. 2025. № 1. С. 40–54. [Liu S., Nesterova N. G. Media image of Siberia through the prism of scientific achievements in regions: Means of linguistic presentation (based on the texts of the website on the international exhibition-forum "Russia". *Philology & Human*, 2025, (1): 40–54. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-03)
- Маслова В. А. Региональная идентичность личности сквозь призму поэзии. *Язык как основа национальной идентичности: Междунар. науч. конф. (Тула, 16–18 мая 2024 г.)* Тула: ООО «Тульский полиграфист 1», 2024. С. 406–409. [Maslova V. A. Regional identity of a personality through the prism of poetry. *Language as the basis of national identity: Proc. Intern. Sci. Conf., Tula, 16–18 May 2024*. Tula: Tula Polygraphist 1, 2024, 406–409. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eceoum>
- Маслова В. А., Дединкин А. Л. Филологический анализ, комментарий и интерпретация поэзии и других видов текстов. *Текст. Язык. Человек: XIII Междунар. науч. конф. (Мозырь, 15 мая 2025 г.)* Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025. С. 109–113. [Maslova V. A., Dedinkin A. L. Philological analysis, commentary,

- and interpretation of poetry and other types of texts. *Text. Language. Person: Proc. XII Intern. Sci. Conf.*, Mozyr, 15 May 2025. Mozyr: MSPU named after I. P. Shamyakin, 2025, 109–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkvtko>
- Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание. *Дискурс-Пи: научно-практический альманах*. 2003. № 1. С. 101–104. [Murzina I. Ya. The regional identity and the regional self-consciousness. *Discourse-Pi: Scientific and Practical Almanac*, 2003, (1): 101–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttgxgv>
- Попруженко Ю. С., Гриценко В. П. Понятия «образ» и «облик» города. *Культура и время перемен*. 2018. № 1. [Popruzenko Yu. S., Gritsenko V. P. The concepts of "image" and "appearance" of the city. *Kultura i vremya peremen*, 2018, (1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywnoaj>
- Рогачева Н. А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2010. № 5. С. 240–247. [Rogacheva N. A. Methodological aspects of studying the Siberian text of Russian lyric poetry. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2010, (5): 240–247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntjnzl>
- Савельева И. В. Лингвоперсонологические модели восприятия территории (на примере Кемеровской области). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 11. С. 369–373. [Saveleva I. V. Linguo-personological models of territory perception (by the example of Kemerovo Region). *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(11): 369–373. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.77>
- Смольянинов А. В. Образ Сибири в коллективном поэтическом сборнике «Сибирские мотивы» (1886). *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 503. С. 112–122. [Smolianinov A. V. The image of Siberia in the multi-author poetry collection *Siberian motifs* (1886). *Tomsk State University Journal*, 2024, (503): 112–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/503/11>
- Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Наука, 2009. 396 с. [Sulimenko N. E. *Text and aspects of its lexical analysis*. Moscow: Nauka, 2009, 396. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgeipd>
- Трунова М. В. Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М. В. Андреева. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2025. № 1. С. 36–44. [Trunova M. V. Linguistic representation of the perceptual image of Siberia in the works of Tomsk poet M. V. Andreev. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, (1): 36–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-36-44>
- Трунова М. В., Крюкова Л. Б. Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н. В. Хоничева: перцептивный аспект. *Вестник Томского государственного университета*. 2025. № 513. С. 44–53. [Trunova M. V., Kryukova L. B. Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev' poetry: A perceptual aspect. *Tomsk State University Journal*, 2025, (513): 44–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/513/5>
- Харченко В. К. Лингвосенсорика. М.: URSS, 2011. 214 с. [Kharchenko V. K. *Lingvosensorics*. Moscow: URSS, 2011, 214. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxahmv>
- Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри. *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства*: конф. (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.) Иркутск: ИГУ, 2004. С. 227–235. [Yanushkevich A. S. Siberian text: The view from outside and inside. *Siberia: View from outside and inside. Spiritual dimension of space*: Proc. Conf., Irkutsk, 24–26 Sep 2004. Irkutsk: ISU, 2004, 227–235. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vitwsl>
- Яранцев В. Н. Памяти Бориса Климычева. *Сибирские огни*. 2013. № 10. [Yarantsev V. N. In memory of Boris Klimychev. *Sibirskie ogni*, 2013, (10). (In Russ.)] URL: <https://www.sibogni.ru/content/pamyati-borisa-klimycheva> (дата обращения: 10.10.2025).

оригинальная статья

eLibrary EDN: YVQHDJ

Рефлексия художественного события в русской литературе 1940–1950-х гг.

Кузнецов Илья Владимирович

Новосибирский государственный театральный институт,

Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5848-0971

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

Scopus Author ID: 57210843311

eliah2001@mail.ru

Максимова Анна Ильинична

Новосибирский государственный педагогический университет,

Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 8137-9031

<https://orcid.org/0000-0001-6289-5987>

Аннотация: В статье проанализированы представления об архитектонике художественного события и последовательности моментов творческого акта, зафиксированные в произведениях российских писателей-модернистов 1940–1950-х гг. Указанный период квалифицируется как поздний модерн и рассматривается как особое историко-литературное образование. Его составляют произведения писателей и поэтов, чья творческая биография начиналась в Серебряном веке. В статье рассмотрены лирические, эпические и дневниковые произведения Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Михаила Пришвина: те произведения, в тематическую сферу которых включены представления авторов о природе творчества. Сопоставление текстов этих авторов показывает, что архитектура художественного события ими рассматривалась близкими способами. В художественных рефлексиях писателей присутствует тема раздвоения души артиста, так что одна часть принадлежит эмпирическому потоку повседневности, а другая пребывает в состоянии надвременного гармонического покоя. Именно из этой надмирной позиции к автору приходит взгляд, сообщающий художественному образу необходимое качество целостности. В случае Бориса Пастернака такое понимание архитектуры художественного события развивает взгляды писателя, сложившиеся у него в ранний период творчества, в начале 1910-х гг. У Анны Ахматовой и Михаила Пришвина такое понимание складывается и артикулируется именно в период позднего модерн. Сопоставление показывает, что аналогичные взгляды на природу художественного события в 1920-е гг. высказывал Михаил Бахтин. В качестве источника этих представлений рассматриваются восходящие к Античности и Средневековью философские идеи Серебряного века.

Ключевые слова: русский модерн, эстетика, художественное событие, Б. Л. Пастернак, М. М. Пришвин, А. А. Ахматова, М. М. Бахтин

Цитирование: Кузнецов И. В., Максимова А. И. Рефлексия художественного события в русской литературе 1940–1950-х гг. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 804–816. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-804-816>

Поступила в редакцию 23.12.2025. Принята после рецензирования 17.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

original article

Reflection on the Artistic Event in the Russian Literature of the 1940s–1950s

Ilya V. Kuznetsov

Novosibirsk State Theatre Institute, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5848-0971

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

Scopus Author ID: 57210843311

eliah2001@mail.ru

Anna I. Maksimova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

eLibrary Author SPIN: 8137-9031

<https://orcid.org/0000-0001-6289-5987>

Abstract: This article analyzes ideas about the architectonics of the artistic event and the creative act as a sequence of moments in the Russian Modernism of the 1940s and 1950s. This period is classified as Late Modernism and is considered a distinct historical and literary stage. It comprises authors whose creative careers had their roots in the Silver Age. The article examines the lyrical, epic, and diary works on the nature of creativity by Boris Pasternak, Anna Akhmatova, and Mikhail Prishvin. These writers shared similar views on the architectonics of the artistic event. They investigated the topic of the artist's split soul: while one part dwells in empirical everyday life, the other belongs to transcendental harmony. This transcendental position gives the author a perspective that completes the artistic image. Boris Pasternak acquired this understanding of architectonics in the 1910s whereas Anna Akhmatova and Mikhail Prishvin came to it during the period of Late Modernism. The philosopher Mikhail Bakhtin expressed similar views on the nature of the artistic event as early as in the 1920s. Probably, the Silver Age inherited this philosophical idea from Antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Russian Art Nouveau, aesthetics, artistic event, Boris Pasternak, Mikhail Prishvin, Anna Akhmatova, Mikhail Bakhtin

Citation: Kuznetsov I. V., Maksimova A. I. Reflection on the Artistic Event in the Russian Literature of the 1940s–1950s. *SibScript*, 2026, 28(4): 804–816. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-804-816>

Received 23 Dec 2025. Accepted after peer review 17 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

В литературе русского модерна начиная с Серебряного века неизменно присутствовали рефлексии о природе художественного события и творчества в целом. В Серебряном веке эти рефлексии содержались в основном в статьях и эссе писателей и поэтов, составляя таким образом особую сторону их творческой деятельности. Примерами могут служить многочисленные написанные в 1900–1910-е гг. статьи о символизме Андрея Белого [Белый 1994], о поэзии – Николая Гумилёва [Гумилёв 1990: 45–68], Осипа Мандельштама [Мандельштам 1987: 38–71], Бориса Пастернака [Пастернак 1990]. К. Э. Штайн систематизировала такие материалы, отнеся их к области метапоэтики [Штайн 2005].

Однако в эпоху позднего модерна (1940–1950-е гг.) [Кузнецов 2025: 142] в творчестве писателей и поэтов – в прошлом деятелей Серебряного века – аналогичные рефлексии оказались имплицированы

в ткань собственно художественных произведений. Отчасти этому способствовало то, что к середине XX в. усилились процессы сближения художественного и внехудожественного слова, составлявшие закономерность российского литературного развития [Кузнецов 2007; 2011]. В ходе этих процессов философские фрагменты, размышления, вообще все разновидности текста, называемые ментативными [Максимова 2005], стали восприниматься как естественные элементы художественных произведений. Так художественное событие вошло в тематическую сферу самой поэзии, т. е. художественной литературы.

Цель статьи – систематизировать и обобщить трактовки художественного события в русской литературе позднего модерна. Задачи:

1) выделить тексты, содержащие соответствующую тематику;

- 2) сопоставить их между собой;
- 3) найти общие элементы в образе художественного события.

Новизна работы связана, во-первых, с тем, что эпоха позднего модерна ранее не исследовалась как целостное историко-литературное образование. Во-вторых, сам образ художественного события как таковой не становился предметом специального изучения.

Материалом исследования выступают произведения Б. Л. Пастернака 1940–1950-х гг., дневники М. М. Пришвина «Глаза земли», произведения А. А. Ахматовой из цикла «Тайны ремесла». Метод исследования – типологическое сравнение.

Результаты

Образ художественного события у Бориса Пастернака

Состав художественного события интересовал Бориса Пастернака с самой начальной поры его литературной деятельности. Уже в отрывочных записях 1910 г. встречаются более или менее целостные фрагменты, в центре которых находится соответствующий образ: таковы фрагменты «Мышь» и «Заказ драмы» [Юнггрен 1984]. В этих и смежных с ними фрагментах художественное событие рассмотрено Б. Л. Пастернаком, во-первых, как таковое, в своей сущности, которая есть, следуя представлениям В. С. Соловьева, не что иное как преображение мира. Во-вторых, оно рассмотрено со стороны механизма творческого акта.

Что касается первого аспекта, преображения действительности, то в нем, как явствует из многочисленных образных формулировок раннего Б. Л. Пастернака, выделяются следующие моменты: 1) готовая «неодушевленная» действительность¹; 2) ее имманентный «порыв» к преображению; 3) появление «иносказаний», которыми размывается форма вещей; 4) открытие сущностного «содержания» действительности; 5) появление новых «границ» предметов; 6) замыкание новой «оправы» мира, которое и есть 7) преображение. Эти моменты не создают логической или хронологической последовательности: это именно гипостазированные моменты единого – творческого преображения

мира [Кузнецов, Ляляев 2020: 38]. «Пастернак разрабатывает теорию возникновения творения как "пересоздания" действительности в результате собственного ее порыва к новому ее воплощению под воздействием творческой интенции художника» [Горелик 2000: 36].

Общая для модернизма идея преображения мира в творчестве сохранялась у Б. Л. Пастернака на протяжении всей его жизни, от ранних прозаических набросков, писем и «Нескольких положений» до «Охранной грамоты», «Доктора Живаго» и поздней лирики. В «Докторе Живаго» идеи Б. Л. Пастернака более ранних периодов, обыкновенно «эзотерически» выраженные, обрели иносказательное применение в ряде сюжетных ситуаций, эти идеи иллюстрирующих [Максимова 2025]. Для читателя, представляющего художественную систему Б. Л. Пастернака целиком, соответствующие иллюстрации наглядны. Так, Юрий Живаго в VI главе романа говорит друзьям о совершающейся революции: *Мы забудем часть прошлого и не будем искать небывалому объяснения. Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте или облаков над головой. Он окружит нас отовсюду. Не будет ничего другого*² (с. 184). В романе имеется внутренний сюжет, передающий преображение российской действительности в первой половине XX в. [Кузнецов, Ляляев 2020: 143–154]. И в процитированных словах Юрия речь идет о новой «оправе», которую жизнь на глазах принимает и вскорости примет, как прозорливо сознает герой. Он говорит именно о российской жизни, но для Б. Л. Пастернака жизнь и искусство, любовь, творчество – это вещи единосущные.

Констатация преображения есть и в замечании Юрия про меняющийся облик Тони, указывающий на начало ее беременности: *Лицо женщины меняется. <...> Ее внешность, раньше всецело находившаяся под ее наблюдением, уходит из-под ее контроля. Ею распоряжается будущее, которое выйдет из нее и уже больше не есть она сама* (с. 276). Здесь также речь идет о «размывании оправы» прежней действительности, «готового» человека, свидетельствующем о движении к новому статусу – о начале преображения.

¹ Мы используем здесь авторскую терминологию Б. Л. Пастернака, демонстрирующую влияние научной риторики Г. Когена и Г. Шпета, у которых поэт учился лично [Шатин 2015: 222].

² Здесь и далее в статье цитирование романа осуществляется с указанием в круглых скобках номера страницы по изданию: Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: Роман. М.: Сов. писатель, 1989. 736 с.

Что же касается второго аспекта, механизма творческого акта, то, суммируя многочисленные и тоже «эзотерические» формулировки ранних периодов, можно сделать такое обобщение. По Б. Л. Пастернаку, в творческом акте происходит управляемое расщепление сознания художника, так что одна («младшая») его часть сохраняет жизненно-практическую, в том числе биографическую идентичность, а другая («старшая»), соединяясь со свободной субъективностью³ мироздания, транслирует поэту художественное завершение. Процитируем набросок 1910 г., названный писателем «Мышь»:

Творчество имеет право подойти к Дмитрию Шестокрылову лишь в тот момент, когда он позовет это творчество, когда, вернее, он раздвоится и одна его часть замрет от неисчислимых скрещений в нем, а другая – та часть, что старшие (его отеческое существо в нем), бросится на балкон его души и станет чертить тревожные жесты и звать <...> чтобы <...> замкнуло бы или упокоило шестокрыловский экстаз громадное, обирающее Шестокрылова, как исполина, увеличительное зеркало⁴.

Здесь состояние артиста в момент творчества передано скрупулезно и местами почти терминологически. Две части, на которые распадается Шестокрылов, входят как составляющие в событие творчества: 1) «младшая» часть – биографическое существо; 2) «старшая» часть – еще не само мироздание, открывающееся артисту, а лишь *порыв* к мирозданию, к его свободной субъективности⁵; и есть, наконец, 3) «зеркало», которое отражает весь мир целиком, вместе с Шестокрыловым, и придает ему завершенность, целостность. Образом зеркала передается полнота бытия, мироздания, с которым артист желает слиться, и для этого должен пережить

экстаз⁶ («экс-стасис», т.е. буквально «выход из себя»). Тогда его подхватывает стихия жизни, вместе с ним ищущая свободной субъективности⁷. Эта стихия в позднейших текстах передается в образах ветра, грозы, речного потока. Рассмотрим соответствующие примеры.

В романе «Доктор Живаго» нет прямых рассуждений об архитектонике творческого акта, однако есть ряд характеристик художественного события, связанных как с заглавным героем, так и с искусством вообще. Так, известный фрагмент из записей Юрия описывает действие вдохновения: *Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. <...> Подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований* (с. 423). Здесь стихия действительности представлена в метафорическом образе, соединяющем *речной поток* и *речь* (эти слова оказываются выразительно созвучными). Так писатель придал наглядность своим тезисно выраженным представлениям раннего периода – *начальной поры*: в «Докторе Живаго» такая наглядность была одной из задач писателя.

В рассмотренном фрагменте присутствует образ поэзии как мельницы. У Б. Л. Пастернака это автоцитата из творчества раннего периода. Наиболее явный ее источник – стихотворение «Мельницы» (1915 г.): *Тогда просыпаются мельничные тени. / Их мысли ворочаются, как жернова. / И они огромны, как мысли гениев, / И несоразмерны, как их права⁸. И в работе «Несколько положений»*

³ Понятие «свободной субъективности» Б. Л. Пастернак использовал в докладе 1913 г. «Символизм и бессмертие» [Пастернак 1990: 256]. «Согласно главной мысли доклада, душа поэта отчуждается от него как личности. Она служит свободной субъективности» [Иванов 2015: 385].

⁴ Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2004. Т. III. С. 450–451. «Содержательный, чувственный и бессознательный элемент (там, где происходят "скрещення") отделяется от элемента наблюдающего, сознающего» [Подорога 2021: 173]. На пастернаковское представление о художественном завершении могла повлиять идея «собираания существования» С. Кьеркегора [Радионова 2024а; 2024б].

⁵ В выражениях из «Символизма и бессмертия»: «Живая душа, отчуждаемая у личности в пользу свободной субъективности» [Пастернак 1990: 256].

⁶ Понятие *экстаз*, употребленное Б. Л. Пастернаком в отрывке, побуждает усматривать источник описываемого представления о творчестве в иудейской мистике. М. Идель показывает, что подобное взаимное тяготение двух частей целого свойственно каббалистической концепции *двекут* – соединения человека с Богом, которая в свою очередь резонирует с аристотелевскими и неоплатоническими представлениями [Идель 2010: 89–91]. О практическом интересе Б. Л. Пастернака к каббале и другим эзотерическим учениям см. [Буров 2018]. Михаил Эпштейн находит даже в христианстве Б. Л. Пастернака хасидскую составляющую [Эпштейн 2000].

⁷ «Действительность, доступная личности, проникнута поисками свободной субъективности. <...> Поэт покоряется направлению поисков, перенимает их и ведет себя как предметы вокруг» [Пастернак 1990: 256].

⁸ Пастернак Б. Л. Сестра моя – жизнь: Стихотворения и поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1986. С. 41.

(1918 г.), подытоживающей ранний период творчества, Б. Л. Пастернак *чистую сущность поэзии* уподоблял *кружению десятка мельниц*. В этой же работе поэт описывал состояние творчества: «напоминая конвульсии молний на пыльных потолках и гипсах, начинает ширять и шуметь по сознанию отраженная стенопись какой-то нездешней, несущейся мимо и вечно весенней грозы»⁹ [Пастернак 1990: 147]. Очевидно, что образы подвижной действительности – источника поэзии как *ветра* в «Мельницах»¹⁰, как *весенней грозы* в «Нескольких положениях» – и речного потока в записях Юрия Живаго следуют один из другого.

Процитированный выше фрагмент романа продолжается еще более известным текстом: *В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии и то, что ей предназначено в будущем. <...> И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в движение* (с. 423). Здесь выразительно сформулировано общее для постсимволизма представление об инструментальности личности артиста в акте творчества. При этом неявно актуализируется и описанное выделение в его сознании «младшей» и «старшей» ипостасей. «Младшая», биографическая часть – «повод и опорная точка»¹¹ – становится средой, в которой конденсируется образ героя. «Старшая» же часть стремится соединиться с универсальным сознанием – «мировой мыслью», которая и является источником художественного завершения.

Двойственность природы артиста нередко становилась предметом и в стихотворениях Б. Л. Пастернака. Среди поздней лирики поэта она с наибольшей наглядностью была передана в афористической концовке стихотворения «Ночь» (1956 г.): *Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну. / Ты вечности заложник / У времени в плену*¹². Художник имеет двойную атрибуцию: субстанциально он принадлежит вечности, однако он погружен во время,

«пленен» им¹³. Конечно, во времени находится «младшая» часть души – биографическая личность. Но Д. М. Магомедова справедливо подчеркнула, что в противоположность символистским представлениям в стихотворении Б. Л. Пастернака не создается ценностной иерархии между «вечным» и «временным» [Магомедова 1999] (т.е. между «старшей» и «младшей» частями), они принадлежат единой субстанции и в равной мере значимы.

Возвращаясь к «Доктору Живаго», отметим, что в романе по возможности ясно выражены и другие любимые эстетические идеи Б. Л. Пастернака, идущие из его прежнего творчества. Такова идея о том, что в основе искусства находится «сила» в фундаментальном философском понимании, представляющая как чувство или страсть. В «Охранной грамоте» (1929 г.) поэт писал: «В отличие от науки, берущей природу в разрезе светового столба, искусство интересуется жизнью при прохождении сквозь нее луча силового. Понятие силы я взял бы в том же широчайшем смысле, в каком берет его теоретическая физика» [Пастернак 1990: 72]. Теперь, в «Докторе Живаго», читаем, что своим ранним стихам *Юра прощал грех их возникновения за их энергию и оригинальность. Эти два качества, энергию и оригинальность, Юра считал представителями реальности в искусствах, во всем остальном беспредметных, праздных и ненужных* (с. 76). Очевидно, что энергия популярно передает тему силы, философски сформулированную в «Охранной грамоте».

А в варыкинских записях Юрий рассуждает о сущности искусства: *это обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название примененной в нем силы или разработанной истины. И мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания* (с. 277). Искусство как сила – очевидное продолжение тезиса из «Охранной грамоты». А мысль об искусстве как материи особого рода, особом модусе субстанции и вовсе имеет классическое происхождение. В России у самого начала художественной литературы В. К. Тредиаковский

⁹ Заметим, что аналогичный образ поэтического слова, освещающего пространство души, через несколько лет возникнет у Н. А. Заболоцкого в «Лице коня» (1926 г.): *Слова, которые вонзаются как пламя, / и в душу залетев, как в хижину огонь, / убогое убранство освещают.* (Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1985. С. 60.)

¹⁰ Ср.: *Им ветер был роздан, как звездам – свет // <...> Воздушную ссудой живут ветряки.* (Пастернак Б. Л. Сестра моя – жизнь... С. 40.)

¹¹ Ср. в «Символизме и бессмертии»: «Поэт никогда не существо – но условие» [Пастернак 1990: 256].

¹² Пастернак Б. Л. Сестра моя – жизнь... С. 366.

¹³ Младший университетский однокашник и знакомый Б. Л. Пастернака философ Алексей Лосев сказал о себе: «Я сослан в XX век...» Этими словами впоследствии было озаглавлено двухтомное собрание художественных произведений А. Ф. Лосева [Лосев 2002].

писал: «Прямое понятие о Поэзии есть не то, чтоб стихи составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать» [Тредиаковский 1849: 181]. Разумеется, в этом он опирался на классических теоретиков, так или иначе развивавших Аристотеля. Что же касается Б. Л. Пастернака, то мнимая неосведомленность его героя об античной эстетике использована поэтом скорее как прием, позволяющий придать мысли Юрия впечатление открытия.

Анна Ахматова о тайнах ремесла

Рефлексия художественного события в середине XX в. имела место и в творчестве Анны Ахматовой. В конце 1950-х гг. она составила цикл из десяти¹⁴ написанных в разное время стихотворений, озаглавленный «Тайны ремесла». Во-первых, в этом цикле неоднократно утверждается тема о надмирном источнике творчества и о личности поэта как инструменте осуществления, исполнения этого творчества¹⁵. Наиболее известная формулировка – в стихотворении (1) «Творчество», написанном еще в 1936 г.: *И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь*¹⁶ (с. 277). Однако и в других текстах цикла эта тема присутствует. В стихотворении (3) «Муза»¹⁷ противопоставлены два образа Музы: первый – *Говорят: «Божественный лепет...»*; второй – *Жестче, чем лихорадка, оттреплет* (с. 278). Эти два образа контрастно противопоставлены героине стихотворения как чужой и свой. Но их объединяет то, что субъективность в обоих случаях остается за Музой, а не за поэтом. В стихотворении (4) «Поэт» деятельность поэта описывается как *Подслушать у музыки что-то / И выдать шутя за свое* (с. 278): источник творчества внеположен самому артисту. В (6) «Последнем стихотворении» написанные автором стихи характеризуются так: одно – *С дыханием жизни вливается в дом*, другое – *Не знаю откуда крадется ко мне*, третье – *Как будто почти что не видя меня, / Струятся по белой бумаге* (с. 279). Очевидно, что во всех случаях остается неизменной посторонность поэзии – поэту как биографической личности. Наконец, завершающее цикл стихотворение (9)

открывается словами: *Многое ещё, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим* (с. 280). Субстанциальность поэзии и ее как таковой дословное, предвыраженное происхождение и бытие становится смысловым итогом цикла.

Но, во-вторых, открывающее цикл «Творчество» содержит и поэтапное, разделенное на моменты изложение последовательности творческого процесса: подобно тому, как это было в «Мыши» Б. Л. Пастернака. Момент 1 – *какая-то истома*: это состояние антропологического субъекта, поэта как психосоматической сущности. В описании акустических шумовых переживаний этого поэта (его «младшей части», по Б. Л. Пастернаку) появляется образ круга: *Сужается какой-то тайный круг* (с. 277). Этот образ характерен для экзистенциальных впечатлений [Идель 2010: 127] и часто использовался в русской поэзии Серебряного века, прежде всего у А. А. Блока [Силард 2002: 206–225], на творчество которого А. А. Ахматова в очень большой степени опиралась [Топоров 1981]. Момент 2 – начало раздвоения: среди прочих голосов *Встаёт один, всё победивший звук*, который эти голоса соединяет, подчиняет и остраивает; и становится *Так вокруг него неоправимо тихо* – это уже выход «старшей части» поэта из него, из его психосоматической сущности, это порыв и экстаз. Момент 3 – приходящее извне завершение художественной целостности: *Просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь*. Нетрудно увидеть в этой последовательности моментов художественного события повторение той, которая имела у Б. Л. Пастернака.

Цикл «Тайны ремесла» в принципе до известной степени инспирирован творчеством Б. Л. Пастернака, вплоть до прямых цитат: *сосны, сумрак ночи* и другие словесные темы, явно отсылающие к пастернаковским образам близкой поры. «Летом 1959 года Ахматова в гостях у Вяч. Вс. Иванова читала стихотворение "Читатель" Б. Л. Пастернаку, причем он, по рассказам присутствующих, был не очень расположен слушать, тогда как для Ахматовой было существенно прочесть стихотворение именно ему» [Поливанов 2018: 231]. Поэтому переключка

¹⁴ Так в прижизненной книге «Бег времени» (1965 г.). В используемом нами издании 1990 г. цикл сокращен составителями до девяти текстов.

¹⁵ В. И. Тюпа показал, что это общая интуиция для поэзии «неотрадиционализма» [Тюпа 1997].

¹⁶ Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 448 с. Здесь и далее в статье цитирование произведений А. А. Ахматовой осуществляется по этому тому с указанием в круглых скобках номера страницы.

¹⁷ «Муза» в «Тайнах ремесла» продолжает образ Музы в одноименном стихотворении 1924 г., которая признается героине стихотворения, что «диктовала» Данту его строки [Аксёнова 2022].

с пастернаковским представлением о художественном событии закономерна и могла возникнуть как заимствование. Но есть в этом цикле и другая эстетическая идея, восходящая определенно не к Б. Л. Пастернаку, а скорее к акмеистским воззрениям на искусство, выраженным в серебряновековских статьях Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама. Это мысль о читателе – собеседнике, ошутимое присутствие которого является неременным условием художественного события¹⁸. Если созерцание архитектоники творческого экстаза находилось у истоков поэтического исследования Анной Ахматовой тайн ремесла («Творчество» датировано 5 ноября 1936 г.), то мысль о читателе помогла ей придать этому исследованию смысловое и художественное завершение. Ведь в 1959 г. были написаны поставленные в середину цикла (4) «Поэт», (5) «Читатель» и (6) «Последнее стихотворение», причем «Поэт» и «Читатель» – летом, практически одновременно. Можно заключить, что тема существенной связи поэта и читателя в художественном событии глубоко занимала А. А. Ахматову в эти месяцы, отразившись в композиционном строении цикла.

Михаил Пришвин: ангел гармонии и мысль о читателе

Идея о двух ипостасях целостного сознания артиста была найдена и по-своему выражена не только Б. Л. Пастернаком. В середине XX в. к ней пришел Михаил Пришвин, внимательно исследовавший природу собственного творчества при помощи понятия *поведение*. *Узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества*¹⁹ (с. 439), – писал М. М. Пришвин в дневниковой книге миниатюр «Глаза земли»²⁰. «Свою книгу "Искусство как образ поведения" М. Пришвин писал в течение всей жизни. <...> До Пришвина никто идеи об искусстве как поведении не высказывал», – комментирует З. Я. Холодова [Холодова 2000: 218].

Дневники М. М. Пришвина по мере их публикации становились объектом всё более пристального исследования, направленного в том числе и на содержащуюся в них этико-эстетическую концепцию [Варламов 2021; Криволапова 2024; Медведев 2025; Шаталова 2023; Ямщиков 2023]. Уточняя суть должного «поведения художника», М. М. Пришвин в миниатюре «Ангел гармонии» (1949 г.) рассматривал архитекtonику творческого акта:

Как рождается творческое или родственное внимание, открывающее всегда что-то новое? Думая над этим всю жизнь, я сейчас только заметил, что этому вниманию всегда предшествует мгновение гармонического спокойствия, родственное тому душевному спокойствию, которое появляется, когда у себя в комнате и на письменном столе приберешь все и каждая вещь станет на свое место.

Пусть это парус, и пусть, пусть он, мятежный, ищет бури среди лазури и золота, – в полночи души поэта, перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел гармонии.

В поисках источника поэзии я долго называл это состояние души поэта родственным вниманием. Но, исследуя природу этого внимания, желая это внимание сцепить с сознанием, волей, личностью, я стал называть его поведением (с. 488–489).

Стало быть, для творчества художник своим поведением должен привести себя в правильное состояние гармонического спокойствия: *порядком в душе назовет его писатель в другой миниатюре (с. 532)*. Порядок в душе не исключает причастности бурным перипетиям жизни. Но среди бурь одна часть души должна оставаться неизменно спокойной, наблюдая за бурями с высоты и сообщая их образу целостность.

В разработке темы о правильном «поведении художника» М. М. Пришвин активнее, чем кто-либо из его современников в послевоенные годы, обращался к образу читателя-друга и стоящему за ним понятию об адресате – конститутивном элементе

¹⁸ О. Мандельштам, эссе «О собеседнике» (1913 г.): «Поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе» [Мандельштам 1987: 54]. Н. С. Гумилёв, посмертно опубликованное эссе «Читатель»: «Выражая себя в слове, поэт всегда обращается к кому-то, к какому-то слушателю» [Гумилёв 1990: 61]. Для постсимволизма мысль о читателе была принципиально важной, ее высказывали не только акмеисты, но и, например, В. В. Маяковский в статье «Как делать стихи»: «Всё время спрашиваешь себя: а то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется?» [Маяковский 1988: 683].

¹⁹ Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5. 736 с. Здесь и далее в статье цитирование произведений М. М. Пришвина осуществляется по этому тому с указанием в круглых скобках номера страницы.

²⁰ В отличие от обычного дневника, который писатель вел на протяжении всей жизни, «Глаза земли» составлялись как художественная целостность, обладающая продуманной архитектоникой [Федякин 2023].

художественного события. Если у А. А. Ахматовой тема читателя – собеседника поэта возникла ситуативно, в связи с общей эстетической концепцией «Тайн ремесла», то у М. М. Пришвина она присутствовала неотступно. «Проблема адресата мыслилась Пришвиным как ключевая для актов творчества» [Тюпа 2024: 29]. Один из разделов книги «Глаза земли», объединившей записи-миниатюры послевоенного периода, был назван писателем «Дорога к другу». В миниатюре, которая так и называется: «Читатель» (1947 г.), – М. М. Пришвин называл читателя другом и констатировал: *Моя поэзия есть акт дружбы с этим волшебным читателем-человеком: пишу – значит, люблю* (с. 300).

Мы выше отметили, что мысль о читателе как существенном элементе художественного события была актуализирована Серебряным веком. В эстетике Нового времени это, действительно, так. Однако если мыслить более масштабно, приходится вспомнить, что уже у Аристотеля адресат – слушатель понимался как неперенная составляющая речевого общения: «Речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается» [Аристотель 2005: 15]. Модернистская эстетика во многом актуализировала представления, шедшие из Античности, и коммуникативная триада (*субъект – предмет – адресат* в понятиях новой риторики) относится к их числу. Если учесть, что перед самым началом XX в. Л. Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?» высказал фундаментальный для всей последующей русской литературы тезис об искусстве как общении²¹, то уместность этой триады в модернистских взглядах на искусство становится очевидной.

М. М. Пришвин в поздние годы жизни настойчиво разрабатывал «рецептивную» сторону этой триады, снова и снова возвращаясь к образу читателя-друга. Особенность позднего модерна такова, что участники этой культуры – люди, прожившие большую и сложную жизнь, – на склоне

лет стремились предельно точно формулировать и доносить до людей важнейшие идеи и понятия, в Серебряном веке обретенные ими на уровне догадок и интуиций. Видимо, мысль о читателе была главной среди таких идей для М. М. Пришвина, потому что он раскрывал ее с разных сторон. В миниатюре «Мой друг» (1948 г.) писатель формулировал: *Есть, как мы говорим, что-то «за душой» у человека, лежащее вне пространства и времени. И это – то самое, на что мы глядим и равняемся, с кем советуемся в глубине нашей и о ком каждый из нас может сказать: – Это ты, мой друг* (с. 355). Здесь М. М. Пришвин, как видно, попытался определить онтологический статус друга и вывел его за пределы пространства и времени, поняв как сущность виртуальную, однако персонализированную, личную. Представляется уместной параллель: писатель на свой лад и в своих понятиях развивал «диалогический» взгляд, родоначальником которого в русской культуре XX в. сегодня принято считать близкого пришвинского современника М. М. Бахтина²².

Дальнейшее уточнение образа читателя-друга М. М. Пришвиным непосредственно связано с темой художественного события. Искусство – это духовный труд, сродни неусыпному бдению. Так оно представлено у Б. Л. Пастернака в стихотворении «Ночь», и так же, даже в близких выражениях²³, его представил М. М. Пришвин в миниатюре «Путь к другу» (1947 г.): *Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи! Есть конец этому сверлению. Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, – это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе* (с. 334). «Другой», которого писатель «призывает» (Б. Л. Пастернак) и к которому «делает ход», – это недостающая в себе самой целостность, достижимая лишь тогда, когда «я» и «другой» оказываемся вместе²⁴. Сосредоточенный труд, входящий

²¹ «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» [Толстой 1985: 168].

²² «В художественном мышлении Пришвина доминируют идеи, характерные для диалогического типа художественного сознания» [Холодова 2000: 5].

²³ Еще один поэт, в близкие годы применивший похожий образ и призыв «не спать», это Николай Заболоцкий: *Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь!* (Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1985. С. 245.)

²⁴ Ср.: «Человек – это лишь половина некоей большей единицы, круга, и своим восхождением он может восстановить его целостность» [Идель 2010: 127]. Однако в этой философии отношение частного к общему «не содержит никакой персоналистической окраски» [Там же: 133], что контрастирует с идеями русского позднего модерна.

как условие в правильное «поведение художника», открывает «путь к другу» – достижение в единстве чаемой целостности²⁵.

Миниатюра «Сигналы единства» (1948 г.) сводит вместе охарактеризованные выше смыслы. В ней М. М. Пришвин в толстовском духе формулирует: *Поведение или метод в искусстве – это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души другой душе, как на другую планету* (с. 360). Однако итоговый поворот этой мысли выводит ее на новый уровень: *С другой стороны, душа человека вообще одна, и сигналы какой-то души – есть сигналы единства* (с. 360). Так констатируется изначальное субстанциальное единство всего Бытия, или Сознания, к которому отдельные люди наделены причастностью, и только в меру ее их персональная жизнь становится осмысленной. Потому что общение возможно только в силу этой причастности всечеловеческому единству. Памятуя о тесной биографической вовлеченности М. М. Пришвина в религиозно-философское движение Серебряного века²⁶, естественно видеть за образом этого Единства Мировую Душу Владимира Соловьева и вдохновленных им младосимволистов, а также Богочеловечество, впервые предсказанное тоже В. С. Соловьевым²⁷. Если же вернуться к постсимволистскому кругозору, проанализированному нами на примере ранних текстов Б. Л. Пастернака, то совпадение обнаружится даже на уровне формулировок. «Система сигналов» личности – это те «тревожные жесты», которые «старшая часть» личности поэта принимается «чертить», чтобы ими «призвать» кого-то (у М. М. Пришвина – «другую душу»), и в итоге соединиться с общей «одной душой» (у Б. Л. Пастернака – «замкнуться», т. е. оцелиться ею).

Мы уже упомянули о сходстве диалогического аспекта в философии М. М. Пришвина и М. М. Бахтина. Теперь заметим, что художественно высказанные М. М. Пришвиным взгляды на природу творчества

тоже сближаются не только с пастернаковскими, но и с бахтинскими формулировками. В записях М. М. Бахтина начала 1920-х гг., впоследствии изданных под названием «Автор и герой в эстетической деятельности», автор и герой выступают ипостасями одной субстанции, но они суверенные личности, и их действия в акте творчества разнятся: «Активно завершающие моменты делают пассивным героя, подобно тому как часть пассивна по отношению к объемлющему и завершающему ее целому» [Бахтин 1979: 15]. Автору надлежит «собрать» героя, восполнить до целого, т. е. придать ему – «ценностному центру» мира – предметность и тематичность. Бахтинский «автор», пастернаковское «увеличительное зеркало», ахматовский «всё победивший звук», пришвинский «ангел гармонии» – та инстанция, которая завершает образ, сообщая ему целостность. Эти наблюдения позволяют говорить о значительной общности представлений об архитектонике художественного события, формулируемых русской литературой позднего модерна.

Заключение

Подводя итог сделанным сопоставлениям, мы приходим к такому выводу. В русской художественной литературе 1940–1950-х гг., в той ее части, связанной с творчеством биографических участников Серебряного века, которую мы называем литературой позднего модерна, регулярно возникали образы художественного события и его рефлексии. Пастернаковский образ – речной поток, который захватывает поэта и направляет его творчество. Ахматовский образ – «всё победивший звук», организующий вокруг себя поле целостного гармонического восприятия мира, так что текст приходит к поэту из этого поля сам собой и уже готовым. Пришвинский образ – «Ангел гармонии», создающий такое же поле. Рефлексия же художественного события, наиболее тщательно проведенная

²⁵ Конечно, у М. М. Пришвина, как и у Б. Л. Пастернака, и у А. А. Ахматовой, эти взгляды были связаны с христианством, которое они в духе Серебряного века понимали эстетизированно. Ср.: «Христианство Пришвина "активно" <...>. Его мысль-мечта из духовно-нравственной религиозной сферы близко подходит к поэзии и искусству» [Визгин 2016: 173]. И в романе Б. Л. Пастернака идейно ближайший главному герою (и автору) мыслитель Николай Николаевич пишет книги, охарактеризованные так: *Душою этих книг было по-новому понятое христианство, их прямым следствием – новая идея искусства* (с. 77).

²⁶ В 1900-е гг. М. М. Пришвин был близко знаком с Д. С. Мережковскими, а с 1908 г. стал членом Санкт-Петербургского религиозно-философского общества [Дворцова 1995].

²⁷ Впоследствии Д. С. Мережковский сделал идею Богочеловечества одной из опорных в своем учении о Третьем Завете: «Первый Завет – религия Бога в мире; второй Завет Сына – религия Бога в человеке – Богочеловека; третий – религия Бога в человечестве – Богочеловечества» [Мережковский 2000: 141].

Б. Л. Пастернаком еще в молодые годы, демонстрирует контролируемое расщепление души артиста на две части. Одна из них, биографическая, причастна перипетиям современной жизни. Другая, экзистенциальная, обособляется от первой, не теряя субстанциальной связи с ней, и ищет участия в движении мироздания. Только такое участие может сообщить личному взгляду артиста и возникающему в этом взгляде образу художественную целостность и завершение. Такая рефлексия, с меньшей отчетливостью, чем у Б. Л. Пастернака, присутствовала и у М. М. Пришвина, и А. А. Ахматовой. При этом у М. М. Пришвина и А. А. Ахматовой для организации поля гармонического восприятия мира существенно важна мысль о читателе – друге, собеседнике. Сопоставление показало также, что в теоретическом аспекте похожие взгляды высказывал в первой половине XX в. Михаил Бахтин.

Сделанное нами обобщение демонстрирует единство представлений о художественном событии в русском модерне, в середине XX в. получивших образную инкарнацию и творческую рефлексия. В практическом отношении это дает дополнительный довод рассматривать поздний модерн 1940–1950-х гг. в качестве особого историко-литературного периода, что способствует уточнению представлений о развитии русской литературы XX в. и упорядочиванию соответствующих учебных курсов

на разных уровнях образовательной системы. Перспективу исследования может составить дальнейшее изучение природы художественного события в его эстетической сущности. Другой перспективой может стать изучение художественного события в онтологическом аспекте как одной из важных сторон отношения человека к мирозданию.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Кузнецов – концептуализация, подготовка данных, формальный анализ, исследование, методология, администрирование проекта, написание. А. И. Максимова – подготовка данных, формальный анализ, исследование, ресурсы, написание.

Contribution: I. V. Kuznetsov developed the research concept and methodology, supervised the project, prepared the data, performed the formal analysis, and wrote the manuscript. A. I. Maksimova prepared the data, provided the formal analysis, compiled the review part, and wrote the manuscript.

Литература / References

- Аксёнова А. А. Интерпретация стихотворения А. А. Ахматовой «Муза». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2022. Т. 27. № 1. С. 30–38. [Aksenova A. A. Interpretation of the poem by A. A. Akhmatova Muse. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2022, 27(1): 30–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-30-38>
- Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2005. 256 с. [Aristoteles. *Rhetoric. Poetics*. Moscow: Labirint, 2005, 256. (In Russ.)]
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskustvo, 1979, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmufp>
- Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с. [Belyi A. *Symbolism as a worldview*. Moscow: Respublika, 1994, 528. (In Russ.)]
- Буров С. Г. Пастернак на эзотерическом перекрестке: масонство и алхимия в «Докторе Живаго». М.: Энигма, 2018. 736 с. [Burov S. G. *Pasternak at the esoteric crossroads: Freemasonry and alchemy in Doctor Zhivago*. Moscow: Enigma, 2018, 736. (In Russ.)]
- Варламов А. Н. Пришвин. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2021. 548 с. [Varlamov A. N. *Prishvin*. 3rd ed. Moscow: Molodaia gvardiia, 2021, 548. (In Russ.)]
- Визгин В. П. Пришвин и философия. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с. [Vizgin V. P. *Prishvin and philosophy*. Moscow-St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 238. (In Russ.)]
- Горелик Л. Л. Ранняя проза Пастернака: миф о творении. Смоленск: СГПУ, 2000. 172 с. [Gorelik L. L. *Pasternak's early prose: The Myth of Creation*. Smolensk: SSPU, 2000, 172. (In Russ.)]

- Гумилёв Н. С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с. [Gumilev N. S. *Letters about Russian poetry*. Moscow: Sovremennik, 1990, 383. (In Russ.)]
- Дворцова Н. П. М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов). Тюмень: ТюмГУ, 1995. 125 с. [Dvortsova N. P. M. *Prishvin and his "eternal companions" (D. Merezhkovsky, V. Rozanov, A. Remizov)*. Tyumen: TyumSU, 1995, 125. (In Russ.)]
- Иванов В. В. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015. 696 с. [Ivanov V. V. *Pasternak. Memories. Research. Articles*. Moscow: Azbukovnik, 2015, 696. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsrszf>
- Идель М. Каббала: новые перспективы. Иерусалим: Мосты культуры, 2010. 461 с. [Idel M. *Kabbalah: New perspectives*. Jerusalem: Mosty Kultury, 2010, 461. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quzhhj>
- Криволапова Е. М. О субъективности и объективности дневникового текста. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024. № 4. С. 109–118. [Krivolapova E. M. About subjectivity and objectivity diary text. *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, 2024, (4): 109–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/coiccc>
- Кузнецов И. В. Историческая риторика: Стратегии русской словесности. М.: РГГУ, 2007. 320 с. [Kuznetsov I. V. *Historical rhetoric: Strategies of Russian literature*. Moscow: RSUH, 2007, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ikwqtm>
- Кузнецов И. В. Литература русского модерна. Ч. II. Советский период. Новосибирск: НГТИ, 2025. 276 с. [Kuznetsov I. V. *Literature of Russian modernism. Pt. II. The Soviet period*. Novosibirsk: NSTI, 2025, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/djdrzd>
- Кузнецов И. В. Теоретическая история, диалектика и риторика русской литературы. *Вопросы литературы*. 2011. № 3. С. 181–224. [Kuznetsov I. V. Theoretical history, dialectics, and rhetoric of Russian literature. *Voprosy Literatry*, 2011, (3): 181–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzvanl>
- Кузнецов И. В., Ляляев С. В. Проза Бориса Пастернака: мир, образ, текст. Новосибирск: НГТИ, 2020. 182 с. [Kuznetsov I. V., Lyalyaev S. V. *Boris Pasternak's prose: World, image, and text*. Novosibirsk: NSTI, 2020, 182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dycent>
- Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. М.: Время, 2002. [Losev A. F. *"I was exiled to the 20th century..."*: In 2 vols. Moscow: Vremia, 2002. (In Russ.)]
- Магомедова Д. М. Символистский подтекст в стихотворении Б. Пастернака «Ночь». *Литературный текст: проблемы и методы исследования. Т. 5. «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте*, ред. И. В. Фоменко. Тверь: ТвГУ, 1999. С. 111–114. [Magomedova D. M. The Symbolist subtext in B. Pasternak's *The Night*. *Literary text: Problems and research methods. Vol. 5. "One's Own" and "Alien" words in fiction*, ed. Fomenko I. V. Tver: TvSU, 1999, 111–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqxxgpp>
- Максимова А. И. Представление о художественном событии в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». *Третьи Пастернаковские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 22–23 октября 2025 г.)* Казань: АН РТ, 2025. С. 171–180. [Maksimova A. I. The concept of artistic event in B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Third Pasternak Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 22–23 Oct 2025*. Kazan: AS RT, 2025, 171–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcknae>
- Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 317 с. [Maksimova N. V. *"Alien speech" as a communication strategy*. Moscow: RSUH, 2005, 317. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lgteqg>
- Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. 320 с. [Mandelstam O. E. *Word and culture*. Moscow: Sov. pisatel, 1987, 320. (In Russ.)]
- Маяковский В. В. Сочинения. Т. 2. Поэмы; Пьесы; Проза. М.: Правда, 1988. 768 с. [Mayakovsky V. V. *Works. Vol. 2. Poems; Plays; Prose*. Moscow: Pravda, 1988, 768. (In Russ.)]
- Медведев А. Св. Франциск Ассизский в русской рецепции: между Средневековьем и Ренессансом. *Европейское Средневековье и русский модернизм: конф. «Европейское Средневековье и русская литературная культура 1880-х–1930-х годов»*. (Университет Салерно, 26–29 октября 2022 г.) Рим: WriteUp, 2025. С. 373–394. [Medvedev A. St. Francis of Assisi in Russian reception: Between the Middle Ages and the Renaissance. *The European Middle Ages and Russian modernism: Proc. Conf. "The European Middle Ages and Russian Literary Culture of the 1880s–1930s"*, University of Salerno, 26–29 Oct 2022. Roma: WriteUp, 2025, 373–394. (In Russ.)]
- Мережковский Д. С. Не мир, но меч. Харьков-М.: Фолио; АСТ, 2000. 720 с. [Merezhkovsky D. S. *Not peace, but a sword*. Kharkov-Moscow: Folio; AST, 2000, 720. (In Russ.)]

- Пастернак Б. Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Искусство, 1990. 399 с. [Pasternak B. L. *On art. "Safe Conduct" and notes on artistic creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1990, 399. (In Russ.)]
- Подорога Ю. В. «Восстановить чувственный опыт» как мыслительный императив. Размышления по поводу поэтического опыта Бориса Пастернака. *Человек*. 2021. Т. 32. № 5. С. 167–179. [Podoroga Yu. V. "Reconstructing sensible experience" as an imperative of thought. Reflections on Boris Pasternak's poetic experience. *Chelovek*, 2021, 32(5): 167–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070017445-6>
- Поливанов К. М. «Тайны ремесла» Анны Ахматовой как описание законов поэзии первой половины XX века. *Acta Slavica Estonica X. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVI. Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX – первой половины XX вв. К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц*. Tartu: Tartu University Press, 2018. С. 228–239. [Polivanov K. M. Anna Akhmatova's Secrets of the Craft as a description of the laws of poetry of the first half of the 20th century. *Acta Slavica Estonica X. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVI. The Silver Age in Russian Literature and Culture of the Late 19th – First Half of the 20th Centuries. On the 90th Anniversary of Z. G. Mintz's Birth*. Tartu: Tartu University Press, 2018, 228–239. (In Russ.)]
- Радионова А. В. «Собирание существования» как один из осевых мотивов творчества Б. Пастернака и Р. М. Рильке. *Studia Litterarum*. 2024a. Т. 9. № 2. С. 120–137. [Radionova A. V. Gathering Existence as one of the central motifs in the works of B. Pasternak and R. M. Rilke. *Studia Litterarum*, 2024a, 9(2): 120–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-120-137>
- Радионова А. В. Поэтико-философская концепция собирания существования у Б. Пастернака и С. Кьеркегора. *Вестник Томского государственного университета*. 2024b. № 508. С. 77–85. [Radionova A. V. Poetic-philosophical concept of collective existence in B. Pasternak and S. Kierkegaard. *Tomsk State University Journal*, 2024b, (508): 77–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njqeus>
- Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с. [Silard L. *Hermeticism and hermeneutics*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakh, 2002, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdffpy>
- Толстой Л. Н. Что такое искусство? М.: Современник, 1985. 366 с. [Tolstoy L. N. *What is art?* Moscow: Sovremennik, 1985, 366. (In Russ.)]
- Топоров В. Н. Ахматова и Блок: К проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, 1981. 204 с. [Toporov V. N. *Akhmatova and Blok: Constructing a poetic dialogue: Akhmatova's "Blok's" Text*. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, 1981, 204. (In Russ.)]
- Тредиаковский В. К. Мнение о начале поэзии и стихов вообще. Сочинения Тредьяковского. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1849. Т. 1. С. 181–201. [Trediakovsky V. K. *Opinion on the beginning of poetry and verse in general. Works of Trediakovsky*. St. Petersburg: Izd. Aleksandra Smirdinf, 1849, vol. 3, 181–201. (In Russ.)]
- Тюпа В. И. Вклад Пришвина в теорию литературы. *Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры*, ред. Е. Ю. Кнорре, А. Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 21–30. [Tyupa V. I. Prishvin's contribution to literary theory. *Mikhail Prishvin's literary heritage: The context of national and world culture*, eds. Knorre E. Yu., Gacheva A. G. Moscow: IMLI RAS, 2024, 21–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-21-30>
- Тюпа В. И. Парадигмы художественности. *Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования*. 1997. № 3-4. С. 175–180. [Tyupa V. I. Paradigms of artistry. *Diskurs: kommunikativnye strategii kultury i obrazovaniia*, 1997, (3-4): 175–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqmofn>
- Федякин С. Р. Возведение образа. Особенности архитектоники книги М. М. Пришвина «Глаза земли». *Литературоведческий журнал*. 2023. № 3. С. 9–22. [Fedyakin S. R. Creating an image. Features of the architectonics of M. M. Prishvin's book "Eyes of the Earth". *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2023, (3): 9–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/litzhur/2023.61.01>
- Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: содержание, структура, контекст. Иваново: ИвГУ, 2000. 296 с. [Kholodova Z. Ia. *Artistic thinking of M. M. Prishvin: Content, structure, and context*. Ivanovo: IvSU, 2000, 296. (In Russ.)]
- Шаталова О. В. Свет, блеск и сияние поэтического языка прозы М. М. Пришвина. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2023. № 1. С. 28–36. [Shatalova O. V. Light,

- brilliance and radiance of M. M. Prishvin's poetic language prose. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2022, (1): 28–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uowcfi>
- Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М.: ЯСК, 2015. 344 с. [Shatin Yu. V. *Russian literature in the mirror of semiotics*. Moscow: IaSK, 2015, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcegab>
- Штайн К. Э. Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса. Т. 2. Конец XIX – начало XX в. Реализм. Символизм. Акмеизм. Модернизм. Ставрополь: СГУ, 2005. 884 с. [Shtain K. E. *Three ages of the Russian Metapoetics: Legitimation of a discourse. Vol. 2. Late 19th – early 20th centuries. Realism. Symbolism. Acmeism. Modernism*. Stavropol: SSU, 2005, 884. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syqbtv>
- Эпштейн М. Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме. *Звезда*. 2000. № 4. С. 82–96. [Epstein M. A Hasid and a Talmudist: A comparative study of Pasternak and Mandelstam. *Zvezda*, 2000, (4), 82–96. (In Russ.)]
- Юнггрен А. Ювенилия Б. Пастернака: шесть фрагментов о Реликвимини. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1984. 182 с. [Junggren A. *Boris Pasternak's Juvenilia: Six fragments about Reliquimini*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1984, 182. (In Russ.)]
- Ямщиков К. С. «Дневник» Михаила Пришвина и «Дневник» Витольда Гомбровича: слияние невозможностей. *Литературоведческий журнал*. 2023. № 3. С. 60–70. [Yamshchikov K. S. "Diary" of Mikhail Prishvin's and "Diary" of Witold Gombrowicz: Merging Impossibilities. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2023, (3): 60–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/litzhur/2023.61.04>

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературные редакторы – Старикова Людмила Семеновна,
Федькина Анна Петровна

Корректор – Старикова Людмила Семеновна.

Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.

Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editors – Lyudmila S. Starikova, Anna P. Fedkina.

Proof-reader – Lyudmila S. Starikova

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 03.08.2026.

Дата выхода в свет 31.08.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 27. Уч.-изд. л. – 23.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

